МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Известия
Юго-Западного государственного университета
Серия: История и право

Научный журнал

Том 11 № 4 / 2021

Proceedings
of the Southwest State University
Series: History and Law

Scientific Journal

Vol. 11 № 4 / 2021

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право

(Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo)

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследованиях в таких отраслях, как теория государства и права, история политических и правовых учений, конституционное и муниципальное право, гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право, уголовное право, криминология, уголовносоного процесса, криминалистики, земельное право, трудовое право, отечественная история, археология, историография, политические институты, процессы и технологии, политическая регионалистика.

В журнале публикуются оригинальные работы, обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители широкой общественности.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Исторические науки и археология: 07.00.02; 07.00.06; 07.00.09; 07.00.10.

Юридические науки: 12.00.01; 12.00.02; 12.00.03; 12.00.06; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.14.

Политология: 23.00.02; 23.00.04; 23.00.05.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Богдан Варвара Владимировна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Коровин Владимир Викторович, д-р ист. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Андреев Юрий Николаевич, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Апанасенок Александр Вячеславович, д-р ист. наук, доцент, Региональный открытый социальный институт (г. Курск, Россия)

Беляев Валерий Петрович, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Баумштейн Антон Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Брежнев Олег Викторович, д-р юрид. наук, профессор, Курская академия государственной и муниципальной службы (г. Курск, Россия)

Гаврилов Станислав Олегович, д-р ист. наук, профессор, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия)

Глухова Александра Викторовна, д-р полит. наук, профессор, Воронежский государственный университет (г. Воронеж, Россия)

Горюшкина Наталья Евгеньевна, д-р ист. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Гриненко Александр Викторович, д-р юрид. наук, профессор**,** Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Коротеева Наталья Николаевна, д-р ист. наук, профессор, зам. Председателя Правления Курского регионального отделения «Российского общества историков-архивистов» (г. Курск, Россия)

Курбанов Рашад Афатович, д-р юрид. наук, профессор, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (г. Москва, Россия)

Ларина Ольга Григорьевна, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Лагутин Игорь Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Марковичева Елена Викторовна, д-р юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Москва, Россия)

Молокова Маргарита Александровна, д-р полит. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет, профессор (г. Курск, Россия)

Новичков Валерий Евгеньевич, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Слатинов Владимир Борисович, д-р полит. наук, профессор, Курский государственный университет (г. Курск, Россия)

Татьянина Лариса Геннадьевна, д-р юрид. наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия)

Устинович Елена Степановна, д-р полит. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет, профессор (г. Курск, Россия)

Чубаров Вадим Витальевич, д-р юрид. наук, профессор, Торгово-промышленная палата Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Шевелева Светлана Викторовна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Учредитель и издатель:
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
Адрес учредителя, издателя и редакции:
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94
Телефон: (4712) 22-25-26,
Факс: (4712) 50-48-00.
E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ПИ №ФС77-80259 от 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)

Сайт журнала: https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/

© Юго-Западный государственный университет, 2021

Материалы журнала доступны под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Типография:
Полиграфический центр Юго-Западного государственного университета, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

16+

Подписка и распространение:
журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс журнала 44296 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность: один раз в два месяца

Свободная цена.

Оригинал-макет подготовлен Е. Г. Анохиной

Подписано в печать 30.08.2021.
Дата выхода в свет 08.09.2021. Формат 60x84/8.
Бумага офсетная. Усл.печ.л. 28,6.
Тираж 1000 экз. Заказ 42.

Proceedings of the Southwest State University
Series: History and Law

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication – public presentation of scientific results of fundamental, applied, problem-oriented research in such areas as theory of state and law, the history of political and legal doctrines, constitutional and municipal law, civil law, business law, family law, private international law, criminal law, criminal science, criminal procedure, criminology, land law, labor law, domestic history, archeology, historiography, political institutions, processes and technology, political regionalism.

The journal publishes scientific articles, critical reviews, reports and discussions in the above mentioned areas.

All papers are published free of charge.

Target readers are scientists, university professors and teachers, experts, young scholars, graduate and post-graduate students, stakeholders and interested public.

The Editorial Board of the journal pursues open access policy. Complete articles are available at the journal web-site and at eLIBRARY.RU .

The journal is included into the Register of the Top Scientific Journals of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation as a journal recommended for the publication of the findings made by the scientists working on a doctorial or candidate thesis in the following areas:

Historical Studies and Archaeology: 07.00.02; 07.00.06; 07.00.09; 07.00.10.

Juridical Studies: 12.00.01; 12.00.02; 12.00.03; 12.00.06; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.14.

Political Studies: 23.00.02; 23.00.04; 23.00.05.

EDITOR-IN-CHIEF

Varvara V. Bogdan, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

DEPUTY EDITOR

Vladimir V. Korovin, Doctor of Historical Sciences, Professor Southwest State University (Russia, Kursk)

EDITORIAL BOARD

Yuri N. Andreev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Russia, Kursk)

Aleksandr V. Apanasyonok, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Regional Open Social Institute (Russia, Kursk)

Anton B. Baumstein, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Russia, Kursk)

Oleg V. Breznev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kursk Academy of State and Municipal Service (Russia, Kursk)

Valeriy P. Belyaev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Russia, Kursk)

Stanislav O. Gavrilov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kemerovo State University (Russia, Kemerovo)

Aleksandra V. Glukhova, Doctor of Political Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)

Natalia E. Gorushkina, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Russia, Kursk)

Aleksandr V. Grinenko, Doctor of Juridical Sciences, Professor, MGIMO University (Russia, Moscow)

Natalia N. Koroteeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Chairman of the Board of the Kursk regional branch of the Russian society of historians and archivists (Russia, Kursk)

Rashad A. Kurbanov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Russia, Moscow)

Olga G. Larina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Russia, Kursk)

Igor B. Lagutin, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Russia, Kursk)

Elena V. Markovicheva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian State University of Justice (Russia, Moscow)

Margarita A. Molokova, Doctor of Political Sciences, Professor, Southwest State University (Russia, Kursk)

Valeriy E. Novichkov, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Russia, Kursk)

Vladimir B. Slatinov, Doctor of Political Sciences, Professor, Kursk State University (Russia, Kursk)

Larisa G. Tatynina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Udmurt State University (Russia, Izhevsk)

Elena S. Ustinovich, Doctor of Political Sciences, Professor, Southwest State University (Russia, Kursk)

Vadim V. Chubarov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation (Russia, Moscow)

Svetlana V. Shevelyova, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Russia, Kursk)

Founder and Publisher :
"Southwest State University"
Official address of the Founder, Publisher and Editorial Office:
305040, Russia, Kursk, ul. 50 Let Oktyabrya, 94
Phone: (+74712) 22-25-26,
Fax: (+74712) 50-48-00.
E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:
The Federal Supervising Authority in the Field of Communication, Information Technology and Mass media (PI №FS77-80259 of 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)

Web-site: https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/

© Southwest State University, 2021

Publications are available in accordance with the Creative Commons Attribution 4.0 License

Printing office:
Printing Center
of the Southwest State University,
305040, Russia, Kursk,
ul. 50 Let Oktyabrya, 94
Subscription and distribution:
the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44296 in the General Catalogue "Pressa Rossii"

16+

Frequency: once in two months

Free-of-control price.

Original lay-out design: E. G. Anohina

Sent to the printer 30.08.2021.
Release 08.09.2021. Format 60x84/8.
Offset paper. Printer's sheets: 29,5.
Circulation 1000 copies. Order 42.

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО 10

Влияние пандемии COVID-19 на институт банкротства в России…… 10

Гера А. В., Тарасов Ю. А.

Право на жилище в свете внесенных изменений в Конституцию Российской Федерации 24

Ковалева О. А.

Договор условного депонирования (эскроу) и договор хранения…… ..... ……..37

Дорофеева Я. В.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ 53

Понятие и признаки принудительных мер медицинского характера 53

Ефремова И. А.

Проблемы дифференциации ответственности за содействие незаконной миграции в свете Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации о квалификации миграционных преступлений 63

Урда М. Н.

Детерминанты преступлений, совершаемых студентами образовательных организаций высшего образования…… ... ……..73

Рыбокитова Ж. И.

Уголовно-правовая регламентация закупок в России: повышение контроля должностных лиц за расходованием бюджетных средств…… ..... ……86

Синчурин О. В.

Квалификация вандализма, совершенного по экстремистским мотивам..... 100

Налимов Ю. Д.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС 111

Процессуальный статус лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера…… .. ……...111

Шатрова А. В.

ПОЛИТОЛОГИЯ 123

Дискурсы новой «гибридной» войны: содержание и критика…… ..... ……..123

Мальцев К. Г., Мальцева А. В., Ломако Л. Л.

Советская национальная политика и ее влияние на этнополитическую ситуацию в представлениях молодежи Северного Кавказа…… ..... ……135

Ерохин А. М., Авдеев Е. А., Воробьев С. М.

Роль Общественной палаты, добровольческих (волонтерских) организаций в процессе принятия поправок в Конституцию Российской Федерации в целях развития российского общества 149

Ермаков В. Г.

Формирование государственной политики развития искусственного интеллекта в Российской Федерации…… ..... ……160

Пикалов Б. В.

Религиозный фактор в международных отношениях стран Юго-Восточной Азии..... 170

Кузьмина В. М.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ 181

Преступления и наказания за нарушение постановлений о выделке питей в акцизной России (1863–1894 гг.)..... 181

Горюшкина Н. Е.

Призрение семейств нижних чинов запаса и ратников государственного ополчения, призванных по мобилизации в Русско-японскую войну 1904–1905 годов..... 195

Чубаров А. И.

Зарождение велоспорта в городе Курске конца XIX – начала XX века 206

Цуканова О. М., Карпова Г. Г.

Организация художественных мероприятий Восточно-Сибирским отделом Императорского Русского географического общества во второй половине XIX – начале XX века 216

Ткачев В. В.

О некоторых проблемах реализации мяса торговыми предприятиями во второй половине 1960-х – начале 1980-х годов (по материалам Курской области)..... 228

Емельянов В. Э.

Троллейбусная сеть областного центра РСФСР во второй половине XX века (на примере города Курска)..... 237

Коровин В. В., Носов Д. М.

Трезвенное движение в России накануне винной реформы 1863 года 247

Горюшкина Н. Е., Колупаев А. А.

К сведению авторов 258

CONTENT

CIVIL LAW 10

Impact of the COVID-19 Pandemic on the Institution of Bankruptcy in Russia…… .....…..10

Adelina V. Gera, Yuri A. Tarasov

The Right to Housing in the Light of Amendments to the Constitution of the Russian Federation……... ……24

Olga A. Kovaleva

Conditioned Depositing (Escrow) Agreement and Storage Agreement…… ..... ……..37

Yana V. Dorofeeva

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY …… 53

The Concept and Signs of Compulsory Medical Measures…….....…..53

Irina A. Efremova

Problems of Differentiation of Responsibility for Facilitating Illegal Migration in the Light of the Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the Qualification of Migration Crimes…… 63

Margarita N. Urda

Determinants of Student Crime Educational Institutions of Higher Education…… ..... ……73

Zhanna I. Rybokitova

Criminal Law on Procurement in the Russian Federation: Increased Control by Officials of Expenditure of Budget Funds…… .....……86

Oleg V. Sinchurin

Qualification of Vandalism Committed for Extremist Reasons…… ..... ……100

Yuri D. Nalimov

CRIMINAL PROCEDURE 111

Procedural Status of a Person in Respect of Whom Proceedings on the Application of Compulsory Medical Measures are Being Conducted……..... .111

Anna V. Shatrova

POLITICAL SCIENCE 123

Discourses of the New "Hybrid" War: Content and Criticism…… ..... ……123

Konstantin G. Maltsev, Anna V. Maltseva, Leonid L. Lomako

Soviet Nationality Policy and its Influence on the Ethnopolitical Situation in the Views of the North Caucasian youth…… 135

Aleksey M. Erokhin, Evgenij A. Avdeev, Sergej M. Vorobev

Role of the Public Chamber, Volunteering Organizations in the Process of Adoption of Amendments to the Constitution of the Russian Federation for the Development of Russian Society…… 149

Vladislav G. Ermakov

State Policy for the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation..... 160

Boris V. Pikalov

Religious Factor in International Relations of the Countries of Southeast Asia……..... ……170

Violetta M. Kuzmina

HISTORICAL SCIENCES 181

Crimes and Punishments for Violation of the Regulations on the Manufacture of Drinks in Excise Russia (1863–1894)..... 181

Natalia E. Goryushkina

Acknowledgment of Families of Lower Ranks of the Reserve and Warriors of the State Militia, Called up for Mobilization in the Russo-Japanese War of 1904-1905……195

Aleksei I. Chubarov

The birth of Cycling in the City of Kursk in the Late Nineteenth – early Twentieth Century……206

Olga M. Tsukanova, Galina G. Karpova

Organization of Artistic Events by the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society in the Second Half of the 19th - early 20th Centuries……216

Vitaliy V. Tkachev

On Some Problems of Selling Meat by Trading Enterprises in the Second Half of the 1960s – early 1980s. (Based on Materials from the Kursk Region)……228

Vasily E. Emelyanov

Trolleybus Network of the Regional Center of the RSFSR in the Second Half of the Twentieth Century (on the Example of the City of Kursk)……237

Vladimir V. Korovin, Dmitry M. Nosov

Sober Movement in Russia on the Eve of the Wine Reform of 1863……247

Natalia E. Goryushkina, Andrej A. Kolupaev

INFORMATION FOR AUTHORS……258

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

CIVIL LAW

Оригинальная статья / Original article

УДК 347

Влияние пандемии COVID-19 на институт банкротства в России

А. В. Гера[1], Ю. А. Тарасов[2] ✉

[1] Юридический центр
ул. К. Маркса 51, г. Курск 305029, Российская Федерация

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: tarasovkursk@rambler.ru e-mail: ctvnot@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *С момента начавшегося в марте 2020 года процесса установления Россией ограничений, направленных на предотвращение распространения инфекции, многие эксперты пророчили лавину банкротств, вызванную резким падением доходов и последующей неспособностью субъектов отвечать по денежным обязательствам. Весной 2021 года исполнился год, как Россия борется с COVID-19, в связи с чем возникает интерес в подведении некоторых итогов, которые позволят ответить на вопросы: каким образом пандемия повлияла на институт банкротства в России, как в действительности изменилась статистика по процедурам банкротства и что на нее повлияло.*

Целью *работы выступает выявление особенностей влияния пандемии на институт банкротства физических и юридических лиц в России.*

Задачи: *обобщение статистических данных института банкротства в России в условиях пандемии; выявление особенностей института банкротства в условиях пандемии; определение причин банкротства в современных условиях.*

Методология. *Для написания статьи использовались: диалектико-материалистический метод, анализ, синтез, сравнение, системный метод, формально-юридический метод.*

Результаты *настоящего исследования выявили различное влияние коронавирусного кризиса на статистику банкротств физических и юридических лиц.*

Вывод. *В настоящее время наблюдается высокий уровень закредитованности граждан, в ряде случаев банкротство – это единственный выход. Внесудебное банкротство граждан – новелла института несостоятельности призвано снизить нагрузку на суды, а также повысить доступность и упростить процедуру банкротства граждан. Прослеживается четкая тенденция возрастания числа банкротств физических и юридических лиц. Банкротство юридических лиц в связи с мораторием на внешние банкротства позволило предприятиям отдельных отраслей адаптироваться к выживанию в кризисный период, но несмотря на благоприятную статистику первых месяцев после отмены моратория вероятность волны отложенных банкротств все еще сохраняется, а также существует риск увеличения количества дел с привлечением к субсидиарной ответственности контролирующих должников лиц.*

Ключевые слова: *несостоятельность; банкротство; внесудебное банкротство; мораторий; возбуждение дел о банкротстве; COVID-19.*

Конфликт интересов: *Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Гера А. В., Тарасов Ю. А. Влияние пандемии COVID-19 на институт банкротства в России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 10–23.

Поступила в редакцию 01.07.2021 Принята к публикации 29.07.2021 Опубликована 30.08.2021

© Гера А. В., Тарасов Ю. А., 2021

Impact of the COVID-19 Pandemic on the Institution of Bankruptcy in Russia

Adelina V. Gera[1], Yuri A. Tarasov[2] ✉

[1]Legal Center
51 K. Marx str., 305029 Kursk, Russian Federation

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: tarasovkursk@rambler.ru e-mail: ctvnot@yandex.ru

Abstract

Relevance. *Since the beginning in March 2020 of Russia's imposition of restrictions aimed at preventing the spread of infection, many experts have predicted an avalanche of bankruptcies caused by a sharp drop in income and the subsequent inability of subjects to meet monetary obligations.*

In the spring of 2021, it was a year since Russia is struggling with COVID-19, in connection with which there is an interest in summing up some results that will answer the questions: how did the pandemic affect the institution of bankruptcy in Russia, how the statistics on bankruptcy procedures actually changed, and what influenced her?

The purpose *of this study is to analyze the nature and extent of the impact of the pandemic on the institution of bankruptcy of individuals and legal entities in Russia.*

Objective: *to study statistics on bankruptcy procedures; analyze the novelties of bankruptcy legislation, form legal positions regarding their effectiveness.*

Methodology. *The methodological basis of this study was made up of a set of general and specific scientific methods: analysis, synthesis, formal-logical method, systemic method, formal-legal method, statistical method, method of legal forecasting.*

Results. *The study revealed a different impact of the coronavirus crisis on the statistics of bankruptcies of individuals and legal entities.*

Conclusion. *A clear tendency of an increase in the number of bankruptcies of individuals can be traced from the moment of the legislative registration of the institution of insolvency of citizens. The rise in consumer bankruptcies in 2020 is natural, and the pandemic is not the root cause.*

The novelty of the institution of insolvency - out-of-court bankruptcy of citizens - had little effect on the statistics, since the number of out-of-court bankruptcy procedures was too small relative to the number of judicial bankruptcies. The procedure for out-of-court bankruptcy, despite its potential, has a number of serious shortcomings, and therefore desperately requires reformation.

As for corporate bankruptcies, the moratorium on external bankruptcies in force from April 2020 to January 2021 allowed enterprises of certain industries to adapt to survival in the crisis period, but it cannot be called a panacea. Despite the favorable statistics of the first months after the lifting of the moratorium, the likelihood of a wave of deferred bankruptcies still persists, and there is also a risk of an increase in the number of cases involving the subsidiary liability of controlling debtors.

Keywords: *insolvency; bankruptcy; out-of-court bankruptcy; bankruptcy moratorium.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: *Gera A. V., Tarasov Y. A. Impact of the COVID-19 Pandemic on the Institution of Bankruptcy in Russia*. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(4): 10–23. (In Russ.)

Received 01.07.2021 Accepted 29.07.2021 Published 30.08.2021

Введение

2020 год был сложным периодом для экономики, как российской, так и мировой. Почти весь он прошел в условиях коронавирусной пандемии, вызванной вирусом SARS-CoV-2. Впервые вирус был выявлен в Ухане (Китай) в декабре 2019 г. 30 января 2020 г. распространение ранее неизвестной инфекции было объявлено чрезвычайной ситуацией в области здравоохранения, имеющей международное значение, а 11 марта 2020 г. Всемирной организацией здравоохранения оно было классифицировано как пандемия.

Вспышка эпидемии, связанной с вирусом SARS-CoV-2, является чрезвычайной ситуацией международного значения. Влияние пандемии коронавирусной инфекции на социальные и экономические процессы трудно переоценить – её последствия оказались разрушительными для экономик множества государств. Влияние пандемии на социальные, экономические и политические процессы вызывает интерес у множества исследователей, среди которых М. Ю. Головнин, С. А. Никитина [1], А. В. Зимовец, Ю. В. Сорокина, А. В. Ханина [2], Ю. В. Козырь, О. В. Тевелева [3], Г. В. Колодко, [4], А. Н. Курюкин [5], В. А. Носова [6] и др.

Удар, нанесенный пандемией по экономике, в то же время не мог не отразиться на институте несостоятельности. Различные вопросы, связанные с банкротством как юридических, так и физических лиц, порождали многочисленные дискуссии даже в докризисный период, а с обострением экономической ситуации и резким увеличением числа субъектов, которые оказались не способны отвечать по денежным обязательствам, интерес к банкротству подогрелся еще сильнее, что подтверждается растущим числом публикаций. Научные исследования на эту тему проводили, в частности, А. Егоров [7], В. Б. Ермилов [8], О. В. Жданова [9], П. Н. Коршунов [10], Б. Курбанов [11], П. О. Милов [12; 13], Е. Д. Суворов [14], А. В. Юхнин [15] и др.

В настоящий момент особенную актуальность приобретают вопросы влияния кризиса, вызванного распространением коронавирусной инфекции, на институт несостоятельности, а именно на количественную и качественную составляющую процедур банкротства. С того момента, как Россия начала вводить первые ограничения, направленные на борьбу с COVID-19, прошло достаточное количество времени для формирования пласта данных, анализ которого позволит сделать выводы о степени и характере влияния пандемии на статистику по процедурам банкротства физических и юридических лиц.

Кроме того, нельзя не отметить, что кризисная ситуация оказала значительное влияние на многие отрасли права, как материального, так и процессуального. В частности, одним из проявлений совершенствования законодательства в рамках антикризисной политики является предоставление Правительству РФ возможности введения моратория на возбуждение дел о банкротстве. Еще одним нововведением является упрощенная процедура банкротства граждан, проводимая во внесудебном порядке. Указанные новеллы требуют анализа, позволяющего выявить их преимущества и недостатки, а также последующей оценки их эффективности.

Методология

Диалектико-материалистический метод познания позволил исследовать особенности развития института банкротства. Системный метод использовался для выделения особенностей правового

регулирования соответствующих отношений источниками специального (отраслевого) законодательства, установить иерархию и выстроить систему правовых актов. Методы анализа и синтеза применялись для выявления и обоснования тезисов о соотношении института банкротства физических и юридических лиц. Сравнительный метод позволил сравнить различные инструменты и механизмы регулирования отношений в сфере банкротства. Формально-юридический метод использовался для осмысления содержания нормативно-правовых актов, предусматривающих основания и порядок процедур банкротства. Метод системного толкования правовых норм был задействован при выявлении особенностей применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации и Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Результаты и их обсуждение

Начать следует с того, что 2020 г. отличился всплеском банкротств граждан. 72,6% – именно на эту величину возросло число банкротств физических лиц относительно 2019 г., согласно данным из статистического релиза Единого федерального реестра сведений о банкротстве (далее – ЕФРСБ), который приводит единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности (далее – Федресурс)[1].

Всего за 2020 г. было принято 119049 решений о признании граждан несостоятельными. Обратим внимание, что за время существования механизма банкротства физических лиц – с октября 2015 г. по март 2021 г. – несостоятельными были признаны 322849 гражданина[2]. Таким образом, количество банкротств граждан за 2020 г. составило около 37% от общего их числа.

Статистическим ростом отметился и первый квартал 2021 г.: количество граждан, признанных банкротами, составило 40 569, что на 81,5% больше, чем в первом квартале 2020 г. (табл. 1).

Несмотря на внушительные цифры, которыми отличился коронавирусный период, утверждать, что увеличение числа банкротств граждан вызвано исключительно возникшим на фоне пандемии кризисом, было бы неверным. Как видно из таблицы 1, число признанных несостоятельными физических лиц стабильно возрастает с каждым годом. Рост популярности «потребительского» банкротства, таким образом, является закономерным, но, как отмечает А. В. Юхнин, на фоне стабильности в корпоративном секторе данная динамика все равно впечатляет [15, с. 81].

Естественно, нельзя отрицать то обстоятельство, что, потеряв доход из-за карантина и нерабочих месяцев, многие «закредитованные» россияне не смогли продолжить исполнять свои денежные обязательства, пополнив список потенциальных банкротов, но в качестве наиболее влияющих на рост статистики причин можно также выделить развитие бизнеса по оказанию правовых услуг, связанных с сопровождением банкротства граждан, активную маркетинговую деятельность компаний, работающих в данной сфере, а также все большее распространение информации о процедуре банкротства среди населения.

[1] Статистический бюллетень ЕФРСБ на 31 декабря 2020 года. URL: https://fedresurs.ru/news/1fc434cc-96ed-4fcb-9ceb-9bb2e3d23adc (дата обращения: 16.05.2021).

[2] Банкротства в России: итоги 1 кв. 2021 года. URL: https://fedresurs.ru/news/165f3708-5810-4047-9db6-b46c927e73b7 (дата обращения: 16.05.2021).

Таблица 1. Количество сообщений о введении судами процедур в отношении физических лиц и индивидуальных предпринимателей

Table 1. Number of reports on the introduction of procedures by courts in relation to individuals and individual entrepreneurs

Период	Октябрь-декабрь 2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	1 квартал 2021
Количество	870	19574	29827	43984	68980	119049	40569

Говоря о бурном росте цифр в сегменте потребительских банкротств, нельзя не упомянуть одно из самых обсуждаемых нововведений в этой сфере, а именно механизм внесудебного банкротства, ставший доступным для физических лиц с 1 сентября 2020 г. Данную услугу оказывают государственные и муниципальные многофункциональные центры (далее – МФЦ), и важной её особенностью является бесплатность. Банкротство через суд – довольно дорогостоящая процедура: гражданин должен оплатить множественные расходы, связанные с процедурой. В их число, в частности, входят: вознаграждение финансовому управляющему, оплата за опубликование сведений в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве гражданина, а также, как правило, оплата услуг представителя. Необходимость нести подобное финансовое бремя зачастую сдерживает неплатежеспособных должников от обращения в суд по собственной инициативе, в то время как согласно закону при внесудебном банкротстве исключается плата как за рассмотрение заявления о признании гражданина банкротом, так и за включение сведений в ЕФРСБ. Поскольку во внесудебном банкротстве отсутствует фигура финансового управляющего, нести связанные с выплатой вознаграждения расходы должнику также не придется, что, в свою очередь, делает процедуру освобождения от долгов более доступной.

Казалось бы, появление механизма внесудебного бесплатного банкротства должно было неминуемо оказать влияние на рост числа граждан, признанных банкротами, однако в действительности эта новелла почти не повлияла на статистику. Причина этого кроется в том, что должники, обращавшиеся в МФЦ, в большинстве случаев сталкивались с возвратом поданных ими заявлений. Согласно числам, которые приводит Федресурс[1], в период с 1 сентября по 31 декабря 2020 г. МФЦ было опубликовано 6413 сообщений о подаче заявления о признании гражданина банкротом, при этом лишь в 1849 случаях происходило возбуждение процедуры внесудебного банкротства; в 4564 случаях гражданину возвращалось поданное им заявление. Таким образом, воспользоваться возможностью внесудебного банкротства в 2020 г. смогли лишь 28,8% лиц, обратившихся в МФЦ. Как видно, данное число не является значительным, составляет лишь 1,5% от общего количества числа судебных банкротств в 2020 г. и на статистику почти не влияет.

Думается, со временем картина изменится, поскольку первые месяцы существования процедуры банкротства граждан (октябрь-декабрь 2015 г.) также не отличились большим числом судебных разбирательств. Отметим, что уже в первом квартале 2021 г. количество возвратов заявлений о признании банкротом во внесудебном порядке снизилось на 52,3% относительно четвертого квартала

[1] Банкротства в России: итоги 1 кв. 2021 года. URL: https://fedresurs.ru/news/165f3708-5810-4047-9db6-b46c927e73b7 (дата обращения: 16.05.2021).

2020 г., а доля начатых процедур выросла с 32,8% до 45,9% (в первом квартале 2021 г. МФЦ опубликовали сообщения о 1175 возбужденных процедурах внесудебного банкротства граждан, что на 17,2% меньше цифр четвертого квартала 2020 г.)[1].

Одной из наиболее вероятных причин частых возвратов поданных заявлений является то, что на данный момент среди населения все еще не сложился должный уровень информированности о требованиях, которым должен отвечать должник, чтобы иметь возможность обратиться в МФЦ с заявлением о признании банкротом. Законодателем установлено два основных критерия, которым должен отвечать гражданин для допуска к процедуре.

Первое требование связано с тем, что упрощенность процедуры внесудебного банкротства обусловлена её ориентированностью на граждан с относительно небольшим размером задолженности. В соответствии с п. 1 ст. 223.2 Федерального закона от 25 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве) (далее – Закон о несостоятельности), общая сумма денежных обязательств и обязанностей по уплате обязательных платежей, включая обязательства, которые еще не наступили, а также обязательства по выплате алиментов и по договору поручительства, независимо от просрочки платежа основного должника, должна составлять от 50 до 500 тыс. рублей. При этом по правилам, установленным абз. 4 п. 2 ст. 4 Закона, неустойка (пени, штрафы), проценты за просрочку платежа, убытки в виде упущенной выгоды из-за неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, а также другие имущественные и финансовые санкции, в том числе за неисполнение обязанности по уплате обязательных платежей, не учитываются.

Вторым требованием, которому должен отвечать должник, является наличие оконченного на момент подачи заявления исполнительного производства. Окончание должно быть связано с возвратом исполнительного документа взыскателю из-за отсутствия имущества у должника, на которое может быть обращено взыскание (п. 4 ч. 1 ст. 46 Закона об исполнительном производстве). При этом после возвращения исполнительного документа не должно быть возбуждено иное исполнительное производство.

Необходимость наличия оконченного исполнительного производства – главный фильтр, который не пропускает большинство поданных заявлений. Должник должен пройти через судебное разбирательство по заявлению или иску кредитора, после чего судебный пристав-исполнитель с целью подтверждения розыска у должника имущества, на которое может быть обращено взыскание, обязан направить запросы во все государственные органы, которые могут обладать информацией о таком имуществе. Только в том случае, если пристав не получит информации о наличии имущества, подходящего для реализации, он вправе вынести постановление об окончании исполнительного производства и невозможности взыскания. Описанная процедура зачастую затягивается на довольно длительное время, в связи с чем число должников, в отношении которых исполнительное производство окончено по требуемому основанию, невелико.

Отметим, что в настоящее время из-за данного условия возможности пройти процедуру внесудебного банкротства лишена одна из самых незащищенных социальных групп населения – пенсионеры. В отношении них исполнительные производства, как правило, не оканчиваются, т. к. пенсия представляет собой по-

[1] Банкротства в России: итоги 1 кв. 2021 года. URL: https://fedresurs.ru/news/165f3708-5810-4047-9db6-b46c927e73b7 (дата обращения: 16.05.2021).

стоянный доход, на который приставы могут обратить взыскание.

Таким образом, в настоящий момент в целях совершенствования и повышения эффективности института внесудебного банкротства должны быть модернизированы и усовершенствованы требования к гражданам, желающим пройти через процедуру. На существование вышеназванных недостатков уже обратили свое внимание представители законодательной ветви власти. Так, 29 апреля 2021 г. зарегистрирован и направлен Председателю Государственной Думы проект закона, позволяющий сделать внесудебное банкротство доступным для граждан, чей ежемесячный доход не превышает двух величин прожиточного минимума. Согласно законопроекту, если у указанных лиц отсутствует имущество, на которое можно обратить взыскание по исполнительным документам, они должны быть наделены правом на подачу заявления о признании банкротом во внесудебном порядке без условия окончания исполнительного производства в связи с возвращением исполнительного документа взыскателю на основании п. 4 ч. 1 ст. 46 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»[1]. В пояснительной записке субъекты законодательной инициативы обращают внимание на то, что следствием невозможности малоимущих должников обратиться ко внесудебному банкротству является недостаточность оставшихся после удержания по исполнительным производствам денежных средств для удовлетворения даже минимальных потребностей. Отсутствие средств к существованию у данной категории граждан впоследствии закономерно приведет к снижению общего благосостояния граждан и в целом к росту уровня бедности в стране[2].

Предложенные правки, несомненно, заслуживают внимания. Изменения, стирающие барьер между процедурой внесудебного банкротства и людьми, чей доход несоизмерим с размером долговых обязательств, должны быть внесены рано или поздно, поскольку упрощенный порядок банкротства обладает рядом достоинств, в числе которых бесплатность процедуры и снижение нагрузки на аппарат арбитражных судов [16, с. 380], причем важность последнего нельзя недооценивать, поскольку, как справедливо отмечает Б. Курбанов, в том случае, когда суды перегружены, рассмотрение дел занимает больше времени и, соответственно, становится дороже [11, с. 165].

Завершая обзор статистических показателей по банкротствам физических лиц, обратим внимание на то, что в 2020 г. средний долг гражданина, обратившегося с заявлением о признании банкротом, существенно снизился и составил около 2,7 млн руб. против 4 млн руб. в 2019 г. При этом средняя сумма удовлетворенных требований кредиторов упала с 178 тыс. руб. до 103 тыс. руб. Данные показатели в своей взаимосвязи свидетельствуют о реальном снижении уровня платежеспособности населения, в результате чего гражданам становится сложнее справляться с исполнением денежных обязательств (табл. 2).

[1] Законопроект № 1162228-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» в части обеспечения возможности использования процедуры внесудебного банкротства гражданами, чей доход не превышает величину прожиточного минимума». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1162228-7 (дата обращения: 16.05.2021)/

[2] Пояснительная записка к законопроекту № 1162228-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» в части обеспечения возможности использования процедуры внесудебного банкротства гражданами, чей доход не превышает величину прожиточного минимума». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1162228-7#bh_note (дата обращения: 16.05.2021).

Таблица 2. Результаты процедур банкротства граждан

Table 2. Results of bankruptcy procedures of individuals

Показатели	2019 г.	2020 г.
Включено требований всего, млрд руб.	273,7	319,5
Удовлетворено требований, млрд руб.	12,3	12,3

Что касается статистики по банкротствам организаций, то здесь ситуация принципиально иная. Несмотря на сложную ситуацию, в которой оказался бизнес на фоне пандемии, а также неутешительные прогнозы экспертов, в 2020 г. число корпоративных банкротств упало на 19,9% относительно 2019 г. (табл. 3).

Таблица 3. Количество банкротств компаний за период 2015–2020 гг.

Table 3. The number of company bankruptcies for the period 2015–2020.

Период	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Количество	13 044	12 549	13 541	13 117	12 401	9 931

Снижение числа банкротств юридических лиц обусловлено вводом в апреле 2020 г. моратория на банкротства по инициативе кредиторов в отношении отдельных категорий должников.

Отметим, что компании банкротятся по собственной инициативе существенно реже физических лиц. Так, в 2020 г. граждане обращались с заявлением о признании банкротом по собственной инициативе в 94,5% случаев (в 2019 г. данное число было лишь немногим ниже и составило 90,7%). Как показывает практика, в большинстве случаев кредиторам действительно невыгодно инициировать банкротство должника-гражданина, если он не является индивидуальным предпринимателем. Потребительские банкротства отличаются тем, что доля дел, в которых кредиторы получили «0» выше, чем при банкротстве организаций примерно на 7%[1]. Соответственно, кредиторам, в качестве которых в процедурах банкротства граждан в подавляющем числе случаев выступают банки и иные кредитные, а также микрофинансовые организации, гораздо проще и выгоднее взыскивать причитающиеся по договорам суммы, обращаясь к механизму исполнительных производств.

Одновременно с этим доля дел о банкротстве юридических лиц, инициированных по заявлениям конкурсных кредиторов, в 2020 г. составила 77,1%; еще в 13% случаев банкротство инициировала Федеральная налоговая служба (ФНС); 0,5% приходятся на заявления работников организации. Итого доля должников-организаций в роли заявителей составила лишь 9,3%[1].

С учетом того, что инициатива, направленная на признание компаний несостоятельными, в большинстве случаев исходит извне, законодатель, в целях сохранения бизнеса в рабочем состоянии в экстренных ситуациях, влияющих на экономику, и предоставления возможности пострадавшим от экономического кризиса участникам гражданского оборота пережить его с наименьшими потерями [17, с. 78], дополнил Закон о банкротстве ст. 9.1, которая наделяет Правитель-

[1] Статистический бюллетень ЕФРСБ на 31 декабря 2020 года. URL: https://fedresurs.ru/news/1fc434cc-96ed-4fcb-9ceb-9bb2e3d23adc (дата обращения: 16.05.2021).

ство правом в исключительных случаях на определенный срок объявлять запрет на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами.

Согласно закону поданные кредиторами после введения моратория заявления о признании должника банкротом подлежат возврату. Также должны быть возвращены заявления, которые подавались до введения моратория, но не были рассмотрены арбитражным судом. Помимо запрета на подачу заявлений о признании должника банкротом со стороны кредиторов предусматривается освобождение индивидуальных предпринимателей, а также руководителей и собственников компаний от обязанности самостоятельно подать заявление о банкротстве при возникновении признаков несостоятельности (п. 1 п. 3 ст. 9.1 Закон о несостоятельности).

На время действия моратория должны быть прекращены начисления финансовых санкций за несвоевременное исполнение обязательств, возникших до моратория; не допускается обращение взыскания на заложенное имущество, в том числе во внесудебном порядке. Кроме того, исполнительные производства по имущественным взысканиям по требованиям, возникшим до введения моратория, приостанавливаются, однако наложенные в ходе них аресты, а также иные ограничения в части распоряжения имуществом сохраняются.

Законодателем предусмотрено, что субъект, попавший под действие моратория, вправе заявить об отказе от применения в отношении него моратория, внеся соответствующие сведения в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве. При этом выражение компанией добровольного отказа от распространения на нее действия моратория далеко не всегда свидетельствует о намерении банкротиться. Дело в том, что, помимо предоставления определенных преимуществ, мораторий налагает на попадающих под его действие должников ряд ограничений. Так, на время его действия компании лишаются возможности выплачивать дивиденды, осуществлять обратный выкуп размещенных акций, проводить зачеты и т.д. В этой связи для некоторых компаний распространение на них действия моратория оказывается невыгодным, особенно если они не имеют очевидных признаков банкротства. Выход из него позволяет избавиться от установленных ограничений.

На основании указанных изменений 3 апреля 2020 г. Правительством издано Постановление № 428 «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении отдельных должников», которым введен запрет на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении стратегических и системообразующих предприятий, а также организаций и индивидуальных предпринимателей, основной вид деятельности которых связан с наиболее пострадавшими от пандемии отраслями российской экономики.

Сущность данного Постановления в том, что оно налагало запрет на подачу кредиторами заявлений о признании должников банкротами, если на момент 1 марта 2020 г. у последних в Единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ) или Единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей (ЕГРИП) в качестве основного вида деятельности был указан код общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД), включенный в перечень отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции.

Мораторий был введен правительством в апреле 2020 г. сначала до 6 октяб-

ря[1], а позже продлен до 7 января 2021 г.[2] С 7 января 2021 г. действие моратория было решено не продлять.

Эксперты прогнозировали, что после прекращения действия моратория закономерно последует всплеск новых банкротств и «отложенных» ликвидаций[3] [18, с. 57; 19, с. 95]. Также высказывались сомнения касательно полезности и какой-либо действенности данных мер в целом [6, с. 188; 9, с. 49]. Наибольшее количество пострадавших прогнозировалось в сфере малого и среднего бизнеса [19, с. 188], поскольку у крупных компаний, попавших под действие моратория и столкнувшихся с финансовыми проблемами, как правило, имеются ресурсы, позволяющие справиться с разрушительными последствиями «коронавирусного» кризиса [2, с. 1349].

Тем не менее, по завершении первого квартала 2021 г., на практике ситуация сложилась иначе. По заявлениям Алексея Юхнина – руководителя Федресурса, ситуация с корпоративным банкротством на текущий момент остается относительно благополучной. Первый квартал 2021 г. стал первым после окончания действия моратория на банкротство, и в нем произошел лишь небольшой рост количества предварительных уведомлений о намерении подать заявление о банкротстве – всего 1,2% (всего их было 7844), а количество новых процедур и вовсе снизилось на 8% относительно цифр, которые показали итоги первого квартала 2020 г. – до 2395[4].

Однако обманываться благоприятной статистикой первых месяцев после снятия моратория не стоит, поскольку скрытые риски продолжают существовать несмотря на утешительную картину, складывающуюся по итогам первого квартала 2021 г. Необходимо иметь в виду, что процедуры банкротства имеют временной лаг шесть – девять месяцев с момента возникновения серьезных проблем, вызвавших инициирование процедуры, так что потенциально количество корпоративных банкротств еще может возрасти. В случае, если это произойдет, одним из главных рисков является потенциальное увеличение процента дел, в которых происходит привлечение руководства компаний к субсидиарной ответственности.

Как отмечает О. В. Жданова, распространение моратория на основании отнесения организации к системообразующей или к тому или иному виду деятельности, без учета периода возникновения задолженности, грозит возможностью его использования недобросовестными должниками в целях, не направленных на реабилитацию или восстановление платежеспособности [9, с. 46].

Для оценки соответствующих рисков ключевыми являются два фактора:

1) момент, когда организация фактически проявила признаки несостоятельности (до или после введения моратория);

2) наличие реальной возможности успешного преодоления кризиса.

В том случае, если признаки несостоятельности организация проявляла

[1] О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении отдельных должников: постановление Правительства РФ от 03.04.2020 № 428 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 15, ч. IV, ст. 2282.

[2] О продлении срока действия моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении отдельных должников: постановление Правительства РФ от 01.10.2020 № 1587 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 41, ст. 6429.

[3] Мингазов С. Центробанк: пандемия спровоцировала уход с рынка наименее производительных компаний. URL: https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/417491-centrobank-pandemiya-sprovocirovala-uhod-s-rynka-naimenee-proizvoditelnyh (дата обращения: 16.05.2021)

[4] Руководитель Федресурса: завершение моратория не привело к росту числа банкротств. URL: https://www.interfax.ru/interview/760274 (дата обращения: 16.05.2021).

еще до введения моратория и её объективное банкротство не было так или иначе вызвано пандемией, но при этом она пользовалась преференциями, которые предоставлял мораторий, риск субсидиарной ответственности для контролирующих такую компанию лиц за неподачу заявления о банкротстве в отведенный законом срок, исчисляемый без учета срока действия моратория, возрастает, поскольку такие действия можно классифицировать как недобросовестные.

Впрочем, бремя доказывания того, что преодоление кризиса было очевидно невозможно, по смыслу п. 1 п. 3 ст. 91 Закона о несостоятельности, ст. 65 АПК РФ, лежит на лице, настаивающем на привлечении к субсидиарной ответственности. Эта позиция нашла свое выражение в Постановлении Пленума Верховного Суда от 24 декабря 2020 г. № 44 «О некоторых вопросах применения положений статьи 9.1 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельсности (банкротстве)». В связи с этим согласимся с К. С. Кондратьевой и И. А. Стерляговым, отмечающими, что в настоящее время одним из перспективных направлений развития института ответственности контролирующих должника лиц представляется детализация и легальное закрепление норм оценки деятельности контролирующих должника лиц в докризисный период на предмет доведения корпорации до банкротства, а в период имущественного кризиса – на предмет докапитализации компании и сохранения ее активов [20, с. 231].

Выводы

В настоящее время наблюдается четкая тенденция возрастания числа банкротств физических лиц. 2020 г. не стал исключением, статистика первого квартала 2021 г. также подтверждает данную закономерность. Учитывая данную тенденцию, сформировавшуюся и закрепившуюся с момента законодательного оформления банкротства граждан, нельзя утверждать о том, что выросшее в период пандемии число процедур обусловлено исключительно коронавирусным кризисом.

Нововведение в виде внесудебного банкротства на статистику повлияло слабо, поскольку барьер, отделяющий граждан от данной процедуры, в настоящий момент является труднопреодолимым. Тем не менее, несмотря на немногочисленное количество внесудебных процедур по итогам 2020 – первого квартала 2021 г., данная новелла, на наш взгляд, является важным достижением, и дело здесь не только в том, что «упрощенное» банкротство является доступным способом выбраться из долговой ямы. Данная процедура способна существенно снизить нагрузку на арбитражные суды путем вывода банкротных процедур, сумма задолженности в которых является относительно небольшой, во внесудебную плоскость. Для того чтобы потенциал внесудебного банкротства был реализован в полной мере, оно, на наш взгляд, требует реформации, которая позволит гражданам, обладающим постоянным доходом, размер которого, однако, не позволяет справиться с долговыми обязательствами, прибегнуть к данной процедуре.

Что касается банкротств юридических лиц, то поддержка государства позволила на некоторое время остаться на плаву наиболее пострадавшим предприятиям, однако её трудно назвать панацеей для бизнеса. Мораторий на банкротства смог послужить спасательным кругом только тем предприятиям, которые оказались готовы к кризисному периоду. Статистика первого после его отмены квартала отличилась положительными результатами, однако делать какие-либо выводы пока преждевременно – риск того, что с основной массой корпоративных банкротств, обусловленных спровоцированными или обостренными пандемией проблемами, судам предстоит столкнуться спустя некоторое время, все еще существует.

Список литературы

1. Головнин М. Ю., Никитина С. А. Каналы воздействия пандемии COVID-19 на экономику России // Вестник Института экономики РАН. 2020. № 5. С. 9–23. https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10053.

2. Зимовец А. В., Сорокина Ю. В., Ханина А. В. Анализ влияния пандемии COVID-19 на развитие предприятий в Российской Федерации // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10, № 5. С. 1337–1350.

3. Козырь Ю. В. Тевелева О. В. Цена локдауна – экономика провала // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 2 (233). С. 20–38. https://doi.org/10.24411/ 2072-4098-2021-10201.

4. Колодко Г. В. Последствия. Экономика и политика в постпандемическом мире // Вопросы экономики. 2020. № 5. С. 25–44. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-5-25-44.

5. Курюкин А. Н. COVID-19 как вызов экономике, социуму, политике // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2020. № 3. С. 250–265.

6. Носова В. А. Падение малого бизнеса в России из-за пандемии коронавируса // ВУЗ и реальный бизнес. 2020. Т. 1. С. 186–194.

7. Егоров А. Мораторий при банкротстве: критический анализ и комментарий // Журнал РШЧП. 2020. № 3. С. 63–92.

8. Ермилов В. Б. «Объективное банкротство»: теория и практика // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 3. С. 77–80.

9. Жданова О. В. Мораторий на банкротство – спасательный круг или тормоз? // Имущественные отношения в РФ. 2020. № 8 (227). С. 42–50.

10. Коршунов П. Н. Мораторий на банкротство как мера восстановления платежеспособности должника // Вестник экономической безопасности. 2020. № 3. С. 86–90. https://doi.org/10.24411/2414-3995-2020-10161.

11. Курбанов Б. Lex COVID-19 concursus: анализ банкротно-правовых мер по смягчению экономических последствий пандемии // Журнал РШЧП. 2020. № 2. С. 165–181.

12. Милов П. О. Упрощенное банкротство граждан: взгляд на проблему в современных экономических реалиях // Вестник Московского института государственного управления и права. 2020. № 1 (29). С. 24–27.

13. Милов П. О. Упрощенное банкротство физических лиц: преимущества и проблемные аспекты // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2021. № 2. С. 69–74. https://doi.org/10.25586/RNU.V9276.21.02.P.069.

14. Суворов Е. Д. К вопросу о понятии банкротства // LexRussica. 2020. № 11 (168). С. 21-34.

15. Юхнин А. В. Банкротство граждан в России: в июне ускорился рост числа судебных решений // Имущественные отношения в РФ. 2020. № 8 (227). С. 81–85.

16. Сухова В. М. Эффективность нововведений в процедуре банкротства в период пандемии коронавируса // International & Domestic Law: материалы XV ежегодной Всероссийской конференции по национальному и международному праву. Екатеринбург, 2020. С. 378–381.

17. Улезко А. С., Филонович А. Г. Мораторий на банкротство: ожидания должников и реальность // Имущественные отношения в РФ. 2020. № 7 (226). С. 68–79.

18. Недова Н. С., Джафарова Г. Э. К. Правовые аспекты реализации процедур банкротства в условиях пандемии // Право и государство: теория и практика. 2020. № 11 (191). С. 56–59. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2020_11_56.

19. Козлова В. А. К вопросу об особенностях применения законодательства о банкротстве в условиях моратория // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 5 (132). С. 93–95.

20. Кондратьева К. С., Стерлягов И. А. Перспективы применения доктрины «снятия корпоративной вуали» при привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в Российской Федерации: сравнительно-правовой подход // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 462. С. 224–231. https://doi.org/10.17223/15617793/462/27.

References

1. Golovnin M. Yu., Nikitina S. A. Kanaly vozdejstviya pandemii COVID-19 na ekonomiku Rossii [Channels of the impact of the COVID-19 pandemic on the Russian economy]. *Vestnik Instituta ehkonomiki RAN = Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 2020, no. 5, pp. 9–23. https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10053.

2. Zimovets A. V., Sorokina Yu. V., Khanina A. V. Analiz vliyaniya pandemii COVID-19 na razvitie predpriyatij v Rossijskoj Federacii [Analysis of the impact of the COVID-19 pandemic on the development of enterprises in the Russian Federation]. *Ehkonomika, predprinimatel'stvo i pravo = Economy, Entrepreneurship and Law*, 2020, vol. 10, no. 5, pp. 1337–1350.

3. Kozyr' Yu. V., Teveleva O. V. Cena lokdauna – ekonomika provala [The price of a lockdown – the economy of failure]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii = Property relations in the Russian Federation*, 2021, no. 2 (233), pp. 20–38. https://doi.org/10.24411/2072-4098-2021-10201.

4. Kolodko G. V. Posledstviya. Ekonomika i politika v postpandemicheskom mire [Consequences. Economics and politics in the post-pandemic world]. *Voprosy ehkonomiki = Problems of Economics*, 2020, no. 5, pp. 25–44. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-5-25-44.

5. Kuryukin A. N. COVID-19 kak vyzov ekonomike, sociumu, politike [COVID-19 as a challenge to the economy, society, politics]. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie) = Modernization. Innovation. Development*, 2020, no. 3, pp. 250–265.

6. Nosova V. A. Padenie malogo biznesa v Rossii iz-za pandemii koronavirusa [The fall of small business in Russia due to the coronavirus pandemic]. *VUZ i real'nyi biznes = University and real business*, 2020, vol. 1, pp. 186–194.

7. Egorov A. Moratorij pri bankrotstve: kriticheskij analiz i kommentarij [Moratorium in case of bankruptcy: a critical analysis and comment]. *Zhurnal RSHCHP = Journal of the Russian School of Private Law*, 2020, no. 3, pp. 63–92.

8. Ermilov V. B. "Ob"ektivnoe bankrotstvo": teoriya i praktika ["Objective bankruptcy": theory and practice]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ehkonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, socio-economic and social sciences*, 2020, no. 3, pp. 77–80.

9. Zhdanova O. V. Moratorij na bankrotstvo – spasatel'nyj krug ili tormoz? [A moratorium on bankruptcy – a lifeline or a brake?]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii = Property relations in the Russian Federation*, 2020, no. 8 (227), pp. 42–50.

10. Korshunov P. N. Moratorij na bankrotstvo kak mera vosstanovleniya platezhesposobnosti dolzhnika [Moratorium on bankruptcy as a measure to restore the debtor's solvency]. *Vestnik ehkonomicheskoi bezopasnosti = Bulletin of economic security*, 2020, no. 3, pp. 86–90. https://doi.org/10.24411/2414-3995-2020-10161.

11. Kurbanov B. Lex COVID-19 concursus: analiz bankrotno-pravovyh mer po smyagcheniyu ekonomicheskih posledstvij pandemii [Lex COVID-19 concursus: analysis of bankruptcy and legal measures to mitigate the economic consequences of the pandemic]. *Zhurnal RSHCHP = Journal of the Russian School of Private Law*, 2020, no. 2, pp. 165–181.

12. Milov P. O. Uproshchennoe bankrotstvo grazhdan: vzglyad na problemu v sovremennyh ekonomicheskih realiyah [Simplified bankruptcy of citizens: a look at the problem in modern economic realities]. *Vestnik Moskovskogo instituta gosudarstvennogo upravleniya i prava = Bulletin of the Moscow Institute of Public Administration and Law*, 2020, no. 1 (29), pp. 24–27.

13. Milov P. O. Uproshchennoe bankrotstvo fizicheskih lic: preimushchestva i problemnye aspekty [Simplified bankruptcy of individuals: advantages and problematic aspects]. *Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek i obshchestvo = Bulletin of the Russian New University. Series: Man and Society*, 2021, no. 2, pp. 69-74. https://doi.org/10.25586/RNU.V9276.21.02.P.069.

14. Suvorov E. D. K voprosu o ponyatii bankrotstva [On the issue of the concept of bankruptcy]. *Lex Russica*, 2020, no. 11 (168), pp. 21–34.

15. Yukhnin A. V. Bankrotstvo grazhdan v Rossii: v iyune uskorilsya rost chisla sudebnyh reshenij [Bankruptcy of citizens in Russia: in June the growth in the number of court decisions accelerated]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii = Property relations in the Russian Federation*, 2020, no. 8 (227), pp. 81–85.

16. Sukhova V. M. Effektivnost' novovvedenij v procedure bankrotstva v period pandemii koronavirusa [Effectiveness of innovations in bankruptcy proceedings during the coronavirus pandemic]. International & Domestic Law. Materialy XV ezhegodnoi Vserossiiskoi konferentsii po natsional'nomu i mezhdunarodnomu pravu [International & Domestic Law. Materials of the XV Annual All-Russian Conference on National and International Law]. Ekaterinburg, 2020, pp. 378–381.

17. Ulezko A. S., Filonovich A. G. Moratorij na bankrotstvo: ozhidaniya dolzhnikov i real'nost' [Moratorium on bankruptcy: debtors' expectations and reality]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii = Property relations in the Russian Federation*, 2020, no. 7 (226), pp. 68–79.

18. Nedova N. S., Dzhafarova G. Eh. K. Pravovye aspekty realizacii procedur bankrotstva v usloviyah pandemii [Legal aspects of the implementation of bankruptcy procedures in a pandemic]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and state: theory and practice*, 2020, no. 11 (191), pp. 56-59. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2020_11_56.

19. Kozlova V. A. K voprosu ob osobennostyah primeneniya zakonodatel'stva o bankrotstve v usloviyah moratoriya [On the issue of the peculiarities of the application of bankruptcy legislation under the conditions of a moratorium]. *Naukaiobrazovanie: khozyaistvo i ehkonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and Education: Economy; entrepreneurship; law and governance*, 2021, no. 5 (132), pp. 93–95.

20. Kondrat'eva K. S., Sterlyagov I. A. Perspektivy primeneniya doktriny "snyatiya korporativnoj vuali" pri privlechenii k subsidiarnoj otvetstvennosti kontroliruyushchih dolzhnika lic v Rossijskoj Federacii: sravnitel'no-pravovoj podhod [Prospects for the application of the doctrine of "removing the corporate veil" in bringing the controlling debtor to subsidiary liability in the Russian Federation: a comparative legal approach]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Tomsk State University*, 2021, no. 462, pp. 224–231. https://doi.org/10.17223/15617793/462/27.

Информация об авторе / Information about the Author

Гера Аделина Владимировна, юрист, Юридический центр, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: ctvnot@yandex.ru

Тарасов Юрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: tarasovkursk@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-7230-0959

Adelina V. Gera, Lawyer of the Legal Center, Kursk, Russian Federation,
e-mail: ctvnot@yandex.ru

Yuri. A. Tarasov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: tarasovkursk@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-7230-0959

Оригинальная статья / Original article

УДК 347.254

Право на жилище в свете внесенных изменений в Конституцию Российской Федерации

О. А. Ковалева [1] ✉

[1]Оренбургский государственный университет
ул. Победы 13, г. Оренбург 460000, Российская Федерация

✉ e-mail: radaurist@mail.ru

Резюме

Актуальность. *В статье рассмотрены актуальные вопросы типичных правовых заблуждений в определении современного содержания права на жилище, изучены его диалектика в свете внесенных конституционных изменений, гарантии реализации как в России, так и в других странах. Подняты проблемы, связанные с осуществлением права на жилище в России.*

Цель *– выявить трансформации в содержании права на жилище в России, которые возникли после внесения изменений в Конституцию РФ в 2020 году, и, опираясь на них, выработать предложения по совершенствованию жилищных отношений.*

Задачи*: рассмотреть трансформацию содержания права на жилище в результате конституционной реформы 2020 года в России; выявить теоретические и практические проблемы его реализации и гарантированности.*

Методология. *Настоящее исследование основано на следующих методах научного познания: диалектического развития, сравнительно-правового анализа, формально-юридического, хронологического.*

Результаты. *Исследование показало, что конституционные изменения несущественно повлияли на содержание права на жилище, но вскрыли теоретические и практические проблемы его гарантированности и реализации. Для их решения предлагается включить в Жилищный кодекс Российской Федерации раздел о социальных гарантиях этих прав для отдельных категорий граждан.*

Выводы. *В Российской Федерации правовое регулирование основных жилищных отношений осуществляется посредством закрепления норм в Жилищном кодексе Российской Федерации и других нормативных актах. Однако указанный акт несовершенен, сегодня существует проблема определения права граждан на жилище, в первую очередь это касается содержания права и реализации права на жилище отдельных категорий граждан. Следовательно, все это подтверждает необходимость дальнейшего развития научных исследований всех сторон конституционного права граждан Российской Федерации на жилище.*

Ключевые слова: *жилищные отношения; жилищные потребности; жилье; имущество; право на жилище.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи*.

Для цитирования: Ковалева О. А. Право на жилище в свете внесенных изменений в Конституцию Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 24–36.

Поступила в редакцию 06.07.2021 Принята к публикации 03.08.2021 Опубликована 30.08.2021

© Ковалева О. А., 2021

The Right to Housing in the Light of Amendments to the Constitution of the Russian Federation

Olga A. Kovaleva[1] ✉

[1]Orenburg State University
13 Victory str., Orenburg 460000, Russian Federation

✉ e-mail: radaurist@mail.ru

Abstract

Relevance. *The article deals with topical issues of typical legal misconceptions in determining the modern content of the right to housing, examines its dialectic in the light of the constitutional changes made, guarantees of implementation, both in Russia and in other countries. The problems related to the implementation of the right to housing in Russia are raised.*

Purpose. *To identify the transformations in the content of the right to housing in Russia that arose after the amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020. And based on them, to develop proposals for improving housing relations.*

Objectives. *To consider the transformation of the content of the right to housing as a result of the constitutional reform of 2020 in Russia; to identify theoretical and practical problems of its implementation and guarantee.*

Methodology. *The present research is based on the following methods of scientific cognition: dialectical development, comparative legal analysis, formal legal, chronological.*

Results. *The study showed that the constitutional changes did not significantly affect the content of the right to housing, but revealed the theoretical and practical problems of its guarantee and implementation. To solve them, it is proposed to include a section on social guarantees of these rights for certain categories of citizens in the Housing Code of the Russian Federation.*

Conclusions. *In the Russian Federation, the legal regulation of basic housing relations is carried out by fixing the norms in the Housing Code of the Russian Federation. However, the specified act is imperfect, today there is a problem of definition of the right of citizens to housing, first of all it concerns the content of the right and realization of the right to housing of certain categories of citizens. Consequently, all this confirms the need for further development of scientific research on all aspects of the constitutional right of citizens of the Russian Federation to housing.*

Keywords: *housing relations; housing needs; housing; property; the right to housing.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kovaleva O. A. The Right to Housing in the Light of Amendments to the Constitution of the Russian Federation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(4): 24–36. (In Russ.)

Received 06.07.2021 Accepted 03.08.2021 Published 30.08.2021

***

Введение

Статья 25 Всеобщей декларации прав человека (1948 г.) среди основных социальных прав человека провозглашает право на жилище. Конституция РФ в статье 40 называет право на жилище в качестве основополагающего права человека и гражданина.

Право на жилище признается и реализуется всеми развитыми странами, однако трактуется и законодательно закрепляется по-разному. Например, Финляндия и Нидерланды декларируют гарантии прав на жилище путем создания условий на достойное проживание и обязанность органов публичной власти по их соблюдению. В Швеции, Колумбии, Австрии обеспечение прав граждан на жилище передано в юрисдикцию муниципальных органов власти, в США право на

жилище входит в качестве отдельного элемента в право на достаточный образ жизни и считается второстепенным. В Швейцарии Основной закон не только называет права на жилище в качестве основного, но и закрепляет основные принципы обеспечения реализации данного права Союзом и кантонами.

Следовательно, применяя разные подходы к регулированию права на жилище, мировое сообщество признает данное право в качестве основополагающего для своих граждан.

Методология

Настоящее исследование основано на следующих методах научного познания: диалектического развития, сравнительно-правового анализа, формально-юридического, хронологического.

Посредством метода диалектического развития проведено независимое, всестороннее и полное изучение правового регулирования права на жилище в России и некоторых странах мира. Формально-юридический метод применялся для построения дефиниций и определения понятий, используемых в настоящем исследовании.

Последовательность возникновения и развития современных представлений о праве на жилище, требований, предъявляемых к жилым помещениям, способах приобретения и предоставления жилых помещений формировалась в исследовании с помощью хронологического метода.

В данном исследовании большое значение имеет метод сравнительно-правового анализа отечественных норм и норм других стран о праве на жилище, его содержании, гарантированности и реализации. Были исследованы нормативные акты следующих стран: России, Италии, Австрии, Франции и Германии. На основе сравнительного анализа норм германского и российского законодательства сделан вывод о том, что в России и Германии сложились в значительной степени различные механизмы реализации права граждан на жилище, что, однако, не исключает возможности заимствования некоторых немецких правовых конструкций.

Результаты и их обсуждение

Так, право на жилище относится к категории социальных прав граждан, которое является конституционным правом, ввиду его регламентирования в Основном законе нашей страны. Следовательно, первостепенной задачей государства является гарантия, соблюдение и защита данного права, наравне с другими правами и свободами человека и гражданина, закрепленными в Конституции РФ. Но так ли это просто на самом деле? Правда ли реализация данного права осуществляется в полной мере? Можно ли обеспечить и защитить право на жилище всех категорий граждан? Именно эти вопросы нам следует задать, исследуя проблемы содержания права на жилище.

Прежде чем переходить к анализу влияний конституционных изменений на жилищные отношения, в частности на содержание права на жилище, стоит сказать, что данная проблема стала объектом для активных исследований российских и зарубежных ученых разных областей (права, социологии, философии, экономики и др.). Немало работ проблемам права на жилище посвятили отечественные и зарубежные ученые: В. Н. Авдеев [1], Е. Е. Богданова [2], Л. С. Мамут [3], А. А. Титов [4], Д. А. Формакидов [5], A. Goodman [6], D. Maclennan [7], S. Malpezzi [8], А. О. Иншакова [9], П. М. Филиппов [10; 11].

Рассматривая содержание права на жилище, начнем с вопроса о возможности или невозможности его ограничения. Так, право на жилище Ю. В. Смирнова относит к такому праву, ограничение которого невозможно, даже если на территории страны вводится ситуация чрезвычайного положения [12, с. 32]. Тем самым она подтверждает факт, что право на жилище не может быть незаконно

ограничено, ведь этим правом граждане наделены с рождения, следовательно, отчуждение его будет нарушать нормы Конституции РФ.

Ограничение прав собственника жилого помещения правом пользования третьего лица законодательно закреплено как в российском праве, так и в нормативных актах других стран. Такое ограничение призвано защитить лиц, которые не являются собственниками жилых помещений, но имеют право пользования таким помещением.

В Гражданском кодексе Италии (далее – ИГК) наряду с правом собственности и иными ограниченными вещными правами существует право проживания в жилом помещении. Отметим, что это право очень сходно с французским правом проживания в жилом помещении. Положения об этом праве содержатся в гл. II «Право пользования и право проживания в жилом помещении» ИГК (ст. 1021-1026), которая следует сразу после главы об узуфрукте, кроме того, согласно ст. 1026 ИГК, к рассматриваемому ограниченному вещному праву субсидиарно применяются положения об узуфрукте, что позволяет сделать вывод о том, что это право представляет собой разновидность узуфрукта, как и во французском праве.

Управомоченным субъектом права проживания в жилом помещении является физическое лицо, которое может проживать в помещении вместе со своей семьей, включая детей, родившихся после возникновения права проживания, признанных внебрачных детей, усыновленных детей, а также домашний персонал (ст. 1023 ИГК). Право проживания в жилом помещении является личным правом, итальянский законодатель прямо запрещает его уступку или отчуждение (ст. 1024 ИГК). Итальянским законодателем предложена довольно скудная регламентация содержания рассматриваемого права, ограниченная указанием на то, что управомоченное лицо может жить или пользоваться жилым помещением в соответствии со своими потребностями и потребностями своей семьи. Если право распространяется на весь объект недвижимости, то управомоченное лицо обязано нести расходы по ремонту жилого помещения, а также оплачивать коммунальные расходы за пользование жильем. Если право управомоченного лица распространяется на часть жилого помещения, то оно несет перечисленные выше расходы пропорционально занимаемой площади (ст. 1025 ИГК).

В австрийском праве, наряду с ограниченными вещными правами – сервитутом и узуфруктом, закреплен также жилищный сервитут. В § 521 Австрийского гражданского уложения (далее – АГУ) устанавливается, что в зависимости от объекта использования и содержания жилищного сервитута рассматриваемые отношения будут квалифицироваться как сервитут или как узуфрукт (который в австрийском праве, как в германском и швейцарском праве, является разновидностью личного сервитута). Так, согласно § 521 АГУ, если жилищный сервитут устанавливается на часть здания и используется исключительно для проживания в пределах удовлетворения потребностей пользователя, такое вещное право представляет собой сервитут использования жилого здания. Если же право устанавливается на все жилые части здания, без ограничений в пользовании (т. е. не только для удовлетворения личных потребностей пользователя в проживании), то такое право является узуфруктом жилого здания.

В зависимости от квалификации вещного права как сервитута или узуфрукта жилого здания регулируются отношения между пользователем и собственником жилого помещения. Отметим, что, в отличие от рассмотренных ранее примеров вещных прав на жилые помещения в других странах, австрийский законодатель умалчивает о том, является ли данное право личным или оно может

быть передано третьим лицам, может ли пользователь проживать в жилом помещении один или с семьей, и если с семьей, то в каком составе (как это подробно установлено во Франции и в Италии). Австрийский законодатель лишь устанавливает дополнительное императивное правило, согласно которому собственник сохраняет право распоряжаться всеми нежилыми частями дома, а также он всегда имеет право осуществлять надзор над своим домом (§ 522 АГУ).

Почти во всех странах право проживания в жилом помещении представляет собой разновидность узуфрукта, видовыми признаками права проживания являются: 1) особенность объекта – жилое помещение; 2) особенность субъекта – физическое лицо; 3) целевой характер – проживание. Австрийский законодатель, в отличие от других, определяет пользование жилым помещением как вид узуфрукта или сервитута – в зависимости от того, распространяется оно на все жилое помещение или на его часть.

Следует отметить, что в российской литературе право на жилище рассматривается и изучается в различных аспектах:

1) как социальное и экономическое явление. Профессор Т. Я. Хабриева определяет право на жилище как социальное и экономическое, что говорит о важности его реализации в каждой стране, так это будет одним из показателей уровня правового государства, а также социально-экономической ситуации [13, с. 35]. Кроме этого, Т. Я. Хабриева отметила, что статья Конституции РФ, регламентирующая право на жилье, как и многие другие конституционные нормы, отличаются известной лапидарностью формулировок [13, с. 36].

Таким образом, установить масштаб определения права на жилище невозможно Конституцией РФ. Отсюда можно сделать вывод, что нормы Основного Закона нашей страны нуждаются в доработке, а именно в корректировке самого понятия установления сроков очередности на бесплатное жилье и более детальной защиты отдельных категорий граждан, последний вопрос также остается неурегулированным в полном объеме и в ЖК РФ;

2) как право, вбирающее в себя различные виды правоотношений. Л. М. Пчелинцева справедливо пишет в своих исследованиях о том, что «реализация права на жилище захватывает различные виды правоотношений: конституционные, организационные (административные), имущественные (гражданские) и др.» [14, с. 12]. Автор говорит о том, что рассматриваемое право имеет объемную структуру, которую трудно урегулировать только одним законом. Но в то же время стоит сделать попытку в систематизации основных вопросов права на жилище в ЖК РФ, а не обращаться в каждом случае к огромному количеству нормативных актов [14, с. 13];

3) как право, реализация которого происходит в процессе реализации жилищной политики государства. Т. В. Шелудякова считает, что «условия осуществления данного права создаются в процессе реализации жилищной политики государства, которая направлена на поддержку органами государственной власти и местного самоуправления самостоятельного строительства гражданами личного жилья» [15, с. 43]. Кроме того, автор отмечает, что в советской России государство брало на себя обязательства по обеспечению жилищем своих граждан, что, однако, в полной мере не реализовывалось [15, с. 45]. В настоящее время Конституция РФ лишь закрепляет право граждан на достойные жилищные условия и ориентирует на самостоятельное приобретение либо строительство жилья. В связи с чем возникает проблема обеспечения жильем отдельных категорий граждан;

4) право, реализация которого осуществляется через принципы жилищного права. На данный аспект обращает внимание С. И. Куцина, которая отражает

ряд проблем реализации жилищных прав через определение принципов жилищного права [16, с. 52]. Основными такими принципами автор считает:

– принцип свободы выбора способов реализации права на жилище (оказание содействия развитию рынка недвижимости, развитие института найма и т.д.);

– неприкосновенности жилища (с учетом законодательного закрепления оснований ограничения данного принципа);

– принцип диспозитивности (устранение необоснованных препятствий в осуществлении жилищных прав), а также другие принципы.

Как видим, вопросы права на жилище интересуют большое количество ученых и специалистов разных областей права: и гражданского, и конституционного, и др., следовательно, отсюда и вытекает важность исследования данного права.

Итак, нам необходимо определить в исследовании, как же повлияли изменения Конституции РФ 2020 г. на содержание права на жилище, рассмотреть существующие на сегодняшний момент проблемы реализации права на жилище отдельных категорий граждан и определить перспективы развития жилищного законодательства.

Начнем с вопроса правового регулирования права на жилище. Отечественная Конституция устанавливает право и гарантии реализации права на жилище, помимо основной 40-й статьи, еще в ряде своих норм.

Так, свободу выбора гражданином места жительства гарантирует ст. 27 Конституции РФ, нормы о защите жилища и его неприкосновенности – ст. 25. Статья 71 Конституции РФ отсылает к гражданским правоотношениям, в рамках которых и происходит правовое регулирование обеспечения права на жилище, закрепленное исключительно за Российской Федерацией.

Статья 72 Конституции определяет предметы совместного ведения РФ и ее субъектов, что напрямую также касается жилищных правоотношений, и определяет приоритет федерального законодательства над региональным. Таким образом, в случае принятия субъектом РФ нормативно-правовых актов в сфере жилищных правоотношений, противоречащих федеральным, применяться будут федеральные правовые акты.

Конституционное право граждан на жилище, помимо Основного Закона России, регулируется множеством отраслевых нормативных актов. Так, Жилищный и Гражданский кодексы РФ осуществляют законодательное закрепление оснований возникновения и содержания различных прав на жилое помещение. Отраслевое законодательство регулирует отношения права собственности на жилое помещение, право пользования жилым помещением по договору социального и других видов найма, а также в силу членства в жилищных кооперативах, на основании завещательного отказа, ренты и некоторые другие права.

В нормах налогового законодательства закреплено, что имущество является объектом налогообложения (п. 1 и 2 п. 1 ст. 401 НК РФ). Кроме налогообложения имущества, в п. 1 ст. 407 Налогового кодекса РФ определены категории граждан, которые могут воспользоваться льготами, в том числе речь идет о налоговых льготах на имущество, налоговых вычетах.

Обращаясь к нормам Семейного кодекса РФ, можно определить степень родства граждан друг с другом (ст. 67 СК РФ), а это важно, например, при определении права на жилище в случае наследования имущества. Кроме, того в семейном законодательстве содержатся основы защиты права на жилище ребенка (при разводе родителей, при лишении родительских прав и т.п.) (ст. 71, 60 СК РФ и др.), а также определены основы права на жилище супругов в случае деления совместной собственности при разводе (ст. 38 СК РФ). Так, например, ребенок, в отношении которого родители лишены ро-

дительских прав, сохраняет право собственности на жилое помещение или право пользования жилым помещением, а также сохраняет имущественные права, основанные на факте родства с родителями и другими родственниками, в том числе право на получение наследства (п. 4 ст. 71 СК РФ).

Защита нарушенных жилищных прав осуществляется судом общей юрисдикции в соответствии с подведомственностью дел, установленной Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – ГПК РФ). Следовательно, процедура защиты права на жилище определена ГПК РФ.

Выше представленные нормы разных отраслей права еще раз подтверждают комплексность регулирования права на жилище.

Жилищное законодательство подчеркивает большую роль органов государственной власти и местного самоуправления в обеспечении права на жилище. В ст. 2 Жилищного кодекса РФ в самом общем виде закреплены основные обязанности органов государственной власти и органов местного самоуправления в целях обеспечения условий для осуществления права на жилище.

Изменения, внесенные в Конституцию РФ в 2020 г., мало коснулись жилищных отношений. Часть 3 статьи 40 уже давно определила роль государства и органов местного самоуправления в регулировании рынка жилья. Однако их роль ограничена содействием жилищному строительству и его поощрением. Кроме того, Основной Закон предусматривает создание государственного и муниципального жилищных фондов, включая жилые помещения, предоставляемые по договору социального найма.

Очевидно, что правом на жилище обладают и малоимущие граждане. Однако самостоятельное улучшение жилищных условий такими гражданами затруднено вследствие их стесненности в финансовых возможностях. Таким образом, данная категория населения нуждается в государственной поддержке.

Такая поддержка реализуется, в частности, через предоставление нуждающимся малоимущим гражданам жилых помещений по договору социального найма. Указанный договор характеризуется некоторыми особенностями. Во-первых, наймодателем является уполномоченный государственный орган или уполномоченный орган местного самоуправления. В качестве нанимателя выступает гражданин РФ, который состоит на учете в качестве нуждающегося в жилом помещении. И во-вторых, несмотря на то, что по данному договору жилое помещение предоставляется малоимущим, а также иным лицам, близким по социальному статусу, рассматриваемый договор является возмездным.

Однако следует отметить, что, согласно ч. 9 ст. 156 ЖК РФ, малоимущие граждане освобождаются от внесения платы за наем по договорам социального найма жилого помещения. Данное положение, по нашему мнению, представляет собой значительное преимущество отечественного законодательства в сравнении, например, с германским.

Однако учитывая все достоинства, такой способ жилищного обеспечения имеет и существенные недостатки. Наиболее острым из этих недостатков представляется нехватка жилых помещений, что закономерно приводит к возникновению очередности.

В Германии, например, данная проблема решается следующим образом. Регулирование отношений, связанных с поддержкой в обеспечении жильем, содержится в Законе о социальной поддержке в обеспечении жильем (Gesetz die soziale, далее – WoFG) и в Законе об обеспечении цели социального жилья (Gesetzzur Sicherung der Zweckbestimmung svorrichtung, Wohnungsbindungsge setz).

Поддержка может осуществляться путем предоставления застройщику зай-

ма на льготных условиях, предоставления субсидии; выдачи поручительства, гарантии или иного обеспечения; предоставления для строительства участка по сниженным ценам (§ 2 абз. 2 WoFG). Данная поддержка оформляется в виде Согласия на поддержку, имеющего форму либо административного акта (Verwaltungsakt), либо публично-правового договора.

Взамен лица, получившие поддержку, обязуются сдавать внаем жилье, в отношении которого, как правило, и была оказана поддержка, только определенным лицам и не дороже установленного предела платы за жилое помещение. Данные обременения жилья называются «Обязательство размещения» (Belegungsbindung) и «Обязательство платы за наем» (Mietbindung). В соответствии с § 13 абз. 2 WoFG, в Согласии указываются объект, вид и длительность обязательства размещения и вид, объем и длительность обязательства платы за наем.

Обязанности размещения корреспондирует принадлежащее компетентному органу право размещения, подразделяющееся на следующие виды:

– общее право размещения, означающее, что обязанный собственник может предоставлять жилое помещение только тем лицам, которым компетентным органом выдано свидетельство о праве на жилье (Wohnberechtigungsschein);

– право обозначения, согласно которому компетентный орган может представить собственнику по меньшей мере троих кандидатов на выбор для предоставления жилого помещения;

– право на занятие, означающее, что компетентный орган может определить лицо, которому должно быть сдано внаем определенное жилое помещение.

Кроме того, в Германии к социальным правам относится право на получение субсидии на достойное жилье. Согласно § 26 абз. 1 SGB I, субсидия на жилье выплачивается либо в виде субсидии на плату за наем (Mietzuschuss), либо в виде субсидии на расходы, связанные с лично используемым жилым помещением (Lastenzuschuss).

Отношения, связанные с рассматриваемой субсидией, урегулированы прежде всего Законом о субсидиях на жилье (Wohngeldgesetz, далее – WoGG). Регулирование, содержащееся в WoGG, дополняется также Постановлением о субсидиях на жилье (Wohngeldverordnung) и Административным предписанием о субсидиях на жилье (Wohngeldverwaltungsvor schrift).

Круг лиц, имеющих право на субсидию на жилье, перечислен в § 3 WoGG. Так, получателем субсидии на жилье может быть только физическое лицо, причем такое лицо должно использовать жилое помещение для собственного проживания.

В связи с рассмотрением механизма предоставления субсидии на жилье в Германии А. Б. Рыжов предложил включить в ЖК РФ ст. 159.1, которая предусматривала бы предоставление малоимущим гражданам субсидии на оплату найма жилого помещения жилищного фонда коммерческого использования [17, с. 53]. Как представляется, сложно не согласиться с А.Б. Рыжовым, что данный механизм способен предоставить значительные выгоды гражданам, находящимся в очереди на предоставление социального жилья.

Отметим, что в Германии социальная поддержка в обеспечении жильем и субсидия на жилье являются взаимосвязанными элементами системы гарантий реализации права на жилище: если первая направлена на увеличение предложения социального жилья, то вторая – на повышение платежеспособности граждан. Также обратим внимание на то, что сложившийся в Германии механизм предоставления социального жилья, в отличие от российского, позволяет нанимателю социального жилья выбрать жилое помещение в подходящем районе с подходящей инфраструктурой.

Можно сделать вывод, что в России и Германии сложились в значительной степени различные механизмы реализации права малоимущих граждан на жилище, что, однако, не исключает возможности заимствования некоторых немецких правовых конструкций. В частности, представляет интерес возможность заключения соглашений, подобных тем, что именуются в германском праве согласием о поддержке.

Проблему нехватки жилищного фонда государство пытается решить путем законодательного закрепления новых видов жилых помещений. Так, в результате совместного заседания Госсовета и Совета по стратегическому развитию и нацпроектам России в конце 2020 г. было принято решение обеспечить внесение в законодательство Российской Федерации изменений относительно определения правового статуса помещений в многофункциональных зданиях, в том числе используемых для проживания граждан.

План по реализации указанного поручения 21 января 2021 г. внесен в «дорожную карту» по градостроительной деятельности, утвержденную Правительством РФ. Согласно п. 28 «дорожной карты», проект Федерального закона, определяющего правовой статус апартаментов (в том числе ранее построенных) и устанавливающего возможность регистрации в них по месту жительства, должен быть внесен в Государственную Думу Федерального Собрания РФ в октябре 2021 г.

При реализации права на жилище существуют определенные проблемы. Назовем некоторые из них на примере предоставления социальной недвижимости. К таким проблемам относятся:

1. Длительные сроки ожидания господдержки. Как правило, в очередях на улучшение жилищных условий приходится стоять по 10–15 лет, а в некоторых случаях по 20–25 лет, при этом проблема обеспечения жилой недвижимостью может утратить актуальность. В стране накопились огромные государственные обязательства в части обеспечения граждан жильем.

2. С конца 1990-х гг. происходит убыль социального жилищного фонда. Между тем новое жилье строится, но очень малое количество квадратных метров передается в государственный или муниципальный жилищные фонды для последующего выделения гражданам в порядке института социального найма, который в нынешнем виде является бессрочным. По этой причине государство дает возможность гражданам приватизировать выделенную им квартиру и фонд жилья снова сокращается.

3. Сложности с адресной и финансовой поддержкой населения, что делает программы государства по улучшению жилищных условий малоэффективными.

4. Ориентация на развитие рынка ипотечного кредитования для приобретения жилых помещений в собственность недостаточно эффективна. По статистике 40% семей не имеют возможности обеспечивать своим доходом даже льготное кредитование, не говоря уже об общих условиях ипотеки [18].

5. Закрепление норм, регулирующих возможность льготного получения жилья, в различных правовых актах создает ситуацию несогласованности и неорганизованности. Некоторые нуждающиеся граждане могут и не подозревать, что имеют право на получение льготной жилплощади. Например, претендовать на льготное жилье только на федеральном уровне имеют право 140 категорий граждан. Регионы и муниципалитеты также реализуют свои жилищные программы.

6. Отмечается острая нехватка объектов для переселения граждан из аварийного и ветхого жилья.

К сожалению, несмотря на внесение изменений в Конституцию нашей страны, вопросам совершенствования в области жилищного права не уделили должного внимания. Так, на практике вызывает сложности реализация права на жилище

некоторых категорий граждан, к которым относятся: многодетные семьи, дети-сироты, инвалиды, пенсионеры, работники различных социально значимых производств. Предоставление таким категориям граждан жилья происходит на основании федеральных законов, постановлений Правительства, которые могут быть отменены в любой момент, т. е. выполнение взятых на себя обязательств государство может с себя снять в зависимости от наличия или отсутствия денег на реализацию государственных программ в бюджете страны.

Таким образом, закрепление субъектов, которым государство дает льготные преференции для реализации жилищных прав, не гарантируются даже законом. Создается проблема правового регулирования права на жилище для неопределенного круга лиц.

Кроме того, проблемой является вопрос о получении жилья отдельных категорий работников по договору «коммерческого» найма. Сегодня получение такого жилья практически невозможно. Хотя еще 20 лет назад, работники могли получить ордер на жилье и затем его приватизировать [19, с. 66]. Но, как показывает практика, приватизировать такую недвижимость получалось не у всех. Не раз право на жилище, предоставляемое по договору коммерческого найма, трансформировалось впоследствии в социальный найм и становилось объектом судебного разбирательства.

В качестве примера можно привести решение от 2009 г. из обобщения практики по рассмотрению дел о приватизации жилых помещений в Надымском городском суде. Так, Надымский городской прокурор обратился в суд с иском в интересах М. к Обществу с ограниченной ответственностью «Газпром трансгаз Югорск» (ранее ООО «Тюментрансгаз Югорск»), о признании незаконной государственной регистрации права собственности ООО «Тюментрансгаз Югорск» на квартиру, расположенную по адресу: п. Пангоды, ул. Энергетиков, д. 39, кв. 34, в которой проживает М. и признании за М. права на приватизацию спорной квартиры. В обосновании исковых требований прокурор указал, что ранее на основании договора коммерческого найма жилого помещения от 2000 г., впоследствии по договору коммерческого найма от 2001 года М. была предоставлена 3-комнатная квартира предприятием «Тюментрансгаз» на состав семьи 3 человека. По требованию предприятия «Тюментрансгаз» она вынуждена была заключить договор именно коммерческого найма. На неоднократные обращения в администрацию пос. Пангоды и в ООО «Надымгазпром» с просьбой о приватизации занимаемого жилого помещения ей было отказано в связи с тем, что квартира является собственностью ООО «Газпром трансгаз Югорск».

Кассационным определением судебной коллегии по гражданским делам решение суда отменено, вынесено новое решение об удовлетворении иска Надымского городского прокурора в интересах М.[1]

Как видим, получение жилья определенными работниками по коммерческому найму довольно часто практиковалось. Хотя не всегда удавалось приватизировать такое жилье, и уже данный вопрос решался в суде. Сегодня, несмотря на сложность и вредность работы на объектах по добыче газа и нефти, право на жилье этих работников не осуществляется в должной мере, а уж о получении и приватизации жилья не идет и речи. Для решения этой проблемы в одной из своих работ автор уже предлагал ввести понятие «корпоративное жилое помещение» и предложил порядок формирования фонда корпоративного жилья [20, с. 36].

[1] Обобщение судебной практики по рассмотрению дел о приватизации жилых помещений в Надымском городском суде. URL: http://oblsud.ynao.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=175 (дата обращения: 07.06.2021).

Соответственно, вопрос по обеспечению права на жилье отдельных категорий работников также нуждается в детальном урегулировании на законодательном уровне, как и получение жилья по договору социального и коммерческого найма из жилищных фондов социального использования.

Выводы

Указанные проблемы можно решить, дополнив ЖК РФ 3-й частью «Право на жилище отдельных категорий граждан», только так гарантированная дополнениями в Конституцию поддержка работающего населения и других, нуждающихся в жилье граждан, их право на жилище и его реализация станет реальностью. Данная часть будет регулировать право на жилище малоимущих, детей-сирот, инвалидов, ветеранов, некоторых категорий работников (Крайнего Севера, работников добычи природных ресурсов, госслужащих и др.). Такая систематизация норм сделает проще ознакомление со своим правом на жилище обычных граждан, им не придется искать среди тысячи нормативных актов тот, который будет регулировать именно их право.

И кроме этого, закрепление прав таких граждан в отдельной части ЖК РФ позволит им не опасаться за стабильность (например, нередко постановления Правительства отменялись, а кроме этого, они принимаются на определенный промежуток времени) и действительную реализацию их права на жилище.

Список литературы

1. Авдеев В. Н. Неприкосновенность жилища в уголовном судопроизводстве: монография. Калининград: Калининград. юрид. ин-т МВД России, 2010. 86 с.

2. Богданова Е. Е. Жилищное право. М.: Проспект, 2018. 352 с.

3. Мамут Л. С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. 2001. № 7. С. 8–11.

4. Титов А. А. Жилищное право Российской Федерации. М.: Юрайт, 2019. 502 с.

5. Формакидов Д. А. Жилищное право. М.: Проспект, 2020. 192 с.

6. Goodman A. Estimating Equilibrium Housing Demand for "Stayers" // Journal of Urban Economics. 2002. Vol. 51. P. 1–24.

7. MacLennan S., Kemp. Housing Policy in the Member States // European Parliament Social Affairs Series. 1997. W-14. P. 166–168.

8. Malpezzi S. Urban Regulation, the New Economy and Housing Prices // Housing Policy Debate. 2002.Vol. 13, No. 2. P. 323–350.

9. Иншакова А. О., Ковалева О. А. Жилищное законодательство РФ и субъектов РФ: совместимость и пределы компетенции // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2016. Т. 15, № 1(30). С. 106–112.

10. Кейгер Ш. М., Гринблатт С. Чрезвычайные жилищные ситуации и этиология бездомности среди городских пожилых людей // Геронтолог. 1992. Т. 32, вып. 4. С. 457–465. https://doi.org/10.1093/geront/32.4.457.

11. Социально ориентированная государственная жилищная политика Российской Федерации: монография / кол. авторов под общ. ред. О. А. Ковалевой. М.: РУСАЙНС, 2017. 284 с.

12. Смирнова Ю. В. Конституционное право на жилище в системе смежных прав и свобод в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 8. С. 31–40.

13. Хабриева Т. Я. Доктринальное значение российской Конституции // Журнал российского права. 2009. № 2. С. 34–38.

14. Пчелинцева Л. М. Проблемы исследования природы и содержания конституционного права граждан на жилище // Юрист. 2005. № 1. С. 12–16.

15. Шелудякова Т. В. Право на жилище и государственная жилищная политика в Российской Федерации и зарубежных странах: конституционно-правовой аспект // Семейное и жилищное право. 2012. № 6. С. 43–47.

16. Куцина С. И. Жилищное право Российской Федерации. Краснодар: КубГУ, 2006. 214 с.

17. Рыжов А. Б. О совершенствовании социальных гарантий в сфере жилищных прав малоимущих граждан // Жилищное право. 2007. № 5. С. 52–60.

18. Карабут Т. Мутко: Около 40% российских семей не могут позволить себе ипотеку. URL: https://rg.ru/2020/08/20/mutko-okolo-40-rossijskih-semej-ne-mogut-pozvolit-sebe-ipoteku.html (дата обращения: 15.06.2021).

19. Свит Ю. П. Договор коммерческого найма жилого помещения // Закон. 2005. № 6. С. 66–68.

20. Филиппов П. М., Ковалева О. А. Принцип социальности жилищного права // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2016. № 3(32). С. 36.

References

1. Avdeev V. N. Neprikosnovennost' zhilishcha v ugolovnom sudoproizvodstve [Inviolability of the home in criminal proceedings]. Kaliningrad, Kaliningrad. yurid. in-t MVD Rossii, 2010. 86 p.

2. Bogdanova E. E. Zhilishchnoe pravo [Housing law]. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 352 p.

3. Mamut L. S. Social'noe gosudarstvo s tochki zreniya prava [The social state from the point of view of law]. *Gosudarstvo i pravo = State and law*, 2001, no. 7, pp. 8–11.

4. Titov A. A. Zhilishchnoe pravo Rossijskoj Federacii [Housing law of the Russian Federation]. Moscow, Yurajt Publ., 2019. 502 p.

5. Formakidov D. A. Zhilishchnoe pravo [Housing law]. Moscow, Prospekt Publ., 2020. 192 p.

6. Goodman A. Estimating Equilibrium Housing Demand for "Stayers". *Journal of Urban Economics*, 2002, vol. 51, pp. 1–24.

7. MacLennan S., Kemp. Housing Policy in the Member States. *European Parliament Social Affairs Series*, 1997, W-14, pp. 166–168.

8. Malpezzi S. Urban Regulation, the New Economy and Housing Prices. *Housing Policy Debate*, 2002, vol. 13, no. 2, pp. 323–350.

9. Inshakova A. O., Kovaleva O. A. Zhilishchnoe zakonodatel'stvo RF i sub"ektov RF: sovmestimost' i predely kompetencii [Housing legislation of the Russian Federation and the subjects of the Russian Federation: compatibility and limits of competence]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudenciya = Bulletin of the Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence*, 2016, vol. 15, no. 1(30), pp. 106–112.

10. Kejger Sh. M., Grinblatt S. Chrezvychajnye zhilishchnye situacii i etiologiya bezdomnosti sredi gorodskih pozhilyh lyudej [Housing emergencies and the etiology of homelessness among urban elderly people]. *Gerontolog = Gerontologist*, 1992, vol. 32, is. 4, pp. 457–465. https://doi.org/10.1093/geront/32.4.457.

11. Social'no orientirovannaya gosudarstvennaya zhilishchnaya politika Rossijskoj Federacii [Socially oriented state housing policy of the Russian Federation]; ed. by O. A. Kovalevoj. Moscow, RUSAJNS Publ., 2017. 284 p.

12. Smirnova Yu. V. Konstitucionnoe pravo na zhilishche v sisteme smezhnyh prav i svobod v Rossijskoj Federacii [The Constitutional right to housing in the system of related rights and freedoms in the Russian Federation]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2011, no. 8, pp. 31–40.

13. Habrieva T. Ya. Doktrinal'noe znachenie rossijskoj Konstitucii [The doctrinal significance of the Russian Constitution]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2009, no. 2, pp. 34–38.

14. Pchelinceva L. M. Problemy issledovaniya prirody i soderzhaniya konstitucionnogo prava grazhdan na zhilishche [Problems of studying the nature and content of the constitutional right of citizens to housing]. *Yurist = Lawyer*, 2005, no. 1, pp. 12–16.

15. Sheludyakova T. V. Pravo na zhilishche i gosudarstvennaya zhilishchnaya politika v Rossijskoj Federacii i zarubezhnyh stranah: konstitucionno-pravovoj aspekt [The right to housing and State housing policy in the Russian Federation and foreign countries: constitutional and legal aspect]. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo = Family and housing law*, 2012, no. 6, pp. 43–47.

16. Kucina S. I. Zhilishchnoe pravo Rossijskoj Federacii [Housing law of the Russian Federation]. Krasnodar, Kuban St. Univ. Publ., 2006. 214 p.

17. Ryzhov A. B. O sovershenstvovanii social'nyh garantij v sfere zhilishchnyh prav maloimushchih grazhdan [On improving social guarantees in the sphere of housing rights of poor citizens]. *Zhilishchnoe pravo = Housing law*, 2007, no. 5, pp. 52–60.

18. Karabut T. Mutko: Okolo 40% rossijskih semej ne mogut pozvolit' sebe ipoteku [Mutko: About 40% of Russian families cannot afford a mortgage]. Available at: https://rg.ru/2020/08/20/mutko-okolo-40-rossijskih-semej-ne-mogut-pozvolit-sebe-ipo-teku.html (accessed 15.06.2021).

19. Svit Yu. P. Dogovor kommercheskogo najma zhilogo pomeshcheniya [Commercial lease agreement for residential premises]. *Zakon = Law*, 2005, no. 6, pp. 66–68.

20. Filippov P. M., Kovaleva O. A. Princip social'nosti zhilishchnogo prava [The principle of sociality of housing law]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudenciya = Bulletin of the Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence*, 2016, no. 3(32), pp. 36.

Информация об авторе / Information about the Author

Ковалева Ольга Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Российская Федерация,
e-mail: radaurist@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-0668-1946

Olga A. Kovaleva, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department Civil Law and, Process, Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation,
e-mail: radaurist@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-0668-1946

Оригинальная статья / Original article

УДК 347.45/.47

Договор условного депонирования (эскроу) и договор хранения

Я. В. Дорофеева[1] ✉

[1]Пермский государственный национальный исследовательский университет
ул. Букирева 15, г. Пермь, 614990, Российская Федерация

✉ e-mail: dorofeeva.psu@yandex.ru

Резюме

Актуальность *исследования определена возникновением в Гражданском кодексе Российской Федерации главы, которая посвящена договору условного депонирования (эскроу). В науке данный вид договоров является малоизученным, в связи с этим появляется необходимость рассмотрения особенностей договора условного депонирования (эскроу), а также определения его сходства и различия с договором хранения. Исследование правового регулирования позволяет установить возможные направления изменения действующего законодательства с целью нивелирования существующих пробелов в вопросах применения договора эскроу.*

Целью *работы выступает сравнение специфических особенностей договора условного депонирования (эскроу) и договора хранения.*

Задачи: *проанализировать особенности договора эскроу; выделить схожие черты между договором ЭСКРОУ и договором хранения; выявить критерии различия между договором эскроу и договором хранения; сформировать предложения по изменению действующего законодательства в сфере правового регулирования.*

Методология. *В процессе исследования были использованы следующие методы: сравнительный, аналитический, формально-юридический, системного толкования права.*

Результаты*. Возможность сравнения договора эскроу и договора хранения обусловлена признаками их некоторого сходства. Для дальнейшего развития правового регулирования договора условного депонирования, с целью более строгого отграничения этой договорной конструкции от договора хранения, в российском гражданском законодательстве необходимо предусмотреть некоторые изменения.*

Выводы. *На основании сравнительного анализа российского законодательства в статье раскрыты критерии различия договора условного депонирования (эскроу) вещи и договора хранения (цель, объект, количество сторон, момент возникновения договорных обязательств, механизм исполнения договора, возможность распоряжаться вещью в период действия договора, защита вещи от взыскания), а также выделены различия и сходства в правовой регламентации данных видов договоров, позволившие автору сделать конкретные предложения по изменению действующего гражданского законодательства в этой сфере.*

Ключевые слова: *договор условного депонирования; договор эскроу; договор хранения.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Дорофеева Я. В. Договор условного депонирования (эскроу) и договор хранения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 37–52.

Поступила в редакцию 22.06.2021 Принята к публикации 27.07.2021 Опубликована 30.08.2021

© Дорофеева Я. В., 2021

Conditioned Depositing (Escrow) Agreement and Storage Agreement

Yana V. Dorofeeva[1] ✉

[1]Perm State National Research University
15 Bukireva str., Perm 614990, Russian Federation

✉ e-mail: dorofeeva.psu@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The relevance of the study is conditioned by the recently introduced RF Civil Law chapters covering the conditioned depositing (escrow) agreement, and by the drawbacks of its legal regulation. In science, this type of agreement is poorly understood, in this regard, it becomes necessary to consider the features of an escrow agreement, as well as determine its similarities and differences with the storage agreement. The study of legal regulation allows us to establish possible directions for changing the current legislation for levelling the existing regulatory gaps in the escrow agreement application.*

The ***purpose*** *of the work is to compare the specific features of the escrow agreement and the storage agreement.*

Objectives: *to analyse the features of the escrow agreement, to identify similarities between the escrow agreement and the storage agreement, to define the criteria for differentiating between the escrow agreement and the storage agreement, to develop proposals for changing the current legislation in the field of legal regulation.*

Methodology. *During the research, the following methods were used: comparative, analytical, formal-legal methods, systematic interpretation of law.*

Results. *The comparability of the escrow agreement and the storage agreement is conditioned by the signs of their certain similarity. For further development of the escrow agreement legal regulation, with the purpose of a more strict distinguishing of this agreeement structure from the storage agreement, it is necessary to provide for some changes in the Russian civil legislation.*

Conclusions. *Based on the comparative analysis of the Russian legislation, the article reveals the criteria for differentiating between an agreement of conditioned depositing of a thing (an escrow agreeement) and a storage agreement (purpose, object, number of the parties, the moment of the contractual obligations occurence, the mechanism for executing the agreement, the ability to dispose of the thing during the contracted period, protection from the seizure of the thing), and highlights differences and similarities in the legal regulation of these types of agreements, thus allowing the author to make specific proposals for changing the current civil legislation in this sphere.*

Keywords: *conditioned depositing agreement; escrow agreement; storage agreement.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Dorofeeva Y. V. Conditioned Depositing (Escrow) Agreement and Storage Agreement. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(4): 37–52. (In Russ.)

Received 22.06.2021 Accepted 27.07.2021 Published 30.08.2021

***

Введение

В настоящее время договор условного депонирования (эскроу) относится к наименее исследованным в науке российского права, поскольку его легализация в Гражданском кодексе РФ состоялась сравнительно недавно.

Новый вид договоров предполагает принятие и сохранение эскроу-агентом имущества депонента с целью его передачи бенефициару в целях исполнения обязательства депонента. Так, принятие норм, касающихся договора условного депонирования, является продолжением развития гражданского законодательства, относящегося к сфере финансовой деятельности [1]. Поскольку договор условного депонирования считается новшеством в российском законодательстве, в его правовом регулировании существуют некоторые несовершенства.

Стоит отметить, что договор условного депонирования обладает некоторыми специфическими особенностями, но при этом имеет и некоторые схожие черты с договором хранения.

Методология

В процессе исследования был использован комплекс общенаучных и специально-юридических методов познания явлений правовой действительности. В качестве базового был применен всеобщий диалектический метод научного исследования, позволивший рассмотреть договор эскроу как самостоятельную договорную конструкцию в его сопоставлении с договором хранения, а также учесть имеющуюся судебную практику. Из числа общенаучных и частнонаучных методов были использованы преимущественно методы анализа и синтеза нормативно-правовых актов и научных источников, сравнительный, формально-юридический, а также системного толкования норм права. Так, общенаучные методы анализа и синтеза позволили выделить условия субсидиарного применения правил о хранении к эскроу-отношениям, функции эскроу-агента, возможности хранителя и эскроу-агента по пользованию вещью, а также сделать выводы о недостатках правового регулирования договора условного депонирования (эскроу). Формально-догматический метод и метод системного толкования права применялся для определения характерных черт и особенностей элементов юридической конструкции договора эскроу, исходя из содержания главы 47.1 ГК РФ.

Наибольшее значение с учетом поставленной цели настоящего цивилистического исследования имеет сравнительный метод, использованный для определения критериев сходства и различия договоров условного депонирования имущества (эскроу) и хранения [2; 3]. Метод сравнения позволил как углубить теоретическое знание о юридической сущности самого договора эскроу, так и выявить условия субсидиарного применения к его правовой регламентации норм о договоре хранения вещи.

Совокупность указанных методов обеспечила достижение цели исследования, формирование основных выводов и формулирование конкретных рекомендаций по совершенствованию правового регулирования договора эскроу.

Результаты и их обсуждение

Законодатель в ГК РФ поместил главу 47.1 о договоре условного депонирования (эскроу) после главы 47 о хранении и в какой-то степени «связал» их последовательной нумерацией. Кроме того, согласно п. 3 ст. 926.5 ГК РФ к отношениям по договору эскроу, предусматривающему передачу на депонирование вещей, право собственности на которые сохраняется за депонентом, применяются положения главы 47 настоящего Кодекса, если иное не предусмотрено правилами настоящей главы, договором или не вытекает из существа обязательства.

Из этого правоположения следует, что правила о хранении применяются к эскроу-отношениям при наличии двух обязательных условий.

Во-первых, на депонирование передается именно вещь в узком юридическом смысле слова (не безналичные денежные средства и не бездокументарные ценные бумаги). Как справедливо отметил В. В. Витрянский, правовой режим депонированного имущества во многом «детерминирован» объектом такого имущества [4, с. 25; 5, с. 9]. Наряду с этим из п. 2 ст. 926.4 ГК РФ следует, что смешение эскроу-агентом переданного ему на депонирование имущества с иным (в том числе своим) имуществом того же рода не прекращает обязательства эскроу-агента перед депонентом и бенефициаром. Таким образом, на депонирование могут быть переданы как индивидуально-определенные, так и определенные родовыми признаками. Индивидуально-определенная вещь, находящаяся на депонировании у эскроу-агента, должна быть обособлена от его имущества, и та-

кая вещь отражается на отдельном балансе и (или) по нему ведется обособленный учет (п. 1 ст. 926.4 ГК РФ).

Во-вторых, право собственности на вещь, переданную на депонирование, сохраняется за депонентом до даты возникновения оснований для их передачи бенефициару. В литературе обоснованно указывается, что эскроу-агент не становится собственником депонированного имущества, фактически он выступает как титульный владелец, подобно хранителю в договоре хранения [6, с. 119].

В соответствии с п. 1 ст. 926.5 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом, в случае передачи на депонирование вещей депонент сохраняет право собственности на них до даты возникновения оснований для их передачи бенефициару, а после указанной даты право собственности на депонированные вещи переходит к бенефициару. Как верно обратил внимание Б. М. Гонгало, «вещь еще может находиться у эскроу-агента, но собственником ее уже считается бенефициар, который имеет право владения, пользования и распоряжения данной вещью, своей властью и в своем интересе (ст. 209 ГК), он несет бремя содержания имущества (ст. 210 ГК) и т.д. (хотя до момента передачи вещи бенефициару он не может реализовать свои правомочия в полном объеме)» [7, с. 386].

С учетом того, что рассматриваемая правовая норма является диспозитивной, стороны договора эскроу могут предусмотреть, что право собственности переходит к бенефициару: а) в момент передачи вещи эскроу-агенту; б) в иной момент *до* возникновения оснований для её передачи бенефициару; в) в иной момент *после* возникновения оснований для её передачи бенефициару.

Здесь возникает вопрос, можно ли с учетом диспозитивности п. 1 ст. 926.5 ГК РФ учесть в договоре возможность перехода права собственности на вещь к эскроу-агенту до момента возникновения оснований для её передачи бенефициару. Гражданский кодекс РФ в буквальном смысле слова этого не запрещает. Также в научной литературе существует точка зрения, согласно которой следующая возможность может быть установлена законом: «У эскроу-агента не возникает ни права собственности, ни права пользования депонируемым имуществом. Иное может быть предусмотрено законом» [8, с. 29]. Однако, на наш взгляд, эскроу-агент не может стать собственником депонированной вещи ни по закону, ни по договору, поскольку такая конструкция противоречит сущности и назначению договора эскроу. Этот договор не относится к числу договоров, направленных на передачу имущества в собственность, его цель и функции совершенно иные: эскроу-агент оказывает депоненту и бенефициару возмездную услугу. Поэтому вряд ли в законе или договоре можно допускать возможность передачи права собственности в какой-либо момент эскроу-агенту.

В п. 5 ст. 926.1 ГК РФ содержится *императивное* правило следующего содержания: обязательство депонента по передаче бенефициару имущества считается исполненным с момента передачи этого имущества эскроу-агенту.

В силу п. 1 ст. 459 ГК РФ, если иное не предусмотрено договором купли-продажи, риск случайной гибели или случайного повреждения товара переходит на покупателя с момента, когда в соответствии с *законом* или договором продавец считается исполнившим свою обязанность по передаче товара покупателю. Исходя из диспозитивного характера этого правила, риск случайной гибели может быть перенесен в договоре на покупателя в момент заключения договора [9, с. 30]. Так, заключая договор эскроу, в соответствии с законом (п. 5 ст. 926.1 ГК РФ) депонент считается исполнившим такую обязанность перед бенефициаром в момент передачи вещи эскроу-агенту.

Смоделируем следующую ситуацию: депонент передает вещь на условное депонирование эскроу-агенту 1 марта; 15 марта она сгорает вследствие обстоятельств непреодолимой силы; 30 марта

возникают основания для передачи вещи бенефициару. По действующему законодательству продавец по основному обязательству (депонент) будет считаться исполнившим обязанность по передаче вещи покупателю (бенефициару) 1 марта, при этом продавец, согласно п. 5 ст. 926.1 ГК РФ, сохраняет право собственности на вещь, несет бремя её содержания до 15 марта (гибель вещи прекращает чьелибо право собственности), а риск случайной гибели вещи переходит к бенефициару уже 1 марта.

Так как эскроу-агент не несет ответственность за недостачу или повреждение переданных ему на депонирование вещей вследствие непреодолимой силы (п. 2 ст. 926 ГК РФ), то все риски в такой ситуации несет бенефициар, начиная с 1 марта, когда он не является ещё собственником вещи и не имеет ни фактической, ни юридической (момент наступления оснований для передачи не наступил) возможности владеть вещью и осуществлять над ней хозяйственное господство. При этом если в договоре купли-продажи можно предусмотреть другой момент перехода риска случайной гибели от продавца к покупателю, то п. 5 ст. 926.1 ГК РФ сформулирован как императивный. Такое положение дел, на наш взгляд, создает коллизию между п. 5 ст. 926.1 ГК РФ и п. 1 ст. 459 ГК РФ, а также ставит бенефициара в невыгодное и безвыходное положение.

В связи с этим полагаем, что правило п. 5 ст. 926.1 ГК РФ о том, что «обязательство депонента по передаче бенефициару имущества считается исполненным с момента передачи этого имущества эскроу-агенту», должно быть сбалансировано нормами о порядке распределения рисков случайной гибели депонированного имущества.

В п. 1 ст. 926.5 ГК РФ используется словосочетание «*дата* возникновения оснований». Однако в других статьях ГК РФ законодатель, решая вопросы перехода прав от одного субъекта к другому, использует слово «момент» перехода. Например, в силу ст. 223 ГК РФ право собственности у приобретателя вещи по договору возникает с момента ее передачи, если иное не предусмотрено законом или договором. На следующее обстоятельство обращено внимание в комментаторской литературе: «Так, если, предположим, действие третьего лица, являющееся основанием, совершено в 17 часов 25 ноября, вряд ли правильно считать, что бенефициар стал собственником с 00 часов 25 ноября или с 00 часов 26 ноября. Думается, логично и справедливо будет исходить из того, что правовое значение должно придаваться моменту (а не дате) возникновения оснований. И лишь в тех случаях, когда момент возникновения оснований не может быть установлен, следует считать, что право собственности на вещь переходит к бенефициару с даты (в день) наступления оснований (подобный подход воплощен в п. 2 ст. 1114 ГК)» [10].

Безусловно, стороны могут урегулировать поставленный вопрос в договоре эскроу, руководствуясь тем, что срок в гражданском праве определяется *календарной датой* либо истечением периода времени, который исчисляется годами, месяцами, неделями, днями или *часами* (абз. 1 ст. 190 ГК РФ). Однако с целью соблюдения терминологического единообразия п. 1 ст. 926.5 ГК РФ стоит сформулировать следующим образом: «Если иное не предусмотрено законом, в случае передачи на депонирование вещей депонент сохраняет право собственности на них до *момента* возникновения оснований для их передачи бенефициару, а после указанного *момента* право собственности на депонированные вещи переходит к бенефициару».

Важно также заметить, что законодатель предусмотрел возможность субсидиарного применения гл. 47 ГК РФ, только если депонирована вещь, право собственности на которую сохраняется *за депонентом*. Однако, какова правовая природа отношений, если право собственности на вещь перейдет к бенефициару, но вещь продолжит находиться у эскроу-агента? Стороны могут преду-

смотреть в договоре эскроу, что право собственности на вещь возникает у бенефициара в момент передачи вещи депонентом эскроу-агенту либо в любой момент до или после возникновения оснований для передачи вещи бенефициару.

Кроме того, при возникновении оснований для передачи бенефициару, когда право собственности у бенефициара возникнет автоматически в силу закона (п. 1 ст. 926.5 ГК РФ), вещь может быть фактически по объективным причинам (не по вине бенефициара или эскроу-агента) передана эскроу-агентом бенефициару спустя какое-то время. К примеру, если основание для передачи вещи возникло 1 апреля, а вещь фактически по объективным причинам передана бенефициару 10 апреля, то какими нормами права должен регламентироваться этот период нахождения вещи, принадлежащей на праве собственности бенефициару, у эскроу-агента? Думается, что здесь также возникают отношения, похожие на обязательства из хранения: эскроу-агент «хранит» вещь до фактической передачи бенефициару. Но по какой причине законодатель не допускает субсидиарное применение главы 47 ГК РФ к таким отношениям?

В связи с этим, на наш взгляд, п. 3 ст. 926.5 ГК РФ необходимо изложить в следующей редакции: «К отношениям по договору эскроу, который предусматривает передачу на депонирование вещей, применяются положения главы 47 настоящего Кодекса, если иное не предусмотрено правилами настоящей главы, договором или не вытекает из существа обязательства».

Стоит отметить, что возможность сравнения договора условного депонирования вещей и договора хранения происходит из признаков их некоторого сходства. Прежде всего, слово «депонирование» происходит от латинского *dēpōnō,* что означает «кладу, отдаю» и предполагает «процесс организованного хранения чего-либо» [11, с. 140]. Эскроу-агент выполняет часть функций хранителя: он обязан обеспечить сохранность депонированных вещей до передачи бенефициару. В соответствии с абз. 1 ст. 886 ГК РФ по договору хранения одна сторона (хранитель) обязуется хранить вещь, которая передана ей другой стороной (поклажедателем), и возвратить данную вещь в сохранности.

С учетом определенной схожести договора хранения и договора эскроу некоторые аспекты этих отношений регулируются аналогичным образом и в главе 47, и в главе 47.1 ГК РФ.

Например, вещи одного поклажедателя, которые были приняты на хранение, могут смешиваться с вещами того же рода и качества других поклажедателей (хранение с обезличением). Эта возможность *должна быть прямо* предусмотрена договором хранения. Поклажедателю возвращается равное или обусловленное сторонами количество вещей того же рода и качества (ст. 890 ГК РФ). Пункт 2 ст. 926.4 ГК РФ допускает смешение эскроу-агентом переданного ему на депонирование имущества с иным (в том числе своим) имуществом того же рода. Как видим, эскроу-агент может смешивать депонированные вещи, обладающие родовыми признаками, как со своими вещами, так и с чужими вещами, которые у него находятся на каком-либо правовом основании, и при этом не требуется специального указания на возможность такого смешения в договоре эскроу. Смешение депонированных вещей не прекращает обязательства эскроу-агента перед депонентом и бенефициаром точно так же, как хранение с обезличиванием не прекращает обязательств хранителя перед поклажедателем по возврату вещей того же рода и качества.

Отметим здесь, что вопрос о том, кто является собственником обладающего родовыми признаками имущества, переданного на хранение (иррегулярное хранение), продолжает оставаться остро дискуссионным. Одни авторы отмечают, что право собственности, независимо от того, идет речь о регулярном или иррегулярном хранении, сохраняется за покла-

жедателями, при этом у них возникает общая долевая собственность на переданное на хранение имущество [12]. Другие настаивают, что у поклажедателя при иррегулярном хранении отсутствуют все правомочия собственника и он обладает лишь правом требования к хранителю о возврате вещей того же рода и качества [13]. На наш взгляд, при анализе применения норм о договоре эскроу данная дискуссия будет обострена ещё в большей степени, поскольку возникновение общей собственности у депонента и эскроу-агента, и тем более у депонента и других лиц, с имуществом которых эскроу-агент смешал депонированное имущество, ставит множество проблем как с распределением рисков случайной гибели и с возможным обращением взыскания на такое имущество, так и с гарантиями бенефициара в получении имущества.

Законодатель одинаково регламентирует возможности хранителя и эскроу-агента по пользованию вещью. Так, хранитель не вправе без согласия поклажедателя пользоваться вещью, переданной на хранение, а равно предоставлять возможность пользования ею третьим лицам, за исключением случая, если пользование хранимой вещью необходимо для обеспечения ее сохранности и не противоречит договору хранения (ст. 892 ГК РФ). Согласно п. 3 ст. 926.4 ГК РФ, если иное не предусмотрено договором или не вытекает из существа обязательства, эскроу-агент не вправе использовать переданное ему на депонирование имущество и распоряжаться им. Однако при совместном применении указанных правовых норм мы можем сделать вывод, что у эскроу-агента есть пассивная обязанность не только самому не пользоваться депонированной вещью, но и не предоставлять возможность пользования ею третьим лицам, и есть право пользоваться депонируемой вещью, если это необходимо для обеспечения ее сохранности и не противоречит договору эскроу.

Однако между договором условного депонирования и договором хранения имеются и существенные различия.

Во-первых, сама цель хранения сводится исключительно к обеспечению сохранности вещи и возврату её поклажедателю в невредимом виде. У договора цель иная – передать вещь бенефициару при наступлении определенных оснований и тем самым исполнить основное обязательство, существующее между депонентом и бенефициаром. Таким образом, как справедливо заметила Н. Г. Соломина, цель принятия вещи на депонирование, в которой «четко прослеживается связь договора эскроу с основным обязательством (ради исполнения которого и заключается этот договор), обладает конституирующим значением, что позволяет данный договор отграничить от договора хранения» [14, с. 21]. И именно поэтому «хранитель не может в силу особенностей договора осуществлять проверку выполнения условий договора и выбирать лицо, которое уполномочено на получение исполнения» [15, с. 181]. Это же обстоятельство отличает эскроу и от договора хранения со множественностью лиц на стороне поклажедателя [16, с. 7].

Во-вторых, на хранение могут быть переданы только вещи, в том числе по секвестру – недвижимые вещи (п. 3 ст. 926 ГК РФ). На условное депонирование передаются только движимые вещи (включая наличные деньги, документарные ценные бумаги и документы), а также безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги (п. 3 ст. 926.1 ГК РФ). На условное депонирование недвижимое имущество не передается, а на хранение не передаются безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги.

В-третьих, договор эскроу является трехсторонним, сторонами которого являются депонент, эскроу-агент и бенефи-

циар, а договор хранения – классический двусторонний договор, в нем участвует поклажедатель и хранитель. Следует заметить, что возможна конструкция договора хранения в пользу третьего лица, который может иметь право требовать передачи ему сданной на хранение вещи при наступлении определенного в договоре хранения условия. Однако, заключая договор эскроу, все его стороны понимают, что он направлен именно на исполнение и, как следствие, прекращение основного обязательства, существующего между депонентом и бенефициаром. Тогда как договор хранения, даже заключенный по модели «в пользу третьего лица», юридически не может быть связан с каким-либо основным обязательством. В этом отношении договор хранения не призван стимулировать к исполнению какого-либо иного обязательства [17, с. 64].

В-четвертых, договор условного депонирования (эскроу) сконструирован законодателем как консенсуальный: «договор эскроу является консенсуальным, поскольку имущество по его условиям депонент только обязуется передать в целях исполнения своего обязательства. Договор считается заключенным с момента достижения соглашения сторонами по всем его существенным условиям» [18], а договор хранения по общему правилу является реальным. Гражданский кодекс РФ допускает консенсуальность договора хранения исключительно применительно к договору складского хранения (ст. 907) и к хранению профессиональным хранителем. Договор условного депонирования сформулирован как консенсуальный, поскольку из легального определения договора мы видим, что депонент *обязуется передать* на депонирование эскроу-агенту имущество. В связи с этим большинство исследователей легко соглашаются с его консенсуальностью [19, с. 75].

Однако иные теоретические соображения обусловили существование в цивилистической науке подхода, согласно которому договор условного депонирования (эскроу) является по своей природе реальным. Например, М. А. Токмаков полагает, что конструирование договора счета эскроу и в принципе договора эскроу в качестве реального «соответствует существу и природе данных правоотношений, а также отражает сформировавшийся в общем праве подход о необходимости наличия для действительности эскроу такого элемента, как вручение (delivery)…» [20]. Так Д. В. Хаустов, давая характеристику договору условного депонирования, пишет, что по нему «депонент отдает на депонирование эскроу-агенту имущество в целях исполнения своих обязательств по его передаче другому лицу. Эскроу-агент обязуется создать сохранность этого имущества и предоставить его бенефициару при возникновении указанных в договоре оснований» [21].

В-пятых, договор эскроу и договор хранения различаются механизмом исполнения обязательства должника. Эскроу-агент передает депонированную вещь бенефициару, а хранитель передает (возвращает) вещь поклажедателю. Однако следует заметить, что такой вид договора хранения, как секвестр, в этом отношении намного в большей степени похож на договор эскроу, чем другие договоры хранения. Согласно п. 1 ст. 926 ГК РФ хранитель по договорному секвестру возвращает вещь не поклажедателю, а тому лицу, которому она будет присуждена по решению суда либо по соглашению всех спорящих лиц. Следует также заметить, что секвестр может быть установлен не только на основании договора, но и на основании решения суда (судебный секвестр), а условное депонирование вещей в порядке глав 47.1 ГК РФ возникает только на основании договора.

В-шестых, п. 4 ст. 926.5 ГК РФ предусматривает, что после передачи объекта депонирования эскроу-агенту и в течение всего периода действия договора эскроу депонент не вправе распоряжаться

данным имуществом, если иное не предусмотрено договором. Поклажедателю не запрещено распоряжаться переданным на хранение имуществом.

В-седьмых, депонированное имущество защищено от обращения взыскания, в отношении вещи, находящейся у хранителя, такая защита не действует.

Несмотря на перечисленные различия договоров эскроу и хранения законодатель допускает субсидиарное применение правил о договоре хранения к условному депонированию вещей, если иное не предусмотрено правилами главы 47.1 ГК РФ, договором или не вытекает из существа обязательства. Это обстоятельство ставит теоретическую задачу установления, какие правовые нормы института хранения подлежат применению к отношениям, вытекающим из условного депонирования, а какие нет.

Глава 47.1 ГК РФ предусматривает ряд правил, регулирующих договор эскроу и отличающихся от правил о хранении. В частности, договор хранения заключается в простой письменной форме (ст. 887 ГК РФ), а договор условного депонирования вещи – всегда в нотариальной (абз. 3 п. 1 ст. 926.1 ГК РФ).

Так срок договора хранения устанавливается либо в договоре, либо определяется как «до востребования» (ст. 889 ГК РФ). Срок условного депонирования определяется в договоре, но не может превышать пяти лет, а договор эскроу, заключенный на больший срок или без указания срока, считается заключенным на пять лет (абз. 2 п. 1 ст. 926.1 ГК РФ).

По договору хранения хранитель отвечает по общему правилу лишь при наличии своей вины, между тем профессиональный хранитель отвечает за утрату, недостачу или повреждение вещей на основе риска: если не докажет, что утрата, недостача или повреждение произошли вследствие непреодолимой силы, либо из-за свойств вещи, о которых хранитель, принимая ее на хранение, не знал и не должен был знать, либо в результате умысла или грубой неосторожности поклажедателя (п. 1, 2 ст. 901 ГК РФ). Тогда как эскроу-агент всегда, независимо от своего гражданско-правового статуса, отвечает на основе риска: любой эскроу-агент отвечает за утрату, недостачу или повреждение переданных ему на депонирование вещей, если не докажет, что эти обстоятельства произошли вследствие непреодолимой силы, либо из-за свойств вещей, о которых эскроу-агент, принимая их на депонирование, не знал и не должен был знать, либо в результате умысла или грубой неосторожности депонента (п. 2 ст. 926.5 ГК РФ).

Возможность смешения вещей должна быть прямо предусмотрена в договоре хранения (ст. 890 ГК РФ), для эскроу-отношений существует в силу закона (п. 2 ст. 926.4 ГК РФ), но всегда может быть исключена или ограничена в договоре эскроу.

Глава 47 ГК РФ о договоре хранения подлежит субсидиарному применению к отношениям из договора эскроу в следующих случаях.

Во-первых, п. 2 ст. 926.8 ГК РФ диспозитивно устанавливает, что при прекращении договора эскроу депонированное имущество подлежит возврату депоненту, а при возникновении оснований для передачи данного имущества бенефициару подлежит передаче бенефициару. Однако порядок, срок такой передачи (возврата) и последствия несвоевременного получения вещи от эскроу-агента в институте эскроу не устанавливаются.

Такой порядок можно обнаружить в ст. 899 ГК РФ, в которой указано, что по истечении обусловленного срока хранения или срока, который предоставлен хранителем для обратного получения вещи, поклажедатель обязан немедленно забрать вещь, переданную на хранение. При неисполнении поклажедателем своей обязанности взять обратно вещь, переданную на хранение, в том числе при его уклонении от получения вещи, хранитель вправе, если иное не предусмотрено до-

говором хранения, после письменного предупреждения поклажедателя самостоятельно продать вещь по цене, сложившейся в месте хранения, а если стоимость вещи по оценке превышает сто установленных законом минимальных размеров оплаты труда, продать ее с аукциона. Сумма, которая была выручена от продажи вещи, передается поклажедателю за вычетом сумм, причитающихся хранителю, в том числе его расходов на продажу вещи. Данные правила могут быть применимы и к депоненту, и к бенефициару при прекращении договора эскроу.

Также необходимо и депоненту, и бенефициару при просрочке получения вещи учитывать правила п. 4 ст. 896 ГК РФ, согласно которому, если по истечении срока хранения находящаяся на хранении вещь не взята обратно поклажедателем, он обязан уплатить хранителю соразмерное вознаграждение за дальнейшее хранение вещи. Это правило применяется и в случае, когда поклажедатель обязан забрать вещь до истечения срока хранения.

Кроме того, депонент и бенефициар при просрочке получения вещи от эскроу-агента также должны учитывать, что за утрату, недостачу или повреждение принятых на хранение вещей после того, как наступила обязанность поклажедателя взять эти вещи обратно, хранитель отвечает лишь при наличии с его стороны умысла или грубой неосторожности (п. 2 ст. 901 ГК РФ). Таким образом, негативным правовым последствием указанной просрочки со стороны депонента или бенефициара будет изменение ответственности эскроу-агента с рисковой на виновную.

Во-вторых, в институте договора условного депонирования не регулируются также вопросы о том, в каком виде должна быть передана (возвращена) депонируемая вещь и какова судьба плодов и доходов, полученных от вещи в период депонирования. Здесь возможно применение правил ст. 900 ГК РФ о том, что хранитель обязан возвратить поклажедателю или лицу, которое было указано им в качестве получателя, ту самую вещь, переданную на хранение, если договором не предусмотрено хранение с обезличением (а в договоре эскроу – депонирование с правом смешения). Вещь должна быть возвращена хранителем в том состоянии, в каком она была принята на хранение, с учетом ее естественного ухудшения, естественной убыли или иного изменения вследствие ее естественных свойств. В то же время с возвратом вещи хранитель обязан передать плоды и доходы, полученные за время ее хранения, если иное не предусмотрено договором хранения. Эти обязанности применимы и к эскроу-агенту.

В-третьих, в институте договора условного депонирования не регулируется вопрос вынужденного перепоручения исполнения. В ст. 895 ГК РФ предусмотрено, что если договором хранения не предусмотрено иное, хранитель не вправе без согласия поклажедателя передавать вещь на хранение третьему лицу, за исключением случаев, когда он вынужден к этому силой обстоятельств в интересах поклажедателя и лишен возможности получить его согласие. При передаче вещи на хранение третьему лицу условия договора между поклажедателем и первоначальным хранителем сохраняют силу и последний отвечает за действия третьего лица, которому он передал вещь, как за свои собственные. Однако хранитель при вынужденном перепоручении исполнения третьему лицу обязан незамедлительно уведомить поклажедателя. На наш взгляд, эти обязанности применимы и к эскроу-агенту, поскольку договор эскроу трехсторонний, эскроу-агент об этих обстоятельствах обязан уведомить и депонента, и бенефициара.

В-четвертых, в правоположениях о договоре эскроу не содержится информации о действиях эскроу-агента при изменении условий хранения депонированного имущества. Согласно ст. 893 ГК РФ при необходимости изменения условий

хранения вещи, предусмотренных договором хранения, хранитель обязан незамедлительно уведомить об этом поклажедателя и дождаться его ответа. Однако, если изменение условий хранения необходимо для устранения опасности утраты, недостачи или повреждения вещи, хранитель вправе изменить способ, место и иные условия хранения, не дожидаясь ответа поклажедателя. Если во время хранения возникла реальная угроза порчи вещи, либо вещь уже подверглась порче, либо возникли обстоятельства, которые не позволяют обеспечить ее сохранность, а своевременного принятия мер от поклажедателя ожидать нельзя, хранитель вправе самостоятельно продать вещь или часть ее по цене, сформировавшейся в месте хранения. Если данные обстоятельства возникли по причинам, за которые хранитель не отвечает, он имеет право на возмещение своих расходов на продажу за счет покупной цены. Следующие права и обязанности применимы и к эскроу-агенту, но подчеркнем, что поскольку договор эскроу трехсторонний, эскроу-агент об этих обстоятельствах обязан уведомить и депонента, и бенефициара.

В-пятых, договоры, как хранения, так и эскроу, могут быть как возмездными (по общему правилу), так и безвозмездными (в случаях, установленных в договоре (п. 1 ст. 926.2 ГК РФ)). Гражданский кодекс РФ в отношении договора условного депонирования устанавливает только два правила, связанных с порядком оплаты вознаграждения: 1) обязанность по оплате является для депонента и бенефициара солидарной (диспозитивно (абз. 2 п. 1 ст. 926.2 ГК РФ)); 2) эскроу-агенту запрещено засчитывать или удерживать полученное от депонента имущество в счет оплаты или обеспечения оплаты своего вознаграждения (диспозитивно (п. 2 ст. 926.2 ГК РФ). Как видим, глава 47.1 ГК РФ не содержит информации о сроке для выплаты вознаграждения, последствиях просрочки и судьбе вознаграждения при досрочном прекращении договорных обязательств. Эти вопросы регулируются в ст. 896 ГК РФ применительно к договору хранения. В частности, в ней устанавливается, что по общему правилу вознаграждения уплачивается по окончании хранения, а если оплата хранения предусмотрена по периодам, оно должно выплачиваться соответствующими частями по истечении каждого периода. В последнем случае при просрочке уплаты вознаграждения более чем на половину периода хранитель вправе отказаться от исполнения договора и потребовать от поклажедателя немедленно забрать сданную на хранение вещь. Следовательно, при возникновении вопроса о том, в какой момент депонент и бенефициар должны уплатить вознаграждение, он должен быть решен следующим образом: по окончании эскроу, т. е. при передаче имущества бенефициару или при возникновении готовности передать бенефициару в случае, если последний своевременно вещь не забирает.

В случае, если договор хранения досрочно прекращается по обстоятельствам, за которые хранитель *не отвечает*, он имеет право на соразмерную часть вознаграждения (п. 3 ст. 896 ГК РФ). Согласно абз. 2 п. 1 ст. 926.8 ГК РФ депонент и бенефициар могут отказаться от договора эскроу и направляют совместное уведомление об этом эскроу-агенту в письменной форме или иным способом, который предусмотрен договором эскроу. В этом случае в силу субсидиарного применения п. 3 ст. 896 ГК РФ эскроу-агент по договору условного депонирования вещи имеет право на соразмерное вознаграждение.

Если договор хранения досрочно прекращается по обстоятельствам, за которые хранитель *отвечает*, он не вправе требовать вознаграждение за хранение, а полученные в счет этого вознаграждения суммы должен вернуть поклажедателю (абз. 2 п. 3 ст. 896 ГК РФ).

Здесь возникает вопрос о том, что считать «обстоятельствами, за которые

хранитель отвечает». Судебная практика единообразно исходит из того, что под таковыми следует понимать прежде всего утрату переданного на хранение имущества[1]. Суды также считают, что к таким обстоятельствам относится утрата хранителем права пользования складом (где осуществлялось хранение)[2].

Согласно п. 1 ст. 926.8 ГК РФ договор эскроу прекращается досрочно вследствие смерти, признания ограниченно дееспособным, недееспособным или безвестно отсутствующим эскроу-агента – физического лица, прекращение полномочий нотариуса, который является эскроу-агентом, а также ликвидации эскроу-агента – юридического лица. Некоторые из этих обстоятельств могут произойти по вине эскроу-агента (например, признание ограниченно дееспособным, прекращение полномочий нотариуса, ликвидация юридического лица), т. е. он за их возникновение *отвечает*. В этих случаях вопрос с оплатой вознаграждения эскроу-агенту должен быть решен отрицательно.

В-шестых, нормы о договоре эскроу не регулируют отношения, затрагивающие передачу на условное депонирование вещей с опасными свойствами. Согласно п. 1 ст. 894 ГК РФ хранитель может в любое время обезвредить или уничтожить без возмещения поклажедателю убытков вещи с опасными свойствами (легковоспламеняющиеся, взрывоопасные или вообще опасные по своей природе), если поклажедатель при их сдаче на хранение не предупредил хранителя об этих свойствах. При этом поклажедатель отвечает за убытки, причиненные в связи с хранением таких вещей хранителю и третьим лицам, а также по возмездному договору хранения обязан выплатить вознаграждение хранителю (уплаченное вознаграждение за хранение вещей не возвращается, а если оно не было уплачено, хранитель может взыскать его полностью).

В-седьмых, в главе о договоре хранения подробно урегулированы отношения, которые связаны с исполнением обязанности принять вещь на хранение, другими словами, с исполнением консенсуального договора (ст. 888 ГК РФ). В частности, устанавливается, что хранитель по консенсуальному договору хранения не вправе требовать передачи ему этой вещи на хранение. Но при несостоявшемся хранении возникают два неблагоприятных для поклажедателя последствия: 1) поклажедатель несет ответственность перед хранителем за убытки, причиненные в связи с несостоявшимся хранением (это правило диспозитивное), если не заявит хранителю об отказе от его услуг в разумный срок; 2) хранитель может отказаться от принятия вещи на хранение, если в обусловленный договором срок вещь не будет ему передана (это правило также диспозитивное).

С учетом трехстороннего характера договора эскроу и существа его обязательства правило о том, что хранитель

[1] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.02.2015 № 302-ЭС14-2592 по делу № А58-3765/2013; Определение Верховного Суда РФ от 18.12.2015 по делу № 308-ЭС15-15826, А32-38575/2014; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 02.10.2015 № Ф08-7078/2015 по делу № А32-38575/2014; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 20.01.2016 № Ф09-8587/15 по делу № А47-1226/2014; Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 30.08.2019 № Ф10-3627/2019 по делу № А68-8783/2017; Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 19.07.2019 № 06АП-3278/2019 по делу № А73-22556/2018.

[2] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 10.10.2016 № Ф07-8190/2016 по делу № А56-75920/2015; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 10.10.2016 № Ф07-8190/2016 по делу № А56-75920/2015; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.04.2017 № 13АП-4427/2017 по делу № А56-24204/2016.

обязан по первому требованию поклажедателя возвратить вещь, принятую на хранение, хотя бы предусмотренный договором срок ее хранения еще не окончился (ст. 904 ГК РФ), не применимо к договору эскроу.

Выводы

Таким образом, договор условного депонирования (эскроу) вещи и договор хранения различаются по следующим критериям: 1) цель (передать вещь бенефициару, исполнив основное обязательство между депонентом и бенефициаром / обеспечение сохранности вещи и возврат поклажедателю в невредимом виде); 2) объект (движимые вещи (включая наличные деньги, документарные ценные бумаги и документы) / движимые и недвижимые вещи); 3) по количеству сторон (трехсторонний / двусторонний); 4) по моменту возникновения договорных обязательств (консенсуальный / по общему правилу реальный); 5) механизм исполнения договора (передача вещи бенефициару / возврат вещи поклажедателю); 6) возможность распоряжаться вещью в период действия договора (запрещено депоненту / не запрещено поклажедателю); 7) защита вещи от взыскания (есть / нет).

Правовая регламентация договора эскроу и договора хранения различна по следующим вопросам: форма договора (нотариальная / простая письменная), срок договора (не более 5 лет / без ограничения срока); основание ответственности эскроу-агента / хранителя (риск / по общему правилу вина); возможность смешения вещей (предусмотрена в силу закона / должна быть прямо предусмотрена договором).

Закону и существу обязательств эскроу не противоречит субсидиарное применение следующих правил о договоре хранения: порядок передачи (возврата) вещи (ст. 899 ГК РФ); требования к исполнению обязанности возвратить вещь (ст. 900 ГК РФ); условия и последствия вынужденного перепоручения исполнения (ст. 895 ГК РФ); последствия изменения условий хранения (ст. 893 ГК РФ); порядок уплаты вознаграждения (ст. 896 ГК РФ); последствия передачи вещи с опасными свойствами (ст. 894 ГК РФ); последствия несостоявшегося хранения (ст. 888 ГК РФ).

Правило о том, что хранитель обязан по первому требованию поклажедателя возвратить принятую на хранение вещь, хотя бы предусмотренный договором срок ее хранения еще не окончился (ст. 904 ГК РФ), не применимо к договору эскроу по причине трехстороннего характера договора эскроу и существа его обязательства.

Сравнение договоров эскроу и хранения позволяют сделать следующие предложения по изменению действующего законодательства:

– правило п. 5 ст. 926.1 ГК РФ о том, что «обязательство депонента по передаче бенефициару имущества считается исполненным с момента передачи этого имущества эскроу-агенту», должно быть дополнено правилами о распределении рисков случайной гибели имущества;

– п. 1 ст. 926.5 ГК РФ следует сформулировать следующим образом: «Если иное не предусмотрено законом, в случае передачи на депонирование вещей депонент сохраняет право собственности на них до *момента* возникновения оснований для их передачи бенефициару, а после указанного *момента* право собственности на депонированные вещи переходит к бенефициару»;

– п. 3 ст. 926.5 ГК РФ необходимо изложить в следующей редакции: «К отношениям по договору эскроу, предусматривающему передачу на депонирование вещей, применяются положения главы 47 настоящего Кодекса, если иное не предусмотрено правилами настоящей главы, договором или не вытекает из существа обязательства».

Список литературы

1. Маликов А., Рябинин А. Договор условного депонирования (эскроу): особенности, преимущества, перспективы // Банковское обозрение. Приложение "БанкНадзор". 2018. № 2. С. 91–94.

2. Голубцов В. Г., Кузнецова О. А. Цель цивилистического диссертационного исследования // Методологические проблемы цивилистических исследований: сборник научных статей / отв. ред. А. В. Габов, В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М.: Статут, 2016. С. 53–77.

3. Кузнецова О. А. Научная проблема и названия цивилистических исследований // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4 (22). С. 316–324.

4. Витрянский В. Новеллы о договорах в сфере банковской и иной финансовой деятельности // Хозяйство и право. 2017. № 12. С. 3–28.

5. Витрянский В. В. Очередной этап реформы гражданского законодательства: потери и достижения // Хозяйство и право. 2017. № 10. С. 3–9.

6. Шерстобитов А. Е. Содержание и исполнение договора условного депонирования // Гражданское право: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2020. С. 117–120.

7. Гонгало Б. М. Договор условного депонирования (эскроу) (глава 45) // Гражданское право: в 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. М.: Статут, 2018. Т. 2. 560 с.

8. Рузакова О. А., Степкин С. П. Некоторые проблемы правового регулирования договорных отношений условного депонирования (эскроу) // Банковское право. 2018. № 2. С. 29–36.

9. Карапетов А. Г., Бевзенко Р. С. Комментарий к нормам ГК об отдельных видах договоров в контексте Постановления Пленума ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации. 2014. № 8. С. 4–97.

10. Гражданский кодекс Российской Федерации. Финансовые сделки. Постатейный комментарий к главам 42–46 и 47.1 / Е. В. Бадулина, Н. В. Бандурина, А. А. Борисенко и др.; под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2018. 400 с.

11. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. 702 с.

12. Ефимова Л. Г. Договоры банковского вклада и банковского счета: монография. М.: Проспект, 2018. 432 с.

13. Иоффе О. С. Избранные труды: в 4 т. Т. III: Обязательственное право. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 493 с.

14. Соломина Н. Г. К вопросу о договоре условного депонирования // Право и экономика. 2019. № 10. С. 18–23.

15. Сварчевский К. Г., Ромм Д. А. Правовой анализ и перспективы развития договора счета эскроу // Частное и публичное в вещном праве: сборник статей. СПб.: ИД «Петрополис», 2016. С. 177–182.

16. Костоев М. М. Договор эскроу в системе обязательственного права России // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8, № 8А. С. 5–11.

17. Гасников К. Д. Условное депонирование движимого имущества как способ обеспечения исполнения обязательств // Вестник арбитражной практики. 2019. № 3. С. 60–70.

18. Щенникова Л. В. О новом договоре, подлежащем обязательному нотариальному удостоверению, с загадочным названием «эскроу» // Нотариус. 2018. № 2. С. 3–5.

19. Захаркина А. В. Договор условного депонирования (эскроу) как основание нового сложного обязательства // Lex russica. 2019. № 4. С. 68–77.

20. Токмаков М. А. Условное депонирование (эскроу) в праве России и США: дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2017. 239 с.

21. Хаустов Д. В. Обзор нового законодательства и судебной практики // Экологическое право. 2017. № 5. С. 35–45.

References

1. Malikov A., Ryabinin A. Dogovor uslovnogo deponirovaniya eskrou: osobennosti, preimuschestva, perspektivi [Escrow agreement: features, advantages, prospects]. *Bankovskoe obozrenie. Prilojenie "BankNadzor" = Banking Review. Application "BankNadzor",* 2018, no. 2, pp. 91–94.

2. Golubtsov V. G., Kuznetsova O. A. Tsel' tsivilisticheskogo dissertatsionnogo issledovaniya [The purpose of the civil dissertation research]. Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy. Sbornik nauchnykh statey [Methodological problems of civil studies. Collection of scientific articles]; ed. by A. V. Gabov, V. G. Golubtsov, O. A. Kuznetsova. Moscow, Statut Publ., 2016, pp. 53–77.

3. Kuznetsova O. A. Nauchnaya problema i nazvaniya civilisticheskih issledovanij. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2013, no. 4 (22), pp. 316–324.

4. Vitryanskii V. V. Novelli o dogovorah v sfere bankovskoi i inoi finansovoi deyatelnosti [Novels about contracts in the sphere of banking and other financial activities]. *Hozyaistvo i pravo = Economy and law*, 2017, no. 12, pp. 3–28.

5. Vitryanskii V. V. Ocherednoi etap reformi grajdanskogo zakonodatelstva: poteri i dostijeniya [The Next Stage of the Civil Legislation Reform: Losses and Achievements]. *Hozyaistvo i pravo = Economy and law*, 2017, no. 10, pp. 3–9.

6. Sherstobitov A. E. Soderjanie i ispolnenie dogovora uslovnogo deponirovaniya. [The content and execution of the escrow agreement]. Grajdanskoe pravo [Civil Law]; ed. by E. A. Suhanov. Moscow, Statut Publ., 2020, pp. 117–120.

7. Gongalo B. M. Dogovor uslovnogo deponirovaniya (eskrou) (glava 45) [Escrow Agreement, Chapter 45]. Grajdanskoe pravo [Civil Law]; ed. by B. M. Gongalo. Moscow, Statut Publ., 2018, vol. 2. 560 p.

8. Ruzakova O. A. Stepkin S. P. Nekotorie problemi pravovogo regulirovaniya dogovornih otnoshenii uslovnogo deponirovaniya, eskrou [Some problems of legal regulation of contractual escrow relations]. *Bankovskoe pravo = Banking Law*, 2018, no. 2, pp. 29–36.

9. Karapetov A. G., Bevzenko R. S. Kommentarii k normam GK ob otdelnih vidah dogovorov v kontekste Postanovleniya Plenuma VAS RF "O svobode dogovora i ee predelah" [Commentary on the norms of the Civil Code on certain types of contracts in the context of the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation "On freedom of contract and its limits"]. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiiskoi Federacii = Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*, 2014, no. 8, pp. 4–97.

10. Badulina E. V., Bandurina N. V., Borisenko A. A., eds. Grajdanskii kodeks Rossiiskoi Federacii. Finansovie sdelki. Postateinii kommentarii k glavam 42–46 i 47.1 [The Civil Code of the Russian Federation. Financial transactions. The article-by-article commentary on chapters 42–46 and 47.1]; ed. by P. V. Krasheninnikov. Moscow, Statut Publ., 2018. 400 p.

11. Slovar russkogo yazika [Dictionary of the Russian Language]; ed. by A. P. Evgeneva. Moscow, Rus. Yaz. Publ., Poligzafresursy Publ., 1999, vol. 1. 702 p.

12. Efimova L. G. Dogovori bankovskogo vklada i bankovskogo scheta [Bank deposit and bank account agreements]. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 432 p.

13. Ioffe O. S. Izbrannie trudi. Vol. III: Obyazatelstvennoe pravo [Selected works. Vol. 3: Obligations law]. St. Petersburg, Yuridicheskij centr Press, 2004. 493 p.

14. Solomina N. G. K voprosu o dogovore uslovnogo deponirovaniya [On the issue of an escrow agreement]. *Pravo i ekonomika = Law and Economics*, 2019, no. 10, pp. 18–23.

15. Svarchevskii K. G., Romm D. A. Pravovoi analiz i perspektivi razvitiya dogovora scheta eskrou [Legal analysis and development prospects of the escrow account agreement]. Chastnoe i publichnoe v veschnom prave. Sbornik statei [Private and Public in Real Law. Collection of Articles]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2016, pp. 177–182.

16. Kostoev M. M. Dogovor eskrou v sisteme obyazatelstvennogo prava Rossii [Escrow agreement in the system of obligations law in Russia]. *Voprosi rossiiskogo i mejdunarodnogo prava = Issues of Russian and International Law*, 2018, vol. 8, no. 8A, pp. 5–11.

17. Gasnikov K. D. Uslovnoe deponirovanie dvijimogo imuschestva kak sposob obespecheniya ispolneniya obyazatelstv [Escrow of movable property as a way of securing the fulfillment of obligations]. *Vestnik arbitrajnoi praktiki = Bulletin of Arbitration Practice,* 2019, no. 3, pp. 60–70.

18. Schennikova L. V. O novom dogovore, podlejaschem obyazatelnomu notarialnomu udostovereniyu s zagadochnim nazvaniem "eskrou" [About a New Contract, Subject to Mandatory Notarization, with the Mysterious Name "Escrow"]. *Notarius = Notary*, 2018, no. 2, pp. 3–5.

19. Zaharkina A. V. Dogovor uslovnogo deponirovaniya (eskrou) kak osnovanie novogo slojnogo obyazatelstva [Escrow agreement as the basis for a new complex obligation]. *Lex Russica*, 2019, no. 4, pp. 68–77.

20. Tokmakov M. A. Uslovnoe deponirovanie (eskrou) v prave Rossii i SShA. Diss. kand. yurid. nauk [Escrow in Russia and the USA. Cand. legal. sci. diss.]. Samara, 2017, 239 p.

21. Haustov D. V. Obzor novogo zakonodatelstva i sudebnoi praktiki [Review of new legislation and judicial practice]. *Ekologicheskoe pravo = Environmental Law*, 2017, no. 5, pp. 35–45.

Информация об авторе / Information about the author

Дорофеева Яна Владимировна, соискатель кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Российская Федерация,
e-mail: dorofeeva.psu@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-7779-991X

Yana V. Dorofeeva, Applicant for the Department of Entrepreneurship Law, Civil Litigation and Arbitration, Perm State National Research University, Perm, Russian Federation,
e-mail: dorofeeva.psu@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-7779-991X

Оригинальная статья / Original article

УДК. 343.28

Понятие и признаки принудительных мер медицинского характера

И. А. Ефремова[1] ✉

[1]Саратовская государственная юридическая академия
ул. Вольская 1, г. Саратов 410003, Российская Федерация

✉ e-mail: efremova005@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Безопасность человека может обеспечиваться не только посредством привлечения виновного лица к уголовной ответственности и назначения ему наказания, но и в некоторых случаях посредством назначения принудительных мер медицинского характера, для назначения и исполнения которых имеют важное значение фундаментальные категории, а именно понятие и признаки, которые на настоящий момент остаются не разработанными.*

Цель исследования *заключается в выработке понятия и признаков принудительных мер медицинского характера.*

Задачи: *изучить российский уголовный закон в части регламентации принудительных мер медицинского характера; выявить доктринальные подходы к определению их понятия и признаков; разработать и представить авторскую дефиницию принудительных мер медицинского характера.*

Методология. *В процессе проведенного исследования использовались: диалектический метод познания, общенаучные (анализ и синтез, логический) методы и частно-научные методы познания (формально-юридический, статистический).*

Результаты. *Обозначены различные позиции ученых относительно принудительных мер медицинского характера, выявлены их признаки, на основе которых представлена авторская дефиниция принудительных мер медицинского характера.*

Вывод. *Несмотря на то, что принудительные меры медицинского характера активно изучаются со стороны научного сообщества, в настоящее время среди ученых отсутствует единство во мнении относительно фундаментальных категорий принудительных мер медицинского характера, в частности их понятия и признаков. Исходя из этого представляется необходимым закрепить в российском уголовном законе, а именно в статье 98 Уголовного кодекса Российской Федерации (при этом обозначив ее «Понятие и цели применения принудительных мер медицинского характера») следующую дефиницию: принудительные меры медицинского характера есть иная уголовно-правовая мера государственного принуждения к лечению, предусмотренная уголовным законом, назначаемая судом на основании обвинительного приговора или постановления конкретному лицу, указанному в части 1 статьи 97 Уголовного кодекса Российской Федерации, от имени российского государства.*

Ключевые слова: *иная мера; мера уголовно-правового характера; понятие; признаки; обязанность лечения; невменяемое лицо; психическое расстройство; педофилия.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Ефремова И. А. Понятие и признаки принудительных мер медицинского характера // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 53–62.

Поступила в редакцию 01.07.2021 Принята к публикации 29.07.2021 Опубликована 30.08.2021

© Ефремова И. А., 2021

The Concept and Signs of Compulsory Medical Measures

Irina A. Efremova[1] ✉

[1]Saratov State Law Academy
1 Volskaya str., Saratov 410003, Russian Federation

✉ e-mail: efremova005@yandex.ru

Резюме

Relevance. *Human security can be ensured not only by bringing the guilty person to criminal responsibility and imposing punishment, but also in some cases by prescribing compulsory medical measures. For the purpose and execution of which the fundamental categories are important, namely the concept and features that currently remain undeveloped.*

The purpose *it consists in the development of the concept and signs of compulsory medical measures.*

Objectives: *to study the Russian criminal law in terms of the regulation of compulsory medical measures; to identify doctrinal approaches to the definition of their concepts and characteristics; to develop and present the author's definition of compulsory medical measures.*

Methodology. *In the course of the conducted research, the following methods were used: dialectical method of cognition, general scientific (analysis and synthesis, logical methods) and private scientific methods of cognition (formal-legal, statistical analysis).*

Results. *Various positions of scientists concerning compulsory measures of medical character are designated, their signs are revealed, on the basis of which the author's definition of compulsory measures of medical character is presented.*

Conclusion. *Despite the fact that compulsory medical measures are actively studied by the scientific community, there is currently no consensus among scientists on the fundamental categories of PMMC, in particular, their concept and characteristics. Based on this, it seems necessary to fix it in the Russian criminal law, namely, in art. 98 of the Criminal Code of the Russian Federation (while designating it «The concept and purpose of the application of compulsory medical measures») the following definition: compulsory measures of a medical nature are other criminal-legal measures of state coercion provided for by the criminal law, imposed by the court on the basis of a guilty verdict or a decision to a specific person specified in Part 1 of Article 97 of the Criminal Code of the Russian Federation, on behalf of the Russian state.*

Keywords: *other measure; measure of a criminal nature; concept; signs; duty of treatment; deranged person; mental disorder; pedophilia.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: *Efremova I. A. The Concept and Signs of Compulsory Medical Measures. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(4): 53–62. (In Russ.)

Received 01.07.2021 Accepted 29.07.2021 Published 30.08.2021

***

Введение

Основным Законом российского государства провозглашается, что человек, его права и свободы – высшая ценность[1]. Данный конституционный постулат обеспечивается законодательством российского государства в целом и российским уголовным законом в частности посредством привлечения лица, которое совершило на территории российского государства преступное посягательство, к уголовной ответственности и назначения ему наказания. Однако, если например, лицо, которое совершило преступное посягательство, может быть невменяемое в

[1] См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 11, ст. 1416.

период совершения им преступления либо у такого лица наличествует психическое расстройство, расстройство сексуального предпочтения (педофилия), которые не исключают его вменяемость, то в данном случае является невозможным обеспечение безопасности без назначения такому лицу принудительных мер медицинского характера (далее – ПММХ), которые направлены улучшить психическое состояние таких лиц, а также предупредить совершение ими на территории российского государства новых преступных посягательств [1, с. 153].

Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ свидетельствуют об относительной устойчивости доли назначения ПММХ невменяемым лицам. Так, например, в 2016 г. ПММХ были назначены 2 863 лицам, которые были невменяемы (0,3% от общего числа выявленных лиц, которые совершили на территории российского государства преступное посягательство), в 2017 г. – 2 570 (0,3%); в 2018 г. – 2 529 (0,3%); в 2019 г. – 2 349 (0,3%); в 2020 г. – 2 169 невменяемым лицам (0,3%).

Проблема ПММХ относится к числу междисциплинарных [2, с. 3; 3, с. 188] (к числу уголовных, уголовно-процессуальных, уголовно-исполнительных проблем, а также к числу конституционных проблем, медицинских, общей и судебной психиатрии [4, с. 4–5]), решение которой необходимо начинать с разработки фундаментальных категорий: понятия и признаков ПММХ.

Глубокий анализ уголовно-правовой доктрины в исследуемой части позволяет констатировать, что несмотря на значительное в настоящее время количество исследований ПММХ все же их понятие и признаки остаются не разработанными. Неразработанность фундаментальных категорий ПММХ порождает в правоприменительной деятельности определенные трудности, а в теории уголовного права – доктринальные разногласия.

Методология

В настоящей работе использован диалектический метод познания при анализе ПММХ как иной уголовно-правовой меры государственного принуждения к лечению и их признаков, а также общенаучные методы (анализ и синтез, логический) и частнонаучные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой). Такой общенаучный метод познания, как анализ и синтез, использовался для изучения российского уголовного закона, доктринальных позиций в рассматриваемой части. Посредством логического метода познания были определены сущность и содержание каждого из признаков ПММХ. При изучении дефиниций ПММХ использовался сравнительно-правовой метод познания. Статистический метод использовался для определения количества невменяемых лиц, которым были назначены ПММХ.

Результаты и их обсуждение

В настоящее время решение конкретных проблем развития российского уголовного закона, в том числе отнесение того или иного правового явления к уголовно-правовой сфере регулирования, является невозможным без установления его дефиниции, признаков и юридической природы [5, с. 32]. Не являются исключением и ПММХ. Сложность определения понятия рассматриваемых иных мер уголовно-правового характера заключается в том, что российским законодателем не определена их дефиниция [6], а в уголовно-правовой доктрине отсутствует единство во мнении относительно определения понятия ПММХ. Так, например, одни ученые полагают, что под ПММХ необходимо понимать именно уголовно-правовые меры государственного принуждения, которые назначаются лицам, совершившим преступное посягательство, судом по приговору, со-

держание которых состоит в принудительном лечении таких лиц [7, с. 135].

Другие предлагают понимать под ПММХ не уголовно-правовые меры, а принудительные средства медицинского характера. Например, Н. В. Жарко полагает, что данная позиция является наиболее верной, поскольку принудительные средства медицинского характера, по его мнению, выступают видом государственного принуждения, которые назначаются лицам, совершившим преступление, судом и которые заключаются в психиатрическом лечении таких лиц. Более того, данный автор приходит к суждению, что ПММХ – уголовно-правовые санкции [2, с. 87].

Имеется и позиция, что ПММХ – медико-судебные меры, которые назначаются судом лицам, представляющим опасность для общества, исходя из содеянного и их психического состояния, которые содержат в себе как юридическое начало, так и медицинское начало [8, с. 22; 9, с. 144]. Некоторые предлагают под ПММХ понимать конкретные меры, которые определены российским законодателем и которые назначаются конкретным лицам (а именно тем, которые совершили преступления и у которых наличествует психическое расстройство) с целью улучшения их психического состояния или предупреждения совершения ими новых преступных посягательств [10, с. 529]. А. А. Рождествина указывает, что ПММХ – это именно медицинские меры, определенные законодателем в российском уголовном законе [11].

В правовой доктрине наличествует и позиция, согласно которой ПММХ – определенные способы лечения лиц, которые совершили преступное посягательство и у которых наблюдается психическое расстройство в целях предупреждения совершения ими новых преступных посягательств и в целях улучшения их психического состояния или их излечения [12, с. 115].

Для того чтобы наиболее полно и правильно сформулировать дефиницию ПММХ, необходимо выделить их признаки.

Принудительные меры медицинского характера относятся к иным мерам уголовно-правового характера, а не к уголовным наказаниям, в связи с чем ПММХ не входят в систему уголовных наказаний и не предусматриваются российским законодателем в санкциях статей Особенной части УК РФ, а также не несут в себе исправительный потенциал. ПММХ могут быть применены только к конкретным лицам, которые совершили на территории российского государства преступное посягательство (категории данных лиц обозначены в ст. 97 УК РФ). Исходя из того, что ПММХ не являются уголовным наказанием, можно прийти к следующим суждениям. В отношении ПММХ не применяется институт освобождения от наказания, определенный главой 12 УК РФ «Освобождение от наказания», а также не применяется в отношении ПММХ институт помилования, амнистии. При этом отнесение ПММХ не к иным мерам уголовно-правового воздействия, а, например, к принудительным средствам медицинского характера, медико-судебным мерам, медицинским мерам будет существенным образом противоречить основам российского уголовного закона, поскольку за совершение преступного посягательства, которое предусмотрено Особенной частью УК РФ, российским уголовным законом устанавливаются виды уголовных наказаний и иные меры уголовно-правового характера (ч. 2 ст. 2 УК РФ).

Как полагают некоторые ученые, ПММХ – вид государственного принуждения [2, с. 87; 7, с. 135; 13, с. 142]. В частности, А. И. Бобраков, А. А. Телегина, высказывая данное суждение, обосновывают его тем, что ПММХ, равно как и уголовные наказания, назначаются определенным категориям лиц за совершение преступления государственными органа-

ми (судом) от имени российского государства и обеспечиваются его принудительной силой [13, с. 142].

Однако среди научного сообщества наличествуют и противники данной позиции, которые полагают, что ПММХ – это не вид государственного принуждения, а способы лечения [14, с. 32]. Такое разночтение в позициях во многом обусловлено тем, что в уголовно-правовой доктрине нет единства во мнении относительно соотношений понятий «уголовная ответственность», «иные меры уголовно-правового характера», «наказание». Так, одни ученые полагают, что общим термином является «меры уголовно-правового характера» [15, с. 461], который включает в себя уголовную ответственность и иные меры уголовно-правового характера как равнозначные категории. Если следовать данному воззрению, то следует заключить, что иные меры уголовно-правового характера в целом, ПММХ в частности, не входят в содержание уголовной ответственности, но при этом они составляют с ней единое содержание мер уголовно-правовой ответственности [16, с. 65]. Подобную позицию занимает и Б. Т. Разгильдиев [17, с. 798]. Представляется, что данное суждение выступает верным, поскольку иное бы противоречило российскому уголовному закону, согласно которому невменяемое лицо не подлежит уголовной ответственности, однако такому лицу могут быть назначены ПММХ. При ином бы подходе при назначении невменяемому лицу ПММХ такое лицо бы считалось привлеченным к уголовной ответственности, что является неприемлемым в принципе. Однако при этом ПММХ, входя наряду с уголовной ответственностью в содержание мер уголовно-правового характера (собственно это и есть уголовно-правовое воздействие), являются видом государственного принуждения, поскольку российское государство обладает исключительным правом на назначение конкретному лицу ПММХ.

Более того, только российское государство обладает правом по определению полномочий в сфере назначения и исполнения иных мер уголовно-правового характера, устанавливает их основания назначения конкретному лицу, виды и содержание, не являются исключением и ПММХ. Данное суждение вытекает из п. «о» ст. 71 Конституции РФ, которым уголовное законодательство относится исключительно к ведению российского государства, что связано с необходимостью создания единого уголовно-правового пространства. Следовательно, ПММХ – вид государственного принуждения к лечению, применяемое к конкретным лицам (ст. 97 УК РФ), которые совершили преступное деяние. Речь идет о том, что лицо, которому судом назначены ПММХ, должно подчиниться вступившим в законную силу обвинительному приговору или постановлению, которыми ему назначены ПММХ, а российское государство наделено правом применять для реализации вышеобозначенных решений суда соответствующие меры принуждения (воздействия).

Другие ученые полагают, что иные меры уголовной ответственности наряду с уголовным наказанием являются формой реализации уголовной ответственности, а следовательно, входят в его содержание. По мнению данных ученых, термин «уголовная ответственность» по отношению к иным мерам уголовно-правового характера и уголовному наказанию является родовым [18, с. 16]. Исходя из вышеизложенного, на наш взгляд, данная позиция является неверной.

Российский законодатель в ст. 99 УК РФ определил закрытый перечень видов ПММХ, которые могут назначаться определенным категориям лиц, совершившим преступное посягательство (из четырех видов ПММХ, которые определены российским законодателем, три из них непосредственным образом связаны с помещением лица в медицинские в ор-

ганизации, оказывающие психиатрическую помощь в стационарных условиях, и лишь один из них – четвертый связан с оказанием психиатрической помощи в амбулаторных условиях [19, с. 173]). Только российским уголовным законом определяются виды ПММХ, иное бы противоречило бы принципу законности, который определен российским законодателем в ч. 1 ст. 3 УК РФ, согласно которому преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только российским уголовным законом.

В качестве еще одного неотъемлемого признака ПММХ следует назвать, что ПММХ могут быть назначены исключительно судом, ибо на территории российского государства только суд может ограничивать права и свободы человека и гражданина, гарантированные Конституцией РФ и реализовать принуждение от имени российского государства. ПММХ, в отличие от уголовного наказания, назначаются судом не только на основании обвинительного приговора, но и на основании иных решений [20, с. 122]. Так, например, суд, придя к суждению, что конкретное преступное посягательство, по которому идет предварительное расследование, было совершено невменяемым лицом, или у лица, которое совершило преступное посягательство, после его совершения наступило психическое расстройство, которое делает невозможным назначение ему или исполнение любого вида уголовного наказания, выносит постановление об освобождении такого лица от уголовной ответственности или от уголовного наказания соответственно и о применении к нему ПММХ (ч. 1 ст. 443 УПК РФ).

Таким образом, ПММХ могут быть применены только к определенным категориям лиц, которые обозначены российским законодателем в ч. 1 ст. 97 УК РФ, а именно: к лицам, которые совершили преступное посягательство в состоянии невменяемости; к лицам, которые совершили преступление и после его совершение у них наступило психическое расстройство, которое делает невозможным назначение или исполнение наказания; к лицам, которые совершили преступное посягательство и которые страдают психическим расстройством, которое не исключает вменяемости; к лицам, которые совершили преступное посягательство против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего 14 лет, и которые страдают расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости. При этом в ч. 2 ст. 97 УК РФ российский законодатель делает оговорку, что к лицам, которые совершили на территории российского государства какое-либо преступное посягательство, судом назначаются ПММХ только в том случае, когда его психическое расстройство непосредственным образом связано с тем, что такое лицо может причинить иной существенный вред либо такое лицо является опасным для себя или иных лиц. Исходя из этого следует прийти к суждению, что ПММХ применяются к лицам, которые совершили преступное посягательство и которые обладают общественной опасностью психически больного лица [20, с. 123].

Однако полагаем необходимым отметить, что данная позиция нередко со стороны научного сообщества справедливо подвергается критике. В частности, С. Н. Шишков, С. В. Полубинская отмечают, что указание российским законодателем в ч. 2 ст. 97 УК РФ на то, что к лицам, которые совершили на территории российского государства какое-либо преступное посягательство в состоянии невменяемости, судом назначаются ПММХ только в том случае, когда такое лицо, исходя из своего психического состояния невменяемости, может быть опасно как для самого себя, так и для общества, а также когда такое лицо, исходя из своего психического состояния, может причинить иной существенный

вред, содержит ряд изъянов. Во-первых, по их мнению, выступает не совсем правильным в начале использовать оценочный признак «иного», который должен использоваться, как они полагают, в конце. Во-вторых, существенный вред и опасность таких лиц должна наличествовать не для них, а для иных лиц, поскольку зачастую действия, совершив которые лицо может причинить вред своей жизни, здоровью и иным благам, не подпадают под действие российского уголовного закона [21, с. 165].

Иным признаком ПММХ выступает то, что ПММХ всегда носят строго персонифицированный характер, иными словами, назначаются конкретному лицу, которое совершило преступление и которое обозначено в ст. 97 УК РФ. Судом ПММХ не могут быть применены к иным лицам (например, к родственникам лица, которое совершило преступное посягательство и у которого после его совершения наступило психическое расстройство, которое делает невозможным назначение или исполнение наказания). Представляется, что данный признак ПММХ имеет важное значение, исходя из чего полагаем необходимым отразить его в дефиниции ПММХ.

Лица, которым назначены ПММХ, испытывают определенные ограничения и лишения. Однако их сущность является неоднородной, что обусловливается основанием их назначения, а также видом ПММХ. Так, например, лица, которым назначен вид ПММХ, реализация которого проходит в стационарных условиях, в большей степени испытывает ограничения и лишения (например, ограничение права на свободу передвижения), чем лицо, которому назначен вид ПММХ, осуществление которого происходит в амбулаторных условиях и т.д.

Представляется необходимым в рассматриваемой части отметить, что ПММХ, в отличие от уголовного наказания, не являются отрицательной оценкой российского государства, которая должна следовать за совершенное преступное посягательство, а являются мерой, которая направлена на излечение лиц, обозначенных российским законодателем в ч. 1 ст. 97 УК РФ, или улучшение их психического состояния.

Выводы

Несмотря на то, что ПММХ активно изучаются со стороны научного сообщества, в настоящее время в правоприменительной деятельности наличествуют проблемы применения и исполнения ПММХ, которые во многом обусловлены отсутствием четкой законодательной регламентации применения и назначения ПММХ, а также отсутствием среди научного сообщества единства во мнении относительно фундаментальных категорий ПММХ, в частности понятия и признаков ПММХ. Исходя из этого, является необходимым закрепить в российском уголовном законе, а именно в ст. 98 УК РФ (при этом обозначив ее «Понятие и цели применения принудительных мер медицинского характера»), следующую дефиницию ПММХ: принудительные меры медицинского характера есть иная уголовно-правовая мера государственного принуждения к лечению, предусмотренная уголовным законом, назначаемая судом на основании обвинительного приговора или постановления конкретному лицу, указанному в ч. 1 ст. 97 УК РФ, от имени российского государства.

Список литературы

1. Корнеев С. А. Принудительные меры медицинского характера в структуре уголовно-правового воздействия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 2 (139). С. 153–160.

2. Жарко Н. В. Принудительные меры медицинского характера: уголовно-правовой аспект: дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2005. 230 с.

3. Степашин В. М. Правовые основы применения принудительных мер медицинского характера: современное состояние проблемы // Вестник Кузбасского института. 2020. № 4 (45). С. 187–194.

4. Кудовба О. Н. Организация и контроль деятельности учреждений и органов, применяющих принудительные меры медицинского характера в отношении осужденных: дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2017. 182 с.

5. Лощинкин В. В. К вопросу о юридической природе принудительных мер медицинского характера // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 3 (17). С. 32–39.

6. Спасенников Б. А. Теоретико-правовые основы принудительной психиатрической терапии // Baikal Research Journal. 2018. Т. 9, № 2. https://doi.org./10.17150/2411-6262.2017.

7. Ситникова А. И. Принудительные меры медицинского характера: законодательная техника // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2008. № 4 (17). С. 135–141.

8. Протченко Б. А. Принудительные меры медицинского характера по советскому уголовному праву: дис. … канд. юрид. наук. М., 1979. 191 с.

9. Быканов И. И. О генезисе принудительных мер медицинского характера // Теория науки. 2014. № 2. С. 144–147.

10. Грачева Ю. В., Чучаев А. И. Уголовное право России. Общая и особенная части. М.: Контракт: НИЦ ИНФРА-М, 2017. 384 с.

11. Рождествина А. А. Комментарий к закону РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании». М., 2006. URL: http:// consultant.ru/ (дата обращения: 11.05.2021).

12. Непомнящая Т. В. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, юридическая природа, система // Правоприменение. 2017. № 1. С. 114–121.

13. Бобракова А. И. Уголовное право Российской Федерации / под ред. А. И. Бобракова, А. А. Телегина. Брянск: Изд-во БГУ, 2013. 312 с.

14. Егоров В. С. Правовая природа принудительных мер медицинского характера // Медицинское право. 2005. № 4. С. 36–38.

15. Пудовочкин Ю. Е. Меры уголовно-правового характера и уголовная ответственность: научная дискуссия и поиск решения // Пенитенциарная наука. 2020. № 4 (52). С. 460–473.

16. Лопашенко Н. А. Конфискация имущества. М.: Юрлитинформ, 2012. 160 с.

17. Разгильдиев Б. Т. Глобальны ли иные меры уголовно-правового характера? // Научные основы уголовного права и процессы глобализации: материалы V Российского конгресса уголовного права (27–28 мая 2010 г.). М.: Проспект, 2010. С. 125–135.

18. Иногамова-Хегай Л. В. Уголовная ответственность: законодательные тенденции // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы VIII Международной научно-практической конференции. М.: Проспект, 2011. С. 14–19.

19. Полубинская С. В. Назначение принудительных мер медицинского характера // Труды института государства и права Российской академии наук. 2016. № 4. С. 173–186.

20. Брагин В. М., Степашин В. М. Иные меры уголовно-правового характера и судебный штраф // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2019. № 3. С. 121–131.

21. Шишков С. Н., Полубинская С. В. Законодательные проблемы принудительных мер медицинского характера (глава 15 УКРФ) // Lex Russia (Русский Закон). 2019. № 6 (151). С. 161–172.

References

1. Korneev S. A. Prinuditel'nye mery medicinskogo haraktera v strukture ugolovno-pravovogo vozdejstviya [Compulsory medical measures in the structure of criminal legal impact]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2021, no. 2 (139), pp. 153–160.

2. Zharko N. V. Prinuditel'nye mery medicinskogo haraktera: ugolovno-pravovoj aspect. Diss. kand. yurid. nauk [Compulsory medical measures: criminal-legal aspect. Cand. legal. sci. diss.]. Ryazan', 2005. 230 p.

3. Stepashin V. M. Pravovye osnovy primeneniya prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera: sovremennoe sostoyanie problemy [The legal basis for the use of compulsory medical measures: the current state of the problem]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2020, no. 4 (45), pp. 187–194.

4. Kudovba O. N. Organizaciya i kontrol' deyatel'nosti uchrezhdenij i organov, primenyayushchih prinuditel'nye mery medicinskogo haraktera v otnoshenii osuzhdennyh. Diss. kand. yurid. nauk [Organization and control of the activities of institutions and bodies that apply compulsory medical measures against convicted persons. Cand. legal. sci. diss.]. Ryazan', 2017. 182 p.

5. Loshchinkin V. V. K voprosu o yuridicheskoj prirode prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera [On the question of the legal nature of compulsory medical measures]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2015, no. 3 (17), pp. 32–39.

6. Spasennikov B. A. Teoretiko-pravovye osnovy prinuditel'noj psihiatricheskoj terapii [Theoretical and legal bases of compulsory psychiatric therapy]. *Baikal Research Journal*, 2018, vol. 9, no. 2. https://doi.org./10.17150/2411-6262.2017.

7. Sitnikova A. I. Prinuditel'nye mery medicinskogo haraktera: zakonodatel'naya tekhnika [Compulsory medical measures: legislative technique]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Omsk University. Series: Law*, 2008, no. 4 (17), pp. 135–141.

8. Protchenko B. A. Prinuditel'nye mery medicinskogo haraktera po sovetskomu ugolovnomu pravu. Diss. kand. yurid. nauk [Compulsory medical measures under Soviet criminal law. Cand. legal. sci. diss.]. Moscow, 1979. 191 p.

9. Bykanov I. I. O genezise prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera [On the genesis of compulsory medical measures]. *Teoriya nauki = The theory of science*, 2014, no. 2, pp. 144–147.

10. Gracheva Yu. V., Chuchaev A. I. Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya i osobennaya chasti [Criminal law of Russia. General and special parts]. Moscow, Kontrakt Publ., NIC INFRA-M Publ., 2017. 384 p.

11. Rozhdestvina A. A. Kommentarij k zakonu RF ot 2 iyulya 1992 g. № 3185-1 "O psihiatricheskoj pomoshchi i garantiyah prav grazhdan pri ee okazanii" [Commentary to the Law of the Russian Federation No. 3185-1 of July 2, 1992 "On psychiatric care and guarantees of the rights of citizens in its provision"]. Moscow, 2006. Available at: http://consultant.ru/ (accessed 11.05.2021).

12. Nepomnyashchaya T. V. Inye mery ugolovno-pravovogo haraktera: ponyatie, yuridicheskaya priroda, sistema [Other measures of a criminal-legal nature: concept, legal nature, system]. *Pravoprimenenie = Law enforcement*, 2017, no. 1, pp. 114–121.

13. Bobrakova A. I. Ugolovnoe pravo Rossijskoj Federacii [Criminal law of the Russian Federation]; ed. by. A. I. Bobrakova, A. A. Telegina. Bryansk, Bryansk St. Univ. Publ., 2013. 312 c.

14. Egorov V. S. Pravovaya priroda prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera [The legal nature of compulsory medical measures]. *Medicinskoe pravo = Medical law*, 2005, no. 4, pp. 36–38.

15. Pudovochkin Yu. E. Mery ugolovno-pravovogo haraktera i ugolovnaya otvetstvennost': nauchnaya diskussiya i poisk resheniya [Criminal law measures and criminal liability: scientific discussion and search for a solution]. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary science*, 2020, no. 4 (52), pp. 460–473.

16. Lopashenko N. A. Konfiskaciya imushchestva [Confiscation of property]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012. 160 p.

17. Razgil'diev B. T. Global'ny li inye mery ugolovno-pravovogo haraktera? [Are other measures of a criminal-legal nature global?]. Nauchnye osnovy ugolovnogo prava i processy globalizacii. Materialy V Rossijskogo kongressa ugolovnogo prava (27–28 maya 2010 g.). [Scientific foundations of criminal law and the processes of globalization. Materials of the V Russian Congress of Criminal Law (May 27-28, 2010)]. Moscow, Prospekt Publ., 2010, pp. 125–135.

18. Inogamova-Hegaj L. V. Ugolovnaya otvetstvennost': zakonodatel'nye tendencii [Criminal liability: legislative trends]. Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke. Materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Criminal law: development strategy in the XXI century. Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference]. Moscow, Prospekt Publ., 2011, pp. 14–19.

19. Polubinskaya S. V. Naznachenie prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera [Appointment of compulsory medical measures]. *Trudy instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk = Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2016, no. 4, pp. 173–186.

20. Bragin V. M., Stepashin V. M. Inye mery ugolovno-pravovogo haraktera i sudebnyj shtraf [Other measures of a criminal-legal nature and a judicial fine]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Omsk University. Series: Law*, 2019, no. 3, pp. 121–131.

21. Shishkov S. N., Polubinskaya S. V. Zakonodatel'nye problemy prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera (glava 15 UKRF) [Legislative problems of compulsory medical measures (Chapter 15 of the UKRF)]. *Lex Russia (Russkij Zakon)*, 2019, no. 6 (151), pp. 161–172.

Информация об авторе / Information about the Author

Ефремова Ирина Алексеевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация,
e-mail: efremova005@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-0071-1999

Irina A. Efremova, Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Department of Criminal and Penitentiary Law, Saratov State Legal Academy, Saratov, Russian Federation,
e-mail: efremova005@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-0071-1999

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.2/.7

Проблемы дифференциации ответственности за содействие незаконной миграции в свете Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации о квалификации миграционных преступлений

М. Н. Урда[1] ✉

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: urda.ru@rambler.ru

Резюме

Актуальность. *Настоящая статья посвящена мало изученной проблеме юридической оценки содействия незаконной миграции в аспекте отраслевой и межотраслевой дифференциации. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем Постановлении от 9 июля 2020 года № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией», сформулировавший признаки организации незаконной миграции, заложил основы для неверной оценки различных преступлений и деликтов в миграционной сфере. Этим обусловлена актуальность настоящей статьи.*

Целью *исследования является формулирование авторского определения признака «организация» в статье 322[1] Уголовного кодекса Российской Федерации как необходимого условия формирования правил квалификации миграционных правонарушений, являющегося критерием отграничения указанных деяний.*

Задачи: *изучение доктринальных источников и судебной практики с целью выявления недостатков в его толковании и применении; определение содержания объективной стороны статьи 322[1] Уголовного кодекса Российской Федерации через выявление внутриотраслевых и межотраслевых связей с иными миграционными правонарушениями.*

Методология. *В процессе работы над исследованием использовались как общенаучные методы (анализ, синтез), так и методы юридической науки (формально-юридический, сравнительно-правовой).*

Результаты. *На основе авторского определения признака «организация» в статье 322[1] Уголовного кодекса Российской Федерации разработаны правила квалификации миграционных преступлений и деликтов.*

Вывод. *По результатам исследования сделан общий вывод о том, что толкование признака «организация» в статье 322[1] Уголовного кодекса Российской Федерации через использование для этих целей в доктрине и судебной практике формулировок таких, как «любые действия» или «разнообразные действия», не разрешает конкуренцию со смежными миграционными преступлениями и деликтами, предложена авторская трактовка этого признака.*

Ключевые слова: *миграционные правонарушения; содействие незаконной миграции; организация незаконной миграции; миграционные деликты; разграничение составов.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Финансирование*: Статья выполнена в рамках государственного задания «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих общества и государства» (№ 0851-2020-0033).*

Для цитирования: Урда М. Н. Проблемы дифференциации ответственности за содействие незаконной миграции в свете Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации о квалификации миграционных преступлений // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 63–72.

Поступила в редакцию 25.06.2021 Принята к публикации 26.07.2021 Опубликована 30.08.2021

© Урда М. Н., 2021

Problems of Differentiation of Responsibility for Facilitating Illegal Migration in the Light of the Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the Qualification of Migration Crimes

Margarita N. Urda[1] ✉

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: urda.ru@rambler.ru

Abstract

Relevance. *This article is devoted to the little-studied problem of the legal assessment of the promotion of illegal migration in the aspect of sectoral and intersectoral differentiation. The Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in its Resolution No. 18 of 09.07.2020 "On Judicial Practice in Cases of Illegal Crossing of the State Border of the Russian Federation and Crimes Related to Illegal Migration", which formed signs of organizing illegal migration, laid the foundations for an incorrect assessment of various crimes and torts in the migration sphere. This is the reason for the relevance of this article.*

The purpose *of the study is to formulate the author's definition of the sign "organization" in Article 3221 of the Criminal Code of the Russian Federation as a necessary condition for the formation of rules for the qualification of migration rights, which is a criterion for distinguishing these acts.*

Objectives: *to study doctrinal sources and judicial practice in order to identify shortcomings in its interpretation and application; to determine the content of the objective side of Article 3221 of the Criminal Code of the Russian Federation through the identification of intra-and intersectoral links with other migration violations.*

Methodology. *In the process of working on the research, both general scientific methods (analysis, synthesis) and methods of legal science (formal legal, comparative legal) were used.*

Results. *On the basis of the author's definition of the sign "organization" in Article 3221 of the Criminal Code of the Russian Federation, the rules for the qualification of migration crimes and torts are developed.*

Conclusion. *According to the results of the study, a general conclusion is made that the interpretation of the sign "organization" in Article 3221 of the Criminal Code of the Russian Federation through the use for these purposes in the doctrine and judicial practice of formulations such as" any actions "or" various actions " does not solve competition with related migration crimes and acts, the author's interpretation of this sign is proposed.*

Keywords: *migration offenses; promotion of illegal migration; organization of illegal migration; migration defects; differentiation of compositions.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

Funding: *The article was carried out within the framework of the state task "Transformation of private and public law in the conditions of an evolving society and state" (No. 0851-2020-0033).*

For citation: Urda M. N. Problems of Differentiation of Responsibility for Facilitating Illegal Migration in the Light of the Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the Qualification of Migration Crimes. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(4): 63–72. (In Russ.)

Received 25.06.2021 Accepted 26.07.2021 Published 30.08.2021

***

Введение

Вопросы привлечения к ответственности за совершение миграционных преступлений находятся в фокусе постоянного внимания научной общественности. Уголовно-правовые и (или) криминологические аспекты незаконной миграции рассматривались в работах. Юридическая оценка миграционных нарушений в рам-

ках преступлений против порядка управления осуществлялась В. Ф. Цепелевым [1, с. 35–43], П. А. Филипповым [2, с. 322–367], Л. Р. Рашитовым [3, с. 8, 10–12]. Отдельные виды миграционных преступлений были предметом изучения Ю. Ю. Бышевского [4], Э. Р. Голубевой [5], К. В. Дядюн [6], Р. К. Кечерукова [7], Е. Н. Сасиной [8], А. М. Исхакова (организация незаконной миграции) [9]; Н. И. Архипцева, И. Н. Архипцева [10], В. В. Лободы [11], З. М. Ниязова [12], Т. Д. Устиновой [13], Э. Н. К. Шервани [14], А. Щербакова (незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации) [15]; С. П. Бондарева [16], И. А. Петровой [17], Е. А. Лайковой [18] (фиктивная постановка на миграционный учёт).

Многие проблемные вопросы толкования и применения указанных норм разрешил Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении №18 от 9 июля 2020 г. «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» (далее – ПП ВС РФ №18 от 09.07.2020 г.). Но некоторые, имеющие принципиальное значение для качества уголовно-правового противодействия незаконной миграции, не получили должного освещения ни в доктрине, ни в судебной практике. К их числу относится проблема дифференциации ответственности за содействие незаконной миграции. Попытки отграничения организации незаконной миграции от смежных административных деликтов имели место в уголовно-правовой доктрине, хотя концептуального значения, на наш взгляд, они не имеют и принципиально обозначенную проблему не разрешают [6; 19; 20, с. 12–16].

Методология

Методология исследования представлена следующими методами: диалектическим – при выявлении и разрешении противоречий между организацией незаконной миграции иными миграционными преступлениями и деликтами; общенаучными методами (анализом, синтезом, системным) при толковании признаков объективной стороны составов уголовных запретов незаконной миграции и миграционных деликтов; частноправовым формально-юридическим методом – при выявлении соотношения этих норм.

Результаты и их обсуждение

В настоящее время систему миграционных правонарушений образуют миграционные преступления, предусмотренные ст. 322–322^3 Уголовного кодекса РФ, и миграционные деликты, которые находят отражение преимущественно в гл. 18 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) и отчасти в гл. 19 КоАП РФ. В самом общем виде их можно определить как нормы об ответственности за незаконную миграцию или за содействие ей. Особое место в системе миграционных правонарушений занимает организация незаконной миграции (ст. 322^1 УК РФ). Её появление в уголовном законе в 2004 г. явилось результатом имплементации Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющего Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности, и заложило основы для выделения самостоятельной группы миграционных преступлений, диктующие необходимость определения соотношения их между собой и отграничения от смежных составов миграционных деликтов. Внутриотраслевая и межотраслевая рассогласованность их применения усугубилась в 2013 г. коллизионными, порочными с точки зрения технико-юридического оформления нормами об уголовной ответственности за фиктивную постановку на регистрационный и миграционный учеты (ст. 322^2, 322^3 УК РФ).

О соотношении ст. 322^1 и ч. 3 ст. 33 ст. 322 УК РФ. Камнем преткновения в

вопросах соотношения миграционных правонарушений стал признак «организация» в ст. 322[1] УК РФ, который сам по себе создает серьезные трудности в толковании и применении ввиду различного значения, в котором он употребляется в тексте уголовного закона.

В доктринальных источниках правовую природу этого признака часто связывают с организатором преступления, который отвечает за оконченное преступление в качестве исполнителя [21], иными словами, как преступление соучастника особого вида. Однако это справедливым можно признать только в отношении одной альтернативной формы деяния, предусмотренной ст. 322[1] УК РФ, – организации незаконного въезда иностранными гражданами (лицами без гражданства), поскольку ответственность за нарушение правил въезда указанными лицами реализуется посредством применения ст. 322 УК РФ. Что касается иных форм незаконной миграции: нарушения иностранными гражданами и лицами без гражданства правил пребывания (проживания) на территории государства, транзитного проезда, самостоятельного уголовно-правового значения, вне связи со ст. 322[1] УК РФ, они не имеют и влекут наступление административной ответственности.

Взаимосвязь организации незаконной миграции с незаконным пересечением Государственной границы Российской Федерации через институт соучастия, конкретно – организатора преступления, обусловливает необходимость определения соотношения этих преступлений.

При рассмотрении уголовного дела в отношении Тогоева Верховный Суд РФ усмотрел идеальную совокупность преступлений, признав правильной квалификацию его действий по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 33 ч. 1 ст. 322 УК РФ и ч. 1 ст. 322[1] УК РФ (Определение Верховного Суда РФ от 15 июля 2009 г. по делу № 2-21/09).

Однако высший судебный орган свою позицию изменил, указав в п. 11 ПП ВС РФ №18 от 09.07.2020 г., что «действия лица, организовавшего незаконный въезд на территорию РФ иностранных граждан или лиц без гражданства путем незаконного пересечения ими Государственной границы, охватываются соответствующей частью статьи 322[1] УК РФ и дополнительной квалификации по части 3 статьи 33 и статьи 322 УК РФ не требуют». Это противоречит, на наш взгляд, принципу справедливости, удваивает ответственность виновного.

О соотношении ст. 322[1] УК РФ с иными нормами об ответственности за содействие незаконной миграции. Своего осмысления требует соотношение организации незаконной миграции с иными частными случаями содействия нарушению правил пребывания (проживания), транзитного проезда иностранных граждан и лиц без гражданства, за совершение которых установлена самостоятельная административная или уголовная ответственность, в частности: фиктивной постановкой на миграционный учет (ст. 322[2], 322[3] УК РФ); нарушением правил трудоустройства иностранных граждан и лиц без гражданства (ст. 18.15, 18.16 КоАП РФ); предоставлением жилого помещения или транспортного средства либо оказанием иных услуг иностранному гражданину или лицу без гражданства, находящимся в Российской Федерации с нарушением установленного порядка или правил транзитного проезда через ее территорию (п. 3 ст. 18.9 КоАП РФ).

Организацию незаконной миграции Верховный Суд трактует как «…*действия, создающие условия* (курсив наш. – *М. У.*) для осуществления одним или несколькими иностранными гражданами или лицами без гражданства незаконного въезда в Российскую Федерацию, незаконного пребывания в Российской Федерации, незаконного транзитного проезда через территорию Российской Федерации…» (п. 7 ПП ВС РФ от 09.07.2020 г. № 18).

Схожим образом определяется объективная сторона этого преступления и в доктрине: *«любые действия* (курсив наш. – *М. У.*), способствующие незаконному въезду, пребыванию и транзиту иностранных граждан и лиц без гражданства*»* [22, с. 57].

Такой подход не позволяет отграничить названные составы миграционных правонарушений от организации незаконной миграции. Это приводит к формированию крайне противоречивой судебной практики: достаточно распространенными являются случаи различной юридической оценки одних и тех же деяний или привлечение лица и к уголовной, и к административной ответственности по одному и тому же факту.

Судебная практика фиксирует достаточно распространенные случаи квалификации предоставления жилья иностранному гражданину без постановки на миграционный учет по ст. 322^1 УК РФ. Например, приговором Ленинск-Кузнецкого городского суда от 24.07.2019 г. по делу № 1-551/2019 М. была привлечена к ответственности по ч. 1 ст. 322^1 УК за организацию незаконного пребывания своего гражданского мужа, являющегося гражданином иностранного государства. Установлено, что он проживал вместе с М. по месту ее жительства без регистрации.

В то же время в некоторых случаях те же действия квалифицируются по п. 3 ст. 18.9 КоАП РФ. Постановлением мирового судьи судебного участка №46 Руднянского района Волгоградской области от 19.04.2017 г. по делу №5-181/2017 А. была привлечена к административной ответственности по ч. 3 ст. 18.9 КоАП РФ за предоставление жилого помещения – квартиры г-ну Азербайджана, находящемуся на территории РФ с нарушением режима пребывания.

Схожим образом можно соотнести организацию трудовой деятельности без соответствующих разрешений с созданием условий для проживания незаконно пребывающих на территории РФ иностранных граждан и лиц без гражданства, получающих оценку в рамках ст. 322^1 УК РФ, как организация незаконного пребывания иностранных граждан (лиц без гражданства) с административными правонарушениями, предусмотренными ст. 18.15, 18.16 КоАП РФ, устанавливающих ответственность за нарушение правил трудоустройства.

Решением Арбитражного суда Республики Бурятии от 14.08.2014 г. по делу № А10-2769/2014 по факту незаконного трудоустройства иностранных граждан ИП Дыбкова Л. С. была привлечена к административной ответственности по ч. 2 ст. 18.15 КоАП. Обжалуя решение суда, Дыбкова Л. С. указала на привлечение ее к уголовной ответственности за организацию незаконной миграции по тому же факту. Из приговора суда усматривается, что ею были привлечены для работы на пилораме и в тепличном комплексе граждане КНР Ли Фэн, Ли Шаомин, Лю Дэхай, Ши Чжунхань с предоставлением возможности проживать в здании, обустроенном под общежитие. Она выплачивала работникам заработную плату, выдавала продукты питания и теплые вещи. Отказывая в удовлетворении требования, суд указал, что привлечение ИП Дыбковой Л. С. к уголовной ответственности не исключает возможности привлечения ее к административной ответственности.

Представляется, что по объему объективная сторона ст. 322^1 УК РФ шире названных правонарушений, имеющих самостоятельное правовое значение, может включать их в качестве элементов преступной деятельности, но не ограничиваться ими.

В этой связи обращает на себя внимание позиция Пленума ВС РФ, который, в Постановлении от 09.07.2020 г. №18, по существу, отразил ту же мысль, но применительно к рекомендациям о соотношении ст. 322^1 УК РФ с фиктивной постановкой на миграционный учет

(ст. 322^2, 322^3 УК РФ), в п. 8 Постановления указав, что организация незаконной миграции наряду с другими действиями организационного характера может включать фиктивную регистрацию (постановку на учет) иностранных граждан или лиц без гражданства по месту жительства или месту пребывания в Российской Федерации.

Вместе с тем принципиальные возражения вызывают его рекомендации о квалификации в этом случае действий по двум составам, предусмотренным соответствующей частью ст. 322^1 УК РФ и ст. 322^2 УК РФ или ст. 322^3 УК РФ, т. е. по правилам идеальной совокупности преступлений.

Статьи 322^2 и 322^3 УК РФ являются специальными по отношению к ст. 322^1, на что не единожды обращалось внимание в доктринальных источниках [22, с. 166]. В связи с этим верной следует признать позицию высшей судебной инстанции о том, что «в случаях, когда действия лица состоят только в фиктивной регистрации (постановке на учет) иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства или месту пребывания, содеянное квалифицируется по статье 322^2 или статье 322^3 УК РФ и не требует дополнительной квалификации по статье 322^1 УК РФ».

В то же время указанные нормы соотносятся как часть и целое. Более полной по объему и содержанию является ст. 322^1 УК РФ. Следовательно, идеальная совокупность преступлений в рассматриваемой ситуации отсутствует, в противном случае имеет место нарушение принципа справедливости (ст. 6 УК РФ).

Исходя из этого правильной следует признать квалификацию по одной норме – ст. 322^1 УК РФ, если фиктивная постановка на учет является одним из элементов преступной организации незаконного пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства.

Выводы

С целью разграничения ст. 322^1 УК РФ с иными миграционными правонарушениями, устанавливающими ответственность за содействие незаконной миграции, следует отказаться от трактовки признака «организация» через использование словосочетания «любые действия» (они могут иметь самостоятельную правовую оценку: фиктивная постановка на миграционный учет (ст. 322^2, 322^3 УК РФ), предоставление жилья (п. 3 ст. 18.9 КоАП), нарушение правил трудоустройства (ст. 18.15, 18.16 КоАП РФ).

Организация незаконной миграции представляет собой комплекс разнообразных разноплановых действий, направленных на обеспечение совершения иностранными гражданами (лицами без гражданства) уголовно-наказуемого незаконного пересечения Государственной границы РФ (в части въезда) и (или) включение указанной категории лиц в социально вредное, но не преступное, административно-наказуемое нарушение правил их пребывания или транзита.

Поведенческие акты организации незаконной миграции в качестве элементов или этапов преступной деятельности могут включать различные формы содействия незаконной миграции, получающие самостоятельную правовую оценку: фиктивную постановку на миграционный учет (ст. 322^2, 322^3 УК РФ), предоставление жилого помещения или транспортного средства либо оказание иных услуг иностранному гражданину или лицу без гражданства, находящимся в Российской Федерации с нарушением установленного порядка или правил транзитного проезда через ее территорию (п. 3 ст. 18.9 КоАП РФ), нарушение правил трудоустройства указанных лиц (ст. 18.15, 18.16 КоАП РФ), но не исчерпываются ими.

Список литературы

1. Цепелев В. Ф. Квалификация преступлений против порядка управления. М.: Проспект, 2015. 104 с.

2. Филиппов П. А. Преступления против порядка управления: закон, теория, практика: монография. М.: Зерцало-М, 2017. 512 с.

3. Рашитов Л. Р. Преступления против порядка управления миграционной деятельностью в Российской Федерации: криминологический и уголовно-правовой аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2019. 23 с.

4. Бышевский Ю. Ю. К вопросу о юридической природе уголовной ответственности за организацию незаконной миграции // Российский следователь. 2005. № 6. С. 14–19.

5. Голубева Э. Р. Проблемы отграничения организации незаконной миграции от смежных составов преступлений // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2018. № 2 (80). С. 24–26.

6. Дядюн К. В. Отграничение преступления, предусмотренного ст. 322^1 УК РФ, от смежных административных проступков // Законность. 2012. № 9 (935). С. 57–62.

7. Кечеруков Р. К. Уголовная ответственность за организацию незаконной миграции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. 29 с.

8. Сасина Е. Н. К вопросу об уголовно-правовых аспектах организации незаконной миграции // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Философия. Социология. Право. 2010. № 20 (91), вып. 14. С. 152.

9. Исхаков А. М. Уголовно-правовые и криминологические аспекты организации незаконной миграции: автореф. … канд. юрид. наук. Казань, 2018. 25с.

10. Архипцев Н. И., Архипцев И. Н. Незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации: особенности преступности иностранных граждан и лиц без гражданства // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Философия. Социология. Право. 2010. №2 (73), вып. 11. С. 95–103.

11. Лобода В. В. Особенности квалификации незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации в пункте пропуска // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2008. № 2. С. 177–178.

12. Ниязов З. М. Уголовная ответственность за незаконное пересечение государственной границы: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Бишкек, 2012. 26 с.

13. Устинова Т. Д. Незаконное пересечение Государственной границы РФ // Законность. 2006. № 4 (858). С. 15–18.

14. Шервани Э. Н. К. Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с незаконным пересечением Государственной границы Российской Федерации // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 2, ч. 2. С. 230–238.

15. Щербаков А. Проблемы уголовной ответственности за незаконное пересечение границы // Уголовное право. 2009. № 5. С. 106–111.

16. Бондарев С. П. Уголовно-правовая охрана отношений в сфере гражданства Российской Федерации и регистрационного учета по месту жительства и месту пребывания: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 194 с.

17. Петрова И. А. Уголовная ответственность за фиктивную регистрацию и фиктивную постановку на учет иностранного гражданина или лица без гражданства // Историче-

ские, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 9 (59), ч. 2. С. 138–142.

18. Лайкова Е. А. Уголовная ответственность за преступления против порядка регистрационного и миграционного учета: дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2021. 242 с.

19. Сасина Е. Н. Некоторые проблемы разграничения административной и уголовной ответственности по фактам незаконной миграции // Армия и общество. 2014. № 1 (38). С. 119–124.

20. Акименко П. А. Уголовная ответственность за нарушения миграционного законодательства гражданами Российской Федерации, иностранными гражданами и лицами без гражданства: дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2020. 260 с.

21. Бышевский Ю. Ю. Юридическая природа уголовной ответственности за организацию незаконной миграции // Научный вестник Омской академии МВД России. 2006. № 1. С. 39–44.

22. Власов Ю. А., Михаль О. А. Квалификация незаконной миграции: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 182 с.

References

1. Cepelev V. F. Kvalifikaciya prestuplenij protiv poryadka upravleniya [Qualification of crimes against the order of management]. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 104 p.

2. Filippov P. A. Prestupleniya protiv poryadka upravleniya: zakon, teoriya, praktika [Crimes against the order of management: law, theory, practice]. Moscow, Zercalo-M Publ., 2017. 512 p.

3. Rashitov L. R. Prestupleniya protiv poryadka upravleniya migracionnoj deyatel'nost'yu v Rossijskoj Federacii: kriminologicheskij i ugolovno-pravovoj aspekty. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Crimes against the procedure for managing migration activities in the Russian Federation: criminological and criminal-legal aspects. Cand. legal. sci. abstract diss.]. Omsk, 2019. 23 p.

4. Byshevskij Yu. Yu. K voprosu o yuridicheskoj prirode ugolovnoj otvetstvennosti za organizaciyu nezakonnoj migracii [On the question of the legal nature of criminal liability for organizing illegal migration]. *Rossijskij sledovatel' = Russian investigator*, 2005, no. 6, pp. 14–19.

5. Golubeva E. R. Problemy otgranicheniya organizacii nezakonnoj migracii ot smezhnyh sostavov prestuplenij [Problems of distinguishing the organization of illegal migration from related crimes]. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 2 (80), pp. 24–26.

6. Dyadyun K. V. Otgranichenie prestupleniya, predusmotrennogo st. 3221 UK RF, ot smezhnyh administrativnyh prostupkov [Delineation of the crime provided for in Article 3221 of the Criminal Code of the Russian Federation from related administrative offenses]. *Zakonnost' = Legality*, 2012, no. 9 (935), pp. 57–62.

7. Kecherukov R. K. Ugolovnaya otvetstvennost' za organizaciyu nezakonnoj migracii. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk. [Criminal liability for organizing illegal migration. Cand. legal sci. abstract diss.]. Krasnodar, 2009. 29 p.

8. Sasina E. N. K voprosu ob ugolovno-pravovyh aspektah organizacii nezakonnoj migracii [On the issue of criminal-legal aspects of the organization of illegal migration]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Pravo = Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law*, 2010, no. 20 (91), is. 14, pp. 152.

9. Iskhakov A. M. Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty organizacii nezakonnoj migracii. Avtoref. kand. yurid. nauk [Criminal-legal and criminological aspects of the organization of illegal migration. Cand. legal. sci. abstract. diss.]. Kazan', 2018. 25 p.

10. Arhipcev N. I., Arhipcev I. N. Nezakonnoe peresechenie Gosudarstvennoj granicy Rossijskoj Federacii: osobennosti prestupnosti inostrannyh grazhdan i lic bez grazhdanstva [Illegal crossing of the State border of the Russian Federation: features of crime of foreign citizens and stateless persons]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Pravo = Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law*, 2010, no. 2 (73), is. 11, pp. 95–103.

11. Loboda V. V. Osobennosti kvalifikacii nezakonnogo peresecheniya Gosudarstvennoj granicy Rossijskoj Federacii v punkte propuska [Features of qualification of illegal crossing of the State border of the Russian Federation at the checkpoint]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta FSKN Rossii = Bulletin of the Siberian Law Institute of the Federal Drug Control Service of Russia*, 2008, no. 2, pp. 177–178.

12. Niyazov Z. M. Ugolovnaya otvetstvennost' za nezakonnoe peresechenie gosudarstvennoj granicy. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Criminal liability for illegal crossing of the state border. Cand. legal. sci. abstract diss.]. Bishkek, 2012. 26 p.

13. Ustinova T. D. Nezakonnoe peresechenie Gosudarstvennoj granicy RF [Illegal crossing of the state border of the Russian Federation]. *Zakonnost' = Legality*, 2006, no. 4 (858), pp. 15–18.

14. Shervani E. N. K. Ugolovno-pravovaya harakteristika prestuplenij, svyazannyh s nezakonnym peresecheniem Gosudarstvennoj granicy Rossijskoj Federacii [Criminal and legal characteristics of crimes related to illegal crossing of the State border of the Russian Federation]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences*, 2013, no. 2, pt. 2, pp. 230–238.

15. Shcherbakov A. Problemy ugolovnoj otvetstvennosti za nezakonnoe peresechenie granicy [Problems of criminal liability for illegal border crossing]. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2009, no. 5, pp. 106–111.

16. Bondarev S. P. Ugolovno-pravovaya ohrana otnoshenij v sfere grazhdanstva Rossijskoj Federacii i registracionnogo ucheta po mestu zhitel'stva i mestu prebyvaniya. Diss. kand. yurid. nauk [Criminal-legal protection of relations in the sphere of citizenship of the Russian Federation and registration at the place of residence and place of stay. Cand. legal. sci. diss.]. Krasnodar, 2016. 194 p.

17. Petrova I. A. Ugolovnaya otvetstvennost' za fiktivnuyu registraciyu i fiktivnuyu postanovku na uchet inostrannogo grazhdanina ili lica bez grazhdanstva [Criminal liability for fictitious registration and fictitious registration of a foreign citizen or a stateless person]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*, 2015, no. 9 (59), pt. 2, pp. 138–142.

18. Lajkova E. A. Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya protiv poryadka registracionnogo i migracionnogo ucheta. Diss. kand. yurid. nauk [Criminal liability for crimes against the order of registration and migration registration. Cand. legal. sci. diss.]. Irkutsk, 2021. 242 p.

19. Sasina E. N. Nekotorye problemy razgranicheniya administrativnoj i ugolovnoj otvetstvennosti po faktam nezakonnoj migracii [Some problems of differentiation of administrative and criminal responsibility on the facts of illegal migration]. *Armiya i obshchestvo = Army and society*, 2014, no. 1 (38), pp. 119 –124.

20. Akimenko P. A. Ugolovnaya otvetstvennost' za narusheniya migracionnogo zakonodatel'stva grazhdanami Rossijskoj Federacii, inostrannymi grazhdanami i licami bez gra-

zhdanstva. Diss. kand. yurid. nauk. [Criminal liability for violations of migration legislation by citizens of the Russian Federation, foreign citizens and stateless persons. Cand. legal. sci. diss.]. Tomsk, 2020. 260 p.

21. Byshevskij Yu. Yu. Yuridicheskaya priroda ugolovnoj otvetstvennosti za organizaciyu nezakonnoj migracii [The legal nature of criminal responsibility for organizing illegal migration]. *Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2006, no. 1, pp. 39–44.

22. Vlasov Yu. A., Mihal' O. A. Kvalifikaciya nezakonnoj migracii [Qualification of illegal migration]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2017. 182 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Урда Маргарита Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, кафедры уголовного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: urda.ru@rambler.ru,
ORCID: 0000-0002-1711-3031,
Researcher ID: AAD-3227-2021

Margarita N. Urda, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: urda.ru@rambler.ru,
ORCID: 0000-0002-1711-3031,
Researcher ID: AAD-3227-2021

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.9

Детерминанты преступлений, совершаемых студентами образовательных организаций высшего образования

Ж. И. Рыбокитова[1] ✉

[1] Воронежский институт МВД России
проспект Патриотов 53, г. Воронеж 394065, Российская Федерация

✉ e-mail: misshurova@mail.ru

Резюме

Актуальность. *В современных российских условиях студенческая преступность представляет собой феномен, опасность которого заключается в явно выраженной антиобщественной установке, формирующей и пропагандирующей преступный образ жизни среди молодежи. На сегодняшний день студенческая преступность как мощная детерминанта криминализации общества становится одной из проблем национальной безопасности. В связи с чем возникла объективная потребность в изучении детерминант преступлений, совершаемых студентами образовательных организаций, которые позволят расширить область криминологического познания и внести определенный вклад в предупреждение преступлений данной категории лиц.*

Цель *научного исследования состоит в рассмотрении основных детерминант, способствующих совершению преступлений в студенческой среде, и выдвижении на их основе предложений, направленных на совершенствование основ предупреждения преступлений студентами образовательных организаций высшего образования.*

Задачи: *проанализировать результаты проведенного анонимного опроса респондентов из числа действующих сотрудников органов внутренних дел; изучить показатели официальных статистических данных, материалы судебно-следственной практики и мнения ведущих ученых-криминологов; сформулировать основные выводы, касающиеся заявленной тематики.*

Методология. *Методологическую базу исследования составили общенаучные методы исследования, в частности методы анализа и синтеза, а также частнонаучные методы исследования, среди которых: социологические, статистические, формально-юридические.*

Результаты *научного исследования направлены на повышение эффективности предупреждения преступности студентов образовательных организаций высшего образования в современных условиях.*

Вывод. *Сформулированы авторские выводы о том, что несмотря на весьма большой комплекс существующих детерминант совершения преступлений студентами образовательных организаций высшего образования возникает необходимость своевременно устранять перечисленные факторы за счет всех имеющихся превентивных мер.*

Ключевые слова: *студенческая преступность; причины и условия преступности; криминогенные факторы; детерминанты преступности; ранняя профилактика; предупреждение.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Рыбокитова Ж. И. Детерминанты преступлений, совершаемых студентами образовательных организаций высшего образования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 73–85.

Поступила в редакцию 27.06.2021 Принята к публикации 26.07.2021 Опубликована 30.08.2021

© Рыбокитова Ж. И., 2021

Determinants of Student Crime Educational Institutions of Higher Education

Zhanna I. Rybokitova[1] ✉

[1]Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
53 Prospect Patriotov, Voronezh 394065, Russian Federation

✉ e-mail: misshurova@mail.ru

Abstract

***Relevance**. In modern Russian conditions, student crime is a phenomenon, the danger of which lies in a clearly expressed antisocial attitude that forms and promotes a criminal lifestyle among young people. Today, student crime as a powerful determinant of the criminalization of society is becoming one of the problems of national security. In this connection, an objective need arose to study the determinants of crimes committed by students of educational organizations, which will expand the field of criminological knowledge and make a certain contribution to the prevention of crimes of this category of persons.*

***The purpose** of the scientific research is to consider the main determinants that contribute to the commission of crimes in the student environment and put forward proposals on their basis aimed at improving the fundamentals of crime prevention by students of educational institutions of higher education.*

***Objectives**: to analyze the results of an anonymous survey of respondents from among the current employees of the internal affairs bodies; to study the indicators of official statistics, materials of forensic practice and the opinions of leading criminologists; to formulate the main conclusions regarding the declared topic.*

***Methodology**. The methodological basis of the research was formed by general scientific research methods, in particular, methods of analysis and synthesis, as well as private scientific research methods, including: sociological, statistical, formal legal.*

***The results** of scientific research are aimed at increasing the effectiveness of crime prevention among students of educational institutions of higher education in modern conditions.*

***Conclusion**. The author's conclusions are formulated that, despite a very large complex of existing determinants of the commission of crimes by students of educational institutions of higher education, it becomes necessary to timely eliminate the listed factors at the expense of all available preventive measures.*

***Key words:** student crime; causes and conditions of crime; criminogenic factors; determinants of crime; early prevention; a warning.*

***Conflict of interest:** The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Rybokitova Z. I. Determinants of Student Crime Educational Institutions of Higher Education. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(4): 73–85. (In Russ.)

Received 27.06.2021 Accepted 26.07.2021 Published 30.08.2021

***

Введение

Преступность среди лиц, получающих высшее образование, в современной России представляет собой феномен, требующий особого внимания со стороны субъектов профилактики преступности. Исторически такая категория лиц отличается от других обучающихся, в том числе если рассматривать процесс криминализации личности преступника.

Большинство исследователей отмечают то обстоятельство, что особенности детерминации преступлений студентами образовательной организации высшего образования сводятся к возрастным, социально-ролевым, психологическим и иным личностным качествам [1, с. 70]. Данное обстоятельство определяет специфику детерминации преступлений студентов образовательных организаций

высшего образования, позволяет говорить о самом факте существования студенческой преступности как социально-негативного, исторически изменчивого и массового явления. Причем такая преступность существенным образом отличается по качественным и количественным характеристикам от других разновидностей «студенческой преступности» как родового понятия, прежде всего от «преступности студентов образовательных организаций среднего профессионального образования» (в силу личностных особенностей категорий обучающихся и образовательной среды). Определенные отличия в процессе детерминации наблюдаются и в совершении преступлений студентами различных ведомственных образовательных организаций, в частности системы МВД России, ФСИН России, Министерства обороны России, МЧС России, ФСБ России, ФСО России (категория обучающегося именуется «курсанты» и «слушатели»). Тем не менее говорить о самом факте существования «ведомственной студенческой преступности» с точки зрения криминологической науки вообще нет смысла, поскольку курсантами и слушателями, согласно данным официальной уголовно-правовой статистики, преступления совершаются крайне редко по сравнению с «гражданскими» студентами, и это единичные факты.

Напомним, что для выработки эффективной системы превентивных мер в борьбе со студенческой преступностью необходимо изучить природу возникновения, основные детерминанты преступлений, совершаемых студентами образовательных организаций высшего образования, с учетом современных реалий и криминальных угроз. Именно своевременное выявление, правильное понимание с научной точки зрения и всесторонний анализ проблем детерминации рассматриваемых преступлений дает возможность разработать и успешно реализовывать на практике комплексные программы по противодействию преступности в студенческой образовательной среде. С учетом указанного личностного подхода к вопросу о специфике детерминации преступности студентов образовательных организаций высшего образования как уникального и обособленного вида преступности среди несовершеннолетних и молодежи рассмотрим подробно основные причины и условия совершения ими преступлений с учетом современных российских реалий.

Методология

В процессе научного исследования над указанной темой были использованы общенаучные методы исследования, в частности методы анализа и синтеза, которые позволили обозначить сущность студенческой преступности, выявить основные причины и условия, способствующие совершению преступлений в студенческой среде, и предложить возможные пути решения указанных проблем.

Кроме того, для решения поставленных задач в статье использовались частнонаучные методы, среди которых: социологические, статистические, формально-юридические. Социологические методы исследования направлены на изучение материалов судебно-следственной практики, анкетирование респондентов из числа действующих сотрудников органов внутренних дел с целью всестороннего рассмотрения необходимых аспектов заявленной проблематики. Статистические методы исследования позволили проанализировать соответствующие показатели официальных статистических данных и сформулировать выводы. Формально-юридический метод исследования использовался для изучения отдельных детерминант преступности, мнений ведущих ученых-криминологов и материалов юридической практики.

Результаты и их обсуждение

В криминологии под дефиницией «детерминанты преступности» понимают «явления криминогенного характера, порождающие преступления, повышающие вероятность массового криминального поведения, создающие благоприятные условия для реализации преступных намерений» [2, с. 204]. Как отмечает В. Н. Кудрявцев, «…изучая причины и условия преступности, следует иметь в виду, что эти явления находятся во взаимной диалектической связи со многими другими явлениями, стало быть, причинная связь не может быть сведена на линейно-механический уровень, ибо в рассматриваемой области каждая причина (условие) представляет собой комплекс явлений, который называют комплексом причин, или причинным комплексом» [3, с. 98].

В контексте рассматриваемой тематики особо следует отметить точку зрения Т. А. Нечаевой, которая справедливо подчеркивает, что «…причины, которые оказывали влияние на формирование личности до поступления в учебное заведение, не могут быть устранены в период обучения, но криминогенное действие этих причин может быть блокировано мерами организационного и воспитательного характера» [4].

Ввиду многообразия и сложности детерминант, порождающих и обусловливающих совершение преступлений студентами образовательных организаций высшего образования, в исследовательских целях следует использовать не только традиционный подход при классификации различных групп детерминант по ряду криминологически значимых оснований (общесоциальные, социально-психологические и морально-воспитательные) [2, с. 212], но и понимание того обстоятельства, что совершение такими студентами преступлений главным образом происходит под одновременным влиянием как «внешних» (воздействие макро- и микросреды по месту учебы, работы, жительства, в родительской или собственной семье), так и «внутренних» факторов (побуждающие мотивы, индивидуальные и групповые потребности, интересы личности студента).

Для понимания специфики влияния таких факторов в ходе исследования с сентября по декабрь 2020 г. был проведен анонимный опрос 76 сотрудников оперуполномоченных уголовного розыска (далее – ОУР) и участковых уполномоченных полиции (далее – УУП) различных территориальных подразделений Главного управления МВД России по Воронежской области как субъектов, непосредственно занимающихся выявлением, раскрытием, пресечением и предупреждением преступлений на обслуживаемой территории, в том числе совершенными студентами. Так, при анкетировании респондентов выяснилось, что на принятие студентами решения совершить преступление оказало непосредственное влияние: «употребление алкогольных и спиртосодержащих напитков» – 28%; «употребление наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов – 22%; «крайняя материальная нужда» – 17%, «негативное влияние средств массовой информации, включая ресурсы сети Интернет» – 9%, «стремление к быстрому обогащению (красивой взрослой жизни)» – 7%. При этом меньшее значение респонденты придали таким негативным факторам, как «отсутствие либо ненадлежащий контроль со стороны администрации образовательных организаций за поведением студентов в вузе и вне его стен» – 6%; «влияние ближайшего окружения (членов семьи, друзей по месту жительства, коллег по работе, сокурсников)» – 4%; «незанятость, в том числе отсутствие правильно организованного досуга и времяпрепровождения, нежелание учиться и заниматься другим социально полезным видом деятельности» – 4%; «хулиганские и иные низменные побуждения и мотивы» – 2%; «экстремистские взгляды и убеждения» – 1% соответственно. Инте-

ресен и тот факт, что респонденты не указали в качестве основного криминогенного фактора «влияние на студентов лиц, ранее имевших криминальный опыт (ранее судимых)». Это, безусловно, подчеркивает наличие особой микросреды – студенческого сообщества, где несовершеннолетние и молодые люди объединяются для общения и времяпрепровождения «по интересам» с такими же, как и они сами, главным образом в образовательной организации и вне ее пределов. Не случайно именно в период студенчества люди находят лучших друзей в своей жизни. В силу специфики организации процесса поступления (отбор и поступление) и учебы в «вузе» контакты с ранее судимыми сводятся к минимуму и, как правило, только по месту жительства или работы.

Проведенное исследование показало, что к основным детерминантам совершения преступлений студентами образовательных организаций высшего образования *общесоциального уровня* следует отнести:

1. Социально-демографические факторы, среди которых изменения в области урбанизации, снижение количества образовательных организаций и численности студентов (табл.)[1].

Из таблицы видно, что за учебный период с 2010 по 2020 г. общее число образовательных организаций высшего образования в Российской Федерации сократилось на 35,1%, а численность студентов в них уменьшилась на 42,2%. На уменьшение числа студентов по очной форме обучения в образовательных организациях высшего образования значительно повлиял демографический кризис в современной России [5, с. 47–48]. Однако одной из основных причин сокращения численности образовательных организаций системы высшего образования является не только так называемая «демографическая яма», но и процесс последовательного объединения наиболее крупных образовательных организаций с более узконаправленными (создание системы опорных вузов в Российской Федерации). После проведенных массовых проверок в 2010–2013 гг., а также изменения образовательных стандартов были закрыты «сомнительные псевдовузы» и их многочисленные филиалы, где обучение проводилось в основном по заочной форме обучения, а сами студенты не посещали занятия.

Следствием сокращения и объединения образовательных организаций высшего образования стало повышение конкурентоспособности их образовательной деятельности, формирование более высоких требований к зачислению абитуриентов и учебе в целом. Это происходит на фоне постоянного роста удельного веса городского населения практически во всех регионах нашей страны (по данным Росстата на 1 января 2021 г. уровень урбанизации в России составил 74,7%, по сравнению с 2010 г. вырос на 16,9%)[1]. По этой причине весомая часть несовершеннолетних не только не проходит вступительные испытания по окончании 11-го класса после сдачи ЕГЭ, но и еще в конце 9-го класса принимает принципиальное решение об окончании обучения в школе и поступлении в образовательные организации среднего профессионального образования («техникумы»). В таких образовательных организациях обучается в большинстве совершенно другая категория студентов, они более криминально активны, «родительские семьи» относятся к категории «проблемных», многие несовершеннолетние длительное время употребляют алкоголь, наркотики, как правило, ранее привлекались к административной и даже уголовной ответственности.

[1] Официальные данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru (дата обращения: 11.05.2021).

Таблица. Количество образовательных организаций высшего образования в Российской Федерации в период с 2010 по 2020 г.

Table. Number of higher education institutions in the Russian Federation in the period from 2010 to 2020

Показатели	Учебный год / Academic year									
	2010/11	2011/12	2012/13	2013/14	2014/15	2015/16	2016/17	2017/18	2018/19	2019/20
Число образовательных организаций высшего образования / Number of higher education institutions	1115	1080	1046	969	950	896	818	766	741	724
Прирост к предыдущему году, % / Increase over the previous year,%	+0,1	–3,1	–3,1	–7,3	–2,0	–5,7	–8,7	–6,4	–3,3	–2,3
Количество студентов в образовательных организациях высшего образования – всего, тыс. человек / The number of students in educational organizations of higher education-total, thousands of people	7049	6490	6075	5646	5209	4766	4399	4245	4161	4068
Прирост к предыдущему году, % / Increase over the previous year, %	–5,0	–7,9	–6,4	–7,1	–7,8	–8,5	–7,7	–3,5	–2,0	–2,2

Таким образом, сокращение численности студентов образовательных организаций высшего образования оказывает существенное влияние на перераспределение структуры студенческой образовательной среды, и в нашем случае, как неудивительно, благоприятно сказывается на криминогенной обстановке в образовательных организациях высшего образования, поскольку происходит естественный конкурентный отбор, когда поступают на обучение наиболее одаренные студенты, которые, как правило, являются в большинстве своем правопослушными гражданами.

Вместе с тем необходимо учитывать, что несмотря на очевидные положительные успехи в деле борьбы с коррупцией в сфере науки и образования последнего времени по-прежнему в образовательные организации высшего образования поступают не только наиболее одаренные, но и наиболее материально обеспеченные студенты [6, с. 15–16]. Специфика процедуры и сложность поступления и обучения именно в рассматриваемых образова-

тельных организациях порождает собой вовлечение будущих и уже состоявшихся студентов в коррупционные связи, например, при сдаче вступительных экзаменов и семестровых зачетно-экзаменационных сессий, а впоследствии, в силу безнаказанности и «принятия внутреннего одобрения к совершенному преступлению», и другие преступные деяния.

2. Социальные детерминанты, среди которых ключевыми являются алкоголизм и наркомания. В криминологической науке традиционно увлечение алкоголем и наркотиками оказывает крайне негативное влияние на процесс криминализации личности, и в особенности студентов, которые «любят проводить время праздно» и, как правило, далеко от родительского дома и контроля педагогов. Согласно официальным данным статистики, в 2020 г. выявлено 288361 лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения (для сравнения, в 2010 г. данный показатель составил 201 440 человек, а максимальное значение за период 2010–2020 гг. зафиксировано в 2018 г. – 395 299). В состоянии наркотического опьянения в 2020 г. выявлено 83 137 лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения (для сравнения в 2010 г. данный показатель составил 112 109 человек, а максимальное значение за период 2010–2020 гг. зафиксировано в 2014 г. – 123 300)[1]. С учетом того, что всего по итогам 2020 г. было выявлено 852 506 лиц, совершивших преступления, из которых более 20% составляют лица в возрасте от 18–24 лет (возраст, соответствующий периоду обучения студентов в образовательных организациях высшего образования), вышеназванные показатели продолжают вызывать серьезные опасения у ученых и практиков [7, с. 203–209].

По результатам изученных 58 приговоров судов подавляющее большинство студентов образовательных организаций высшего образования, совершивших различные корыстные, корыстно-насильственные, насильственные и дорожно-транспортные преступления, находились в состоянии алкогольного или наркотического опьянения (75% случаев). При проведении опроса сотрудники ОУР и УУП на вопрос: «В каком состоянии находятся выявляемые Вами студенты образовательных организаций высшего образования в момент совершения преступления?» – ответили следующим образом: «в состоянии алкогольного опьянения» – 54%; «в состоянии наркотического или токсического опьянения» – 29% и «не находятся в состоянии опьянения (в трезвом виде)» – 18%. Многие студенты активно вовлекаются в продажу наркотиков через сеть Интернет или анонимные мессенджеры (WhatsApp, Viber, Twitter, Telegram и т.п.), выступая в роли дилеров, закладчиков и одновременно потребителей [8, с. 326].

Далее рассмотрим детерминанты студенческой преступности *социально-психологического* уровня.

1. Негативное влияние «родительской семьи», играющей огромную роль в воспитании и становлении личности студента. Именно безразличие родителей или иных законных представителей приводит студентов к выбору преступного образа жизни [9, с. 42]. В подтверждение приведем данные проведенного опроса респондентов. Так, на предложенный вопрос: «Как показывают Ваши наблюдения, активны ли родители или иные законные представители студентов образовательных организаций, находящихся на обсуживаемой территории, в вопросах организации быта, досуга, учебы и в целом поддержании нормального уровня жизни своих детей (в том числе их правопослушном поведении по месту учебы, работы и жительства)?» – указывают: «заинтересованы» – 74% и «безразлич-

[1] Аналитические материалы Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 11.05.2021).

ны» – 26% респондентов. Последний показатель (¼) является весьма тревожным с позиции утраты семейных связей.

Практика показывает, что в сочетании с педагогическими просчетами со стороны администрации «вуза» подобная «студенческая безнадзорность», основанная либо на нежелании или занятости, либо на ошибочном представлении родителей о «якобы уже наступившей полной самостоятельности своего, якобы вполне повзрослевшего, ребенка», может привести к скорому вовлечению студента сначала в групповые формы аморальной, антисоциальной, антиобщественной деятельности, а впоследствии и в совершение групповых преступлений.

2. Отрицательное влияние на студентов со стороны ранее судимых, главным образом через социальные сети [10, с. 125–127]. Данная категория преступников вовлекает молодых людей, обучает их методам и способам совершения преступлений с целью последующей реализации приобретенных умений и навыков в криминальной среде. Особую опасность вызывает включение студентов в деятельность околофутбольных фанатских движений деструктивной направленности (особенно актуальна проблема для крупных городов России с большим числом клубных футбольных команд), увлечение интернет-сообществами последователей идеологии скулшутинга – движения «Колумбайн» [11, с. 63–65], интерес к запрещенной в России криминальной молодежной субкультуре «А.У.Е», участие студентов и их родителей в деятельности деструктивных религиозных объединений и организаций. Указанные сообщества и группы способствуют вовлечению студентов в криминальную деятельность, которую они рассматривают как цель своего существования и способ поддержания материального благосостояния, формируя у студентов отрицательное отношение к закону, а также разрушительно действуют на их сознание и нравственность [12, с. 265–267].

3. Коммерциализация высшего образования в детерминационном комплексе приводит студентов к обесцениванию критериев успеваемости в учебной деятельности, негативно воздействует на ценностные ориентации молодых людей, проявляя в них безразличие к обучению и жизни в целом. Напротив, наличие желания обучаться у некоторых студентов имеется, но для официальной оплаты обучения отсутствуют финансовые возможности, из-за чего студенты прибегают к противоправным методам получения денежных средств [13, с. 99]. В качестве примера рассмотрим следующий факт: 21-летний студент Красноярского государственного университета в 2014 г. совершил ограбление ломбарда на сумму более 165 тысяч рублей. В ходе следственных действий подозреваемый объяснил, что преступление он совершил ввиду отсутствия денежных средств оплатить обучение в институте[1]. Причем данный негативный фактор затрагивает и студентов, являющихся представителями так называемой «золотой молодежи», имеющих поддержку со стороны влиятельных и финансово состоятельных родителей [14, с. 23]. Такая категория студентов не стремится скрыть свои противоправные деяния, они всегда придают им общественную огласку в социальных сетях, получая популярность через демонстрацию своей безнаказанности, достигнутую противозаконными методами и средствами.

4. Доминирование материальных либо статусных ценностей над духовно-нравственными также является одним из криминогенных факторов студенческой преступности [15, с. 193–194; 16, с. 42–47]. К сожалению, в современном российском студенческом сообществе, по сравнению с советским периодом развития нашей страны, «коллективизм» уже

[1] Красноярский студент ограбил ломбард, чтобы заплатить за учебу. URL: https://www.krsk.kp.ru/online/news/1795322/ (дата обращения: 10.05.2021).

не преобладает, он сменился «индивидуализмом», когда возникает переориентация общественных проблем на личные, приводящая к преобладанию материальных ценностей над духовно-нравственными [17, с. 51–52]. Наличие дорогих технических устройств (например, смартфона, ноутбука, акустического устройства, наушников, Smart-часов, личного автомобиля, квартиры и т.п.), как и ранее в школе, являются показателем хоть и ложной по сути, но видимой статусности студента среди одногруппников. На этом фоне у некоторых студентов (в основном материально необеспеченных, из малоимущих и многодетных семей) появляется чувство ненависти и зависти, вызванные финансовой несостоятельностью, что приводит к неудовлетворенности качеством своей жизнью. В конечном счете данные обстоятельства приводят к возникновению корыстной преступной мотивации. Соглашаются с этим тезисом и опрошенные сотрудники ОУР и УУП. Так, на вопрос: «На завладение каким предметом при совершении преступлений в большинстве случаев направлено посягательство студентов?» – получены следующие варианты ответов: «технические средства» – 61%; «денежные средства» – 18%; «другое имущество, представляющее материальную ценность» – 10%; «наркотические средства и психотропные вещества» – 8%; «транспортное средство» – 2%; «продукты питания» – 1%.

К числу *морально-воспитательных детерминант* студенческой преступности относятся:

1. Духовно-нравственные детерминанты, заключающие в себе негативное влияние на студентов информационных ресурсов сети Интернет, различных СМИ, запрещенной в России и других странам мира сети Dark Net, а также иных жестоких компьютерных игр [18, с. 308; 19, с. 65–66]. Посредством перечисленных средств и способов в студенческую образовательную среду проникает преступная идеология, пропаганда насилия, жестокости, культ денег, что усугубляет ценностные ориентации молодых людей и проявляет желание испробовать увиденное в повседневной жизни. В качестве примера рассмотрим следующий случай: 22-летний студент Новосибирского государственного технического университета в феврале 2021 г. убил 18-летнего студента, который стал соперником по компьютерной игре[1]. И таких примеров достаточное количество.

2. Культурно-воспитательные детерминанты. Неустроенность досуга, незанятость студентов в свободное от учебы и работы время, а также отсутствие личной заинтересованности проявлять себя в какой-либо социально-позитивной сфере деятельности выступает одним из ключевых условий совершения преступлений в студенческой среде [20, с. 212]. Причем в некоторых случаях преступления совершаются студентами единолично или в составе группы лиц не столько из-за желания быстро и легко получить материальный доход, сколько из-за стремления в результате совместного совершения преступления «красиво и интересно провести свободное время».

В доказательство вышеуказанных тезисов приведем данные опроса респондентов. На вопрос: «Какой досуг доступен для студентов в образовательных организациях высшего образования, находящихся на обслуживаемой Вами территории» – получены следующие варианты ответов: «возможность заниматься в спортивных секциях и творческих клубах» – 42%; «возможность принимать активное участие в деятельности волонтерских организаций» – 34%; «возможность бесплатного посещения культурно-массовых мероприятий» – 15%; «возможность бесплатного посещения тематических занятий по информатике и робото-

[1] Студент новосибирского вуза убил соперника и написал признание в сети. URL: https://www.ntv.ru/novosti/2512640/ (дата обращения: 10.05.2021).

технике» – 12%. Согласно результатам можно сделать вывод о том, что студентам предоставляется разнообразный перечень для организации свободного времени и проявления своих способностей в определенной области. Тем не менее посещение студентами секций и кружков осуществляется в большей степени на платной основе, из-за чего не каждый желающий может себе позволить такой досуг по причине отсутствия финансовой возможности. Во многих российских регионах созданы условия бесплатного посещения студентами таких досуговых учреждений, однако многие студенты (как и ранее в школе) в принципе не хотят их посещать. В этом прослеживается взаимосвязь в вопросе понимания процесса детерминации студентов соответственно школьной и студенческой образовательной среды (упущения в первой последовательно проецируются на второй).

Выводы

В заключение можно сделать вывод, что несмотря на весьма большой комплекс существующих детерминант совершения преступлений студентами образовательной организаций высшего образования возникает необходимость в своевременном устранении перечисленных факторов за счет всех имеющихся превентивных мер. Профилактическую работу со студентами целесообразно проводить на основе тесного и постоянного взаимодействия (без формализма) родителей или иных законных представителей студентов, педагогических работников и представителей администрации образовательных организаций с сотрудниками правоохранительных органов и представителями общественности (правозащитными организациями, волонтерскими и студенческими молодежными объединениями). Начинать реализовывать весь имеющийся в арсенале субъектов комплекс мер ранней профилактики студенческой преступности необходимо последовательно «со школьной скамьи». При этом детерминанты преступлений среди студентов образовательных организаций высшего образования неразрывно связаны с процессами и явлениями, происходящими в образовательной среде студентов среднего профессионального образования и курсантов ведомственных образовательных организаций.

Список литературы

1. Назаренко Г. В. Современная политика противодействия преступности несовершеннолетних и её постулаты // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 4. С. 64–71.

2. Клеймёнов М. П. Криминология. Изд. 3-е. М.: ИНФРА-М: Норма, 2018. 400 с.

3. Смирнов Л. В. Генезис постпенитенциарного криминала // Закон и право. 2021. № 1. С. 97–100.

4. Нечаева Т. А. Профилактика преступлений в студенческой среде высших учебных заведений: дис. … канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002. 173 с.

5. Долгова А. А., Фурсов В. А. Демографический кризис в Российской Федерации // Образование и проблемы развития общества. 2020. № 1 (10). С. 44–48.

6. Звонова Е. Е. Особенности и трудности противодействия «мягкой» коррупции в вузе // Современное педагогическое образование. 2021. № 4. С. 15–18.

7. Белоусова А. Н. Криминологические аспекты организации комплексной профилактики пьянства и алкоголизма среди несовершеннолетних // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 1. С. 203–210.

8. Кузина Л. С. Незаконный оборот наркотиков в сети Интернет // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 2. С. 323–328.

9. Сидорова Е. З. Об отдельных детерминантах преступлений, совершаемых обучающимися общеобразовательных и профессиональных образовательных организаций // Пролог: журнал о праве. 2019. № 1(21). С. 39–45.

10. Серов Ю. В. О необходимости совершенствования уголовно-правовых мер предупреждения фактов распространения криминальной субкультуры среди несовершеннолетних // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2020. № 6–1. С. 124–128.

11. Гребеньков А. А. Проблемы противодействия информационным преступлениям, совершаемым в ходе деятельности массовых сетевых сообществ // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2016. № 4(21). С. 62–67.

12. Польшиков А. В., Латышев А. В. Факторы, способствующие вовлечению несовершеннолетних в криминальную деятельность общественных и религиозных объединений (организаций) деструктивного характера // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 1. С. 264–273.

13. Fosso F. Relationship between the perception of crime and enrollment of foreign students at Russian universities // Alma mater. Vestnik Vysshey Shkoly. 2019. No. 12. P. 99–100.

14. ВарданянА. В. «Золотая молодежь» как специфическое явление в структуре современной насильственной преступности и объект криминалистического исследования // Криминалистические проблемы эффективности борьбы с преступностью и иными правонарушениями среди молодежи: материалы Международной научно-практической конференции. Уфа: Башкир. гос. ун-т, 2019. С. 19–25.

15. Мишурова Ж. И. Состояние и особенности студенческой преступности в современной России // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2020. № 3. С. 191–196.

16. Шевелева С. В., Локтионова Е. А. Воспитательная работа с осужденными в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2012. № 2, ч. 1. С. 42–47.

17. Ильинский И. М., Луков В. А. Московские студенты: трансформации ценностных ориентаций // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. № 1. С. 50–63.

18. Густова Э. В., Хисматова А. Р. Установление уголовной ответственности за преступления, совершенные с использованием искусственного интеллекта // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2019. С. 307–310.

19. Буслов М. М., Григоренко И. И. Экспертный взгляд на проблему повышения эффективности профилактики краж и грабежей, совершаемых несовершеннолетними и молодежью // Современное общество и право. 2020. № 6(49). С. 62–71.

20. Лелеков В. А., Кошелева Е. В. Ювенальная криминология. Изд. 3-е. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 343 с.

References

1. Nazarenko G. V. Sovremennaya politika protivodejstviya prestupnosti nesovershennoletnih i eyo postulaty [Modern policy of combating juvenile delinquency and its postulates]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law,* 2019, vol. 9, no. 4, pp. 64–71.

2. Klejmyonov M. P. Kriminologiya [Criminology]. Ed. 3th. Moscow, INFRA-M Publ., Norma Publ., 2018. 400 p.

3. Smirnov L. V. Genezis postpenitenciarnogo kriminala [The genesis of post-penitentiary crime]. *Zakon i pravo = Law and Law*, 2021, no. 1, pp. 97–100.

4. Nechaeva T. A. Profilaktika prestuplenij v studencheskoj srede vysshih uchebnyh zavedenij. Dis. kand. yurid. nauk. [Prevention of crimes in the student environment of higher educational institutions. Cand. legal. sci. diss.]. Stavropol', 2002. 173 p.

5. Dolgova A. A., Fursov V. A. Demograficheskij krizis v Rossijskoj Federacii [Demographic crisis in the Russian Federation]. *Obrazovanie i problemy razvitiya obshchestva = Education and problems of society development*, 2020, no. 1 (10), pp. 44–48.

6. Zvonova E. E. Osobennosti i trudnosti protivodejstviya "myagkoj" korrupcii v vuze [Features and difficulties of countering "soft" corruption in higher education institutions]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie = Modern pedagogical education*, 2021, no. 4, pp. 15–18.

7. Belousova A. N. Kriminologicheskie aspekty organizacii kompleksnoj profilaktiki p'yanstva i alkogolizma sredi nesovershennoletnih [Criminological aspects of the organization of complex prevention of drunkenness and alcoholism among minors]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 1, pp. 203–210.

8. Kuzina L. S. Nezakonnyj oborot narkotikov v seti Internet [Illegal drug trafficking on the Internet]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 2, pp. 323–328.

9. Sidorova E. Z. Ob otdel'nyh determinantah prestuplenij, sovershaemyh obuchayushchimisya obshcheobrazovatel'nyh i professional'nyh obrazovatel'nyh organizacij [About certain determinants of crimes committed by students of general education and professional educational organizations]. *Prolog: zhurnal o prave = Prologue: journal of Law*, 2019, no. 1(21), pp. 39–45.

10. Serov Yu. V. O neobhodimosti sovershenstvovaniya ugolovno-pravovyh mer preduprezhdeniya faktov rasprostraneniya kriminal'noj subkul'tury sredi nesovershennoletnih [On the need to improve criminal-legal measures to prevent the spread of criminal subculture among minors]. *Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii = Public security, legality and law and order in the III millennium*, 2020, no. 6–1, pp. 124–128.

11. Greben'kov A. A. Problemy protivodejstviya informacionnym prestupleniyam, sovershaemym v hode deyatel'nosti massovyh setevyh soobshchestv [Problems of countering information crimes committed during the activities of mass network communities]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law,* 2016, no. 4(21), pp. 62–67.

12. Pol'shikov A. V., Latyshev A. V. Faktory, sposobstvuyushchie vovlecheniyu nesovershennoletnih v kriminal'nuyu deyatel'nost' obshchestvennyh i religioznyh ob"edinenij (organizacij) destruktivnogo haraktera [Factors contributing to the involvement of minors in the criminal activities of public and religious associations (organizations) of a destructive nature]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 1, pp. 264–273.

13. Fosso F. Relationship between the perception of crime and enrollment of foreign students at Russian universities. *Alma mater. Vestnik Vysshey Shkoly*, 2019, no. 12, pp. 99–100.

14. VardanyanA. V. ["Golden youth" as a specific phenomenon in the structure of modern violent crime and the object of forensic research]. *Kriminalisticheskie problemy effektivnosti bor'by s prestupnost'yu i inymi pravonarusheniyami sredi molodezhi. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Criminalistic problems of the effectiveness of combating crime and other legal violations among young people. Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Ufa, Bashkir St. Univ. Publ., 2019, pp. 19–25. (In Russ.)

15. Mishurova Zh. I. Sostoyanie i osobennosti studencheskoj prestupnosti v sovremennoj Rossii [The state and features of student crime in modern Russia]. *Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii = Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*, 2020, no. 3, pp. 191–196.

16. Sheveleva S. V., Loktionova E. A. Vospitatel'naya rabota s osuzhdennymi v usloviyah reformirovaniya ugolovno-ispolnitel'noj sistemy [Educational work with convicts in the conditions of reforming the penal enforcement system]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law,* 2012, no. 2, pt. 1, pp. 42–47.

17. Il'inskij I. M., Lukov V. A. Moskovskie studenty: transformacii cennostnyh orientacij [Moscow students: transformations of value orientations]. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya = Bulletin of the RUDN. Series: Sociology*, 2020, no. 1, pp. 50–63.

18. Gustova E. V., Hismatova A. R. Ustanovlenie ugolovnoj otvetstvennosti za prestupleniya, sovershennye s ispol'zovaniem iskusstvennogo intellekta [Establishing criminal responsibility for crimes committed with the use of artificial intelligence]. *Ugolovnaya politika i kul'tura protivodejstviya prestupnosti. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Criminal policy and culture of combating crime. Materials of the International scientific and Practical Conference]. Krasnodar, Krasnodar. univ. MVD Rossii, 2019, pp. 307–310. (In Russ.)

19. Buslov M. M., Grigorenko I. I. Ekspertnyj vzglyad na problemu povysheniya effektivnosti profilaktiki krazh i grabezhej, sovershaemyh nesovershennoletnimi i molodezh'yu [Expert view on the problem of improving the effectiveness of prevention of theft and robbery committed by minors and young people]. *Sovremennoe obshchestvo i parvo = Modern society and law*, 2020, no. 6(49), pp. 62–71.

20. Lelekov V. A., Kosheleva E. V. Yuvenal'naya kriminologiya [Juvenile criminology]. Ed. 3th. Moscow, YUNITI-DANA Publ., 2017. 343 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Рыбокитова Жанна Игоревна, адъюнкт, Воронежский институт МВД России, г. Воронеж, Российская Федерация,
e-mail: misshurova@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-7349-9410

Zhanna I. Rybokitova, Adjunct, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russian Federation,
e-mail: misshurova@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-7349-9410

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.2/.7

Уголовно-правовая регламентация закупок в России: повышение контроля должностных лиц за расходованием бюджетных средств

О. В. Синчурин[1] ✉

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: idzozdov@ml.com

Резюме

Актуальность. *Закупки для государственных и муниципальных нужд ежегодно увеличивают свое участие в экономическом обороте страны. Большие объемы финансирования вовлекают новых поставщиков, что способствует задействованию в экономике некрупного сектора предпринимательской деятельности. Государственная политика в качестве приоритетного направления выделяет поддержку среднему и малому бизнесу. Сфера государственных и муниципальных закупок подвержена преступным посягательствам. Основной объем преступлений в рассматриваемой сфере – коррупционного характера. Коррупция подрывает авторитет государства и государственных органов, осуществляющих контроль. От работы должностных лиц, уполномоченных осуществлять контроль в сфере госзакупок, зависит эффективность противодействия преступности, а также снижение коррупционных рисков. Все это необходимо для правильного функционирования экономики России.*

Целью *исследования является выявление роли должностных лиц в контролировании расходования бюджетных средств, что является составляющей противодействия преступным посягательствам в этой сфере.*

Задачи: *изучение уголовно-правового регулирования государственных закупок; выявление проблем уголовно-правового регулирования закупок для государственных и муниципальных нужд и формулирование предложений по их устранению; рассмотрение механизма контроля за осуществлением госзакупок; выяснение контрольных функций должностных лиц; определение ключевых проблем, препятствующих эффективной реализации контрольных мероприятий в сфере закупок и дача рекомендаций по повышению эффективности и совершенствованию контроля в рамках контрактной системы.*

Методология. *В процессе работы над исследованием использовались общенаучные методы (анализ, синтез), методы юридической науки (формально-юридический, сравнительно-правовой).*

Результаты *исследования отличает прикладной характер, направленный на повышение эффективности противодействия преступным посягательствам в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд.*

Выводы. *Проведенное исследование указывает на наличие неразрешенных проблем в уголовном регулировании государственных закупок. Увеличить эффективность противодействия нарушениям в рассматриваемой сфере возможно при условии повышения контроля должностных лиц за расходованием бюджетных средств.*

Ключевые слова: *государственные закупки; уголовно-правовое регулирование; должностное лицо; контроль.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Синчурин О. В. Уголовно-правовая регламентация закупок в России: повышение контроля должностных лиц за расходованием бюджетных средств // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 86–99.

Поступила в редакцию 22.06.2021 Принята к публикации 26.07.2021 Опубликована 30.08.2021

© Синчурин О. В., 2021

Criminal Law on Procurement in the Russian Federation: Increased Control by Officials of Expenditure of Budget Funds

Oleg V. Sinchurin[1] ✉

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: idzozdov@ml.com

Abstract

Relevance. *Procurements for state and municipalities annually increase their participation in the country's economic turnover. Large amounts of financing attract new suppliers, which is involved in the economy of the flawed business sector. State policy prioritizes support for medium and small businesses. The sphere of state and municipal procurement is subject to criminal encroachments. The main volume of crimes in this area is of a corruption nature. Corruption undermines the credibility of the state and state control bodies. The effectiveness of combating crime, as well as reducing corruption risks, depends on the work of officials authorized to exercise control in the field of public procurement. All this is necessary for the correct functioning of the Russian economy.*

The purpose *of the study is to analyze the role of officials in controlling the spending of budgetary funds, which is a component of countering criminal encroachments in this area.*

Objectives: *to study criminal - legal regulation of public procurement; to identify problems of criminal - legal regulation of purchases for state and municipal needs; to analyze of control over the implementation of public procurement; to consider of the control functions of officials; to formulate of proposals for solving the indicated problems.*

Methodology. *In the process of working on the study, general scientific methods (analysis, synthesis), methods of legal science (formally - legal, comparative - legal) were used.*

The results *of the study are distinguished by their applied nature, aimed at increasing the effectiveness of countering criminal encroachments in the field of procurement for state and municipal needs.*

Conclusions. *The conducted research indicates the presence of unresolved problems in the criminal regulation of public procurement. It is possible to increase the effectiveness of countering violations in the area under consideration if officials increase control over the spending of budget funds.*

Keywords: *public procurement; criminal and legal regulation; official; control.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Sinchurin O. V. Criminal Law on Procurement in the Russian Federation: Increased Control by Officials of Expenditure of Budget Funds. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(4): 86–99. (In Russ.)

Received 22.06.2021 Accepted 26.07.2021 Published 30.08.2021

***

Введение

Государственные закупки представляют собой внушительную составляющую экономики России. «Национальный рейтинг прозрачности закупок» привел данные за 2020 г.: объем рынка государственного заказа по сравнению с 2019 г. вырос в 1,4 раза[1]. Сфера поставки товаров для государственных и муниципальных нужд, учитывая большие объемы финансирования, является одной из наиболее привлекательных в области предпринимательской деятельности. Государство заинтересовано в эффективном функционировании института закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, т. к. это способствует развитию малого и среднего бизнеса, что, в свою

[1] Потери государства при низкой конкуренции. URL: https://www.nrpz.ru/ (дата обращения: 08.06.2021).

очередь, играет важную роль в обеспечении занятости населения [1].

Основное регулирование сферы государственных закупок составляют: Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Федеральный Закон №44-ФЗ) и Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – Федеральный закон № 223-ФЗ). Федеральный закон от № 44-ФЗ имеет более широкий охват отношений в области поставки товаров для государственных и муниципальных нужд: регулирует все аспекты взаимодействия субъектов при осуществлении госзакупок. Федеральный закон № 223-ФЗ ограничивает перечень заказчиков, также имеет еще ряд отличий от Федерального закона № 44-ФЗ.

Сфера закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд обладает объемным финансированием, что создает заманчивое поле для преступной деятельности. Основными нарушениями рассматриваемого законодательства являются преступления коррупционной направленности [2]. По результатам прокурорских проверок в 2020 г. выявлено на 5,8% нарушений больше, чем в предыдущий год, возбуждено более 700 уголовных дел, связанных с посягательствами на бюджетные средства, неправомерными действиями при заключении контрактов, их исполнении и приемке выполненных работ[1]. Одной из причин роста нарушений в рассматриваемой сфере является пандемия коронавируса [3]. Новая коронавирусная инфекция существенно повлияла практически на все сферы жизнедеятельности, в том числе способствовала ослабеванию контроля за процессом государственных закупок. Основой противодействия коррупции является устранение условий и предпосылок для возникновения этого преступного посягательства. Система закупок для государственных и муниципальных нужд – сложное и многогранное явление, требующее разрешения на различных уровнях власти [4].

В январе 2021 г. Правительством были одобрены поправки, внесенные в Федеральный закон № 44-ФЗ. Нововведения, наряду с остальным, направлены на борьбу с коррупцией в сфере государственных закупок. В соответствии с поправками весь жизненный цикл закупки будет переведен в формат электронного документооборота, вся документация будет представлена в электронном виде. Еще одним нововведением является использование рейтинга деловой репутации с целью поддержки добросовестных исполнителей, имеющих опыт качественного исполнения контрактов. Под рейтингом деловой репутации участника закупки подразумевается совокупная оценка опыта участника закупки, формируемая в соответствии с правилами, установленными Правительством РФ на основании данных из реестра контрактов, реестра договоров с госкомпаниями, информации и документов об исполнении таких контрактов[2]. Использование универсальной предквалификации участников при конкурентной закупке от 20 млн руб. подразумевает успешный опыт исполнения контракта по Федеральному закону № 44-ФЗ или договора по Федеральному закону № 223-ФЗ[3]. Также к поправкам относятся: изменение порядка проведения

[1] Генпрокуратура РФ отчиталась о возбуждении в 2020 г. свыше 700 уголовных дел в сфере госзакупок. URL: https://prozakupki.interfax.ru/articles/2001 (дата обращения: 08.06.2021).

[2] ФАС скорректирует планы по использованию рейтинга деловой репутации. URL: https://www.interfax.ru/russia/741715 (дата обращения: 08.06.2021).

[3] Станет легче проводить конкурентные госзакупки и исполнять контракты: обзор оптимизационного проекта. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_327370/ (дата обращения: 08.06.2021).

аукциона, унификация требований к извещениям о закупках и заявкам и т.д. Второй оптимизационный проект поправок будет вступать в силу дробно[1].

Цифровизация государственных закупок способствовала созданию нового информационного портала – единой информационной системы в сфере закупок. Сегодня единая информационная система представляет собой структурированную совокупность сведений, содержащихся в базах данных технических средств и информационных технологий, обеспечивающих хранение, формирование и обработку такой информации, а также ее предоставление с использованием официального сайта в сети Интернет. Позднее были внесены изменения Федеральным законом от 31 декабря 2017 г. № 504-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»: с 1 января 2019 г. все конкурентные закупки осуществляются только в электронной форме. Единая информационная система не устраняет коррупцию в рассматриваемой сфере, а лишь снижает ее проявление.

Методология

Для решения поставленных задач применялись как общенаучные методы (анализ, синтез), так и методы юридической науки (формально-юридический, сравнительно-правовой).

Методология настоящего исследования во многом базируется на таких общелогических методах, как анализ и синтез, что позволяет сравнивать и противопоставлять буквальное и системное толкование правовых актов. Используя их, автор провел детальный анализ проблематики, связанной как с уголовно-правовой охраной общественных отношений, складывающихся в ходе осуществления закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных (муниципальных) нужд, так и с проведением контрольных мероприятий за закупочным процессом.

Формально-юридический метод исследования заключался в изучении российского законодательства и практики работы контролирующих субъектов в сфере закупок. На основании чего удалось сформулировать рекомендации по повышению эффективности и совершенствованию контроля в рамках контрактной системы.

Кроме того, в ходе исследования был применён сравнительный метод, позволивший сопоставить механизмы правового регулирования отношений по регламентации контактной сферы, а также установления запрета на преступные посягательства субъектов, ответственных за проведение процедур закупок в целом и отдельных их этапов на протяжении новейшего периода исторического развития российского государства.

Результаты и их обсуждение

Уголовная ответственность в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд представлена тремя составами. Статья 200.4 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) предусматривает ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Особенностью данного состава является специальный субъект преступления, который не является должностным лицом или лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации. Статья 200.5 УК РФ предусматривает ответственность за подкуп уполномоченного лица, представляющего интересы заказчика в сфере государственных закупок, при условии отсутствия признаков преступлений, предусмотренных ч. 1–4 ст. 204 и ст. 291 УК

[1] Госзакупки начнут очищать от коррупции с 1 апреля. URL: https://www.ng.ru/economics/2021-01-21/4_8063_corruption.html (дата обращения: 08.06.2021).

РФ. Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 520-ФЗ Уголовный кодекс РФ был дополнен еще одним составом, предусматривающим ответственность в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: ст. 200.6 УК РФ установила наказание за заведомо ложное экспертное заключение. Введение указанных составов является составляющей государственной политики по противодействию коррупции. Действующее законодательство в этой области, несмотря на регулярное совершенствование, не исключает коррупционные риски при расходовании бюджетных средств.

Практика по составу ст. 200.4 УК РФ отсутствует. А. В. Катанов в своей научной работе [5] указывает на проблему неясности диспозиции указанного преступления, что затрудняет его расследование. В рассматриваемом составе злоупотребления в сфере государственных закупок раскрываются в диспозиции через нарушение законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Злоупотребление – это социально вредное поведение, которое осуществляется в рамках правовых норм [5]. Таким образом, противоречие диспозиции понятию «злоупотребление» затрудняет разграничение преступлений, ответственность за которые предусмотрена этой статьей от иных составов. Сложившаяся судебно-следственная практика свидетельствует о том, что общественно опасные деяния в сфере государственных закупок квалифицировались по статьям УК РФ о хищениях (ст. 159 УК РФ), о злоупотреблении должностными полномочиями (ст. 201, 285, 286) и как подкупы (ст. 204, 290, 291 УК РФ) [6].

Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020 г. свидетельствуют о наличии практики привлечения к уголовной ответственности по ст. 200.5 УК РФ. Так, по ч. 1 ст. 200.5 УК РФ осужден 1 человек по основной статье. В качестве дополнительной квалификации по числу лиц – 1 человек и по количеству составов преступлений – 1. По ч. 4 ст. 200. 5 УК РФ в качестве дополнительной квалификации осужден 1 человек по количеству лиц и по количеству составов – 4. По ч. 5 ст. 200.5 УК РФ число осужденных по основной статье составило 2 человека. В качестве дополнительной квалификации по числу лиц 1 человек и по количеству составов преступлений – 4. По ч. 6 ст. 200.5 УК РФ есть одна судимость по основной статье[1]. Дополнение Уголовного кодекса РФ данным составом преступления свидетельствует:

– о необходимости обозначить с точки зрения уголовного законодательства субъектный состав, подлежащий уголовной ответственности вследствие ненадлежащего осуществления своих должностных обязанностей;

– об усилении мер по борьбе с коррупционными проявлениями в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд;

– о совершенствовании механизма осуществления государственных и муниципальных закупок посредством использования средств уголовного закона [7].

Судебная практика по ст. 200.6 УК РФ отсутствует. Интересной представляется позиция В. Е. Зварыгина и Д. С. Назаровой о том, что законодатель намеренно или случайно исключил из сферы регулирования рассматриваемого состава аналогичные деяния, совершаемые в закупках компаний с государственным участием, регулируемые Федеральным законом № 223-ФЗ. Авторы не согласны с таким подходом, т. к. объем закупок, приходящийся на эту категорию, составляет не меньше половины от всех закупок, подлежащих регулированию в соответ-

[1] Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020 год. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669 (дата обращения: 08.06.2021).

ствии с законодательством о контрактной системе [8].

Скудная практика по составам УК РФ, предусматривающим ответственность за преступления в сфере государственных и муниципальных закупок, обусловлена высокой латентностью данных преступлений. Участники преступных групп создают условия для затруднения деятельности по раскрытию таких преступлений. Раскрыть преступления удается при условии неудовлетворенности какого-то участника преступной схемы, что подталкивает его на сотрудничество с правоохранительными органами [9]. Также имеет значение, что анализируемые статьи были введены относительно недавно, до этого преступные деяния в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд квалифицировали по иным составам преступлений [10]. Соответственно, судебная практика находится в стадии становления. Из рассматриваемых составов законодателем целенаправленно был исключен субъективный признак: должностное положение, т. е. уголовная ответственность по статьям УК РФ в сфере госзакупок предусмотрена для лиц, не являющихся должностными лицами или не выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации. Это свидетельствует о непоследовательности законодателя специально криминализировать преступные деяния в сфере государственных и муниципальных закупок. Несовершенство конструкции данных статей приводит к конкуренции норм, что усложняет работу правоприменителям[1].

Стоит отметить, что в правовой доктрине вопросы квалификации преступлений в сфере государственных закупок также не получили единообразного понимания. Противники специальной криминализации полагают возможным осуществлять юридическую оценку содеянного по общим нормам, устанавливающим ответственность за совершение преступлений против собственности или должностных преступлений, охваченных гл. 30 действующего уголовного закона [11; 12; 13].

Статьей 99 Федерального закона № 44-ФЗ установлен порядок контрольных мероприятий в анализируемой сфере. В статье указан перечень органов контроля в пределах их полномочий.

Контроль осуществляется федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным на осуществление контроля в сфере закупок, путем проведения плановых проверок в отношении заказчиков, контрактных служб, контрактных управляющих, комиссий по осуществлению закупок и их членов, уполномоченных органов и учреждений при осуществлении закупок для обеспечения федеральных нужд, в отношении специализированных организаций, выполняющих в соответствии с законом отдельные полномочия в рамках осуществления закупок для обеспечения федеральных нужд, в отношении операторов электронных площадок, в том числе специализированных электронных площадок, а также путем внеплановых проверок в отношении субъектов контроля. Разнообразие контрольных органов приводит к дублированию функций в сфере обеспечения законодательства о закупках, а также к снижению эффективности защиты интересов участников закупочного процесса. Соответственно, необходимо оптимизировать контрольные функции уполномоченных государственных органов, а также максимально нивелировать случаи возникновения конфликта интересов [14].

В соответствии с правилами осуществления контроля в госзакупках со стороны антимонопольной службы России планируется введение с июля 2022 г. ранжирования госзаказчиков по степени

[1] Адвокатам рассказали о теоретических и правоприменительных проблемах ст. 200.4 и 200.5 УК URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/advokatam-rasskazali-o-teoreticheskikh-i-pravoprimenitelnykh-problemakh-st-200-4-i-200-5-uk/ (дата обращения: 08.06.2021).

риска. На основании этого ранжирования ФАС будет составлять календарь плановых проверок[1].

В соответствии с законодательством о закупках в сфере государственных и муниципальных нужд выделяют следующие виды контроля:

– государственный и муниципальный контроль;

– ведомственный контроль в сфере закупок;

– контроль в сфере закупок, осуществляемый заказчиком (внутренний контроль);

– общественный контроль за соблюдением требований законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов о контрактной системе в сфере закупок.

Контрольная компетенция разбросана между Правительством России, ФАС России, Министерством финансов России, Федеральным казначейством и Счётной палатой Российской Федерации.

Необоснованно широкий круг контролирующих органов приводит к формированию различных подходов к применению законодательства о закупках и, собственно, неэффективной защите финансовых интересов публично-правовых образований (т. е. Российской Федерации, субъектов Федерации, муниципальных образований), а также неэффективной защите конкуренции.

Доминирующее положение среди контролеров занимает ФАС России, чью деятельность в области закупок, по нашему убеждению, нельзя назвать эффективной по той причине, что антимонопольный орган осуществляет формализованные проверки, не вдаваясь в детали отдельно взятого казуса, вынося по итогу решения, попустительствующие злоупотреблению заказчиками правом подачи заявления на внесение участника закупки в реестр недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей; также – РНП) – использованию названного правомочия для избавления от неугодных заказчику контрагентов и заключению контрактов с нужным ему хозяйствующим субъектом.

К примеру, в октябре 2020 г. ФАС России незаконно внесла по заявлению госзазчика участника закупки (далее – ООО) в РНП. При этом уклонением от исполнения обязательств служба сочла признать независящую от действий ООО задержку в выдаче независимой банковской гарантии, обусловленную введенными на территории г. Москвы ограничительными мерами в связи с распространением новой коронавирусной инфекции и техническими неполадками в работе банка. ФАС при вынесении решения проигнорировала все доказательства, подтверждающие совершение активных действий участником закупки, направленных на заключение договора (уведомление заказчика о наличии обеспечения, сообщение его номера по реестру; наличие других банковских гарантий, полученных ООО в других банковских организациях, и прочие моменты). Участник закупки в целях защиты своих прав был вынужден обратиться с иском в арбитражный суд.

Интересно то, что возложение полномочий по контролю за сферой государственных закупок на антимонопольный орган практически не практикуется в мире. В подавляющем большинстве стран – членов ОЭСР (примерно в 70% государств) регулирование закупок осуществляется либо уполномоченным органом публичной власти, либо Министерством финансов, либо Министерством экономики, поскольку роль антимонопольного ведомства несущественна и сводится к борьбе с картельными сговорами на торгах (примером таких стран выступают Великобритания, Франция). Встречаются случаи смешанного регули-

[1] Правительство РФ утвердило правила осуществления контроля в госзакупках: Интерфакс-Prozакупки. URL: https:// prozakupki. interfax.ru/articles/1914 (дата обращения: 08.06.2021).

рования закупочной сферы исполнительными органами власти и антимонопольным органом, однако роль последнего второстепенная (ФРГ) либо он выступает в качестве консультативного органа (Дания, Швеция) [15].

Среди отечественных исследователей высказывается мнение о необходимости создания независимого специализированного ведомства, занимающегося вопросами осуществления государственной политики в сфере закупок [16; 17; 18]. По их мнению, формирование новой касты государственных (муниципальных) служащих – профессиональных специалистов по вопросам государственных закупок должно положительно отразиться на повышении эффективности и результативности управления закупочной средой. За рубежом, к примеру, подобные органы функционируют в США (Офис федеральной закупочной политики), Великобритании (Управление по делам государства).

Ведомственный контроль осуществляет несколько организаций, но основной контроль в рассматриваемой сфере возложен на Федеральную антимонопольную службу. При выявлении нарушений контролирующие органы выдают предписание к их устранению. Используется практика приостановления или отмены процедуры закупки при определенных условиях [19]. Внутренний контроль осуществляется со стороны заказчика. В соответствии со ст. 101 Федерального закона № 44-ФЗ для заказчика установлена обязанность осуществлять контроль за исполнением поставщиком (подрядчиком, исполнителем) условий контракта. Также под контроль попадает исполнение контракта субподрядчиком, соисполнителем из числа субъектов малого предпринимательства и социально ориентированных некоммерческих организаций. При обнаружении факта нарушения заказчик вправе расторгнуть контракт [20]. Общественный контроль за соблюдением требований законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов о контрактной системе в сфере закупок регламентируется Федеральным законом от № 44-ФЗ, Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 212-ФЗ). Осуществлять общественный контроль вправе граждане, общественные объединения и объединения юридических лиц. При работе этого контроля организуются общественные обсуждения государственных закупок, запрашиваются интересующие документы у заказчика, проводится мониторинг и оценка эффективности процедур [21].

Однако стоит констатировать, данное направление реализуется практически контрпродуктивно, с ним до сих пор связано немалое количество проблем, снижающих перспективность подобной формы контроля и требующих скорейшего разрешения. Считаем, например, что налицо декларированность права граждан на осуществление общественного контроля в области публичных закупок. Механизм реализации названного правомочия физическими лицами не разработан до сих пор; права и обязанности субъектов общественного контроля закреплены в Федеральном законе от № 44-ФЗ применительно лишь к общественным объединениям и объединениям юридических лиц. Возникает своего рода противоречие между Федеральным законом № 44-ФЗ и Федеральным законом № 212-ФЗ [22]. Недобросовестные общественные контролёры, пользуясь своим положением, давлеют на участников закупок, вынуждая их под угрозами затруднения осуществления хозяйственной деятельности заключать договоры на юридическое сопровождение деятельности юридических лиц и предпринимателей.

Контроль в сфере закупок осуществляется государственными органами в отношении субъектов контроля в соответствии с порядком, установленным Правительством Российской Федерации. Постановлением Правительства России от

1 октября 2020 г. № 1576 утверждены Правила осуществления контроля в сфере закупок товаров, работ, услуг в отношении заказчиков, контрактных служб, контрактных управляющих, комиссий по осуществлению закупок товаров, работ, услуг и их членов, уполномоченных органов, уполномоченных учреждений, специализированных организаций, операторов электронных площадок, операторов специализированных электронных площадок (далее – Правила). В приложении к Правилам указывается исчерпывающий список должностных лиц, уполномоченных на проведение проверок. Правилами обозначены права и обязанности должностных лиц контрольного органа при проведении плановых (внеплановых) проверок.

При проведении плановых (внеплановых) проверок должностные лица контрольного органа вправе:

– запрашивать и получать необходимые для проведения проверки документы и информацию;

– получать беспрепятственный доступ в помещения и на территории, которые занимают заказчики, специализированные организации, операторы электронных площадок, операторы специализированных электронных площадок, для получения документов и информации;

– обращаться в суд, арбитражный суд с исками о признании осуществленных закупок недействительными в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации;

– составлять протоколы об административных правонарушениях, связанных с нарушениями законодательства о контрактной системе, рассматривать дела о таких административных правонарушениях и принимать меры по их предотвращению;

– выдавать предписания.

В обязанности должностных лиц контрольного органа входят:

– не разглашать сведения, составляющие государственную тайну, и иную информацию, доступ к которой ограничен;

– передавать в правоохранительные органы информацию о факте совершения действий (бездействия), содержащих признаки состава преступления и (или) документы, подтверждающие такой факт, в течение 3 рабочих дней со дня выявления такого факта.

Большая часть материалов, направляемых контролирующими органами в органы предварительного следствия, не трансформируется в уголовные дела, поскольку в ходе осуществления контрольных мероприятий проверяющими не учитываются особенности уголовного законодательства, а сотрудниками органов предварительного расследования не производится тщательный анализ обстоятельств, установленных в ходе контрольных мероприятий; доследственные проверки вследствие сложности складывающихся в контрактной сфере экономических отношений проводятся поверхностно, преступления коррупционной направленности остаются латентными [23]. Основанием для направления материалов в правоохранительные органы с целью возбуждения уголовного дела должно быть именно обнаружение признаков преступления, а не выявление отдельных нарушений закупочного законодательства.

В этой связи представляется верным предложение Р. Б. Логвина о формировании специальной межведомственной рабочей группы из представителей действующих контролирующих органов и Генпрокуратуры России, МВД России и Следственного комитета России. Деятельность подобной рабочей группы должна быть ориентирована на обобщение правоприменительной практики, детальный анализ которой позволит органам, осуществляющим контроль в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд, проводить контрольные мероприятия и фиксировать их результаты с учетом аспектов уголовного законодательства [24]. По аналогии со сложившейся практикой борьбы с налоговыми преступлениями итогом работы названной рабочей группы может стать разра-

ботка и принятие методических рекомендаций по установлению умысла заказчиков и участников закупки на хищение денежных средств (их части), выделяемых на закупки ресурсов для обеспечения государственных (муниципальных) нужд, а также межведомственного акта (соглашения) о направлении материалов в правоохранительные органы. Документ, как представляется, также уточнит состав материалов, направляемых в следственные органы, и порядок их передачи.

Реализация подобной инициативы повлечет, с одной стороны, сокращение направляемых в органы предварительного расследования материалов, снизит профессиональную нагрузку, с другой – увеличит качественные показатели работы в виде возбужденных уголовных дел в процентном отношении, что позволит приблизить статистические сведения о состоянии преступности в исследуемой сфере к реальности [24].

Выводы

Таким образом, в целях совершенствования правового регулирования в рассматриваемой области, а также для устранения дефектов осуществления контроля в сфере госзакупок целесообразно:

– доработать уголовное регулирование рассматриваемого вопроса;

– провести оптимизацию функций контрольных органов, исключающую конфликт интересов;

– повысить контроль со стороны должностных лиц на всех этапах закупочной процедуры;

– совершенствовать комплекс профилактических мер.

Сфера поставки товаров для государственных и муниципальных нужд вносит значительный вклад в экономику России. В связи с большими объемами финансирования рассматриваемая область хозяйствования привлекательна для преступной деятельности. Действующее уголовное регулирование несовершенно, чем обусловлена низкая практика применения составов, предусматривающих ответственность за преступления в области государственных и муниципальных закупок, а также высокая латентность указанных преступлений. Разнообразие контрольных органов с дублирующими функциями приводит к конфликту интересов. От работы должностных лиц контролирующих органов зависит эффективность выявления нарушений. В целях совершенствования осуществления проверок есть потребность в повышении контроля со стороны должностных лиц за расходованием бюджетных средств.

Список литературы

1. Восканян Р. О. Европейская практика проведения государственных закупок // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2020. № 1. (183). С. 42–49.

2. Дроздов В. Ю. Должностные коррупционные преступления в сфере закупок и их классификация // Государственная служба и кадры. 2020. № 4. С. 121–126.

3. Левшук В. В., Маруха Е. Р., Багреева Е. Г. Анализ преступности в сфере государственных закупок в период COVID-19 // Образование и право. 2020. № 4. С. 438–442.

4. Фазлиева Л. К., Хисамутдинова Э. Н. Проблемы правового регулирования, обуславливающие наличие коррупциогенного фактора в сфере закупок для государственных нужд // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 2 (88). С. 103–108.

5. Катанов А. В., Румянцева Р. Р. Актуальные вопросы применения и расследования преступлений, предусмотренных статьей 200.4 Уголовного кодекса РФ // Государственная служба и кадры. 2019. № 4. С. 153–154.

6. Черняков С. А., Цуркин В. С. Особенности квалификации злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2 (56). С. 44–47.

7. Прохоров Э. А. О сущности преступного деяния, предусмотренного ст. 200.5 Уголовного кодекса РФ // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2018. № 7. С. 151–153.

8. Зварыгин В. Е., Назарова Д. С. Уголовная ответственность за дачу ложных экспертных заключений в сфере закупок товаров, работ, услуг // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2020. Т. 30, № 1. С. 84–90.

9. Тищенко Е. В., Фролова Е. Ю. Особенности преступной деятельности в сфере государственных и муниципальных закупок: уголовно-правовые и криминалистические аспекты // Юридический вестник Самарского университета. 2016. № 4. С. 69–76.

10. Долинко В. И. Уголовная ответственность за нарушения российского законодательства в сфере государственных закупок // Академическая мысль. 2020. № 3(12). С. 12–17.

11. Гук Д. В. К вопросу о дополнительной криминализации в УК РФ нарушений законодательства при осуществлении госзакупок // Юридическая практика. 2013. № 2. С. 40–44.

12. Овчаров А. В. Уголовная ответственность в сфере осуществления государственных закупок как новелла российского уголовного закона // Военное право. 2019. № 2 (54). С. 257–262.

13. Исаичева М. М. Преступления в сфере государственных закупок, совершаемые должностными лицами. Способы совершения и проблемы квалификации // Государственная служба и кадры. 2019. № 3. С. 166–168.

14. Лаврова О. В. Государственный контроль как инструмент борьбы с коррупцией в контрактной системе // STUDNET. 2020. № 11. С. 141.

15. Шмелева М. В. Разработка концепции развития законодательства в сфере государственных и муниципальных закупок // Сибирское юридическое обозрение. 2018. № 4. С. 423–427.

16. Глеба О. В. Некоторые проблемы и тенденции развития контрактной системы в России с учетом опыта зарубежных стран // Право и экономика. 2021. № 1. С. 40–44.

17. Паулов П. А., Радица М. Д. Основные проблемы в области правового регулирования государственных закупок, возможные пути их решения // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. 2020. № 18. С. 112–119.

18. Свиридова И. С. Проблемы борьбы с преступлениями в сфере госзакупок: уголовно-правовой аспект // Теоретические аспекты юриспруденции и вопросы правоприменения: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции «55-е Евсевьевские чтения» (Саранск, 14-15 марта 2019 г.) / отв. ред. А. Ю. Куприянов. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2019. С. 154–158.

19. Строганов А. А. Госзаказ и контроль за его размещением: методика построения эффективной системы контроля при размещении заказов для государственных и муниципальных нужд. М.: Юриспруденция, 2010. 204 с.

20. Бабич А. М., Павлова Л. Н. Государственные и муниципальные финансы. Закупки и поставки продукции для государственных нужд. М.: ИНФРА, 2009. 149 с.

21. Дорохина Ю. А. Контроль в сфере государственных закупок по 44 Федеральному закону // Инновационная наука. 2019. № 1. С. 65–67.

22. Орлова Д. А. Необходимость, значение и проблемы общественного контроля в сфере государственных закупок // Российская наука: актуальные исследования и разра-

ботки: сборник научных статей IX Всероссийской научно-практической конференции: в 2 ч. / отв. ред. С. И. Ашмарина, А. В. Павлова [и др.]. Самара: Изд-во СГЭУ, 2020. Ч. 2. С. 673–676.

23. Петрикова С. В., Леонтьев А. В. Проблемы квалификации преступлений коррупционной направленности, совершаемых в сфере государственных и муниципальных закупок // Материалы XXI научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва: в 3 ч. / сост. А. В. Столяров; отв. за вып. П. В. Сенин. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2017. С. 213–218.

24. Логвин Р. Б. О некоторых проблемах противодействия преступлениям коррупционной направленности в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2017. № 28. С. 211–214.

References

1. Voskanyan R. O. Evropejskaya praktika provedeniya gosudarstvennyh zakupok [The European practice of public procurement]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Bulletin of the Samara State University of Economics*, 2020, no. 1. (183), pp. 42–49.

2. Drozdov V. Yu. Dolzhnostnye korrupcionnye prestupleniya v sfere zakupok i ih klassifikaciya [Official corruption crimes in the field of procurement and their classification]. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry = Civil service and personnel*, 2020, no. 4, pp. 121–126.

3. Levshuk V. V., Maruha E. R., Bagreeva E. G. Analiz prestupnosti v sfere gosudarstvennyh zakupok v period COVID-19 [Analysis of crime in the field of public procurement in the period of COVID-19]. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*, 2020, no. 4, pp. 438–442.

4. Fazlieva L. K., Hisamutdinova E. N. Problemy pravovogo regulirovaniya, obuslavlivayushchie nalichie korrupciogennogo faktora v sfere zakupok dlya gosudarstvennyh nuzhd [Problems of legal regulation that cause the presence of a corruption-causing factor in the field of procurement for state needs]. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 2 (88), pp. 103–108.

5. Katanov A. V., Rumyanceva R. R. Aktual'nye voprosy primeneniya i rassledovaniya prestuplenij, predusmotrennyh stat'ej 200.4 Ugolovnogo kodeksa RF [Topical issues of the application and investigation of crimes provided for in Article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry = State Service and personnel*, 2019, no. 4, pp. 153–154.

6. Chernyakov S. A., Curkin V. S. Osobennosti kvalifikacii zloupotrebleniya v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh ili municipal'nyh nuzhd [Features of qualification of employees in the field of procurement of goods, works, services for state or municipal needs]. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 2 (56), pp. 44–47.

7. Prohorov E. A. O sushchnosti prestupnogo deyaniya, predusmotrennogo st. 200.5 Ugolovnogo kodeksa RF [On the essence of a criminal act provided for in Article 200.5 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve. Yuridicheskij zhurnal = Gaps in Russian legislation. Law journal*, 2018, no. 7, pp. 151–153.

8. Zvarygin V. E., Nazarova D. S. Ugolovnaya otvetstvennost' za dachu lozhnyh ekspertnyh zaklyuchenij v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug [Criminal liability for giving false

expert opinions in the field of procurement of goods, works, services]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo = Bulletin of the Udmurt University. The series "Economics and Law"*, 2020, no. 1, vol. 30, pp. 84–90.

9. Tishchenko E. V., Frolova E. Yu. Osobennosti prestupnoj deyatel'nosti v sfere gosudarstvennyh i municipal'nyh zakupok: ugolovno-pravovye i kriminalisticheskie aspekty [Features of criminal activity in the sphere of state and municipal procurement: criminal-legal and criminalistic aspects]. *Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta = Legal Bulletin of the Samara University*, 2016, no. 4, pp. 69–76.

10. Dolinko V. I. Ugolovnaya otvetstvennost' za narusheniya rossijskogo zakonodatel'stva v sfere gosudarstvennyh zakupok [Criminal liability for violations of Russian legislation in the field of public procurement]. *Akademicheskaya mysl' = Academic Thought*, 2020, no. 3(12), pp. 12–17.

11. Guk D. V. K voprosu o dopolnitel'noj kriminalizacii v UK RF narushenij zakonodatel'stva pri osushchestvlenii goszakupok [On the issue of additional criminalization in the Criminal Code of the Russian Federation of violations of legislation in the implementation of public procurement]. *Yuridicheskaya praktika = Legal practice*, 2013, no. 2, pp. 40–44.

12. Ovcharov A. V. Ugolovnaya otvetstvennost' v sfere osushchestvleniya gosudarstvennyh zakupok kak novella rossijskogo ugolovnogo zakona [Criminal liability in the field of public procurement as a novel of the Russian criminal law]. *Voennoe pravo = Military law*, 2019, no. 2 (54), pp. 257–262.

13. Isaicheva M. M. Prestupleniya v sfere gosudarstvennyh zakupok, sovershaemye dolzhnostnymi licami. Sposoby sovershheniya i problemy kvalifikacii [Crimes in the field of public procurement committed by officials. Methods of commission and problems of qualification]. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry = Civil service and personnel*, 2019, no. 3, pp. 166–168.

14. Lavrova O. V. Gosudarstvennyj kontrol' kak instrument bor'by s korrupciej v kontraktnoj sisteme [State control as a tool to combat corruption in the contract system]. *STUDENT*, 2020, no. 11, pp. 141.

15. Shmeleva M. V. Razrabotka koncepcii razvitiya zakonodatel'stva v sfere gosudarstvennyh i municipal'nyh zakupok [Development of a concept for the development of legislation in the field of state and municipal procurement]. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Legal Review*, 2018, no. 4, pp. 423–427.

16. Gleba O. V. Nekotorye problemy i tendencii razvitiya kontraktnoj sistemy v Rossii s uchetom opyta zarubezhnyh stran [Some problems and trends in the development of the contract system in Russia, taking into account the experience of foreign countries]. *Pravo i ekonomika = Law and Economics*, 2021, no. 1, pp. 40–44.

17. Paulov P. A., Radica M. D. Osnovnye problemy v oblasti pravovogo regulirovaniya gosudarstvennyh zakupok, vozmozhnye puti ih resheniya [The main problems in the field of legal regulation of public procurement, possible ways to solve them]. *Uchenye zapiski Tambovskogo otdeleniya RoSMU = Scientific notes of the Tambov branch of RoSMU*, 2020, no. 18, pp. 112–119.

18. Sviridova I. S. [Problems of combating crimes in the field of public procurement: criminal and legal aspect]. *Teoreticheskie aspekty yurisprudencii i voprosy pravoprimeneniya. Sbornik nauchnyh trudov po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii "55-ye Evsev'evskie chteniya"* [Theoretical aspects of jurisprudence and law enforcement issues. Collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference "55th Eusebian Readings"]; ed. by A. Yu. Kupriyanov. Saransk, Mordov gos. ped. in-t, 2019, pp. 154–158. (In Russ.).

19. Stroganov A. A. Goszakaz i kontrol' za ego razmeshcheniem: metodika postroeniya effektivnoj sistemy kontrolya pri razmeshchenii zakazov dlya gosudarstvennyh i municipal'nyh

nuzhd [State order and control over its placement: a methodology for building an effective control system when placing orders for state and municipal needs]. Moscow, Yurisprudenciya Publ., 2010. 204 p.

20. Babich A. M., Pavlova L. N. Gosudarstvennye i municipal'nye finansy. Zakupki i postavki produkcii dlya gosudarstvennyh nuzhd [State and municipal finance. Procurement and supply of products for state needs]. Moscow, INFRA Publ., 2009. 149 p.

21. Dorohina Yu. A. Kontrol' v sfere gosudarstvennyh zakupok po 44 Federal'nomu zakonu [Control in the field of public procurement under Federal Law 44]. *Innovacionnaya nauka = Innovative science*, 2019, no. 1, pp. 65–67.

22. Orlova D. A. [The necessity, significance and problems of public control in the field of public procurement]. *Rossijskaya nauka: aktual'nye issledovaniya i razrabotki. Sbornik nauchnyh statej IX Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Russian science: actual research and development. Collection of scientific articles of the IX All-Russian Scientific and Practical Conference]; ed. by S. I. Ashmarina, A. V. Pavlova, eds. Samara, Samara St. Univ. of Economics Publ., 2020, pt. 2, pp. 673–676. (In Russ.).

23. Petrikova S. V., Leont'ev A. V. [Problems of qualification of corruption-related crimes committed in the field of state and municipal procurement]. *Materialy XXI nauchno-prakticheskoj konferencii molodyh uchenyh, aspirantov i studentov Nacional'nogo issledovatel'skogo Mordovskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. P. Ogaryova* [Materials of the XXI scientific and practical conference of young scientists, postgraduates and students of the National Research Mordovian State University named after N. P. Ogarev]; ed. by A. V. Stolyarov, P. V. Senin. Saransk, Mordov. Univ. Publ., 2017, pp. 213–218. (In Russ.).

24. Logvin R. B. O nekotoryh problemah protivodejstviya prestupleniyam korrupcionnoj napravlennosti v sfere zakupok dlya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd [About some problems of countering corruption-related crimes in the field of procurement for state and municipal needs]. *Novoe slovo v nauke i praktike: gipotezy i aprobaciya rezul'tatov issledovanij = New word in science and practice: hypotheses and approbation of research results*, 2017, no. 28, pp. 211–214.

Информация об авторе / Information about the Author

Синчурин Олег Витальевич, аспирант кафедры уголовного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: idrozdov@me.com
ORCID: 0000-0001-7026-8510

Oleg V. Sinchurin, Post-Graduate Student of the Department of Criminal Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: idrozdov@me.com
ORCID: 0000-0001-7026-8510

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.34

Квалификация вандализма, совершенного по экстремистским мотивам

Ю. Д. Налимов[1] ✉

[1]Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
ул. академика Волгина 12, г. Москва 117437, Российская Федерация

✉ e-mail: nastia.nalimowa@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Анализ судебно-следственной практики и опрос практических сотрудников показали, что квалификация вандализма, совершенного по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении определенной социальной группы (экстремистские мотивы), вызывает ряд сложностей у правоприменителя. Оценочность понятий и отсутствие их толкования способствуют принятию неверных решений и выступают причиной ошибочной квалификации.*

Цель *– по результатам проведения комплексного анализа признаков экстремистских мотивов, изучения судебных решений и научной литературы разработать обоснованные предложения, способствующие правильной квалификации вандализма, совершенного по исследуемым мотивам.*

Задачи*: исследовать категориально-понятийный аппарат, составляющий содержание экстремистских мотивов, с целью толкования понятий и выявления дефиниций, вызывающих трудности у субъектов правоприменения и требующих разъяснения на уровне судебного толкования, либо внесения изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации. В ходе изучения судебно-следственной практики и научной литературы обратить внимание на моменты, вызывающие сложности при квалификации и сформулировать предложения по их устранению.*

Методология. *Основой исследования являются общенаучные методы (диалектический, анализ, синтез) и частнонаучные (формально-юридический и социологический).*

Результаты. *В исследовании проанализированы признаки вандализма, совершенного по экстремистским мотивам, и точки зрения ученых по квалификации рассматриваемых побуждений с учетом разных критериев и сложившейся правоприменительной практики. Также были выявлены пробелы в действующем законодательстве, вызывающие трудности при квалификации вандализма, совершенного из указанных побуждений.*

Выводы. *На основе судебно-следственной практики и научной литературы в статье сформулированы выводы и внесены научно обоснованные предложения по квалификации вандализма, совершенного по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо ненависти или вражды в отношении определенной социальной группы.*

Ключевые слова: *вандализм; экстремистские мотивы; квалификация вандализма; квалифицирующие признаки; экстремистская деятельность.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи*.

Для цитирования: Налимов Ю. Д. Квалификация вандализма, совершенного по экстремистским мотивам // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 100–110.

Поступила в редакцию 30.06.2021 Принята к публикации 29.07.2021 Опубликована 30.08.2021

© Налимов Ю. Д., 2021

Qualification of Vandalism Committed for Extremist Reasons

Yuri D. Nalimov [1] ✉

[1] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya
12 Akademika Volgina str., Moscow 117437, Russian Federation

✉ e-mail: nastia.nalimowa@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The analysis of judicial and investigative practice and the survey of practical staff showed that the qualification of vandalism committed on the grounds of political, ideological, racial, national or religious hatred or enmity, or hatred or enmity against a certain social group (extremist motives) causes a number of difficulties for the law enforcement officer. The evaluation of concepts and the lack of their interpretation contribute to making incorrect decisions and cause erroneous qualification.*

Purpose*. Based on the results of a comprehensive analysis of the signs of an extremist motive, the study of court decisions and scientific literature, to develop reasonable proposals that contribute to the correct qualification of vandalism committed for the studied motives.*

Objectives: *to investigate the categorical and conceptual apparatus that makes up the content of extremist motives, in order to interpret concepts and identify definitions that cause difficulties for law enforcement subjects and require clarification at the level of judicial interpretation, or amendments to the Criminal Code of the Russian Federation. During the study of forensic investigative practice and scientific literature, pay attention to the points that cause difficulties in qualification and formulate proposals for their elimination.*

Methodology. *The research is based on general scientific methods (dialectical, analysis, synthesis) and private scientific methods (formal legal and sociological).*

Results*. The study analyzes the signs of vandalism committed for extremist motives, considers the points of view of scientists on qualifications, the motives under consideration, taking into account different criteria and established law enforcement practice. There were also identified gaps in the current legislation that cause difficulties in qualifying vandalism committed from these motives.*

Conclusions*. On the basis of judicial and investigative practice and scientific literature, the article draws conclusions and makes scientifically based proposals for the qualification of vandalism committed on the grounds of political, ideological, racial, national or religious hatred or enmity, or hatred or enmity against a certain social group.*

Keywords: *vandalism; extremist motives; qualification of vandalism; qualifying signs; extremist activity.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Nalimov Yu. D. Qualification of Vandalism Committed for Extremist Reasons. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(4): 100–110. (In Russ.)

Received 30.06.2021 Accepted 29.07.2021 Published 30.08.2021

***

Введение

Экстремизм в результате масштабного распространения за короткий период времени стал одной из основных угроз общественной безопасности в России. В результате чего законодателем была установлена повышенная ответственность за преступления, совершенные по экстремистским мотивам. Вандализм не стал исключением, и при его совершении по исследуемым побуждениям виновное лицо привлекается к ответственности по ч. 2 ст. 214 УК РФ [1, с. 123].

В науке уголовного права ведутся дискуссии по поводу квалификации преступлений, совершенных по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении определенной социальной группы. В некоторых моментах мнения ученых расходятся и даже проти-

воречат друг другу. У практических работников также возникают сложности при квалификации вандализма по рассматриваемому квалифицирующему признаку. По указанным причинам проводимое исследование считается актуальным и требуется детальное рассмотрение применения указанной правовой нормы.

Методология

Методологической основой исследования выступил диалектический метод, в результате применения которого были разграничены признаки, характеризующие вандализм, совершенный по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо ненависти или вражды в отношении определенной социальной группы. Также указанный метод дал возможность выявить причины, способствующие возникновению сложностей при квалификации вандальных действий, совершенных по экстремистским мотивам, которые обусловлены оценочностью понятий, применяемых правовых норм и отсутствием их толкования. Анализ и синтез использовались при изучении понятийно-категориального аппарата, в свою очередь, позволили обосновать отличительные критерии исследуемых мотивов. Формально-юридический метод заключался в изучении действующих правовых норм, способствующих правильной квалификации вандализма, совершенного по экстремистским мотивам. Представляется, что предложенный алгоритм их применения позволит исключить квалификационные ошибки. Автором был применен социологический метод в форме опроса сотрудников правоохранительных органов с целью установления признаков рассматриваемых мотивов, которые вызывают наибольшие сложности у субъектов правоприменения при юридической оценке вандальных действий. Данным признаком оказалась «социальная группа», которая подробно рассмотрена в исследовании.

Результаты и их обсуждение

Ответственность за вандализм, совершенный по экстремистским мотивам, закреплена в ч. 2 ст. 214 УК РФ. В соответствии с примечанием к ст. 282.1 УК РФ к общественно опасным деяниям экстремистской направленности относятся преступные посягательства, которые совершены по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. В свою очередь, данному мотиву дается более широкое понимание в ст. 282 УК РФ, законодатель добавляет такие признаки, как пол, язык и происхождение, что важно учитывать при квалификации деяний по исследуемым побуждениям.

Субъектам правоприменения необходимо акцентировать внимание на основу экстремистского мотива, которой всегда выступают ненависть или вражда, определенные законодателем как разнопорядковые понятия. При их отсутствии квалификация деяния по экстремистским мотивам невозможна. Ненависть в толковом словаре трактуется как «чувство сильной вражды, злобы» [2, с. 408]. Под враждой, в свою очередь, понимаются «отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью» [2, с. 102].

Интерес представляет аспект, согласно которому вражда, кроме психической составляющей, включает в себя практическое деструктивное поведение, выражающееся в активных действиях виновного лица [3, с. 50]. Подобная деятельность говорит о большей степени общественной опасности такого явления, как вражда, поскольку предусматривает внешнюю деятельность субъекта преступления и является более широким понятием, которое включает в себя ненависть. Считается обоснованным, что преступные посяга-

тельства, совершенные из экстремистских побуждений по мотиву вражды, обладают более высокой степенью общественной опасности.

Для исключения ошибок при квалификации вандализма необходимо дать толкование категориально-понятийному аппарату, составляющему содержание экстремистских мотивов.

Преступления, совершенные по мотивам политической ненависти или вражды, характеризует их связь с деятельностью:

– органов государственной власти и управления (в вопросах социального строя и экономической структуры);

– общественных партий и других организаций, определяемой их целями [2, с. 357].

Политическая ненависть, или вражда, выражается в стойкой неприязни со стороны виновного, к деятельности лица, в отношении которого совершается преступное посягательство. Основой указанной деятельности является участие в органах государственной власти, политических партиях и общественных объединений, в выборных мероприятиях и пр. [4, с. 10].

Вандализм по указанному мотиву совершается как представителями противоборствующих политических партий, так и лицами, которые отвергают политику. Лица, относящиеся отрицательно ко всем политическим деятелям, партиям и пр., как правило, стараются совершать вандальные действия в местах, которые посещает большое количество людей или размещать видео и фотоматериалы с результатом своих действий в сети Интернет, вызывая общественный резонанс. При совершении актов вандализма, содержащих оскорбление конкретного политического деятеля, являющегося представителем власти, требуется дополнительная квалификация по ст. 319 УК РФ.

Следующий признак, характеризующий экстремистские побуждения, – идеология представляет собой систему взглядов и идей, выраженных в политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических и философских формах общественного сознания [2, с. 236].

Как и религия, идеология имеет сильное психологическое воздействие на человека, особенно когда передача информации производится человеком, который пользуется авторитетом у лица, готовящегося к совершению общественно опасного деяния. По сравнению с религией у идеологии сфера воздействия на индивида шире, оказываемое влияние на его поведение более серьезное. Идеология способствует развитию личности, как в отрицательном, так и в положительном направлении.

Фундамент идеологии составляет общность мировоззрения индивида, с миропониманием какой-либо группы людей, объединенных едиными целями. Обоснованным представляется мнение Ю. Г. Касперович, что в таких случаях экстремистский мотив выступает не только внутренним побуждением виновного лица, но и совершение преступления является задачей организации индивидов, объединенных идеологией (единомышленников) [5, с. 81].

Представляется, что вандализм, совершенный по мотиву идеологической ненависти или вражды, поглощает мотивы религиозной и (или) политической ненависти или вражды, поскольку является более широким понятием. Данный момент следует учитывать при индивидуализации наказания, по причине повышенной степени общественной опасности преступлений, совершенных по мотивам идеологической ненависти или вражды.

Отличительный признак расовой принадлежности основан на специфических отличиях людей [2, с. 657]. Такими критериями могут выступать цвет кожи, профиль лица, разрез глаз. Ученые, проводящие исследования в области генетики, на сегодняшний день отмечают смешение рас и невозможности их четкого

разграничения. На основе таких выводов ставится вопрос о расовой актуальности и употребления данного термина.

Возможно, по указанным причинам, при изучении судебной практики не было выявлено решений с указанием только на расовый признак. При рассмотрении преступлений, ответственность за которые предусмотрена ч. 2 ст. 214 УК РФ, чаще встречается термин «национальность», который охватывается этническим признаком, либо правоприменитель употребляет указанные термины в совокупности, не разграничивая их.

Понятие «национальность» происходит от слова «нация», которое представляет собой совокупность людей, объединенных на определенной территории и имеющих общую культуру и другие признаки [2, с. 398].

В большинстве изученных уголовных дел лица, совершившие вандализм по указанному признаку поясняли, что национальность им была неизвестна и для виновного лица принципиальное значение имела неславянская внешность лица, в отношении которого совершалось преступное посягательство.

Также при изучении судебно-следственной практики установлено, что вандализм, совершаемый по мотиву ненависти или вражды, на основе рассмотренных признаков во многих случаях дополнительно сопровождался надписями или изображениями, которые содержали:

а) публичные призывы к экстремистской деятельности, под которыми в уголовном праве понимаются обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности [6, с. 152]. Они могут быть выражены в любой форме (устная, письменная, с использованием технических средств) [7, с. 91];

б) слова, фразы и т. п., возбуждающие ненависть либо вражду или унижающие человеческое достоинство по признакам, характеризующим экстремистский мотив.

В таких ситуациях требуется дополнительная квалификация по ст. 280, 282 УК РФ либо ст. 20.3.1 КоАП РФ, которая должна осуществляться с учетом требований Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»[1], где конкретно указаны виды исследуемой деятельности, а также разъяснений Постановления Пленума Верховного Суда о том, что наличие публичных призывов в каждом случае рассматривается с учетом всех конкретных обстоятельств (способа, времени и других значимых факторов)[2].

Религия представляет собой:

– форму общественного сознания в виде совокупности духовных представлений, основывающихся на вере в сверхъестественные силы и существа;

– направление такого сознания (буддизм, ислам, христианство и пр.) [2, с. 657].

Мотив религиозной ненависти или вражды требует от правоприменителя глубоких знаний в этой области. Согласно Конституции РФ в нашем государстве индивид имеет право исповедовать любую религию. В свою очередь, закон защищает все виды религий, которые не запрещены в нашей стране. В судебно-следственной практике имеют место случаи вандализма не только в отношении зданий православных храмов, но и в отношении мечетей, синагог и пр. В подобных ситуациях субъектам правоприменения важно установить наличие или от-

[1] О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ: [ред. от 08.12.2020]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (дата обращения: 01.05.2021).

[2] О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11: [ред. от 20.09.2018]. URL: http://www.con-sultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712 (дата обращения: 01.05.2021).

сутствие мотива религиозной ненависти или вражды при совершении акта вандализма, что бывает не так просто по причине незнания сути религиозных учений и иных обстоятельств. Представляется целесообразным в таких случаях проводить опрос представителей религиозных течений, которым был причинен вред, изучать литературу, разъясняющую суть учения, которому причинен ущерб, а также в обязательном порядке назначать религиоведческую экспертизу, предусмотренную приказом Министерства юстиции РФ[1]. Указанное исследование проводится для установления в деятельности организации признаков религиозного объединения [8, с. 130], что выступает основой квалификации преступления по экстремистским мотивам.

Религиозная ненависть или вражда может быть обращена как к лицу иной религии или конфессии [9, с. 199], так и преступное посягательство может быть совершено и в отношении лиц, равнодушно относящихся к религии, так и последними [10, с. 206].

Квалификация вандализма по ч. 2 ст. 214 УК РФ исключается, если мотивом преступного посягательства выступает личная неприязнь к сотруднику религиозной организации (например, к настоятелю храма) или конфликтная ситуация, которая не связана с религиозной деятельностью человека.

Законодатель, признав социальную группу одним из признаков экстремистского мотива, существенно расширил его содержание. Результаты проведенного опроса 110 практических сотрудников свидетельствуют, что исследуемый признак экстремистских мотивов вызывает наибольшие сложности у субъектов правоприменения по причине отсутствия законодательного закрепления как самого понятия, так и его признаков. Трудности при квалификации экстремистских мотивов по указанному признаку возникали у 70% опрошенных респондентов.

Классическое определение социальной группы в социологии дано Робертом Мертоном и характеризует ее как совокупность взаимодействующих индивидов, осознающих себя членами группы, в том числе они должны признаваться таковыми с позиции других членов общества [11, с. 428]. Сторонники одной из точек зрения считают это понятие слишком широким [12, с. 35; 13, с. 59], ряд авторов требуют обязательного закрепления признаков на законодательном уровне [14, с. 40; 15, с. 73; 16, с. 87, 89–90].

Обоснованным считается, что отсутствие четкого понимания субъектами правоприменения дефиниции «социальная группа» порождает сложности [17, с. 109], поскольку отсутствуют ответы на вопросы: какие группы признаются социальными и могут ли таковыми признаваться профессиональные и неформальные объединения?

Изучение судебной практики Верховного Суда РФ показывает, что социальной группой признаются группы людей, объединенных по самым различным признакам. Так, социальными группами были признаны лица без определенного места жительства[2] и «панки»[3]. В своих

[1] О государственной религиоведческой экспертизе (вместе с "Порядком проведения государственной религиоведческой экспертизы", "Положением об экспертном совете по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации"): приказ Минюста РФ от 18 февр. 2009 г. № 53. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_85434 (дата обращения: 04.05.2021).

[2] Кассационное определение Верховного Суда РФ от 26.03.2013 N 44–О13–11. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=67418796906378668737508377&cacheid=EE33DE82A9151EEDCD9D3282CACCF108&mode=splus&base=ARB&n=332185&rnd=0.5271368032935773#1hkthv8vvzt (дата обращения: 14.05.2021).

[3] Кассационное определение Верховного Суда РФ от 07.07.2011 N 8–О11–10. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req

доводах Суд разъясняет, что организация группы может быть как социальной, так и антисоциальной, что не должно влиять на квалификацию действий виновного лица.

Таким образом, понятие «социальная группа» в контексте экстремистского мотива представляет собой совокупность людей, объединенную по какому-либо признаку, признающими себя частью этого сообщества, а также получившими такое признание со стороны других членов общества. По каждому факту совершения общественно опасных деяний по исследуемому критерию требуется своевременное назначение и проведение установленных законом экспертиз и исследований, в том числе социологических, поскольку от них зависит правильная квалификация деяния [18, с. 239]. Стоит согласиться с точкой зрения, согласно которой грамотно поставленные специалисту вопросы значительно влияют на результат проведенных экспертиз [19, с. 116; 20, с. 210]. Согласно сложившейся судебно-следственной практики количественный состав социальной группы для квалификации значения не имеет.

Следует отметить, что в ряде случаев установление экстремистского мотива предполагает выяснение цели совершения преступного деяния [21, с. 109].

Проблема установления точной цели совершения преступлений по экстремистским мотивам ранее отражалась в научных работах. В них обращалось внимание на то, что действия, трактующиеся в законе как экстремизм, не являются причиной и целью самих себя [22, с. 71]. Представляется, что при совершении преступления по указанным мотивам лицо преследует определенную цель, сформировавшуюся в его сознании под влиянием определенных факторов, подлежащих установлению в рамках расследования уголовного дела.

В качестве примера рассмотрим одно из судебных решений. Так, в период времени с 23 часов 00 минут 4 сентября 2014 г. до 08 часов 45 минут 6 сентября 2014 г. С., имея умысел на нанесение фашистской свастики и надписей националистического характера на стены и двери подъезда, действуя по мотивам национальной ненависти, на входной двери, ведущей в подъезд, а также на кирпичной стене умышленно нанес знаки фашистской свастики и надпись националистического характера «Россия для русских». С. был привлечен к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 214 УК РФ[1].

В ходе судебного заседания было установлено, что С. относит себя к националистам, с отрицанием относится к лицам кавказской национальности, узбекам, таджикам, афроамериканцам, считает, что в России не место другим национальностям, кроме русских.

В рассмотренном судебном решении находит свое отражение экстремистская цель совершения преступного посягательства – пропаганда превосходства по национальному признаку (принадлежности). Побудительной силой совершения общественно опасного деяния выступила идеология экстремизма, основу которой составляют нетерпимость, ксенофобия и ультранационализм[2].

Особую сложность для квалификации представляют случаи квалификации вандализма, совершенного по экстре-

=doc&ts=183096863302933009715257382&cacheid=AF34E9ED38641AF3DD194D362DA3594C&mode=splus&base=ARB&n=325702&rnd=0.527136803293577 3#2jk7f9fy5xk (дата обращения: 14.05.2021).

[1] Приговор мирового суда судебного участка №6 г. Коврова и Ковровского района (Владимирская область) от 26 января 2015 г. дело № 1-2/2015. URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/UnikSX8KySgv/ (дата обращения: 01.06.2021).

[2] Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе: резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы от 2003 г. № 1344. URL: http:// continent-online.com/Document/?doc_id =30193837 (дата обращения: 01.06.2021).

мистским мотивам в соучастии. В случаях, когда исполнителю не было известно о мотивах других соучастников преступного деяния, таковые ему не вменяются. Однако квалифицирующие мотивы могут вменяться соучастникам, которые осознавали наличие исследуемых побуждений [23, с. 92].

Выводы

Преступное посягательство, совершенное по одному из побуждений, указанных в ч. 2 ст. 214 УК РФ, квалифицируется как преступление, совершенное по экстремистским мотивам только при наличии ненависти или вражды. В случаях их отсутствия совершенное деяние не может быть квалифицировано по ч. 2 ст. 214 УК РФ.

По причине оценочности понятия «социальная группа» правоприменители испытывают сложности при установлении этого признака. Представляется обоснованным разъяснение этого определения на уровне судебного толкования либо дополнения УК РФ соответствующей нормой-дефиницией.

При изучении судебно-следственной практики установлено, что при совершении вандализма по экстремистским мотивам во многих ситуациях требуется дополнительная квалификация по совокупности с другими статьями УК РФ (ст. 319, 280, 282 и пр.), в ряде случаев виновные лица наряду с уголовной привлекаются к административной ответственности (ст. 20.3.1 КоАП РФ и пр.). Важным моментом при квалификации действий виновного лица по ч. 2 ст. 214 УК РФ является отсутствие в указанной норме таких признаков, как пол, язык и происхождение, которые закреплены в ст. 282 УК РФ. При совершении вандализма, когда налицо действия, возбуждающие ненависть или вражду по указанным признакам, виновному лицу по совокупности вменяется совершение преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, или оно при наличии соответствующих признаков привлекается к административной ответственности по ст. 20.3.1 КоАП РФ. Вандализм в данном случае квалифицируется по ч. 1 ст. 214 УК РФ.

Список литературы

1. Пашутина О. С. Вандализм как преступление против общественного порядка: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009. 221 с.

2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2008. 939 с.

3. Ратинов А. Р., Кроз В. Ответственность за разжигание вражды и ненависти: психолого-правовая характеристика: монография / под ред. А. Р. Ратинова. М.: Юрлитинформ, 2005. 256 с.

4. Кунашев А. А. Мотивы ненависти или вражды в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 27с.

5. Касперович Ю. Г. Мотивация экстремизма и факторы его формирования // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 2 (49). С. 81–84.

6. Борисов С. В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства, теории и практики: монография. М.: Изд-во Междунар. юрид. ин-та, 2010. 256 с.

7. Юрьева Н. В. Призывы к осуществлению экстремистской деятельности // Актуальные проблемы науки и практики. 2017. № 4(009). С. 89–95.

8. Хаснутдинов Р. Р., Пищулина Я. А. Значение религиоведческой экспертизы по делам об экстремизме // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 11-2(50). С. 128–132.

9. Иванова Т. Е. Соотношение публичных действий, оскорбляющих религиозные чувства верующих, с преступлениями экстремистской направленности // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 4. С. 198–202.

10. Хуснуллин Р. Р., Новаковская А. В. Экстремизм как уголовно-правовая категория // Актуальные проблемы противодействия идеологии терроризма и экстремизма в современном обществе: материалы городской научно-практической конференции. Казань: Казан. гос. техн. ун-т им. А. Н. Туполева, 2018. С. 204–207.

11. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / [пер. с англ. Е. Н. Егоровой и др.]. М.: АСТ: Хранитель, 2006. 873 с.

12. Мелешко Д. А. Спорные вопросы квалификации преступлений, совершенных по мотивам ненависти или вражды в отношении социальной группы // Российская юстиция. 2018. № 1. С. 35–36.

13. Михайлов С. В. Юридический анализ дефиниции экстремизма // Судья. 2019. № 4(100). С. 50–64.

14. Руева Е. О., Вражнов А. С. Проблемы формулирования дефиниций в преступлениях экстремистской направленности // Российский следователь. 2019. № 4. С. 36–40.

15. Борисов С. В. Проблемы уголовно-правового понятия преступлений экстремистской направленности // Закон и право. 2009. № 3. С. 73–74.

16. Бикеев И. И., Никитин А. Г. Экстремизм: междисциплинарное правовое исследование: монография. Казань: Познание, 2011. 320 с.

17. Алдохина В. В. Проблемы квалификации преступлений экстремистской направленности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2016. № 3(20). С. 108–111.

18. Журбенко А. М., Симоненко Е. И. Особенности возбуждения уголовного дела по делам, связанным с осуществлением экстремистской деятельности // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. № 6(75). С. 235–240.

19. Грушихина В. А. К вопросу об особенностях проведения психолого-лингвистических исследований материалов, содержащих признаки экстремизма // Сибирский юридический вестник. 2014. № 4(67). С. 113–117.

20. Ахмедов У. Н. Особенности возбуждения уголовных дел по признакам преступлений экстремистской направленности // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2018. № 4-1. С. 205–213.

21. Батюкова В. Е. Некоторые проблемы определения содержания хулиганского и экстремистского мотива // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 3. С. 106–110.

22. Сафин Н. М. О мотивах преступлений экстремистской направленности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2010. № 2. С. 70–72.

23. Соучастие в преступлении: проблемы квалификации и назначения наказания: монография / В. К. Андрианов, И. И. Голубов, В. В. Кустова, Д. А. Мелешко, В. А. Новиков, О. А. Мотин, А. С. Некоз, К. В. Ображиев, Н. И. Пикуров, Ю. Е. Пудовочкин, М. В. Рассказова, А. Ю. Решетников, А. А. Толкаченко, А. В. Украинчик; под ред. Ю. Е. Пудовочкина. М.: Рос. гос. ун-т правосудия, 2019. 507 с.

References

1. Pashutina O. S. Vandalizm kak prestuplenie protiv obshchestvennogo poryadka. Diss. kand. yurid. nauk [Vandalism as a crime against public order. Cand. legal sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2009. 221 p.

2. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, OOO "ITI Tekhnologii" Publ., 2008. 939 p.

3. Ratinov A. R., Kroz V. Otvetstvennost' za razzhiganie vrazhdy i nenavisti: psihologo-pravovaya harakteristika [Responsibility for inciting hostility and hatred: psychological and legal characteristics]; ed. by A. R. Ratinov. Moscow, Yurlitinform Publ., 2005. 256 p.

4. Kunashev A. A. Motivy nenavisti ili vrazhdy v ugolovnom prave Rossii. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Motives of hatred or enmity in the criminal law of Russia. Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2012. 27 p.

5. Kasperovich Yu. G. Motivaciya ekstremizma i faktory ego formirovaniya [Motivation of extremism and factors of its formation]. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah = Psychopedagogy in law enforcement agencies*, 2012, no. 2 (49), pp. 81–84.

6. Borisov S. V. Prestupleniya ekstremistskoj napravlennosti: problemy zakonodatel'stva, teorii i praktiki [Extremist crimes: problems of legislation, theory and practice]. Moscow, International Law Institute Publ., 2010. 256 p.

7. Yur'eva N. V. Prizyvy k osushchestvleniyu ekstremistskoj deyatel'nosti [Calls for extremist activity]. *Aktual'nye problemy nauki i praktiki = Actual problems of science and practice*, 2017, no. 4(009), pp. 89–95.

8. Hasnutdinov R. R., Pishchulina Ya. A. Znachenie religiovedcheskoj ekspertizy po delam ob ekstremizme [The significance of religious studies expertise in cases of extremism]. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2020, no. 11-2(50), pp. 128–132.

9. Ivanova T. E. Sootnoshenie publichnyh dejstvij, oskorblyayushchih religioznye chuvstva veruyushchih, s prestupleniyami ekstremistskoj napravlennosti [Correlation of public actions that offend the religious feelings of believers with extremist crimes]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation*, 2017, no. 4, pp. 198–202.

10. Husnullin R. R., Novakovskaya A. V. [Extremism as a criminal legal category]. *Aktual'nye problemy protivodejstviya ideologii terrorizma i ekstremizma v sovremennom obshchestve. Materialy gorodskoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Actual problems of countering the ideology of terrorism and extremism in modern society. Materials of the city scientific and practical conference]. Kazan', Kazan. St. Techn. Univ. named after A. N. Tupoleva Publ., 2018, pp. 204–207. (In Russ.).

11. Merton R. Social'naya teoriya i social'naya struktura [Social theory and social structure]. Moscow, AST Publ., Hranitel' Publ., 2006. 873 p.

12. Meleshko D. A. Spornye voprosy kvalifikacii prestuplenij, sovershennyh po motivam nenavisti ili vrazhdy v otnoshenii social'noj gruppy [Controversial issues of qualification of crimes committed on the grounds of hatred or enmity against a social group]. *Rossijskaya yusticiya = Russian Justice*, 2018, no. 1, pp. 35–36.

13. Mihajlov S. V. Yuridicheskij analiz definicii ekstremizma [Legal analysis of the definition of extremism]. *Sud'ya = Judge*, 2019, no. 4(100), pp. 50–64.

14. Rueva E. O., Vrazhnov A. S. Problemy formulirovaniya definicij v prestupleniyah ekstremistskoj napravlennosti [Problems of defining definitions in extremist crimes]. *Rossijskij sledovatel' = Russian investigator*, 2019, no. 4, pp. 36–40.

15. Borisov S. V. Problemy ugolovno-pravovogo ponyatiya prestuplenij ekstremistskoj napravlennosti [Problems of the criminal-legal concept of extremist crimes]. *Zakon i pravo = Law and Law*, 2009, no. 3, pp. 73–74.

16. Bikeev I. I., Nikitin A. G. Ekstremizm: mezhdisciplinarnoe pravovoe issledovanie [Extremism: an interdisciplinary legal study]. Kazan, Poznanie Publ., 2011. 320 p.

17. Aldohina V. V. Problemy kvalifikacii prestuplenij ekstremistskoj napravlennosti [Problems of qualification of extremist crimes]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo univer-*

siteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2016, no. 3(20), pp. 108–111.

18. Zhurbenko A. M., Simonenko E. I. Osobennosti vozbuzhdeniya ugolovnogo dela po delam, svyazannym s osushchestvleniem ekstremistskoj deyatel'nosti [Features of the initiation of criminal proceedings in cases related to the implementation of extremist activities]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2017, no. 6(75), pp. 235–240.

19. Grushihina V. A. K voprosu ob osobennostyah provedeniya psihologo-lingvisticheskih issledovanij materialov, soderzhashchih priznaki ekstremizma [On the question of the peculiarities of conducting psychological and linguistic research of materials containing signs of extremism]. *Sibirskij yuridicheskij vestnik = Siberian Legal Bulletin*, 2014, no. 4(67), pp. 113–117.

20. Ahmedov U. N. Osobennosti vozbuzhdeniya ugolovnyh del po priznakam prestuplenij ekstremistskoj napravlennosti [Features of the initiation of criminal cases on the grounds of extremist crimes]. *Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii = Public security, legality and law and order in the III millennium*, 2018, no. 4-1, pp. 205–213.

21. Batyukova V. E. Nekotorye problemy opredeleniya soderzhaniya huliganskogo i ekstremistskogo motiva [Some problems of determining the content of hooligan and extremist motives]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, no. 3, pp. 106–110.

22. Safin N. M. O motivah prestuplenij ekstremistskoj napravlennosti [About the motives of extremist crimes]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2010, no. 2, pp. 70–72.

23. Andrianov V. K., Golubov I. I., Kustova V. V., Meleshko D. A., Novikov V. A., Motin O. A., Nekoz A. S., Obrazhiev K. V., Pikurov N. I., Pudovochkin Yu. E., Rasskazova M. V., Reshetnikov A. Yu., Tolkachenko A. A., Ukrainchik A. V. Souchastie v prestuplenii: problemy kvalifikacii i naznacheniya nakazaniya [Complicity in a crime: problems of qualification and sentencing]; ed. by Yu. E. Pudovochkin. Moscow, Ros. St. Univ. of Justice Publ., 2019. 507 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Налимов Юрий Дмитриевич, адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: nastia.nalimowa@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-9058-6495

Yuri D. Nalimov, Adjunct of the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel, V. Ya. Kikotya Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation,
e-mail: nastia.nalimowa@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-9058-6495

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.1

Процессуальный статус лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера

А. В. Шатрова[1] ✉

[1] Российский государственный университет правосудия
ул. Новочерёмушкинская 69, г. Москва 117418, Российская Федерация

✉ e-mail: anna9135891004@gmail.com

Резюме

Актуальность. *В последнее время на уровне международного права и законодательства отдельных государств ведется активный поиск новых подходов к обеспечению участия в уголовном процессе ментально уязвимых участников. Однако в российской уголовно-процессуальной науке недостаточно разработаны вопросы определения процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера. Отсутствие современных концептуальных подходов не позволяет качественно изменить действующее законодательство и затрудняет деятельность правоприменителя на всех стадиях судопроизводства.*

Цель *– раскрытие проблем нормативного закрепления процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, и определение путей решения этих проблем.*

Задачи: *раскрыть современные подходы к обеспечению прав когнитивно уязвимых субъектов в уголовном процессе; выявить круг проблем, связанных с нормативным закреплением процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера; сформулировать предложения по изменению действующего уголовно-процессуального закона.*

Методология. *В процессе работы над исследованием использовались историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический методы и общенаучные методы познания (анализ, синтез, аналогия).*

Результаты. *Сформулированы предложения по изменению нормативных и доктринальных подходов к определению процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера.*

Вывод. *Российское уголовно-процессуальное законодательство требует существенного реформирования, в результате которого будут скорректированы нормы раздела 2 и главы 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, что позволит закрепить дополнительные гарантии прав лиц с психическими расстройствами. Требуется дополнительное изучение позитивного зарубежного опыта в обеспечении правовых интересов таких лиц и разработка новой концепции реализации ими права на справедливое судебное разбирательство.*

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство; принудительные меры медицинского характера; право на защиту; справедливое судебное разбирательство; законный представитель.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Шатрова А. В. Процессуальный статус лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 111–122.

Поступила в редакцию 23.06.2021 Принята к публикации 28.07.2021 Опубликована 30.08.2021

© Шатрова А. В., 2021

Procedural Status of a Person in Respect of Whom Proceedings on the Application of Compulsory Medical Measures are Being Conducted

Anna V. Shatrova[1]✉

[1] Russian State University of Justice
69 Novocheryomushkinskaya str., Moscow 117418, Russian Federation

✉ e-mail: anna9135891004@gmail.com

Abstract

Relevance. *Recently, at the level of international law and the legislation of individual states, there has been an active search for new approaches to ensuring the participation of mentally vulnerable persons in criminal proceedings. However, in the Russian criminal procedural science, the questions of determining the procedural status of a person in relation to whom proceedings on the application of compulsory medical measures are being conducted have not been sufficiently developed. The lack of modern conceptual approaches does not allow a qualitative change of the current legislation and complicates the activities of the law enforcement officer on all stages of the proceedings.*

Purpose. *Disclosure of the problems of normative consolidation of the procedural status of a person in respect of whom proceedings on the application of compulsory measures of a medical nature are underway, and determination of ways to solve these problems.*

Objective: *to reveal modern approaches to ensuring the rights of cognitively vulnerable subjects in the criminal process; identify a range of problems related to the normative consolidation of the procedural status of a person in relation to whom proceedings on the application of compulsory measures of a medical nature are being conducted; formulate proposals for changing the current criminal procedure law.*

Methodology. *In the process of working on the study, historical-legal, comparative-legal, formal-legal methods and general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, analogy) were used.*

Results. *Proposals have been formulated to change the normative and doctrinal approaches to determining the procedural status of a person in relation to whom proceedings on the application of compulsory medical measures are being conducted.*

Conclusion. *Russian criminal procedural legislation requires significant reform, as a result of which the norms of Section 2 and Chapter 51 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation will be adjusted, which will make it possible to consolidate additional guarantees of the rights of persons with mental disorders. An additional study of the positive foreign experience in ensuring the legal interests of such persons and the development of a new concept of their exercise of their right to a fair trial is required.*

Keywords*: criminal proceedings; compulsory medical measures; the right to defense; a fair trial; legal representative.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Shatrova A. V. Procedural Status of a Person in Respect of Whom Proceedings on the Application of Compulsory Medical Measures are Being Conducted. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(4): 111–122. (In Russ.)

Received 23.06.2021 Accepted 28.07.2021 Published 30.08.2021

***

Введение

В последние десятилетия активным трендом в развитии уголовно-процессуального права в масштабе многих государств стало создание процессуальных механизмов, обеспечивающих эффективную защиту прав ментально уязвимых субъектов в уголовном судопроизводстве. Хотя на уровне международного права была проделана значительная работа по признанию за лицами с инвалидностью, особенностями физического и психического здоровья всего объема

гражданских прав, включая права в сфере судопроизводства, на национальном уровне исследователи большинства государств констатируют тот факт, что уголовный процесс недостаточно гибок для учета особенностей таких участников процесса. К сожалению, ментально уязвимые уголовно преследуемые лица часто не получают надлежащей защиты [1]. Наметилась и еще одна значимая тенденция, в соответствии с которой дополнительные процессуальные гарантии все чаще распространяются не только на лиц с психическими расстройствами, но и на иных участников, которым в силу возраста, особенностей психики (в пределах нормы), наличия у них трудностей в общении или эмоциональных проблем сложно осуществлять свои права в связи с непониманием сущности процессуальных действий и языка уголовного судопроизводства.

Исследователи обоснованно отмечают, что реализация права на справедливое судебное разбирательство, закрепленное в ст. 6 Европейской конвенции по правам человека[1], подразумевает понимание участником происходящего в рамках процесса, возможность лично участвовать в судебном разбирательстве, а современный уголовный процесс должен быть недискриминационным по отношению к такому лицу [2]. Верховный Суд РФ, проводя в 2018 г. обобщение международных стандартов в области защиты прав инвалидов, также подчеркнул важность обеспечения полноценного доступа к правосудию лиц с ограниченными возможностями и необходимость реализации их правоспособности, в том числе при разрешении уголовно-правового конфликта[2]. Следует согласиться с позицией С. М. Курбатовой, подчеркивающей, что «психические расстройства (а значит, и нарушения когнитивных функций в той или иной степени проявления) заслуживают гораздо большего внимания при изучении вопроса об их влиянии на возможность реализации участниками правоотношений своих прав» [3, с. 139].

В российском уголовном процессе исторически также оформилось два усложненных производства, предусматривающих расширение предмета доказывания и особый порядок производства процессуальных действий, если уголовно-преследуемым лицом является несовершеннолетний или лицо с определенным психическим расстройством. Концептуальные подходы к обеспечению дополнительной защиты подобных участников стали формироваться еще в ходе судебной реформы 60-х годов XIX века, в последующем были поддержаны советскими процессуалистами [4] и сохранились в современном российском уголовном процессе. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) закрепил в гл. 50 особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, а в гл. 51 – специфику производства о применении принудительных мер медицинского характера. Как отмечают исследователи проблем дифференциации российского уголовного процесса, в основе такого подхода исторически лежит признание необходимости установления дополнительных гарантий при определении специфики процессуальной деятельности при уголовном преследовании отдельных категорий лиц [5, с. 96–97].

[1] Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950). URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (дата обращения: 04.06.2021).

[2] Обобщение правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты прав лиц с ограниченными возможностями // Управление систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://www.vsrf.ru/documents/international_practice/27222/ (дата обращения: 04.06.2021).

Следует отметить, что в науке уголовно-процессуального права усложненное производство в отношении несовершеннолетних является более разработанным и относится к числу хорошо исследованных [6], чего нельзя сказать о производстве о применении принудительных мер медицинского характера. Основные научные работы, посвященные этой проблематике, были выполнены в основном в первое десятилетие действия УПК РФ, а в последние годы анализируется фрагментарно, преимущественно в рамках научных статей или отдельных параграфов глав диссертаций, посвященных более широким темам. Такая ситуация негативно сказывается на нормативном регулировании данного производства и правоприменительной практике. Одной из основных проблем является именно недостаточная разработанность теории процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера. Отсутствие соответствующих концептуальных подходов является и препятствием к полноценной законотворческой деятельности, вследствие чего пробелы в законе правоприменитель пытается компенсировать, ориентируясь на позиции высших судебных инстанций.

Целью данной статьи является раскрытие отдельных значимых проблем, связанных с недостаточной теоретической и нормативной оформленностью процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, и внесение ряда предложений по совершенствованию действующего законодательства.

Методология

Статья представляет собой анализ сложившихся в науке уголовно-процессуального права и закрепленных в законодательстве подходов к оформлению статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, как полноценного участника уголовного судопроизводства. Нормативной базой исследования являются нормы международного права, действующего российского законодательства и отдельных зарубежных государств. Теоретической основой, позволившей в рамках статьи оформить значимые выводы, стали научные работы отечественных ученых-процессуалистов и отдельные исследования зарубежных ученых, посвященные вопросам обеспечения прав когнитивно уязвимых участников уголовного процесса. Достижение поставленной цели потребовало использования системы методов, в том числе теоретических методов исследования (анализ и синтез, аналогия, обобщение) и специальных юридических методов исследования, в частности историко-правового, сравнительно-правового, формально-юридического.

Результаты и их обсуждение

В российской уголовно-процессуальной науке сложились различные подходы к определению участников уголовного процесса и их процессуального статуса. Необходимо отметить, что эти вопросы являются дискуссионными долгое время и вызывали споры среди ученых еще в советский период, когда и оформились две принципиальные точки зрения на возможность отнесения тех или иных лиц к категории участников. В соответствии с первой, к участникам следует относить только тех лиц, которые наделены определенными процессуальными правами, отстаивают свои процессуальные интересы или интересы другого лица [7, с. 3]. Представители второго научного направления полагали, что все лица, реализующие свои права и обязанности в конкретном уголовно-процессуальном правоотношении, могут быть отнесены к участникам уголовного процесса [8, с. 27]. На наш взгляд, российский законодатель, а за ним и правоприменитель избрали компромиссный подход, предусмотрев воз-

можность вовлечения в уголовно-процессуальные правоотношения как полноценных участников, так и иных лиц, не имеющих четкого процессуального статуса, но, тем не менее, наделенных определенными процессуальными правами. Наиболее отчетливо такой подход проявляется при реализации механизма обжалования в современном российском уголовном судопроизводстве.

В уголовном процессе под процессуальным статусом участника обычно понимают систему как прав и обязанностей, которыми он наделен действующими правовыми нормами, так и механизм их реализации и ответственность за неисполнение процессуальных обязанностей. Еще Н. Г. Мартынчик в своем диссертационном исследовании отмечал, что реализация права на защиту в значительной мере зависит от содержательного наполнения процессуального статуса участника судопроизводства, определения его понятия, процессуальных прав и обязанностей, законных интересов, гарантий их реализации, процессуальной право- и дееспособности [9, с. 50–62].

На современном этапе процессуальное положение отдельных участников российского уголовного процесса нормативно урегулировано с разной степенью детализации их процессуальных прав и обязанностей. Существует практически значимая потребность в уточнении и детализации процессуального статуса отдельных участников. К числу последних относится и лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера.

Хотя законодатель предпринял попытку наделить такое лицо дополнительными процессуальными правами и даже закрепить некие гарантии их реализации, стоит согласиться с критикой, высказанной Ю. К. Якимовичем, отмечавшим, что «в разделе втором вообще не упомянуты ни участники, ни иные субъекты уголовно-процессуальной деятельности в дополнительных и особых производствах» [10, с. 15]. Такая ситуация приводит к тому, что, по сути, специальный субъект уголовно-процессуальных правоотношений не имеет ясного и конкретного процессуального статуса. Л. Г. Татьянина в своем диссертационном исследовании обоснованно критиковала нормы российского уголовно-процессуального законодательства, не учитывающие многообразие вариантов вовлечения в уголовный процесс лиц с психическими расстройствами, что в комплексе с проблемами недостаточной готовности правоприменителя к расследованию и рассмотрению таких дел ведет к нарушениям прав таких лиц [11, с. 5–7].

При определении процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, должен применяться недискриминационный подход, подразумевающий наделение такого лица всем спектром процессуальных прав, которые должны принадлежать любому уголовно преследуемому лицу в целях его эффективной защиты. По мнению Е. В. Мищенко, такой вывод прямо вытекает из международных документов, определяющих права лиц с психическими расстройствами, и российских конституционных норм [12].

Отметим, что в настоящее время такие лица не получили нормативного закрепления общих процессуальных прав в необходимом объеме, и их особый «специальный» процессуальный статус, определяемый преимущественно положениями гл. 51 УП РФ, нередко требует от правоприменителя системного толкования и даже применения аналогии закона. Если сравнивать легально определенный процессуальный статус обвиняемого и лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, то первое, что обращает внимание, это отсутствие во втором разделе УПК РФ даже указания на то, кого следует считать участником с правовым статусом, определенным гл. 51

УПК РФ. На такой пробел в правовом регулировании в свое время обоснованно обратил внимание Конституционный Суд Российской Федерации в одном из своих решений[1].

Уголовно-процессуальный кодекс РФ использует различные конструкции для определения процессуального статуса участника процесса: дает конкретное понятие, перечисляет принадлежащие участнику права и возлагаемые на него обязанности, сужает круг лиц, которые могут получить статус того или иного участника за счет перечисления тех, на кого он не может быть распространен.

Вопрос о необходимости нормативного закрепления правового статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, уже ставился ранее учеными, предлагавшими закрепить в законе именно конкретный перечень его прав [13].

Отсутствие четкого легального «имени» у лица, в отношении которого ведется анализируемое производство, приводит к тому, что на практике оно именуется довольно вариативно, что в какой-то мере затрудняет реализацию им права на защиту, поскольку не позволяет правоприменителю однозначно определить его процессуальный статус. Изучение материалов судебной практики показало, что наиболее часто в материалах уголовных дел применяются следующие описательные конструкции: «лицо, совершившее общественно опасное деяние», «лицо, признанное невменяемым», «лицо, в связи с обвинением его в совершении общественно опасных деяний, подпадающих под признаки преступлений, предусмотренных…» и т. п. Считаем, что данную ситуацию надо исправить, поскольку она препятствует пониманию правоприменителем процессуального статуса такого лица и снижает уровень гарантированности его процессуальных прав.

По мнению Ж. А. Бажуковой, внесенными в ноябре 2010 г. изменениями в ст. 437 УПК РФ[2] законодатель наконец-то «дал имя» лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, однако «остановился на полпути», поскольку по-прежнему отсутствует полноценная дефиниция, раскрывающая особенности процессуального положения такого лица, особенного его участия в производстве процессуальных действий, момент и основания появления участника с таким процессуальным статусом [14].

На неурегулированное правовое положение статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, обращает внимание Т. В. Рябинина, указывая, что в силу ч. 2 ст. 434 УПК РФ в отношении лица устанавливаются обстоятельства совершения общественно опасного деяния, что ставит его в один ряд с подозреваемым и обвиняемым и влечет необходимость обеспечить такому лицу все процессуальные права [15].

Возникает вопрос о достаточности наделения этого лица только правами подозреваемого, обвиняемого. Ведь это именно тот путь, которым пошел российский законодатель. Ответ на этот вопрос может быть найден только через понима-

[1] По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. Г. Абламского, О. Б. Лобашовой и В. К. Матвеева: постановление Конституционного Суда РФ от 20 нояб. 2007 г. № 13-П. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_67088/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=67088&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.25352763699957626#06734903716723197 (дата обращения: 04.06.2021).

[2] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 нояб. 2010 г. № 323-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107287/ (дата обращения: 04.06.2021).

ние характера процессуальной деятельности, осуществляемой в рамках такого производства и реализуемых субъектами функций. И здесь обозначается некое противоречие: лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, должно как бы быть отнесено к стороне защиты, но защита – это, в первую очередь, защита от обвинения, однако непонятно, реализуется ли функция обвинения в рамках данного производства. Данное противоречие, очевидно, стало препятствием к нормативному однозначному отнесению такого лица к стороне защиты [14].

Таким образом, следует согласиться с критикой половинчатой позиции законодателя, внесшего коррективы в ст. 437 УПК РФ, явно желая упорядочить процессуальное положение ментально уязвимого лица, но не определившего в законе особенности его процессуального положения, его отнесение к субъектам, причисляемым к стороне защиты. Подобная неопределенность вообще ставит под сомнение возможность реализации таким лицом права на защиту, т. к. непонятно, от чего он должен защищаться и каков характер процессуальной деятельности публичных субъектов в таком производстве.

На недостатки в определении процессуального положения лиц с психическими расстройствами и на неполное соответствие норм действующего российского уголовно-процессуального законодательства Принципам защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи[1] обоснованно указывает В. И. Качалов, увязывающий устаревшие подходы к обеспечению прав таких участников с целым рядом проблем, выявляемых в стадии исполнения приговора [16, с. 312].

Полагаем, что после внесенных изменений в ст. 437 УПК РФ, а именно об определении «процессуального имени» лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, законодатель не обеспечил его надлежащим образом ни процессуальными правами, ни полноценными гарантиями их реализации.

В конструкции ст. 437 УПК РФ обращается внимание на то, что в первой части появился термин «процессуальное имя» лица с психическим расстройством в исследуемом производстве, что должно помочь дифференцировать его от иных уголовно преследуемых субъектов. Но законодатель необоснованно применил отсылочный способ построения норм, когда указал, что лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, пользуется теми же правами, что подозреваемый или обвиняемый. В данном случае понятно, что нельзя перенести автоматически, без корректив, все права указанных лиц на главного участника производства, предусмотренного гл. 51 УПК РФ. Это связано с особенностями процессуальной деятельности при расследовании и рассмотрении такого дела.

На необоснованность такого переноса прав одного участника на другого без уточнения процессуального статуса последнего обращают внимание и современные исследователи [17]. Соглашаясь с точкой зрения Ж. А. Бажуковой, полагаем, что некорректным по отношению к лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, является наделение его правом подозреваемого и обвиняемого быть предупрежденным, что его показания при согласии их дать, могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том

[1] Принципы защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи: [приняты резолюцией 46/119 Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1991 года]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mental_helth_care.shtml (дата обращения: 04.06.2021).

числе и при последующем отказе от этих показаний. Считаем, что автоматический перенос прав подозреваемого или обвиняемого на лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, затрудняет реализацию последним права на справедливое судебное разбирательство. Е. В. Марковичева связывает такое положение дел с изначально некорректными формулировками в УПК РФ 2001 г., которые в недостаточной мере учитывали специальную правосубъектность этого лица [18].

Очевидным препятствием к оформлению полноценного статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, является нормативная неопределенность момента наделения его соответствующим статусом. Из текста действующего уголовно-процессуального закона правоприменителю сложно понять, в какой момент лицо должно приобретать специальный процессуальный статус.

В соответствии с разъяснениями, данными в Постановлении Пленума Верховного Суда от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера»[1], такой участник появляется после получения сведений о наличии у лица психического расстройства либо в период совершения общественно опасного деяния, либо после его совершения, т. е. после получения заключения судебно-психиатрической экспертизы. В этой связи П. А. Колмаков предлагает компетентному органу выносить специальный правоприменительный акт после получения сведений о психическом заболевании лица, что и будет служить основанием для признания специального процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера [13, с. 74–75]. При этом вышеупомянутое Постановление Пленума Верховного Суда РФ указывает на обстоятельства, которые позволяют обоснованно усомниться во вменяемости лица еще до установления данного факта экспертным путем. Таким образом факт психического расстройства может предполагаться еще до получения заключения эксперта, что также может явиться поводом для трансформации процессуального статуса такого лица с целью наилучшей защиты его прав. Стоит обратить особое внимание на то, что подобный процессуальный статус может изменяться не только в зависимости от динамики психического состояния самого лица, но и под воздействием других факторов. К последним, например, может быть отнесен существующий в практике недостаточно гибкий механизм назначения повторных и дополнительных экспертных исследований, невозможность по объективным причинам получить полноценное экспертное заключение по результатам амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы и др.

Выводы

Исходной позицией в определении процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, должны стать нормы и принципы международного права, признающие за такими лицами процессуальные правоспособность и дееспособность, ограничиваемые исключительно состоянием психического здоровья лиц.

Сравнение лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера с подозреваемым и обвиняемым, не совсем удачное по нескольким причинам. Отличие прежде всего состоит в целях, связанных с разрешением уголовно-

[1] О практике применения судами принудительных мер медицинского характера: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 апр. 2011 г. № 6 [ред. от 03.03.2015]. URL: http://www.vszf.ru/documents/own/8236/ (дата обращения: 04.06.2021).

правового конфликта. Лицо, подлежащее уголовной ответственности, обычно подвергается мерам уголовной репрессии, призванным скорректировать его поведение и восстановить справедливость, в то время как лицо с психическими расстройствами, исключающими его уголовную ответственность, может быть подвергнуто принудительному лечения с целью устранения потенциальной угрозы для жизни и здоровья как самого лица, так и иных лиц. По этой причине существует потребность в определении в УПК РФ открытого перечня процессуальных прав указанного лица, которые он вправе реализовать в процессе самостоятельно или через законного представителя.

Реализуя свое процессуальное право на защиту, лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, вынуждено противостоять особой процессуальной деятельности, которая не является уголовным преследованием в его обычном понимании. Поэтому особое значение приобретает уточнение в тексте уголовно-процессуального закона тех прав, которые он может реализовать, в связи с чем целесообразно внести соответствующие изменения в ст. 437 УПК РФ.

Таким образом, учет особенностей производства по делам о применении принудительных мер медицинского характера требует активной законотворческой работы, направленной на наделение процессуальными правами лица, страдающего психическим расстройством, с тем, чтобы трансформировать его в полноправного участника уголовного судопроизводства, с соответствующими гарантиями обеспечения его прав и законных интересов. Такой подход будет способствовать качественному преобразованию правоотношений, возникающих в связи с необходимостью разрешения уголовно-правового конфликта с участием лица, которое не может быть привлечено в данный момент к уголовной ответственности в силу болезненного психического состояния.

Одновременно необходимо определиться и с оформлением специальным процессуальным решением момента трансформации процессуального статуса подозреваемого, обвиняемого в процессуальный статус лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера.

Список литературы

1. Howard H. Effective participation of mentally vulnerable defendants in the magistrates' courts in England and Wales – the 'Front Line' from a legal perspective // The Journal of Criminal Law. 2020. Vol. 85, is. 1. P. 3–16. https://doi.org/10.1177/0022018320957110.

2. Jacobson J., Talbot J. Vulnerable defendants in the criminalcourts: a review of provision for adults and children. Project Report. Prison Reform Trust, London, UK. 2009. https://www.researchgate.net/publication/294737726_Vulnerable_defendants_in_the_criminal_courts_a_review_of_provision_for_adults_and_children (дата обращения: 05.06.2021).

3. Курбатова С. М. Формирование когнитивного подхода к пониманию личности с ограниченными возможностями на международно-правовом уровне и его влияние на национальное право (на примере российского уголовно-процессуального законодательства) // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9, № 8А. С. 134–143. https://doi.org/10.34670/AR.2019.89.8.018.

4. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. М.: Наука, 1968. Т. 1. 468 с.

5. Козявин А. А., Рябинина Т. К., Снегирева Д. Е. Дифференциация уголовно-процессуальной формы: сущность, история и перспективы развития, проблемы процессуального осмысления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 5. С. 92–104.

6. Марковичева Е. В., Смирнова И. Г. Борьба с преступностью и назначение уголовного судопроизводства: критерии разработки оптимальной уголовно-процессуальной стратегии в отношении несовершеннолетних // Всероссийский криминологический журнал. 2016. № 2. С. 339–348. https://doi.org/10.17150/1996-7756.2016.10(2).339–348.

7. Альперт С. А. Участники советского уголовного процесса. Харьков: Изд. Харьк. юрид. ин-та, 1965. 33 с.

8. Савицкий В. М. О принципах уголовного процесса // Проблемы кодификации уголовно-процессуального права. М.: ИГПАН, 1987. С. 20-37.

9. Мартынчик Е. Г. Проблемы процессуального статуса и эффективности охраны прав подсудимого (осужденного) в судах первой и кассационной инстанции: дис. … д-ра юрид. наук. Кишинев, 1981. 424 с.

10. Якимович Ю. К. Участники уголовного процесса. СПб.: Юридический центр, 2015. 176 с.

11. Татьянина Л. Г. Процессуальные проблемы производства по уголовным делам с участием лиц, имеющих психические недостатки: Вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ижевск, 2004. 53 с.

12. Мищенко Е. В. Международно-правовое закрепление особенностей правового статуса лиц, к которым могут быть применены принудительные меры медицинского характера // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 3. С. 101–105.

13. Колмаков П. А. Проблемы правового регулирования принудительных мер медицинского характера. Сыктывкар: Сыктывкар. ун-т, 2001. 187 с.

14. Бажукова Ж. А. Об уголовно-процессуальных гарантиях прав и законных интересов лица, нуждающегося в принудительном лечении // Адвокатская практика. 2017. № 4. С. 27–31.

15. Рябинина Т. К. Производство о применении принудительных мер медицинского характера // Законность. 2008. № 8. С. 48–51.

16. Качалов В. И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2017. 312 с.

17. Бажукова Ж. А. О неразрешенных вопросах досудебного производства по делам о применении принудительных мер медицинского характера // Администратор суда. 2017. № 1. С. 21–24.

18. Марковичева Е. В. Обеспечение права на справедливое судебное разбирательство в производстве о применении принудительных мер медицинского характера // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 4. С. 28–31.

References

1. Howard H. Effective participation of mentally vulnerable defendants in the magistrates' courts in England and Wales – the 'Front Line' from a legal perspective. *The Journal of Criminal Law*, 2020, vol. 85, is. 1, pp. 3–16. https://doi.org/10.1177/0022018320957110.

2. Jacobson J., Talbot J. Vulnerable defendants in the criminalcourts: a review of provision for adults and children. Project Report. Prison Reform Trust, London, UK. 2009. https://www.researchgate.net/publication/294737726_Vulnerable_defendants_in_the_criminal_courts_a_review_of_provision_for_adults_and_children. (accessed 05.06.2021)

3. Kurbatova S. M. Formirovanie kognitivnogo podhoda k ponimaniyu lichnosti s ogranichennymi vozmozhnostyami na mezhdunarodno-pravovom urovne i ego vliyanie na nacional'noe pravo (na primere rossijskogo ugolovno-processual'nogo zakonodatel'stva) [Formation of a cognitive approach to understanding a person with disabilities at the international legal level and its impact on national law (on the example of Russian criminal procedure legislation)]. *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava = Questions of Russian and International Law*, 2019, vol. 9, no. 8A, pp. 134–143. https://doi.org/10.34670/AR.2019.89.8.018.

4. Strogovich M. S. Kurs sovetskogo ugolovnogo processa [The course of the Soviet criminal process]. Moscow, Nauka Publ., 1968, vol. 1. 468 p.

5. Kozyavin A. A., Ryabinina T. K., Snegireva D. E. Differenciaciya ugolovno-processual'noj formy: sushchnost', istoriya i perspektivy razvitiya, problemy processual'nogo osmysleniya [Differentiation of the criminal procedure form: the essence, history and prospects of development, problems of procedural understanding]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, vol. 9, no. 5, pp. 92–104.

6. Markovicheva E. V., Smirnova I. G. Bor'ba s prestupnost'yu i naznachenie ugolovnogo sudoproizvodstva: kriterii razrabotki optimal'noj ugolovno-processual'noj strategii v otnoshenii nesovershennoletnih [The fight against crime and the appointment of criminal proceedings: criteria for the development of an optimal criminal procedure strategy for minors]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal = All-Russian Journal of Criminology*, 2016, no. 2, pp. 339–348. https://doi.org/10.17150/1996-7756.2016.10(2).339–348.

7. Al'pert S. A. Uchastniki sovetskogo ugolovnogo processa [Participants of the Soviet criminal trial]. Har'kov, Har'k. yurid. in-t Publ., 1965. 33 p.

8. Savickij V. M. O principah ugolovnogo processa [On the principles of criminal procedure]. *Problemy kodifikacii ugolovno-processual'nogo prava = Problems of codification of criminal procedural law*. Moscow, IGPAN Publ., 1987, pp. 20–37.

9. Martynchik E. G. Problemy processual'nogo statusa i effektivnosti ohrany prav podsudimogo (osuzhdennogo) v sudah pervoj i kassacionnoj instancii. Diss. dokt. yurid. nauk [Problems of the procedural status and effectiveness of the protection of the rights of the defendant (convicted person) in the courts of the first and cassation instance. Dr. legal sci. diss.]. Kishinev, 1981. 424 p.

10. Yakimovich Yu. K. Uchastniki ugolovnogo processa [Participants in the criminal process]. St. Petersburg, Yuridicheskij centr Publ., 2015. 176 p.

11. Tat'yanina L. G. Processual'nye problemy proizvodstva po ugolovnym delam s uchastiem lic, imeyushchih psihicheskie nedostatki: Voprosy teorii i praktiki. Avtoref. diss. dokt. yurid. nauk [Procedural problems of criminal proceedings involving persons with mental disabilities: Questions of theory and practice. Dr. legal sci. abstract diss.]. Izhevsk, 2004. 53 p.

12. Mishchenko E. V. Mezhdunarodno-pravovoe zakreplenie osobennostej pravovogo statusa lic, k kotorym mogut byt' primeneny prinuditel'nye mery medicinskogo haraktera [International legal consolidation of the features of the legal status of persons to whom compulsory medical measures can be applied]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Orenburg State University*, 2011, no. 3, pp. 101–105.

13. Kolmakov P. A. Problemy pravovogo regulirovaniya prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera [Problems of legal regulation of compulsory medical measures]. Syktyvkar, Syktyvkar. Univ. Publ., 2001. 187 p.

14. Bazhukova Zh. A. Ob ugolovno-processual'nyh garantiyah prav i zakonnyh interesov lica, nuzhdayushchegosya v prinuditel'nom lechenii [On criminal procedural guarantees of the rights and legitimate interests of a person in need of compulsory treatment]. *Advokatskaya praktika = Law Practice*, 2017, no. 4, pp. 27–31.

15. Ryabinina T. K. Proizvodstvo o primenenii prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera [Proceedings on the application of compulsory medical measures]. *Zakonnost' = Legality*, 2008, no. 8, pp. 48–51.

16. Kachalov V. I. Proizvodstvo po ispolneniyu itogovyh sudebnyh reshenij v rossijskom ugolovnom processe. Diss. dokt. yurid. nauk [Proceedings on the execution of final court decisions in the Russian criminal process. Dr. legal sci. diss.]. Moscow, 2017. 312 p.

17. Bazhukova Zh. A. O nerazreshennyh voprosah dosudebnogo proizvodstva po delam o primenenii prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera [On unresolved issues of pre-trial proceedings in cases of the use of compulsory medical measures]. *Administrator suda = Court Administrator*, 2017, no. 1, pp. 21–24.

18. Markovicheva E. V. Obespechenie prava na spravedlivoe sudebnoe razbiratel'stvo v proizvodstve o primenenii prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera [Ensuring the right to a fair trial in the proceedings on the use of compulsory medical measures *Sudebnaya vlast' i ugolovnyj process = Judicial power and criminal procedure*], 2019, no. 4, pp. 28–31.

Информация об авторе / Information about the Author

Шатрова Анна Вячеславовна, аспирант кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной, Российский государственный университет правосудия, г. Москва; судья Норильского городского суда Красноярского края, Российская Федерация,
e-mail: anna9135891004@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-7822-347X

Anna V. Shatrova, Pos-Graduate Student of the Department of Criminal Procedure Law named after N. V. Radutnoy, Russian State University of Justice, Moscow; Judge of the Norilsk City Court of the Krasnoyarsk Territory, Russian Federation,
e-mail: anna9135891004@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7822-347X,

ПОЛИТОЛОГИЯ

POLITICAL SCIENCES

Оригинальная статья / Original article

УДК 327.2; 327.5

Дискурсы новой «гибридной» войны: содержание и критика

К. Г. Мальцев[1], А. В. Мальцева[1] ✉, Л. Л. Ломако[1]

[1]Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова
ул. Костюкова 46, г. Белгород 308012, Российская Федерация

✉ e-mail: maltsevaannav@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Представление политического порядка в экономической парадигме политического, господствующей в западной политической философии, необходимо предполагает конструирование образа врага как «исключенного другого»; глобальный и универсальный политический порядок, становящийся действительным в процессе глобализации, объявляет врагом фундаментализм и терроризм как главные препятствия своего становления. Актуальной исследовательской задачей является анализ способа представления такого врага и методов его устранения/снятия.*

Цель *статьи – изучить «парадигматический случай» представления «врага», против которого ведется «новая», то есть «гибридная», война.*

Задачи: *истолковать связь «фундаментализма» и «терроризма», представленную как существенная, в экономической парадигме политического; выявить способ конструирования определений «фундаментализма» и «терроризма» в горизонте указанной парадигмы, продемонстрировать, что речь идет о конструировании аспектов одного явления; доказать, что познание в данном случае ограничивается конструированием пересекающихся дискурсов, и не может быть понятийным.*

Методология. *Научное исследование, предмет которого является налично данным в перспективе парадигмы, не может задаться вопросом о способе данности (М. Хайдеггер); тематизация названного вопроса относится к области философского истолкования.*

Результаты. *В ходе исследования устанавливается, что под «фундаментализмом» понимается нередуцируемость индивидуальных и коллективных ценностей и «естественных общностей», удерживающих священное и апеллирующих к «санкции священного», – к индивидуальным интересам и их ассоциациям: «фундаментализм» представляется как противоположность «принципиальному западному индивидуализму». В статье определяется, что концепт «новой войны» разработан в перспективе цели: снятия препятствий глобальному политическому порядку; структура концепта представляет ряд дискурсов, пересекающихся в фокусе «фундаменталистского исламского терроризма», который представляется как «парадигматический случай» (М. Хардт, А. Негри) врага глобального политического порядка. Выясняется, что речь идет о «внутреннем» и «непризнанном» враге, который определяется как преступник; антитеррористическая война является полицейской операцией, целью которой не является мир; такая война объявляется справедливой войной и является перманентной, превентивной, тотальной.*

Вывод. *В статье делается вывод, что горизонтом понимания «фундаменталистского исламского терроризма» как врага, выявляемым философским истолкованием и скрытым для дискурсов, является экзистенциальный «вопрос о существовании» (К. Шмитт).*

Ключевые слова*: фундаментализм; «исламский терроризм»; «новая война»; глобальный политический порядок; враг; парадигма политического; дискурс.*

Конфликт интересов: *Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования Мальцев К. Г., Мальцева А. В., Ломако Л. Л. Дискурсы новой «гибридной» войны: содержание и критика // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 123–134.

Поступила в редакцию 13.06.2021 Принята к публикации 16.07.2021 Опубликована 30.08.2021

© Мальцев К. Г., Мальцева А. В., Ломако Л. Л., 2021

Discourses of the New "Hybrid" War: Content and Criticism

Konstantin G. Maltsev[1], Anna V. Maltseva[1] ✉, Leonid L. Lomako[1]

[1]Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov
46 Kostyukov str., Belgorod 308012, Russian Federation

✉ e-mail: maltsevaannav@mail.ru e-mail: pavic69@mail.ru e-mail: parmend@bk.ru

Abstract

Relevance. *Representation of the political order in the economic paradigm of the political, dominant in Western political philosophy, necessarily presupposes the construction of the image of the enemy as an "excluded other". The global and universal political order, which becomes valid in the process of globalization, declares fundamentalism and terrorism as the main obstacles to its formation as an enemy – an urgent research task is to analyze the way of representing such an enemy and methods of eliminating / removing it.*

The purpose *of the article is to study the "paradigmatic case" of the representation of the «enemy» against which a "new", that is, a "hybrid" war is being waged.*

Objectives. *To interpret the connection between "fundamentalism" and "terrorism", presented as essential, in the economic paradigm of the political. To identify a way of constructing the definitions of "fundamentalism" and "terrorism" in the horizon of the indicated paradigm, to demonstrate that we are talking about constructing aspects of one phenomenon. To prove that knowledge in this case is limited to the construction of intersecting discourses, and cannot be conceptual.*

Methodology. *Scientific research, the subject of which is a given in the perspective of a paradigm, cannot ask a question about the way of being given (M. Heidegger); thematization of the named issue belongs to the field of philosophical interpretation.*

Results*. The study establishes that "fundamentalism" is understood as the irreducibility of individual and collective values and "natural communities" that hold the sacred and appeal to the "sanction of the sacred" – to individual interests and their associations: "fundamentalism" is presented as the opposite of «fundamental Western individualism". The article defines that the concept of "new war" is developed in the perspective of the goal: removing obstacles to the global political order. The structure of the concept represents a number of discourses intersecting in the focus of "fundamentalist Islamic terrorism", which is presented as a "paradigmatic case" (M. Hardt, A. Negri) of the enemy of the global political order. It turns out that we are talking about an "internal" and "unrecognized" enemy, which is defined as a criminal; anti-terrorist war is a police operation that does not aim at peace; such a war is declared a just war and is permanent, preventive, total.*

Conclusion. *The article concludes that the horizon of understanding "fundamentalist Islamic terrorism" as an enemy, revealed by philosophical interpretation and hidden for discourses, is the existential "question of existence" (K. Schmitt).*

Key words*: fundamentalism; "Islamic terrorism"; "new war"; global political order; enemy; political paradigm; discourse.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Maltsev K. G., Maltseva A. V., Lomako L. L. Discourses of the New *"*Hybrid*"* War: Content and Criticism. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(4): 123–134. (In Russ.)

Received 13.06.2021 Accepted 16.07.2021 Published 30.08.2021

***

Введение

О гибридной войне заговорили в конце 80-х годов XX века; к началу тысячелетия оформилась концепция «новой войны» (например, М. Кревельд [1], М. Калдор [2]); к этому же времени, началу XXI в., относится утверждение М. Хардта и А. Негри [3], что перманентная война стала способом существования нового глобального имперского порядка. В целом достигнуто согласие относительно того, *кем* и *против кого* ведется

«новая война», которая теперь, по сути, прежде всего – «полицейская операция»; значительно хуже обстоит дело с пониманием целей подобной войны или хотя бы результатов, которые должны быть достигнуты в ходе ее ведения; мы ставим задачей *демонстрацию* того, что *отсутствует* ясное представление о ее *конце*, которым *не может быть* мир. Важным представляется обстоятельство, что нет и *не может быть понятия* «новой войны», – ее *концепция* включает в себя несколько *пересекающихся дискурсов*, два из которых мы считаем *важнейшими* и *определяющими*: во-первых, согласными усилиями политиков, СМИ и исследователей *либерального направления*: политологов, социологов, юристов и даже философов, – доводящийся *до наглядности* дискурс антитеррористической войны (т. е. полицейской операции «мирового сообщества» против ставшего глобальным *терроризма*) и, во-вторых, идеологическая война (в случаях, которые полагаются *необходимыми*, также использующая все возможности «полицейской операции», в том числе «на опережение») против того, что называют «фундаментализмом».

Методология

Данные *дискурсы* настолько тесно *переплетаются*, что их можно *различить* только *теоретически*; *удержать* таким образом проведенное различение еще сложнее: невозможно средствами *политической теории*, но только посредством *философского истолкования*, т. е. в горизонте *радикальных* понятий (К. Шмитт [4] называл их «метафизическими понятиями»), *соединяющих реальное* и *действительное* по *схеме* («схематизм разума» И. Канта здесь может служить своеобразным ориентиром в отношении того, *как*) одной из двух западноевропейских *парадигм политического*: или в парадигме «понятия политического» (К. Шмитт [5]), или «экономической парадигмы политического» (Дж. Агамбен [6]), в которых *представлено* политическое. Таким образом *тематизируется предмет* настоящей статьи: истолковать *значения* дискурса «новой войны» (двух основных его *аспектов*) в двух *противоположных и нередуцируемых* парадигмах *представления политического*; поскольку дискурс антитеррористической войны и дискурс войны против «фундаментализма» *совпадают* (как для широкого *общественного мнения*, так и в целом в *экспертных оценках*) в том, что сегодня часто именуют «исламским фактором», то именно это совпадение выбрано отправной точкой *анализа* и путеводной нитью *изложения* в представленной статье.

Результаты и их обсуждение

К началу тысячелетия сложился устойчивый стереотип: «В наши дни в прессе термин "фундаментализм" зачастую редуцирует различие социальных образований, объединяемых этим именем, и используется исключительно в отношении исламского фундаментализма» [7, с. 144]. Многие исследователи, в том числе процитированные М. Хардт и А. Негри, отмечают, что «фундаментализм является бессодержательной и уводящей от сути дела категорией, которая сваливает в одну кучу широкий спектр различных по существу феноменов» [7, с. 143], однако безусловно господствующей является другая точка зрения: «Исламский фундаментализм сегодня – это угроза не только арабскому миру, но и всему мировому сообществу. На практике объединяя ислам с политикой, идеология исламского фундаментализма доказывает свою действенность. Играя на традиционных ценностях арабского мира, она объединяет в своих рядах наиболее радикально настроенные слои мусульманского общества, поставившие своей целью возврат не только к временам «золотого халифата», но и к мировому господству в рамках всемирного исламского государства» [8, с. 135]. Основание для подобных утверждений Хардт и Негри видят в том, что в исламе видят *прежде*

всего «отрицание современности как оружия евро-атлантической гегемонии» [7, с. 145], из чего авторы делают вывод, что «в этом отношении исламский фундаментализм является, конечно, парадигмальным явлением» [7, с. 145–146].

Можно привести множество примеров, обосновывающих вывод об *очевидности* для западной политической философии, политической теории, экспертного и общественного мнения именно такого *представления* ислама; достаточным будет сослаться на *типичное* в этом отношении рассуждение *либерального* автора Д. Лала [9], который усматривает в «исламском фундаментализме» *основную угрозу* проекту глобализации, который для него имеет статут не только «объективной необходимости», но и «моральное достоинство»: Лал утверждает, что глобальная империя – это мир и процветание *для всех*, и то, что ей «препятствует» или «сопротивляется», должно быть без сомнений «устранено» («любым способом»).

Вопрос в том, почему именно в исламе усматривают главную угрозу имперскому порядку; ответ на него также выставляется как *очевидный*: потому, что в современном мире *фундаментализм* – это *почти исключительное*, причем *существенное*, *свойство* того, что именуется «исламом»; здесь совершенно не имеет значения вопрос об *истинности* или *ложности* такого *представления*: такой вопрос даже не может быть поставлен – «парадигматическое представление» само является «условием возможности» истинности или ложности, и потому может быть только *истолковано*, т. е. следует поставить вопрос, почему это *так*. Начать следует с выяснения *значения*, которое *приписывается* тому, что называется «фундаментализмом»; речь при этом опять же не идет о «дефинициях», но о *горизонте*, в котором затем выстраиваются (иногда различающиеся, но никогда существенно) дефиниции.

Итак, в западной политической философии, определенной сочетанием двух основных традиций: *стоицистской* (которую, кстати, Ф. Р. Анкерсмит [10] характеризует как «стоицистско-фундаменталистскую) и *кантовской* (наиболее последовательный синтез которых мы находим в политической теории Дж. Ролза [11]), – фундаментализмом называется *нередуцируемость любых ценностей* – к *индивидуальному интересу*: фундаментализм есть «противоположность» *принципиальному* и последовательному *индивидуализму*. Индивидуализму в «либеральной метафизике» приписывается не только значение *методологического принципа*, но и характер *высшей ценности*: Калхун [12], например, со ссылкой на Дюмона [13], Тейлора [14], Эванса [15], утверждает, что «с точки зрения современного Запада, индивиды существуют в себе и сами по себе: ни сети отношений, ни всеобъемлющая иерархия не являются основным источником идентичности. Эта современная идея индивида как локуса неразложимой идентичности» [12, с. 102].

Однако для определения способа представления фундаментализма в западной политической философии *недостаточно*: в конце концов, в мире достаточно «коллективистских идеологий», которым «фундаментализм» не приписывается, достаточным здесь является *присутствие священного*: чтобы оказаться в статусе «фундаменталистского», коллективизм должен быть *освящен религиозным предписанием*: политический фундаментализм, таким образом, всегда представляется обоснованным *религиозной санкцией*; политический порядок, опирающийся на религиозную санкцию, объявляется «фундаменталистским». В свою очередь, западный индивидуализм, выстроенный в колее кантовской философии, представляется как *не нуждающийся* в религиозной санкции (потому что, по Канту, *действительность* бога определяется утверждением, что «бог есть требование разума субъекта», и вне этого

императива абсолютно трансцендентный бог не есть *действительность*), и потому не считается «фундаменталистским». Речь идет о «последних вопросах» *онтотеологии*; различие определяет способ соединения *реального* и *действительного*, в том числе и *представление политического*.

Последовательный либерал Д. Лал утверждает, что «в отличие от других цивилизаций в исламе мечеть невозможно отделить от государства» [16, с. 640]; он считает, что ислам специфичен тем, что «если в большинстве других цивилизаций может быть проведено различие между публичным и частным и, соответственно, двойственность представлений, относящихся к каждой из этих сфер жизни, может быть как-то разрешена, то в исламе это невозможно» [9, с. 154]. Более того, утверждает Лал, если «эта двойственность заключена в рамки политической системы, легитимизирующей светскую конституцию, то фундаменталистский императив, требующий законодательно утвердить свои личные верования и представления, неизбежно разряжается на политической арене» [9, с. 154].

Итак, то, что называется «фундаментализмом», является основным препятствием глобализации; в той степени, в какой западное «мировое сообщество» (еще одно отождествление, очевидность и непосредственность которого в западной политической философии все еще нуждается в интерпретации для всех, кто *не есть* «коллективный запад») связало себя с «глобальным проектом», искушение *непосредственно* связать «фундаментализм» и «терроризм» сильно настолько, что в современной западной политической философии это делалось многократно. Мы неоднократно анализировали подобные опыты [18; 17]. Здесь *фигура террориста* социологически интерпретируется либо как следствие разрушения «традиционных обществ» модернизацией: «Все разновидности фундаментализма представляют собой продукт кризиса идентичности, вызванного модернизацией» [9, с. 153]; либо посредством «рессентимента», т. е. реакции «лузера» на «успех другого» (опять же мы имеем дело с *дискурсом*, ссылающимся на Ф. Ницше [19; 17] и его понимание «христианской морали», *и только* на этот «извод» *понятия рессентимента* Ницше. Однако необходимо изучить саму *возможность* подобного «непосредственного отождествления».

В либеральной версии экономической парадигмы политического, господствующей в западной политической мысли с начала XX в., политика представлена как *управление* (по высказыванию М. Вебера [20], между управлением государством и управлением предприятием при определенных условиях нет *существенной разницы*: *бюрократия* есть «собственная форма» «земной иерархии», управляющей *порядком действительности* по *разумному закону*); политический порядок представлен как *гомогенный, универсальный и глобальный* (в либеральной интерпретации Канта такой порядок *один*; признание Кантом *федерации* как формы *разумного порядка* интерпретируется как *снятие суверенитетов*); бесконечная публичная дискуссия как сущность либеральной метафизики (К. Шмитт [3]) предполагает *отказ от истины* в пользу «организации истины» в горизонте «пересекающегося консенсуса» (Дж. Ролз [11]), полагающегося *наличным*. Все это означает *отсутствие границ*, кроме тех, которые полагаются *неразумием/несовершеннолетием* – или «направленностью автономной воли индивида к злу». Другими словами, у такого порядка *нет внешних врагов*, но только *внутренние*, которые, во-первых, не могут рассматриваться как «признанные враги» и, во-вторых, квалифицируются как *преступники* в тех случаях, когда *опознаны как фундаменталисты* (т. е. воля которых как раз и самоопределилась «ко злу»). Таким образом, *террорист* есть *фигура* универсального и глобального политиче-

ского («имперского») порядка, представленного в экономической парадигме политического.

Два дискурса «новой войны»: дискурс «антитеррористической войны» и войны против «фундаментализма», – *совпадают*: «исламский террорист – фундаменталист» есть «*не-законный*» и «*не-признанный*» враг – преступник, *представляемый* и часто *объявленный «абсолютным злом»*, которое нельзя исправить, но только *ликвидировать*. Нам необходимо выявить *направления* и *способы* этой войны.

Однако перед тем, как приступить к выполнению поставленной задачи, следует напомнить, что в западной политической философии существует (несмотря ни на что) *иной способ* представления политического: «понятие политического» К. Шмитта; иное понимание войны, «всегда пространственного» политического порядка, существующего «только в правовой форме». Есть несколько причин, по которым необходимо *удерживать* различие между «понятием политического» и «экономической парадигмой политического»: во-первых, «понятие политического» есть *реальная* (т. е. *понятийная*) альтернатива экономической парадигмы политического, даже в том случае, если *действительная возможность* для нее «закрыта»; во-вторых, *возможный кризис* глобального имперского порядка, о котором все чаще говорится (что совсем не означает, что есть именно *кризис порядка*, а не борьба за *гегемонию* в *этом глобальном имперском порядке*; например, может происходить «смещение ядра» мир-системы, по Валлерстайну [21]), может задавать *иные* концептуальные рамки объяснения некоторых *событий* как *моментов* начинающегося кризиса; в-третьих, что особенно существенно в теоретическом отношении, следует ясно различать *«парадигмальную альтернативу»* от альтернатив внутри «экономической парадигмы» (например, к ним относится предложение Ф. Р. Анкерсмита [10] отказаться от «фундаменталистско-стоицисткой» традиции в пользу «макиавелистской»). Можно привести еще несколько причин, но сказанного достаточно для *предварительного пояснения*; *релевантное* в отношении предмета нашего исследования будет *продемонстрировано* последующим изложением.

«Понятие политического» фиксирует *нередуцируемость* политического к другим областям действительного (в первую очередь, в противоположность экономической парадигме, к *морали*, т. е. противоположению добра и зла, и к *экономике*, т. е. к *интересам*) и определяется Шмиттом через *суверенное решение*, различающее «друга – врага»; по Шмитту, это – «экзистенциальное решение», т. е. речь идет о *существовании* политического порядка и *угрозе* ему со стороны внешних, «признаваемых врагов» и «внутренних врагов», которых следует «поставить вовне» (например, Шмитт ссылается на «древнюю практику изгнания»). Принципиальным является, во-первых, полагание *границы*, разделяющей «внешнее» и «внутреннее» (принципиально же не различаемых в экономической парадигме политического); во-вторых, *полиархия*, которая *удерживается* взаимным признанием *суверенов* «извне» и *снимается* посредством *олицетворения* «внутри»; в-третьих, возможностью «объявить чрезвычайное положение» (сувереном является тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении), следующей из «места суверена над политическим порядком в его правовой форме» и целью которого является *преодоление* выделенной таким образом «области аномии» и восстановлением *правового порядка*. Все это *невозможно* в экономической парадигме политического: представленный в ней политический порядок не имеет *внешнего*; *не признает* «другого» как *законного врага и суверена*; *не способен* к *выделению* «области аномии» таким образом, что *парадигмально* область аномии «захватывает» («распространяется»)

весь политический порядок (Дж. Агамбен [6]). М. Хардт и А. Негри [7], например, утверждают, что чрезвычайное положение есть *норма*, т. е. «способ существования» глобального имперского порядка как *перманентной «внутренней» войны*. Такой политический порядок *анонимен*, не допускает никаких *олицетворений* («верховенство права» *есть* абсолютное исключение суверенного решения); *реальность* его представлена как «порядок правил», которые (если вспомнить спор К. Шмитта и Г. Кельзена [22]) должен *осуществляться автоматически*), но его *действительность – фактична*, т. е. основана исключительно на *силе*. *Утопическая перспектива* «блаженной жизни» (Дж. Агамбен, со ссылкой на аристотелевский «βίος» [23]), или «абсолютной демократии множества» (М. Хард и А. Негри [24]) *противополагается действительности* лагеря (Дж. Агамбен [25]) или «репрессивного порядка глобальной империи» (М. Хардт и А. Негри [7]). Однако этот вопрос онтотеологии – вне предметных рамок настоящей статьи.

Для нас принципиально важны следующие следствия.

1. «Новая война» есть *полицейская операция* потому, что это *внутренняя война*, без законного врага и суверенов, целью которой не является мир потому, что его просто *не с кем заключать*: война идет до «полной победы» и «ликвидации противника», дисквалифицированного как *преступник*. Для такой войны *не действует* «право войны» и «военное право»; более того, по утверждению М. Калдор [2; 26], которая настаивает на последовательном проведении этого как *принципиального правила*, предполагается «дифференциация населения» в «место проведения полицейской операции», выделение тех, «на кого можно опираться» (маргиналы, «женщины», нефундаменталисты), и тех, кто «рекрутируется» «террористами» и кто их «поддерживает». Разумеется, она обвиняет «террористов» в «систематическом насилии над населением» (фактов этого достаточно, впрочем, как и противоположных), но принцип «военного права»: гражданские вне войны – *как принцип не признается* именно теми, кто называется «миротворцами» и кто проводит «полицейскую операцию по умиротворению». «Новая война» – новый тип *тотальной и перманентной войны*, более того, *справедливой войны*.

В дискурсе «новой войны», которая некоторое время назад объявлена «антитеррористической войной», *возрождается* концепт *справедливой войны*, которая *есть война против зла*. Ко всему прочему такая война предполагает оправданность «действий на опережение», т. е. «угроза терроризма», «подозрение в возможной угрозе терроризма» и просто «угроза мировому порядку» объявлены достаточными основаниями для опережающего начала «полицейской операции», цель которой – «предотвратить угрозу». Отсюда – вызывающие иногда (все реже) возражения против «ликвидации террористов», которая проводится «вне судебной процедуры», т. е. ни о каких «гражданских правах» (вина должна быть доказана в суде, действует «презумпция невиновности») речи больше не идет. Напомним, что при «неразличении внутреннего и внешнего» формально «ликвидируются» лица, принадлежащие *данному* политическому порядку: своей «злой волей» они сами поставили себя вне правовой формы политического порядка и в отношении них не действуют, таким образом, «правовые презумпции», это – *революционная логика*.

2. «Предотвращение преступления» *предполагает*, что к «террористам» должны быть причислены все те, кто *может* («объективно») их «поддерживать»: уже давно ведутся разговоры об «информационном терроризме», о «финансовом терроризме» и так до бесконечности; главным политическим принципом становится *безопасность*. Когда совсем недавно СМИ объявили, что Президент Франции «поднял меч К. Мартел-

ла» – это не «фигура речи» и не «преувеличение», но *точная констатация*: фундаментализм *существенно* связан с терроризмом, значит, «новая война» *должна вестись* против «фундаментализма»: «ислам должен стать культурным» – не только «лозунг», но *программа* одного из дискурсов новой войны.

3. Конфликты между все еще остающимися (до времени [27]) суверенными государствами все чаще «вписываются в логику» *тотального противостояния* между *разумным мировым порядком* и «преступными очагами сопротивления» ему. Такие конфликты, ранее (в парадигме понятия политического) являвшиеся *законным способом* борьбы между *суверенами*, целью которых было установление нового порядка на основе изменившегося «соотношения сил» и заключение мира, теперь могут быть только *заморожены*, причем таким образом, что *факт заморозки* никогда *не означает* признания «законного интереса сторон», одна из которых необходимо представляется как *виновник*, в конечном счете подлежащий наказанию как *преступник*; «заморозка» есть фактическое признание *временного отсутствия возможностей наказать преступника*.

4. «Тотальная деполитизация» в терминах «международного права» (которое теперь не соглашение о правилах между суверенами, но правила, установленные анонимным «мировым сообществом», под маской которого действует *сильный*), произвольные «признания» одних «изменений» и «непризнание» других окончательно *снимают различие* между «порядком войны» и «порядком мира»: война *есть* и политика теперь становится *продолжением войны другими средствами* (их за последние двадцать лет выдумано много, и еще больше появится в ближайшем будущем). Многие исследователи констатируют наступление «мирового хаоса» (например, вполне «либеральный» и не скрывающий своей ангажированности крупный внешнеполитический чиновник Р. Хаас); предел этому хаосу в *действительности политического*, представленного в экономической парадигме, может положить только «*модель доминирования*», вопрос только в том, *кто* будет ее «осуществлять».

Выводы

Возвращаясь к теме «исламского фундаменталистского терроризма», нельзя не отметить, что он выбран в качестве едва ли не «главного врага» (кажется, «главных врагов» с начала XXI в. прибавилось) именно в связи с «очевидностью» и «удобством»; если про характер «очевидности» мы много писали в настоящей статье, то про «удобство» следует сказать особо. Речь идет, во-первых, об «удобстве олицетворения»: «прагматичность» других «главных врагов» и то, что *принципиально* они нисколько не «за рамками» экономической парадигмы политического, но борются за доминирование *в ее рамках*, *ограничивают возможность* конструирования *образа врага*. Во-вторых, антитеррористическая война против «исламского фундаменталистского терроризма», как вполне открыто говорили ее инициаторы (см. анализ речей и действий *политиков* у: Арриги [21], Д. Лал [9]), планировалась как *демонстрация силы* с перспективой «окончательной победы», этой уверенности не суждено было осуществиться. Наконец, в-третьих, особенно для Европы, «фундаментализм» опознается до сих пор как *непосредственная внутренняя угроза*, и потому требует принятия «незамедлительных мер».

Завершая изложение, следует подчеркнуть: в случае специально с «исламским фундаменталистским терроризмом» речь идет о *невозможности признания инаковости* в «либеральной метафизике»; отсюда – *политика мультикультурализма* как *радикального редукционизма* любых коллективных идентичностей (например, наций [28]), «над-личностных» и «естественных», и имеющих «религи-

озную санкцию», т. е. заключающих в себе «присутствие священного», к *пестроте индивидуальных интересов и ассоциаций* на основе «личных предпочтений» «автономных индивидов», и *война против «фундаментализма»*, в котором, собственно, и *представлена* «фигура террориста». Следует также иметь в виду, что отличие *дискурса* от *радикального понятия* еще и в том, что дискурс – принципиально *фрагментарен* и не предполагает «договаривания до конца»; напротив, *хозяин дискурса* над ним, он *властвует* по своему усмотрению, из соображений «выгоды» и «самооправдания». Нет нужды «подозревать в лицемерии» тех, кто утверждает, что полицейская операция осуществляется в интересах тех, против кого она направлена (они могут быть как раз представлены как «неразумные», как «распропагандированные», как «запуганные») и «их собственные, правильно понятые интересы» *легитимируют* (как это утверждает М. Калдор [2], но не только она) *полицейскую операцию по уничтожению террористов*, – такие утверждения *могут быть* «субъективно» совершенно «искренними» (и только некоторые «проговорки» иногда «разоблачают» *заинтересованность хозяина дискурса*).

Лицемерие обычно проявляется в другом: в обвинении либеральных авторов, часто выдвигавшемся против «понятия политического» К. Шмитта как «апологии войны» и *моральной интерпретации* его понятия «законного врага». Следует повторить еще раз: *признанный враг* есть *политическое понятие*, ему не может быть вменена «вина» и он не может быть «морально дисквалифицирован», собственно, это и есть суть шмиттовского понимания. Между «законными врагами» – суверенами возможна «ограниченная правом законная война» (или на основе взаимного признания, решение о *невозможности войны*, например, учитывая «реалии ядерного века»), имеющая целью *заключение мира*. «Непризнанный враг», *преступник*, может быть только *уничтожен*. Еще более «катастрофическая» ситуация «внутри» политического порядка: «непризнанная инаковость» *вводит в игру революционную логику*: «несовершеннолетние» должны быть взяты в опеку, «неразумные» лишены политической субъектности, «самоопределившиеся ко злу» есть преступники, но это может быть темой специального исследования.

Философское истолкование в этом отношении – *единственный способ демонстрации значения* в горизонте «метафизического понятия», такой *опыт* необходим для *понимания* того, что *есть* «новая война».

Список литературы

1. Кревельд М. Трансформация войны. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 344 с.

2. Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 416 с.

3. Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма // Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 93–170.

4. Шмитт К. Политическая теология // Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 5-59

5. Шмитт К. Понятие политического // Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 280–408.

6. Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 552 с.

7. Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. 440 с.

8. Пирогов А. И., Бирюков Д. А. Исламский фундаментализм в арабском мире // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2015. № 4 (8). С. 127–136.

9. Лал Д. Похвала империи: Глобализация и порядок. М.: Новое издательство, 2010. 364 с.

10. Анкерсмит Ф. Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2014. 432 с.

11. Rowls J. Political Liberalism. New York: Columbia University Press, 1996. 525 p.

12. Калхун К. Национализм. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. 288 с.

13. Дюмон Л. Эссе об индивидуализме. Дубна: Изд. центр «Феникс», 1997. 301 с.

14. Taylor C. Sources of the Self. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990. 624 p.

15. Evens T. Two Kinds of Rationality: Kibbutz Democracy and Generational Conflict. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1995. 252 p.

16. Ruthven M. A Fury for God. London: Granta Books, 2002. 324 p.

17. Ницше Ф. В. К генеалогии морали // Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 5. М.: Культурная революция, 2012. С. 229–382.

18. Ломако Л. Л., Мальцев К. Г. Дискурс «антитеррористической войны» и справедливая, то есть тотальная, война // PolitBook. 2020. № 3. С. 80–97.

19. Ницше Ф. Антихрист // Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 6. М.: Культурная революция, 2009. С. 109–186.

20. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. 4: Господство. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 542 с.

21. Арриги Дж. Адам Смит в Пекине. Что получил в наследство XXI век. М.: Ин-т общественного проектирования, 2009. 456 с.

22. Шмитт К. Государство: Право и политика. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2013. 448 с.

23. Агамбен Дж. Открытое. М.: РГГУ, 2012 112 с.

24. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006. 559 с.

25. Агамбен Д. Homo sacer. Чрезвычайное положение. М.: Европа, 2011. 148 с.

26. Ломако Л. Л., Мальцев К. Г. Несколько замечаний по поводу «новизны» дискурса «новой войны»: «инновации» и традиция // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 4. С. 70–80.

27. Мальцев К. Г., Ломако Л. Л. Кризис государства-нации как проблема социально-политической философии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2020. № 1. С. 55–64.

28. Ломако Л. Л., Мальцев К. Г. Конструктивистская парадигма в исследовании нации, национализма, этнонационального конфликта: некоторые критические замечания // Евразийский юридический журнал. 2020. № 8 (147). С. 430–434.

References

1. Krevel'd M. Transformatsiya voiny [War transformation]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 2005. 344 p.

2. Kaldor M. Novye i starye voiny: organizovannoe nasilie v global'nuyu epokhu [New and old wars: organized violence in the global era]. Moscow, Institut Gaidara Publ., 2015. 416 p.

3. Shmitt K. Dukhovno-istoricheskoe sostoyanie sovremennogo parlamentarizma [Spiritual and historical condition of modern parliamentarism]. Ponyatie politicheskogo [The concept of the political]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016. pp. 93–170.

4. Shmitt K. Politicheskaya teologiya [Political theology]. Ponyatie politicheskogo [The concept of the political]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016, pp. 5–59.

5. Shmitt K. Ponyatie politicheskogo [The concept of the political]. Ponyatie politicheskogo [The concept of the political]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016, pp. 280–408.

6. Agamben Dzh. Tsarstvo i slava. K teologicheskoi genealogii ekonomiki i upravleniya [The Kingdom and the Glory: For a Theological Genealogy of Economy and Government]. Moscow; St. Petersburg, Institut Gaidara Publ., 2018. 552 p.

7. Khardt M., Negri A. Imperiya [Empir]. Moscow, Praksis Publ., 2004. 440 p.

8. Pirogov A. I., Biryukov D. A. Islamskii fundamentalizm v arabskom mire [Islamic fundamentalism in the Arab world]. *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya = Economic and social and humanitarian studies*, 2015, no. 4 (8), pp. 127–136.

9. Lal D. Pokhvala imperii: Globalizatsiya i poryadok [Deepak In Praise of Empires. Globalization and Order]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2010. 364 p.

10. Ankersmit F. R. Esteticheskaya politika. Politicheskaya filosofiya po tu storonu fakta i tsennosti [Aesthetic Politics. Political Philosophy Beyond Fact and Value]. Moscow, GU VShE Publ., 2014. 432 p.

11. Rowls J. Political Liberalism. New York, Columbia University Press, 1996. 525 p.

14. Taylor C. Sources of the Self. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1990. 624 p.

15. Evens T. Two kinds of rationality: kibbutz democracy and generational conflict. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1995. 252 p.

16. Ruthven M. A fury for god. London, Granta Books, 2002. 324 p.

12. Kalkhun K. Natsionalizm [Nationalism]. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2006. 288 p.

13. Dyumon L. Esse ob individualizme [Essays on individualism: modern ideology in anthropological perspective]. Dubna, Feniks Publ., 1997. 301 p.

17. Nitsshe F. V. K genealogiya morali [To the genealogy of morality]. Polnoe sobranie sochinenii [Complete works]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ, 2012, vol. 5, pp. 229–382.

18. Lomako L. L., Mal'tsev K. G. Diskurs "antiterroristicheskoi voiny" i spravedlivaya, to est' total'naya, voina [Discourse of "anti-terrorist war" and just, that is, total, war]. *PolitBook*, 2020, no. 3, pp. 80–97.

19. Nitsshe F. Antikhrist [Antichrist]. Polnoe sobranie sochinenii [Complete Works]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ, 2009. Vol. 6, pp. 109–186.

20. Veber M. Khozyaistvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchei sotsiologii. Vol. 4: Gospodstvo [Economy and Society: Essays on Interpretive Sociology. Vol. 12: Domination]. Moscow, GU VShE Publ., 2016. 542 p.

21. Arrigi Dzh. Adam Smit v Pekine. C hto poluchil v nasledstvo XXI vek [Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-First Century]. Moscow, Institut obshhestvennogo proektirovanija Publ., 2009 456 p.

22. Shmitt K. Gosudarstvo: Pravo i politika [State: Law and Politics]. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2013. 448 p.

23. Agamben Dzh. Otkrytoe [The open]. Moscow, RGGU Publ., 2012. 112 p.

24. Hardt M., Negri A. Mnozhestvo: voina i demokratiya v epokhu imperii [Set: war and democracy in the era of empire]. Moscow, Cultural revolution Publ, 2006. 559 p.

25. Agamben Dzh. Homo sacer. Chrezvychainoe polozhenie [Homo sacer. State of emergency]. Moscow, Evropa Publ., 2011. 148 p.

26. Lomako L. L., Mal'tsev K. G. Neskol'ko zamechanii po povodu "novizny" diskursa "novoi voiny": "innovatsii" i traditsiya [A few comments on the "novelty" of the "new war" discourse: "innovation" and tradition]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii = Intellect. Innovation. Investments*, 2020, no. 4, pp. 70–80.

27. Mal'tsev K. G., Lomako L. L. Krizis gosudarstva-natsii kak problema sotsial'no-politicheskoi filosofii [The crisis of the nation-state as a problem of socio-political philosophy].

Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina = Pushkin Leningrad State University Journal, 2020, no. 1, pp. 55–64.

28. Lomako L. L., Mal'tsev K. G. Konstruktivistskaya paradigma v issledovanii natsii, natsionalizma, etnonatsional'nogo konflikta: nekotorye kriticheskie zamechaniya [Constructivist paradigm in the study of nation, nationalism, ethno-national conflict: some critical remarks]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2020, no. 8 (147), pp. 430–434.

Информация об авторах / Information about the Authors

Мальцев Константин Геннадьевич, доктор филосфских наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии науки, г. Белгород, Российская Федерация,
e-mail: maltsevaannav@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1398-6625

Мальцева Анна Викторовна, кандидат политических наук, доцент кафедры теории и методологии науки, г. Белгород, Российская Федерация,
e-mail: pavic69@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-7287-313

Ломако Леонид Леонидович, старший преподаватель кафедры теории и методологии науки, Белгород, Российская Федерация,
e-mail: parmend@bk.ru,
ORCID: 0000-0001-9608-615X

Konstantin G. Maltsev, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: maltsevaannav@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1398-6625

Anna V. Maltseva, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: pavic69@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-7287-313

Leonid L. Lomako, Senior Lecturer of the Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: parmend@bk.ru,
ORCID: 0000-0001-9608-615X

Оригинальная статья / Original article

УДК 323.1

Советская национальная политика и ее влияние на этнополитическую ситуацию в представлениях молодежи Северного Кавказа

А. М. Ерохин [1], Е. А. Авдеев[1] ✉, С. М. Воробьев[1]

[1]Северо-Кавказский федеральный университет»
ул. Пушкина 1, г. Ставрополь 355017, Российская Федерация

✉ e-mail: ewg.avdeev@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *В настоящей статье рассмотрены актуальные вопросы значения исторической памяти о советском национальном наследии для современной молодежи Северного Кавказа, ее роли в гармонизации межэтнических отношений и укреплении межнационального единства. Авторами анализируются представления молодых людей о советской национальной политике, ее достоинствах и недостатках.*

Цель исследования *состоит в определении характера и направленности влияния советской национальной политики на этнополитическую ситуацию в представлениях молодежи Северного Кавказа.*

Задачами исследования *стали: определение представлений молодежи о достижениях и недостатках советской национальной политики на Северном Кавказе, характера влияния распада СССР на межнациональные отношения, роли и значения этнотерриториального и этнокультурного фактора в этнополитических процессах в регионе; выявление общего и различий в представлениях о советской национальной политике молодежи русского и кавказских народов.*

Методология. *В процессе работы над исследованием использовались основные концептуально-теоретические подходы к проблеме политизации этничности и этнизации политики, роли памяти об историческом прошлом в формировании национально-государственной идентичности. Эмпирической основой является социологическое исследование представлений молодежи ведущих вузов Северного Кавказа о советском национальном наследии.*

Результаты. *Представления молодежи Северного Кавказа о советском этапе национальной политики носят фрагментарный и размытый характер. Менее половины респондентов помнят о достижениях и недостатках советской национальной политики, при этом у большинства представителей кавказских народов сохраняется память о депортации. Этнополитическая ситуация в молодежной среде региона в целом характеризуется межнациональным согласием и отсутствием враждебности в межнациональных отношениях, однако сохраняется определенный потенциал конфликтности.*

Выводы. *Историческая память о советской национальной политике является одним из факторов формирования идентичности современной молодежи, при этом недостаточная сформированность ее когнитивных оснований может стать фактором манипуляций сознанием молодых людей и основой для искажений и фальсификаций истории советского периода. Необходимо формирование представлений молодежи об исторической преемственности национальной политики, разъяснение основ национально-государственного устройства, ценностно-содержательное наполнение представлений молодежи о советском историческом наследии.*

Ключевые слова: *советская национальная политика; историческая память; этнополитические процессы; межнациональные отношения; Северный Кавказ; молодежь.*

Конфликт интересов: *Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Финансирование: *Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43018.*

Для цитирования: Ерохин А. М., Авдеев Е. А., Воробьев С. М. Советская национальная политика и ее влияние на этнополитическую ситуацию в представлениях молодежи Северного Кавказа // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 135–148.

Поступила в редакцию 28.06.2021 Принята к публикации 27.07.2021 Опубликована 30.08.2021

© Ерохин А. М., Авдеев Е. А., Воробьев С. М., 2021

Soviet Nationality Policy and its Influence on the Ethnopolitical Situation in the Views of the North Caucasian youth

Aleksey M. Erokhin[1], Evgenij A. Avdeev[1]✉, Sergej M. Vorobev[1]

[1]North-Caucasus Federal University
1 Pushkin str., Stavropol 355017, Russian Federation

✉ e-mail: ewg.avdeev@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The article reviews topical issues of the significance of the historical memory of the Soviet national heritage for the modern youth of the North Caucasus, its role in harmonizing interethnic relations and strengthening interethnic unity. The authors analyze the ideas of young people about the Soviet nationality policy, its advantages and disadvantages.*

The purpose *is to determine the nature and direction of the influence of the Soviet nationality policy on the ethnopolitical situation in the perceptions of young people in the North Caucasus.*

Objectives *are to determine the ideas of young people about the achievements and shortcomings of Soviet nationality policy in the North Caucasus, the nature of the impact of the collapse of the USSR on interethnic relations, the role and significance of the ethnoterritorial and ethnocultural factor in ethnopolitical processes in the region, identifying common and differences in the ideas about the Soviet national policy of Russian youth. and Caucasian peoples.*

Methodology. *During the research, conceptual and theoretical approaches to the problem of politicizing ethnicity and ethnizing politics, the role of memory of the historical formation of national-state identity in the past were used. The empirical basis is sociological research consisting of ideas and views of young people in the North Caucasus in the field of Soviet historical heritage.*

Results. *The ideas of young people in the North Caucasus about the Soviet stage of national policy are fragmented and vague. Less than half of the respondents remember the achievements and shortcomings of Soviet ethnic policy, while the majority of the Caucasian peoples retain the memory of deportation. The ethnopolitical situation in the youth environment of the region as a whole is characterized by interethnic harmony and the absence of hostility in interethnic relations, however, a certain potential for conflict remains.*

Conclusin. *The historical memory of the Soviet national policy is one of the factors in the formation of the identity of modern youth, while the insufficient formation of its cognitive foundations can become a factor in manipulating the consciousness of young people and the basis for distortions and falsifications of the history of the Soviet period. It is necessary to form the ideas of young people about the historical continuity of national policy, an explanation of the foundations of the national state structure, the value-content filling of the ideas of young people about the Soviet historical heritage.*

Keywords*: Soviet nationality policy; historical memory; ethnopolitical processes; interethnic relations; North Caucasus; youth.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

Funding*: The research was funded by RFBR according to the project № 21-09-43018.*

For citation: Erokhin A. M., Avdeev E. A., Vorobev S. M. Soviet Nationality Policy and its Influence on the Ethnopolitical Situation in the Views of the North Caucasian youth. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(4): 135–148. (In Russ.)

Received 28.06.2021 Accepted 27.07.2021 Published 30.06.2021

***

Введение

Актуальность исследования обусловлена сложностью и многообразием этнополитических проблем на Северном Кавказе, которые стали следствием распада СССР и последующей трансформации советского национально-государственного устройства в регионе. Одной из причин всплеска сепаратизма, радикализма и роста конфликтности межна-

циональных отношений на Северном Кавказе в 1990-е гг. стала потеря советской национально-государственной идентичности. Российская власть в то время стремилась избавиться от советского политико-идеологического наследия, происходило отторжение истории советского периода, сформировался идеологический межпоколенческий разрыв. Большинство населения оставалось на советских идеологических позициях, молодежь формировалась в новой идеологической парадигме. Попытки заполнить идеологический вакуум за счет формируемых ценностно-символических смыслов новой государственности были противоречивы и непоследовательны. В начале XXI в. приходит понимание необходимости обеспечения преемственности в российской национальной политике, с опорой и на достижения советского периода.

В современной политической реальности, несмотря на большие усилия государства, направленные на формирование единых представлений о национально-государственном наследии советского периода, память молодежи о советском национально-государственном наследии характеризуется противоречивостью и фрагментарностью, недостаточностью когнитивных оснований и ценностно-смыслового наполнения. Последствия советской национальной политики по-прежнему влияют на этнополитическую ситуацию в регионе, являются важным фактором формирования положительной динамики межнациональных отношений в молодежной среде. Для стабилизации и гармонизации межнациональных отношений необходимо дальнейшее формирование государственной политики исторической памяти, разработка концептуальной модели ее включения в образовательную, молодежную и национальную политику на Северном Кавказе. Определение представлений молодежи о советской национальной политике, ее достоинствах и недостатках позволит раскрыть содержание исторической памяти в сознании молодых людей, роль советского наследия в гармонизации межэтнических отношений, преемственности и укреплении межнационального единства. Реализация курса на динамичное развитие России и укрепление ее позиций в мире невозможны без выработки новых концептуальных моделей и подходов к национальной, молодежной и образовательной политике, ориентированных на решение долгосрочных задач. Все это предполагает конструктивное взаимодействие между поколениями [1, с. 662].

Методология

На значение образа прошлого для формирования личности и регулирования социального взаимодействия обращал внимание еще Э. Дюркгейм. Он подчеркивал значимость принципа «мемориального конформизма», который обеспечивает общее представление об историческом прошлом [2]. Важность создания общего образа прошлого, объединяющего людей и формирующего нацию, отмечал Б. Андерсон [3, с. 28–29]. В. А. Тишков, говоря об актуальных и сегодня методологических и идейно-политических сложностях в понимании и смысловом наполнении концепта «российский народ», указывает на необходимость осознания преемственности между российским (до 1917 г.) / советским (до 1991 г.) / российским народом (после 1991 г.) как солидарной общности, прошедшей через многие драмы и геополитические катаклизмы, но сохранившей при этом свое многообразное единство [4, с. 16]. Этот образ должен формировать общее представление об истории государства, его успехах и недостатках, раскрывать общую историческую судьбу народов и на этой основе формировать механизмы взаимодействия между людьми. Данное исследование опирается на концепцию

«коммуникативной памяти» А. Ассман, которая существует в рамках «жизненного мира», опирающегося как на собственный опыт молодого человека, так и на полученные им знания. Каждый человек включен в постоянно изменяющееся содержание знаний об историческом прошлом, которое меняет его мировоззрение. Индивидуальная память формируется при этом в рамках широкой истории и межпоколенческой преемственности коллективной памяти [5, с. 15].

По мнению П. Нора, динамика изменений памяти определяется сменой поколений, которое происходит в течение 30 лет и меняет характер представлений об историческом прошлом. В сознании молодого человека сочетаются верность прошлому (действительному или воображаемому) и стремление к разделению ценностей и установок той социальной общности, к которой он принадлежит [6]. Для формирования и смыслового наполнения исследования авторами был применен инструментарий изучения истории памяти, опирающийся на анализ типологии представлений о содержании советской национальной политики на Северном Кавказе, определения исторических основ представлений молодежи о советской и российской национальной политике.

Национальное самосознание молодых людей имеет как этническое, так и политическое содержание. Этничность – это формирование этнокультурной общности, политические нации формируются государством посредством государственный национальной, образовательной и культурной политики. Р. Брубейкер акцентирует внимание на существование различий между «государственно-фреймированным» и «контргосударственным» пониманием нации и национализма. В одном случае нация рассматривается как институционально-политический конструкт государства, в другом случае нация выступает как контргосударственный институт [7, с. 261–262]. На риски политизации этничности на Северном Кавказе, важность дальнейших исследований различных аспектов этнонациональных угроз и этнических конфликтов, необходимость дальнейшего формирования и совершенствования работы по профилактике и управлению конфликтами, формированию российской идентичности и укреплению интеграционных тенденций в регионе указывают ряд исследователей современных этнополитических процессов и межнациональных отношений [8, с. 90; 9; 10; 11; 12].

В общественно-политической жизни региона этнический фактор имеет большое значение. Всплеск политизации этничности стал важным источником этнополитической напряженности и межэтнических конфликтов. Политизированная этничность часто используется национальными и клановыми элитами для реализации своих политических целей и экономических интересов [13, с. 220–229]. В результате политизации этничности можно мобилизовать национальные чувства, кристаллизировать этническое самосознание и получить кратковременный, но значительный результат, долговременных перспектив он не имеет.

Большое значение политизированная этничность имеет в нестабильных этнокультурных сообществах, особенно в момент перехода от одного социально-экономического уклада к другому [14], что происходило и происходит в постсоветской России. Большое значение в изучении этнополитических процессов имеет исследование А. Вебера, У. Хирса и А. Флескена. Ими обосновывается, что регионы с низким уровнем социально-экономического развития, качества госу-

дарственного управления и жизни населения, высокими значениями коррупции и безработицы характеризуются активизацией процессов политизации этничности и этнизации политики [15]. Другие исследователи подчеркивают конфликтность этнополитических процессов, т.к. национальные лидеры стремятся усилить политическое значение этнической принадлежности для повышения этногрупповой солидарности [16]. Советская национальная политика и нациестроительство, формирование национально-государственных образований, процессы «коренизации», развития национальных языков и культур получили достаточно подробное освещение в трудах многих зарубежных и отечественных исследователей [17; 18; 19]. Инструменталистское понимание нации, преобладающее в зарубежном научно-политическом дискурсе, не в полной мере соответствует примордиалистскому подходу, традиционному для советской и российской науки и социально-политической практики. В национальной политике Российской Федерации большое внимание уделяется этнокультурным факторам развития народов региона, но политическая составляющая этнических процессов по-прежнему остается преобладающей.

Проведение настоящего исследования связано с возрастающим влиянием советского национально-государственного наследия на современную этнополитическую ситуацию. В этой связи представления молодежи о советской национальной политике в регионе являются важными и значимыми для анализа этнополитической ситуации и межнациональных отношений на Северном Кавказе. Объектом социологического опроса стали студенты бакалавриата и магистратуры в возрасте 18–24 лет ведущих вузов Северного Кавказа. Формирование квот выборки студентов по полу и специальностям проводилось на основе опубликованных Росстатом данных Минобразования по численности обучающихся и направлениям подготовки в 2018–2019 гг.[1] В выборку вошло 60% студентов русских по национальности и 40% студентов – представителей народов Кавказа. Всего было опрошено 1025 респондентов. Опрос проводился в онлайн-форме, вопросы и тестовые задания были сформированы с помощью облачных инструментов. Применение современных информационных технологий позволило сделать процедуру опроса более доступной для молодежи и расширить географию проекта.

Результаты и их обсуждение

Результаты проведенного в 2021 г. авторами статьи социологического исследования показали, что помнят о достижениях советской национальной политики на Северном Кавказе менее половины респондентов. При этом 44% помнят о развитии национальных культур, языков и литературы северокавказских народов, 43% – о формировании объединяющей все национальности наднациональной общности – советского народа, 41% – о социально-экономическом, политическом и культурном развитии северокавказских народов, 38% – о формировании и развитии автономных республик и областей на Северном Кавказе, 35% – о создании национальной письменности у народов Северного Кавказа. Больше помнят о достижениях советской национальной политики молодые люди – представители народов Кавказа (табл. 1).

[1] См.: Женщины и мужчины России. 2020: стат. сб. / Росстат. М., 2020. С. 76; Труд и занятость в России. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019. С. 90–91.

Таблица 1. Память о достижениях советской национальной политики на Северном Кавказе, % от числа опрошенных

Table 1. Memory of the achievements of Soviet national policy in the North Caucasus, % of the number of respondents

Помните ли Вы о достижениях советской национальной политики на Северном Кавказе? (распределение ответа «помню»)	Русские	Народы Кавказа	Всего, n=1025
Развитие национальных культур, языков и литературы северокавказских народов	41	50	44
Формирование объединяющей все народы наднациональной общности – советский народ	44	41	43
Социально-экономическое, политическое и культурное развитие северокавказских народов	39	43	41
Формирование и развитие автономных республик и областей на Северном Кавказе	36	40	38
Создание национальной письменности у народов Северного Кавказа	29	43	35

О недостатках советской национальной политики в регионе помнят также менее половины респондентов. Большинство опрошенных молодых людей запомнили такие негативные проявления национальной политики, как депортация ряда северокавказских народов в годы Великой Отечественной войны. Наиболее негативные оценки, как в ходе опроса, так и при проведении фокус-групп со студентами, давали респонденты – представители народов Кавказа. У 40% респондентов в памяти осталось неполное соответствие исторических территорий народов границам автономных республик. О произвольном объединении различных северокавказских народов в единые автономные республики и произвольном изменении границ автономных республик и областей вспомнили 39% опрошенных. В целом больше помнят о недостатках советской национальной политики представители народов Кавказа (табл. 2).

При ответах на вопрос: «Являются ли, по Вашему мнению, последствия распада СССР важнейшим источником межнациональных конфликтов на Северном Кавказе?» – лишь 27% респондентов ответили: «Да, является». Остальные ответили: «Нет, не является», или затруднились с ответом. Значимых различий между русскими по национальности и представителями народов Кавказа не выявлено (табл. 3). Большинство респондентов при оценке межнациональной конфликтности в регионе не считают распад СССР их важнейшим источником. Многие затруднились ответить на этот вопрос. Можно предположить, что знания о новейшей истории у современной молодежи недостаточны для глубокого рассмотрения проблем межнациональных отношений.

Таблица 2. Память о недостатках советской национальной политики на Северном Кавказе, от числа опрошенных

Table 2. Memory of the shortcomings of the Soviet national policy in the North Caucasus, from the number respondents

Помните ли Вы о недостатках советской национальной политики на Северном Кавказе? (распределение ответа «помню»)	Русские	Народы Кавказа	Всего, n=1025
Депортация ряда северокавказских народов в годы Великой Отечественной войны	47	59	52
Неполное соответствие исторических территорий народов границам автономных республик и областей	35	47	40
Обязательное изучение национальных языков титульных народов в школе	36	45	40
Произвольное объединение различных северокавказских народов в единые автономные республики и области	37	42	39
Произвольное изменение границ автономных республик и областей	36	43	39

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Являются ли, по Вашему мнению, последствия распада СССР важнейшим источником межнациональных конфликтов на Северном Кавказе?», % от числа опрошенных

Table 3. Distribution of answers to the question "Are, in your opinion, the consequences of the collapse the USSR is the most important source of interethnic conflicts in the North Caucasus?", % from the number of respondents

Являются ли, по Вашему мнению, последствия распада СССР важнейшим источником межнациональных конфликтов на Северном Кавказе?	Русские	Народы Кавказа	Всего, n=1025
Да, является	27	28	27
Нет, не является	36	40	38
Затрудняюсь ответить	37	32	35

При определении степени значимости основных приоритетов национальной политики России абсолютное большинство респондентов указало на важность улучшения социального благополучия граждан, обеспечения межнационального мира и согласия (82%), сохранения и развития русского языка (79%), укрепления

гражданского единства и гражданского самосознания (78%), сохранения этнокультурного и языкового многообразия и соблюдение прав малочисленных народов Северного Кавказа (71%). При этом для респондентов, русских по национальности, такие приоритеты, как укрепление гражданского единства и гражданского самосознания, сохранение и развитие русского языка, более важны, чем для представителей кавказских народов (табл. 4). В целом молодежь региона поддерживает основные приоритеты национальной политики страны.

Таблица 4. Значимость для респондентов основных приоритетов национальной политики Российской Федерации, % от числа опрошенных

Table 4. The significance for respondents of the main priorities of the national policy of the Russian Federation Federation, % of the number of respondents

Важны ли для Вас следующие основные приоритеты национальной политики Российской Федерации? (распределение ответа «важно»)	Русские	Народы Кавказа	Всего, n=1025
Улучшение социального благополучия граждан, обеспечение межнационального мира и согласия	85	78	82
Сохранение и развитие русского языка	83	74	79
Укрепление гражданского единства и гражданского самосознания	81	73	78
Сохранение этнокультурного и языкового многообразия	69	74	71
Соблюдение прав малочисленных народов Северного Кавказа	71	73	71

Межнациональные отношения в молодежной среде являются важным показателем этнополитической ситуации на Северном Кавказе, отражают эффективность реализации национальной политики в регионе. Большинство респондентов считают, что проблема в общении и взаимодействии разных национальностей несущественна («это далеко не главная проблема» – ответили 40%, «этой проблемы не существует» – 14%). Лишь 26% опрошенных молодых людей считают, что это очень серьезная проблема. Данные опроса показывают, что для русской молодежи это более серьезная проблема, чем для представителей народов Кавказа (табл. 5). Можно предположить, что это связано с продолжающимся оттоком русского населения из региона и миграцией кавказской молодежи в Ставропольский край для обучения и трудоустройства.

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, существует ли в вашем регионе проблема в общении, взаимодействии людей разных национальностей?», % от числа опрошенных

Table 5. Distribution of answers to the question "Do you think there is a problem in your region in communication, interaction of people of different nationalities?", % of the number of respondents

Как Вы считаете, существует ли в вашем регионе проблема в общении, взаимодействии людей разных национальностей?	Русские	Народы Кавказа	Всего, n=1025
Это очень серьезная проблема	30	20	26
Это далеко не главная проблема	41	38	40
Этой проблемы не существует	11	19	14
Затрудняюсь ответить	18	23	20

В качестве главной причины межнациональных конфликтов в регионе 33% опрошенных выделили враждебность и предубеждение к другим народам, 22% – неприятие культуры и ценностей других народов, 15% – современные территориальные конфликты и земельные споры. Русские больше, чем представители народов Кавказа, отмечают враждебность и предубеждение к другим народам, а территория и земля как фактор межнациональной конфликтности, напротив, более важна для представителей народов Кавказа (табл. 6). В целом социально-психологические и этнокультурные факторы в качестве главной причины напряженности межнациональных отношений выделяет большинство респондентов.

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос: «Что, на Ваш взгляд, является главной причиной межнациональных конфликтов на Северном Кавказе?», % от числа опрошенных

Table 6. Distribution of answers to the question: "What, in your opinion, is the main reason interethnic conflicts in the North Caucasus?", % of the respondents

Что, на Ваш взгляд, является главной причиной межнациональных конфликтов на Северном Кавказе?	Русские	Народы Кавказа	Всего, n=1025
Враждебность и предубеждение к другим народам	37	28	33
Неприятие культуры и ценностей других народов	23	20	22
Современные территориальные конфликты и земельные споры	9	23	15
Социальное и экономическое неравенство, носящее межнациональный характер	12	11	11
Национальный радикализм	12	9	11
Последствия советской национальной политики на Северном Кавказе	7	9	8

Историческая территория проживания народа для большинства респондентов потеряла свою значимость. Лишь для 25% респондентов проблема исторической территории проживания их народов является важной. При этом территория проживания более важна для кавказской молодежи (табл. 7). Проблема родной земли и связанные с этим территориальные споры и конфликты более значимы для кавказских народов в связи с локальностью их исторического проживания и относительной малочисленностью. Результаты исследования 2019 г., проведенного авторами статьи, также свидетельствуют о важности для молодых людей – представителей народов Кавказа – сохранения целостности территории проживания своего народа, исторической памяти и этнокультурной преемственности [20, с. 130].

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос «Является ли для Вас проблема исторической территории проживания Вашего народа важной?», % от числа опрошенных

Table 7. Distribution of answers to the question: "What, in your opinion, is the main reason interethnic conflicts in the North Caucasus?", % of the respondents

Является ли для Вас проблема исторической территории проживания Вашего народа важной?	Русские	Народы Кавказа	Всего, n=1025
Да, скорее да	20	35	25
Нет, скорее нет	55	36	48
Затрудняюсь ответить	25	29	27

Этнополитическая ситуация в регионе, по мнению молодежи, в целом характеризуется межнациональным согласием и отсутствием враждебности в межнациональных отношениях. Это подтверждается тем, что большинство респондентов не сталкивались с конфликтной ситуацией, оскорблениями и унижениями, причиной которых была их национальность. Однако межнациональные отношения в молодежной среде можно охарактеризовать как неустойчивостабильные с определенным потенциалом конфликтности, около трети респондентов отмечают, что такие конфликтные ситуации имели место. Меньше сталкивались с конфликтами представители русской молодежи (табл. 8).

Таблица 8. Распределение ответов на вопрос «Сталкивались ли Вы с конфликтной ситуацией, оскорблениями и унижениями, причиной которых была Ваша национальность?», % от числа опрошенных

Table 8. Distribution of answers to the question "Have you encountered a conflict situation, insults and humiliations caused by your nationality?", % of the number respondents

Сталкивались ли Вы с конфликтной ситуацией, оскорблениями и унижениями, причиной которых была Ваша национальность?	Русские	Народы Кавказа	Всего, n=1025
Да	28	37	32
Нет	61	48	56
Затрудняюсь ответить	11	15	12

Выводы

Результаты исследования показали, что представления молодежи Северного Кавказа о советском этапе национальной политики носят достаточно фрагментарный и размытый характер. Менее половины респондентов помнят о достижениях советской национальной политики, которые заключаются в развитии национальных культур кавказских народов, формировании единой наднациональной общности – советский народ и социально-экономическом развитии северокавказских народов. Более половины опрошенных молодых людей плохо помнят и недостатки советской национальной политики, при этом у большинства представителей кавказских народов сохраняется память о депортации. В качестве основных приоритетов национальной политики России большинство респондентов выделяют улучшение социального благополучия граждан, обеспечение межнационального мира и согласия, сохранение и развитие русского языка, укрепление гражданского единства и гражданского самосознания, сохранение этнокультурного и языкового многообразия, соблюдение прав малочисленных народов Северного Кавказа.

Межнациональные отношения в молодежной среде можно охарактеризовать как неустойчиво-стабильные, при этом сохраняются условия для возрастания межнациональной конфликтности, причины которой связаны, прежде всего, с социально-экономическими последствиями кризиса и пандемии (COVID-19). В качестве основных факторов межнациональных конфликтов на Северном Кавказе опрошенные молодые люди выделяют социально-психологический (враждебность и предубеждение к другим народам), этнокультурный (неприятие культуры и ценностей других народов), этнотерриториальный (современные территориальные конфликты и земельные споры) и социально-экономический (социальное и экономическое неравенство, носящее межнациональный характер) факторы.

Историческая память о советской национальной политике является одним из оснований формирования идентичности современной молодежи, при этом недостаточная сформированность когнитивных оснований таких представлений может стать фактором манипуляций сознанием молодежи и основой для искажений и фальсификаций истории советского периода. Региональные органы власти, осуществляющие реализацию национальной и молодежной политики, должны повысить эффективность работы по формированию исторической преемственности национальной политики, разъяснению основ национально-государственного устройства, ценностно-содержательному наполнению представлений молодежи о советском историческом наследии, противодействовать фактам фальсификации и искажения истории.

Список литературы

1. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с. https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020.

2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. 575 с.

3. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле, 2001. 288 с.

4. Тишков В. А. Великая Победа и советский народ: антропологический анализ // Вопросы философии. 2020. № 8. С. 5–19. https://doi.org/10.21146/0042–8744–2020–8-5-19.

5. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

6. Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Memoire // Representations. 1989. Vol. 0, is. 26. Special Issue: Memory and Counter-Memory. P. 7–24.

7. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.

8. Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В., Гриценко Г. Д. Этничность в политических конфликтах: этнизация политики и политизация этничности // Политическая наука. 2020. № 3. С. 74-97. https://doi.org/10.31249/poln/2020.03.04.

9. Risks in the North Caucasus: potential or real escalation of the ethnopolitical situation / V. A. Avksent'ev, G. D. Gritsenko, S. Yu. Ivanova, M. M. Shulga // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, №3. С. 115–128. https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.10

10. Найденко В. Н. Вероятность экстремистских угроз в этнонациональной сфере России // Вестник Института социологии. 2019. № 31. С. 111–125. https://doi.org/10.19181/vis.2019. 31.4.607.

11. Гаджимурадова Г. И., Рабат Л. Радикализм как фактор нестабильности на Кавказе и в Центральной Азии // Вопросы политологии. 2020. Т. 10, № 12 (64). С. 3461–3471. https://doi.org/10.35775/PSI.2020.64.12.006.

12. Авдеев Е. А., Воробьев С. М. Общероссийская гражданская идентичность молодежи Северного Кавказа: основные вызовы и риски конфликтности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2021. Т. 17, № 1. С. 69–86. https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.106.

13. Bourdieu P. Language and symbolic power. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1991. 301 p.

14. Bozic-Roberson A. The politicization of ethnicity as a prelude to ethnopolitical conflict: Croatia and Serbia in former Yugoslavia. Michigan: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2001. 272 p.

15. Weber A., Hiers W., Flesken A. Politicized ethnicity. Perspectives in comparative politics. New York: Palgrave, 2016. 187 p.

16. Maksić A. Ethnic mobilization, violence, and the politics of affect. The Serb Democratic Party and the Bosnian War. Palgrave Macmillan, 2017. 264 p. https://doi.org/10.1007/978-3-319-48293-4.

17. Карпов Ю. Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20-30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб.: Петербургское востоковедение, 2017. 400 с.

18. Шнирельман В. А. Быть аланами: Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 696 с.

19. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1929. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 855 с.

20. Ерохин А. М., Воробьев С. М., Авдеев Е. А. Конфликтогенный потенциал этнополитических процессов на Северном Кавказе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 5. С. 123–133.

References

1. Gorshkov M. K., Sheregi F. Je. Molodezh Rossii v zerkale sociologii. K itogam mnogoletnih issledovanij [Youth of Russia in the mirror of sociology. To the results of many years of

research]. Moscow: FNISC RAN Publ., 2020. 688 p. https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020.

2. Durkheim E. O razdelenii obshhestvennogo truda. Metod sociologii [On the division of social labor. Sociology method]. Moscow: Nauka Publ., 1991. 575 p.

3. Anderson B. Voobrazhaemye soobshhestva. Razmyshlenija ob istokah i rasprostranenii nacionalizma [Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. Moscow, KANON-press-C, Kuchkovo pole Publ., 2001. 288 p.

4. Tishkov V. A. Velikaja Pobeda i sovetskij narod: antropologicheskij analiz [The Great Victory and the Soviet People: Anthropological Analysis]. Problems of Philosophy, 2020, no. 8, pp. 5–19. https://doi.org/10.21146/0042–8744–2020–8-5-19.

5. Assmann A. Dlinnaja ten' proshlogo. Memorial'naja kul'tura i istoricheskaja politika [Long shadow of the past. Memorial culture and historical politics.]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 328 p.

6. Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Memoire. Representations, Volume 0, Issue 26, Special Issue: Memory and Counter-Memory. Spring; 1989, P. 7–24.

7. Brubaker R. Jetnichnost' bez grupp [Ethnicity without groups]. Moscow: Dom Vysshej shkoly jekonomiki Publ., 2012. 408 p. (In Russ.)

8. Avksent'ev V. A., Aksjumov B. V., Gricenko G. D. Jetnichnost' v politicheskih konfliktah: jetnizacija politiki i politizacija jetnichnosti [Ethnicity in political conflicts: the ethnization of politics and the politicization of ethnicity]. Political Science, 2020, no. 3, pp. 74–97. https://doi.org/10.31249/poln/2020.03.04.

9. Avksent'ev V. A., Gritsenko G. D., Ivanova S. Yu., Shulga M. M. Risks in the North Caucasus: potential or real escalation of the ethnopolitical situation. Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations, 2020, vol. 25, no 3, pp. 115-128. https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.10.

10. Najdenko V. N. Verojatnost jekstremistskih ugroz v jetnonacional'noj sfere Rossii [The likelihood of extremist threats in the ethno-national sphere of Russia]. Bulletin of the Institute of Sociology, 2019, no. 31, pp. 111–125. https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.607.

11. Gadzhimuradova G. I., Rabat L. Radikalizm kak faktor nestabil'nosti na Kavkaze i v Central'noj Azii [Radicalism as a factor of instability in the Caucasus and Central Asia]. Political Science Issues, 2020, vol. 10, no. 12 (64), pp. 3461–3471. https://doi.org/10.35775/PSI.2020.64.12.006 (In Russ.)

12. Avdeev E. A., Vorob'ev S. M. Obshherossijskaja grazhdanskaja identichnost' molodezhi Severnogo Kavkaza: osnovnye vyzovy i riski konfliktnosti [All-Russian civic identity of youth in the North Caucasus: main challenges and risks of conflict]. Political expertise: POLITEX, 2021, vol. 17, no. 1, pp. 69–86. https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.106.

13. Bourdieu P. Language and symbolic power. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1991. 301 p.

14. Bozic-Roberson A. The politicization of ethnicity as a prelude to ethnopolitical conflict: Croatia and Serbia in former Yugoslavia. Michigan: LAP LAMBERT Academic Publishing; 2001. 272 p.

15. Weber A., Hiers W., Flesken A. Politicized ethnicity. Perspectives in comparative politics. New York: Palgrave, 2016. 187 p.

16. Maksić A. Ethnic mobilization, violence, and the politics of affect. The Serb Democratic Party and the Bosnian War. Palgrave Macmillan, 2017. 264 p. https://doi.org/10.1007/978-3-319-48293-4

17. Karpov Ju. Ju. Nacional'naja politika sovetskogo gosudarstva na severokavkazskoj periferii v 20-30-e gg. XX v.: jevoljucija problem i reshenij [National policy of the Soviet state of

the North Caucasian periphery in the 20-30s. XX century: evolution of problems and solutions]. St. Petersburg, 2017. 400 p.

18. Shnirel'man V. A. Byt' alanami: Intellektualy i politika na Severnom Kavkaze v XX veke [Being Alans: Intellectuals and Politics in the North Caucasus in the 20th Century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2006. 696 p.

19. Martin T. Imperija "polozhitel'noj dejatel'nosti". Nacii i nacionalizm v SSSR, 1923–1929 [Empire of "positive action". Nations and nationalism in the USSR, 1923–1929]. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN): Fond «Prezidentskij centr B. N. Elcina» Publ., 2011. 855 p.

20. Erokhin A. M., Vorob'ev S. M., Avdeev E. A. Konfliktogennyj potencial jetnopoliticheskih processov na Severnom Kavkaze [Conflict potential of ethnopolitical processes in the North Caucasus]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, vol. 9, no. 5, pp. 123–133.

Информация об авторах / Information about the Authors

Алексей Михайлович Ерохин, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация,
e-mail: a_erohin@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-7381-5372

Aleksey M. Erokhin, Doctor of Social Science, Professor, Head of the Department of Philosophy, North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation,
e-mail: a_erohin@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-7381-5372

Евгений Александрович Авдеев, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация,
e-mail: ewg.avdeev@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-4004-9610

Evgenij A. Avdeev, Candidate of Philosophical Science, Associate Professor of the Department of Philosophy, North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation,
e-mail: ewg.avdeev@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-4004-9610

Сергей Михайлович Воробьев, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры философии, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация,
e-mail: sergey_vorobev_54@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-8893-2595

Sergej M. Vorobev, Candidate of Political Science, Associate Professor of the Department of Philosophy, North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation,
e-mail: sergey_vorobev_54@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-8893-2595

Оригинальная статья / Original article

УДК 323.213

Роль Общественной палаты, добровольческих (волонтерских) организаций в процессе принятия поправок в Конституцию Российской Федерации в целях развития российского общества

В. Г. Ермаков[1] ✉

[1]Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Среднерусский институт управления
бульвар Победы 5а, г. Орел 302028, Российская Федерация

✉ e-mail:vlad-kreml@yandex.ru

Резюме

Актуальность *темы настоящего исследования продиктована все более возрастающей ролью общественных институтов, институтов гражданского общества в России в целом в решении важнейших проблем современного российского государства и российского общества при одновременной недостаточности осмысления политической и социальной роли данных институтов в политических процессах, происходящих во внутренней политике государства в среде научного политологического сообщества.*

В последние несколько лет снизилась научная активность в отношении исследования данных политических процессов, что требует восполнения данного пробела. Сказанное определило цель исследования и его задачи.

Цель исследования *– анализ и выявление приоритетов государственной политики через внедрение в жизнь принятых поправок в области поддержки институтов гражданского общества в современных условиях, что открывает новые возможности для создания стратегических платформ коммуникаций органов государственной власти и институциональных структур гражданского общества.*

Задачами исследования *стали: анализ роли Общественной палаты Российской Федерации, общественных организаций и структур в процессе выработки и принятия решений по поправкам в Конституцию Российской Федерации и влияние принятых поправок на процесс развития институтов гражданского общества России.*

Методологию научного исследования *составили общенаучные методы анализа и синтеза информации, метод политического анализа как основной метод исследования. Использованы принципы анализа первичных данных, что позволило сделать самостоятельные выводы.*

Проанализирована современная научная литература по проблематике исследования, преимущественно опубликованная авторами, которые имеют опыт разработки научно-исследовательских работ по политическим аспектам формирования гражданского общества в Российской Федерации.

Результаты. *В процессе проведения исследования получены следующие результаты: во-первых, определены и показаны меры, принятые Общественной палатой Российской Федерации, по реализации конституционных поправок 2020 года; во-вторых, представлены количественные показатели деятельности волонтерских и добровольческих организаций в указанный период.*

Вывод. *Исследование позволило сделать вывод о росте доверия со стороны общества к деятельности государственных и политических структур и организаций в последнее время.*

Ключевые слова: *гражданское общество; Общественная палата РФ; поправки; Конституция РФ; добровольческие (волонтерские) организации; общественно-государственный диалог.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи*.

Для цитирования: Ермаков В. Г. Роль Общественной палаты, добровольческих (волонтерских) организаций в процессе принятия поправок в Конституцию Российской Федерации в целях развития российского общества // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 149–159.

Поступила в редакцию 29.06.2021 Принята к публикации 27.07.2021 Опубликована 30.08.2021

© Ермаков В. Г., 2021

Role of the Public Chamber, Volunteering Organizations in the Process of Adoption of Amendments to the Constitution of the Russian Federation for the Development of Russian Society

Vladislav G. Ermakov [1] ✉

[1]Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Central Russian Institute of Management
5a bulevard Pobedy, Orel 302028, Russian Federation

✉ e-mail: vlad-kreml@yandex.ru

Abstract

The relevance *of the topic of this study is dictated by the ever-increasing role of public institutions, civil society institutions in Russia, in general, in solving the most important problems of the modern Russian state and Russian society, while at the same time there is a lack of understanding of the political and social role of these institutions in political processes taking place in the internal policy of the state. among the scientific political science community.*

In the past few years, scientific activity in relation to the study of these political processes has decreased, which requires filling this gap. The foregoing determined the purpose of the study and its tasks.

The purpose *of the study is to analyze and identify the priorities of state policy through the implementation of the adopted amendments in the field of supporting civil society institutions in modern conditions, which opens up new opportunities for creating strategic communication platforms for public authorities and institutional structures of civil society.*

The objectives *of the study were: analysis of the role of the Public Chamber of the Russian Federation, public organizations and structures in the process of developing and making decisions on amendments to the Constitution of the Russian Federation and the impact of the adopted amendments on the development of civil society institutions in Russia.*

The methodology *of scientific research was made up of general scientific methods of analysis and synthesis of information, the method of political analysis as the main research method. The principles of analysis of primary data were used, which made it possible to draw independent conclusions. Analyzed the modern scientific literature on research issues, mainly published by authors who have experience in developing research works on the political aspects of the formation of civil society in the Russian Federation.*

Results. *In the course of the research, the following results were obtained. First, the measures taken by the Public Chamber of the Russian Federation in the implementation of the 2020 constitutional amendments are identified and shown. Secondly, the quantitative indicators of the activities of volunteer and volunteer organizations in the specified period are presented.*

Conclusion. *The study made it possible to draw a conclusion about the growth of public confidence in the activities of state and political structures and organizations in recent years.*

Key words: *civil society; Public Chamber of the Russian Federation; amendments; Constitution of the Russian Federation; volunteer (volunteer) organizations; public-state dialogue.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Ermakov V. G. Role of the Public Chamber, Volunteering Organizations in the Process of Adoption of Amendments to the Constitution of the Russian Federation for the Development of Russian Society. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(4): 149–159. (In Russ.)

Received 29.06.2021 Accepted 27.07.2021 Published 30.08.2021

***

Введение

Взаимоотношения государственных и общественных структур в последние два года претерпели значительные изменения, одним из важных стимулов для этих изменений явилось многообразие

событий и явлений, влияющих на судьбы людей и страны.

Российские государство и гражданское общество столкнулось с серьезными и сложными задачами. Одновременно российская политическая наука была поставлена перед необходимостью нового научного осмысления современных политических и социальных процессов, характеризующихся активизацией роли институтов гражданского общества в интенсификации на-званных процессов, своего рода перехода от институционального этапа развития гражданского общества к процессному.

Периоду и проблемам становления и развития институтов гражданского общества в России и за рубежом в российской политической науке в свое время уделяли свое внимание целый ряд ученых, таких как: Е. С. Устинович [1, с. 5–12; 2, с. 11–15; 3, с. 45–48; 4, с. 126–133], В. В. Огнева [5, с. 177], Д. Л. Цыбаков [6, с. 36–37], Е. Н. Малик, Е. Ю. Голубинский, В. В. Костенко [7; 8, с. 8–15], Е. Ю. Подосинников, С. С. Железняков [9, с. 95–100], М. Ф. Секач, С. В. Смульский, А. А. Шевченко [10, с. 8–11], М. А. Бочанов [11] и др.

Так сложилось, что проблематика гражданского общества оказалась в центре внимания российских социологов и правоведов, например, это работы Л. И. Никовской, В. Н. Якимец, Л. Ю. Грудцына и др. [12, с. 371–374; 13, с. 448–453]

Однако подчеркнем, что большинство из исследований относятся к периоду начала двухтысячных годов (до 2015–2017 гг.). После этого периода наблюдается значительный спад интереса исследователей к данной теме.

Методология

Методология исследования представляет собой сочетание политологического подхода к исследованию и традиционных общенаучных методов познания – анализу и синтезу полученной информации.

Проанализированы указанные в научной статье работы авторов-политологов по проблемам развития гражданского общества в России, ее основных институтов и т.д.

Результаты и их обсуждение

Вопросы и проблемы взаимодействия российского государства и общества на протяжении последних уже нескольких десятков лет (в хронологическом аспекте – конец 1990-х – начало 2000-х гг.) достаточно остро стоят в российской политической науке и политической практике.

Справедливости ради следует отметить, что к данной проблематике в самом начале ее развития в научном пространстве нашей страны раньше всего подошли ученые – сотрудники Института философии Российской академии наук, и именно их работы стали основой для развития многих важных направлений указанной проблемы. Затем, как уже было сказано выше, сформировались соответствующие научные направления в рамках нескольких научных столичных школ, представленных Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова и Финансовым университетом при Правительстве Российской Федерации, где был создан целый институт по изучению гражданского общества.

Период становления парадигмы взаимодействия государства и общества, процесс становления гражданского общества в России исследовался учеными с точки зрения развития его институциональной базы, с одной стороны. С другой стороны, активно обсуждались в научной среде правовые основания и законодательные вопросы деятельности данной институции, достаточно новой для того периода развития нового российского государства.

Несмотря на то обстоятельство, что, как это не парадоксально, инициатором развития институтов гражданского общества и повышения гражданской активно-

сти выступила действующая политическая власть и по своей сути данный процесс был, прежде всего, политическим, однако эстафету научных исследований от философов переняли правоведы и социологи, но никак не политологическое сообщество.

Таким образом, уже более чем двадцатилетняя история становления гражданского общества в Российской Федерации была фактически междисциплинарной, без особой активности со стороны ученых-политологов, не рассматривавших данный процесс как сугубо политический. За этот период развития гражданского общества в стране упрочились многие институты, которые сегодня являются оплотом гражданской активности и общественного контроля. И прежде всего речь идет об Общественной палате Российской Федерации и региональных общественных палатах в субъектах Российской Федерации.

Важнейшим и ценным источником информации для понимания состояния и проблем развития, а также необходимых векторов развития российского гражданского общества стали ежегодные Доклады Общественной палаты Российской Федерации о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. Показательно, что этот ежегодный доклад, а также региональные доклады общественных палат субъектов России стали главным публичным ежегодным мероприятием во многих регионах России.

При сказанном следует все же отметить, что в соответствии с действующим законодательством об Общественной палате Российской Федерации, региональных законов о региональных общественных палатах до 2020 г. сохранялась ограниченность их полномочий по отношению к органам государственного управления на федеральном и региональном уровнях. Данное обстоятельство работало аргументом для критиков данных общественных институтов.

Ситуация изменилась коренным образом в 2020 г. Парадигма взаимоотношений власти и общества столкнулась, пожалуй, впервые с растущими угрозами извне по отношению к социально-экономическому и политическому развитию страны и позволила мобилизовать свои ресурсы общественной активности.

Несомненно, к традиционным проблемам развития государства и общества сегодня добавились новые угрозы. В полной мере сказанное относится к Covid-19.

Так, в частности, в Докладе Общественной палаты Российской Федерации о состоянии гражданского общества за 2020 г. было сказано, что в условиях его распространения российские органы власти и управления вынуждены были одновременно решать несколько задач: 1) сохранение жизни и здоровья граждан в условиях пандемии; 2) наращивание сил и средств для оказания своевременной и качественной медицинской помощи; 3) решение социальных проблем граждан, оказавшихся в уязвимом положении; 4) обеспечение дальнейшего экономического развития, макроэкономической стабильности, государственно-политической устойчивости[1].

В этом же докладе обращается внимание на смену парадигмы взаимоотношений государства и общества – глубокое осознание ценности диалога.

Между тем отметим, что в этот сложный период (начало 2020 г.) объективно государство нуждалось в поддержке со стороны российского общества, которое не осталось в стороне.

Спустя совсем короткий период времени в России уже стал наблюдаться переход к модели общественно-государственного партнерства во имя решения наиболее острых, чувствительных проблем.

[1] Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2020 год. URL: http://report2020.oprf.ru/ (дата обращения: 20.05.2021).

Структуры гражданского общества стали активно привлекаться государством к выработке государственных решений по целому ряду направлений своего развития. Все больше законов сегодня принимается только после обязательной процедуры общественного обсуждения, которая в отдельных случаях достигает одного года или даже двух лет, как это было с законами об образовании и о полиции.

Российское общество на фоне возникающих кризисных ситуаций все больше стало демонстрировать солидарность в решении возникающих вопросов вследствие пандемии, проявляя все больше свою активность, в том числе при решении проблем регионального и локального (общинного) и индивидуального (человеческого) характера.

В этих процессах нельзя не отметить роль политической воли, политического диалога первых лиц российского государства, прежде всего Президента Российской Федерации.

Отметим, что сегодня новые тенденции во взаимодействии власти с гражданским обществом заданы, в первую очередь, активной позицией Президента Российской Федерации, его регулярными встречами с общественностью и обсуждаемыми на этих встречах острыми, насущными вопросами, важными для общества в целом и каждого гражданина России.

Очевидная открытость Президента России В. В. Путина к диалогу лишний раз демонстрирует его готовность решать возникаюшие проблемы и задавать соответствующую планку для всех уровней власти, способствуя формированию диалога с институтами гражданского общества на всех стадиях выработки решений. Так, в частности, Президент Российской Федерации в преддверии общероссийского голосования 2020 г. по внесению изменений в Основной закон страны отметил роль Общественной палаты Российской Федерации и предложил ей пять основных направлений деятельности[1].

Весомой оказалась роль Общественной палаты России в подготовке российского общества к голосованию за необходимые поправки в Основной Закон нашей страны – Конституцию Российской Федерации. В Общественную палату Российской Федерации были направлены свыше 1150 обращений и предложений граждан и организаций. В целом Общественной палатой России вместе с предложениями от региональных общественных палат было обработано и систематизировано свыше 2250 предложений и замечаний по предлагаемым поправкам. По итогам анализа и обобщения более 600 предложений были переданы в рабочую группу для реализации и обсуждения[2].

Общественная палата неоднократно рассматривала ключевой проект закона о поправках в Конституцию Российской Федерации, в результате было учтено 11 предложений Общественной палаты. Так, например, Общественной палатой было предложено внести поправку о поддержке институтов гражданского общества и обеспечении и усилении их роли в процессе разработки государственной политики.

Из года в год все больше активных граждан страны вовлечены в общественно значимые виды деятельности: волонтерство, добровольчество, благотворительность, формирование правосознания и нетерпимого отношения к коррупции и т. д. Закрепление на самом высоком

[1] Перечень поручений по итогам встречи 25.06.2020 с членами Общественной палаты (Пр -1395) от 1 сентября 2020 года. URL: http://www.kremlin.ru. (дата обращения: 20.05.2021).

[2] Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2020 год. URL: http://www.oprf.ru (дата обращения: 20.05.2021).

уровне – конституционном признания и уважения к такого рода деятельности, общественного служения говорит о зрелости власти и общественных институтов в стране.

Благодаря усилиям и активной работе над конституционными изменениями в 2020 г. Общественной палате Российской Федерации удалось реализовать множество направлений общественных запросов. Важнейшими среди них стали: территориальная целостность России как государства, защита семьи как цивилизационной ценности, информационная безопасность государства и личности и др.

В частности, реализована поправка о запрете отчуждения территорий Российской Федерации (закреплена в ч. 2.1 ст. 67 Конституции Российской Федерации, поправка о закреплении понятия «федеральных территорий» реализована в ч. 1 ст. 67 Конституции). Реализованы и другие поправки: о законодательном закреплении необходимости культурного наследия (ч. 4 ст. 68 Конституции); о сохранении исторической памяти и противодействии фальсификации истории (ч. 3 ст. 67.1 Конституции) и т. д.

Важнейшей конституционной поправкой стало закрепление нормы о защите института семьи и традиционных семейных ценностей, а также наделение Президента Российской Федерации обязанностями по обеспечению гражданского мира, межнационального и межрегионального согласия (п. «ж.1» ч. 1 ст. 72, п. «в» ч. 1 ст. 114, ч. 2 ст. 80 Конституции).

Общественная палата России при поддержке граждан реализовала поправку о разграничении полномочий между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации по информационной безопасности государства, общества, граждан[1].

Активное общественное участие на всех этапах подготовки и обсуждения поправок в Конституцию России стало залогом общенационального консенсуса вокруг обновленного Основного Закона Российской Федерации.

Роль Общественной палаты Российской Федерации во внесении конституционных поправок не завершилась в год принятия этих поправок (2020 году). Сразу после их принятия Общественная палата России была активно вовлечена в процесс законодательного оформления новых положений Конституции Российской Федерации.

В целом органами законодательной власти и исполнительной было подготовлено более ста поправок в соответствующие федеральные законы, в том числе федеральные конституционные законы.

Немаловажно, что на постоянной основе Общественной палатой России подготавливается независимая оценка регулирующего воздействия предлагаемых законодательных решений, позволяющий обеспечивать общественный контроль и тем самым формировать новый тип взаимодействия между властью и обществом в современной России в целях его развития.

Многое делается Общественной палатой в рамках реализации социальной политики в России посредством формирования прогнозов по состоянию социально-экономического положения российских граждан, качества жизни населения страны в целом.

Не осталось в стороне в процессе принятия новых поправок в Конституцию Российской Федерации волонтерское движение. Последнее пятилетие волонтерские программы реализуются на всех уровнях государственного строительства.

Как справедливо отмечают М. В. Тимец, Л. Р. Гибадулинова [15], эффективность деятельности волонтеров напрямую зависит от ее информационного сопровождения, что, в свою очередь, гарантируется положениями ст. 29 Консти-

[1] Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2020 год. URL: http://report2020.oprf.ru/ (дата обращения: 20.05.2021).

туции Российской Федерации – гарантиями свободы мысли и слова, недопустимость социальной, расовой, национальной пропаганды или агитации, религиозной ненависти или вражды.

В начале 2020 г. при непосредственной поддержке Центризбиркома России был создан Всероссийский общественный корпус «Волонтеры Конституции». Новая добровольческая организация, в деятельности которой приняло участие более 100000 человек по всей стране, приняла самое активное участие в информационно-просветительской работе по содержанию поправок, вносимых в главный закон страны – Конституцию Российской Федерации. Представительство «Волонтеров Конституции» было организовано во всех 85 субъектах Российской Федерации на более чем 3000 информационных точках.

Напомним, что именно Основной Закон нашей страны предоставляет возможность самовыражения в волонтерстве. С июля 2020 г., как отмечает Е. А. Паклина [16], поддержка волонтерскому движению в России стала осуществляться и на правительственном уровне, т. к. соответствующая поправка была внесена в Основной Закон страны.

Включение, прежде всего, молодых людей в добровольческую (волонтерскую) деятельность как одной из наиболее прогрессивных форм социальной активности в демократическом государстве и признание ее на самом высоком уровне – конституционном является актом исторического значения для российского государства, в который раз подтверждая его социальную направленность. В свою очередь, возможности реализации своей социальной активности российской молодежи позволяют решить ряд важных вопросов, связанных с комплексной реализацией стремлений личности действовать во благо общества и своего государства, формирование необходимых и социально значимых ценностных ориентаций и социального опыта [17].

Как отмечает И. В. Дорофеев, волонтерское движение – это средство для формирования активной социальной позиции молодого человека и признание молодыми людьми своей собственной значимости как полноправных членов российского общества [18, с. 70].

Следует также обратить внимание на важность использования при проведении конституционных реформ 2020 г. такого важного института, как общественные слушания. Отметим, что общественные (публичные) слушания стали неотделимым от демократической российской действительности элементом взаимодействия государственных органов власти и общественности, происходящие повсеместно, на федеральном и региональном уровнях, а также в интернет-пространстве.

Как действенный элемент общественного контроля общественные слушания [19] по конституционным поправкам 2020 г. проводились во всех регионах Российской Федерации.

Нами проведен анализ региональных практик организации общественных слушаний по конституционным поправкам 2020 г. Большая часть общественных слушаний была организована региональными общественными палатами, законодательными органами региональных властей и во многом удовлетворила информационные потребности российских граждан по разъяснению принимаемых конституционных поправок.

Важнейшим итогом такой слаженной информационной деятельности Общественной палаты Российской Федерации, «Волонтеров Конституции» стало принятие большинством голосов и результаты голосования, составившие 70,89% [20].

Выводы

Очевидно, что более чем двадцатилетний период становления и развития в России гражданского общества позволил сформировать необходимые институты гражданского общества и перейти в ста-

дию активного социально-политического процесса. В этой связи считаем, что политическая наука должна активизировать свои усилия в направлении исследований процессов развития взаимодействия государства, власти и институтов гражданского общества. Российское гражданское общество достигло такой стадии своего развития, когда можно говорить о формировании его интересов.

Главный же интерес российского общества исходит из того, что в России должно быть сильное гражданское общество. События последних лет продемонстрировали огромный потенциал российского гражданского общества.

Рост доверия государства и граждан к общественным институтам позволяет рассчитывать на внедрение эффективных практик общественных организаций и дальнейшую институализацию и развитие гражданского общества в Российской Федерации по разным направлениям – от гуманитарных и благотворительных до общественно-политических.

Список литературы

1. Устинович Е. С. Добровольческая деятельность (волонтерство) как направление социальной политики // Социальная политика и социальное партнерство. 2017. № 12. С. 5–12.

2. Устинович Е. С. «Электронное взаимодействие» граждан и власти (политико-правовой обзор)» // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 3. С. 11–15.

3. Устинович Е. С. Система взглядов и научных представлений относительно категории «гражданское общество» в российской правовой науке // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 3. С. 45–48.

4. Устинович Е. С. Политико-административное электронное взаимодействие власти и общества: теоретический аспект // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 1 (30). С. 126–133.

5. Огнева В. В. Общероссийская гражданская идентичность: актуальные проблемы формирования в условиях полиэтничности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2017. Т. 42, № 8. С. 177–181.

6. Цыбаков Д. Л. Молодежная политика современной России: приоритеты в условиях формирования гражданского общества // Государственная политика: Методология. Практика, направления совершенствования: материалы II Международной научно-практической конференции / под ред. П. А. Меркулова. Орел: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, 2017. С. 36–37.

7. Малик Е. Н., Голубинский Е. Ю., Костенко В. В. К вопросу о полноценной интеграции российской молодежи в политический процесс // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 3. С. 3–16.

8. Малик Е. Н. Специфика влияния СМИ на трансформацию политических ценностей и ориентаций российской молодежи // Социальная политика и социальное партнерство. 2020. № 10. С. 8–15.

9. Устинович Е. С., Подосинников Е. Ю., Железняков С. С. Некоммерческие организации как отражение региональных политических процессов (на примере Курской области, Севастополя и Республики Крым) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, № 2 (23). С. 95–100.

10. Секач М. Ф., Смульский С. В., Шевченко А. А. Политическое поведение индивида // Человеческий капитал. 2016. № 1 (85). С. 8–11.

11. Бочанов М. А. Роль интернет-технологий в расширении политической активности граждан // Материалы Всероссийской научной конференции РАПН / под ред. О. В. Гаман-

Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. М.: Российский университет дружбы народов, 2017. С. 54–55.

12. Никовская Л. И., Якимец В. Н. Особенности институтов и механизмов публичного взаимодействия власти и гражданского общества на муниципальном уровне (по результатам социологического исследования) // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт: сборник научных статей XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / редколл.: Н. В. Кефнер, Ю. В. Попова (отв. ред.) [и др.]. Омск: Омский гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского, 2020. С. 371–374.

13. Никовская Л. И. Особенности изменения формата взаимодействия власти и общества в контексте растущего запроса на перемены // Государственное управление: Россия в глобальной политике: материалы XVII Международной конференции. М.: ООО «Издательский дом КДУ»: Университетская книга, 2019. С. 448–453.

14. Грудцына Л. Ю. Народ, гражданское общество и государство: конституционно-правовой аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 6. С. 24–27.

15. Тимец М. В., Гибадулинова Л. Р. Конституционные основы волонтерской деятельности в Российской Федерации // Успехи в химии и химической технологии. 2015. № 5 (164). С. 82–84.

16. Паклина Е. А. Организация волонтерской деятельности в период пандемии COVID-19 // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. №4 (45). С. 130–135.

17. Костюченко М. О. Развитие социальной активности молодежи в процессе волонтерской деятельности // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2014. Т. 10, №3, ч. 2. С. 128–130.

18. Дорофеев И. В. Волонтерское движение как фактор развития социальной активности молодежи // Управление городом: теория и практика. 2020. № 2 (36). С. 70.

19. Демидов М. В. Общественные (публичные) слушания как форма осуществления общественного контроля // Марийский юридический вестник. 2017. № 1 (20). С. 29–32.

20. Макаренко К. М., Слатинов В. Б., Харин А. Н. Особенности общероссийского голосования по поправкам в Конституции РФ в региональном и федеральном измерении // The Newman in Foreign policy. 2021. № 58(102). С. 19–25.

References

1. Ustinovich E. S. Dobrovol'cheskaya deyatel'nost' (volonterstvo) kak napravlenie social'noj politiki [Voluntary activity (volunteering) as a direction of social policy]. *Social'naya politika i social'noe partnerstvo = Social policy and social partnership*, 2017, no. 12, pp. 5–12.

2. Ustinovich E. S. "Elektronnoe vzaimodejstvie" grazhdan i vlasti (politiko-pravovoj obzor) ["Electronic interaction of citizens and authorities (political and legal review)"]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State power and local self-government*, 2018, no. 3, pp. 11–15.

3. Ustinovich E. S. Sistema vzglyadov i nauchnyh predstavlenij otnositel'no kategorii "grazhdanskoe obshchestvo" v rossijskoj pravovoj nauke [The system of views and scientific ideas regarding the category "civil society" in Russian legal science]. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom = Civil society in Russia and abroad*, 2013, no. 3, pp. 45–48.

4. Ustinovich E. S. Politiko-administrativnoe elektronnoe vzaimodejstvie vlasti i obshchestva: teoreticheskij aspect [Political and administrative electronic interaction between the government and society: a theoretical aspect]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universi-*

teta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2019, vol. 9, no. 1 (30), pp. 126–133.

5. Ogneva V. V. Obshcherossijskaya grazhdanskaya identichnost': aktual'nye problemy formirovaniya v usloviyah polietnichnosti [All-Russian Civil Identity: actual problems of formation in the conditions of Polyethnicity]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta = Belgorod State University Scientific Bulletin*, *History. Political Science,* 2017, no. 8, pp. 177–181.

6. Cybakov D. L. [Youth policy of modern Russia: priorities in the conditions of formation of civil society]. *Gosudarstvennaya politika: Metodologiya. Praktika, napravleniya sovershenstvovaniya. Materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [State policy: Methodology. Practice, areas of improvement. Materials of the II International scientific and practical conference]; ed. by P. A. Merkulov. Orel, Central Russian Institute of Management branch of RANERA Publ., 2017, pp. 36–37. (In Russ.)

7. Malik E. N., Golubinskij E. Yu., Kostenko V. V. K voprosu o polnocennoj integracii rossijskoj molodezhi v politicheskij process [On the issue of full-fledged integration of Russian youth into the political process]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Izvestiya Tula State University*. *Humanities*, 2020, no. 3, pp. 3–16.

8. Malik E. N. Specifika vliyaniya SMI na transformaciyu politicheskih cennostej i orientacij rossijskoj molodezhi [The specifics of the media influence on the transformation of political values and orientations of Russian youth]. *Social'naya politika i social'noe partnerstvo = Social Policy and social Partnership*, 2020, no. 10, pp. 8–15.

9. Ustinovich E. S., Podosinnikov E. YU., Zheleznyakov S. S. Nekommercheskie organizacii kak otrazhenie regional'nyh politicheskih processov (na primere Kurskoj oblasti, Sevastopolya i Respubliki Krym). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2017, vol. 7, no. 2 (23), pp. 95–100.

10. Sekach M. F., Smul'skij S. V., Shevchenko A. A. Politicheskoe povedenie individa [Political behavior of an individual]. *Chelovecheskij capital = Human Capital*, 2016, no. 1 (85), pp. 8–11.

11. Bochanov M. A. [The role of Internet technologies in expanding the political activity of citizens]. *Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii RAPN* [Materials of the All-Russian scientific conference RAPN]; ed. by O. V. Gaman-Golutvina, L. V. Smorgunov, L. N. Timofeeva. Moscow, RUDN Univ. Publ., 2017, pp. 54–55.

12. Nikovskaya L. I., Yakimec V. N. [Features of institutions and mechanisms of public interaction between government and civil society at the municipal level (based on the results of a sociological study)]. *Razvitie politicheskih institutov i processov: zarubezhnyj i otechestvennyj opyt. Sbornik nauchnyh statej XI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* [Development of political institutions and processes: foreign and domestic experience. Collection of scientific articles of the XI All-Russian scientific and practical conference with international participation]; ed. by N. V. Kefner, Yu. V. Popova, eds. Omsk, Omsk St. Univ. Publ., 2020, pp. 371–374. (In Russ.)

13. Nikovskaya L. I. [Features of changing the format of interaction between government and society in the context of a growing demand for change]. *Gosudarstvennoe upravlenie: Rossiya v global'noj politike. Materialy XVII Mezhdunarodnoj konferencii* [Public Administration: Russia in Global Politics. Materials of the XVII International Conference]. Moscow, OOO "Izdatel'skij dom KDU", Universitetskaya kniga Publ., 2019, pp. 448–453. (In Russ.)

14. Grudcyna L. Yu. Narod, grazhdanskoe obshchestvo i gosudarstvo: konstitucionno-pravovoj aspekt [The people, civil society and the State: the constitutional and legal aspect].

Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013, no. 6, pp. 24–27.

15. Timec M. V., Gibadulinova L. R. Konstitucionnye osnovy volonterskoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii [Constitutional foundations of volunteer activity in the Russian Federation]. *Uspekhi v himii i himicheskoj tekhnologii = Success in Chemistry and Chemical Technology*, 2015, no. 5 (164), pp. 82–84.

16. Paklina E. A. Organizaciya volonterskoj deyatel'nosti v period pandemii COVID-19 [Organization of volunteer activities during the COVID-19 pandemic]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury = Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture*, 2020, no. 4 (45), pp. 130–135.

17. Kostyuchenko M. O. Razvitie social'noj aktivnosti molodezhi v processe volonterskoj deyatel'nosti [Development of social activity of young people in the process of volunteering]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = *Bulletin of the Voronezh State Technical University*, 2014, vol. 10, no. 3, pt. 2, pp. 128–130.

18. Dorofeev I. V. Volonterskoe dvizhenie kak faktor razvitiya social'noj aktivnosti molodezhi [Volunteer movement as a factor in the development of social activity of young people]. *Upravlenie gorodom: teoriya i praktika = City management: theory and practice*, 2020, no. 2 (36), pp. 70.

19. Demidov M. V. Obshchestvennye (publichnye) slushaniya kak forma osushchestvleniya obshchestvennogo kontrolya [Public (public) hearings as a form of public control]. *Marijskij yuridicheskij vestnik = Mari Legal Bulletin*, 2017, no. 1 (20), pp. 29–32.

20. Makarenko K. M., Slatinov V. B., Harin A. N. Osobennosti obshcherossijskogo golosovaniya po popravkam v konstitucii RF v regional'nom i federal'nom izmerenii [Features of the All-Russian vote on amendments to the Constitution of the Russian Federation in the regional and federal dimension]. *The Newman in Foreign policy*, 2021, no. 58 (102), pp. 19–25.

Информация об авторе / Information about the Author

Ермаков Владислав Геннадьевич, аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Среднерусский институт управления, г. Орел, Российская Федерация,
e-mail: vlad-kreml@yandex.ru

Vladislav G. Ermakov, Post-Graduate Student, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Central Russian Institute of Management, Orel, Russian Federation,
e-mail: vlad-kreml@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 323

Формирование государственной политики развития искусственного интеллекта в Российской Федерации

Б. В. Пикалов[1] ✉

[1]Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации
ул. Приборостроительная 35, г. Орёл 302015, Российская Федерация

✉ e-mail: inform@national.ru

Резюме

***Актуальность**. Информационные и цифровые технологии в XXI веке постоянно трансформируются, совершенствуются, предлагая все больше уникальных возможностей для развития государства и общества. Они уже стали частью государственного управления (электронное правительство, электронное государство) и неотъемлемой частью современного бизнеса. Запущены и активно реализуются стратегии национального развития России: «Национальная технологическая инициатива», «Информационное общество», «Цифровая экономика». Сегодня важнейшей задачей в условиях стремительного информационного развития российского государства и общества становится институционализация государственной политики развития искусственного интеллекта.*

***Цель исследования** – анализ состояния формирования политики государства развития искусственного интеллекта.*

***Задачами исследования** определены: во-первых, изучение состояния исследованности вопросов цифрового развития в политической науке; во-вторых, анализ законодательного обеспечения отношений, возникающих при формировании и развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации; в-третьих, формулирование выводов относительно институциализации государственной политики России в отношение развития искусственного интеллекта.*

В процессе исследования возможно также решение косвенных научных задач.

***Методология** научного исследования представляет собой сочетание общенаучных методов исследования и методов, присущих современной политической науке. Речь идет об использовании методов анализа и синтеза информации, интерпретации данных. Использован также метод правового анализа в качестве дополнительного для анализа действующего законодательства в области искусственного интеллекта.*

***Результаты.** Определен уровень разработанности вопросов информационного и цифрового развития российского государства и российского общества в современной политологической науке. Дана оценка уровню разработанности законодательного обеспечения государственной политики развития искусственного интеллекта в Российской Федерации, а также уровню институционализированности государственной политики развития искусственного интеллекта в России.*

***Вывод.** Проведенное исследование дает основание для однозначного вывода о начальной стадии институционализации государственной политики развития искусственного интеллекта в России.*

***Ключевые слова:** государственная политика; информационное развитие; цифровое развитие; искусственный интеллект; институционализация; законодательное обеспечение*

***Конфликт интересов:** Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи*.

Для цитирования: Пикалов Б. В. Формирование государственной политики развития искусственного интеллекта в Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 160–169.

Поступила в редакцию 01.07.2021 Принята к публикации 31.07.2021 Опубликована 30.08.2021

© Пикалов Б. В., 2021

State Policy for the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation

Boris V. Pikalov [1] ✉

[1]Academy of the Federal Security Service of the Russian Federation
35 Priborostroitelnay str., Orel 302015, Russian Federation

✉ e-mail: inform@national.ru

Abstract

Relevance. *Information and digital technologies in the 21st century are constantly transforming, improving, offering more and more unique opportunities for the development of the state and society. They have already become part of government (e-government, e-government) and an integral part of modern business. Strategies for the national development of Russia have been launched and are being actively implemented - the National Technology Initiative, the information society, the digital economy. Today, the most important task in the context of the rapid information development of the Russian state and society is the institutionalization of the state policy for the development of artificial intelligence.*

The purpose *of the study is to analyze the state of the formation of state policy on the formation and development of artificial intelligence.*

The objectives *of the research are determined: the study of the state of research of issues of digital development; an analysis of the legislative support of relations arising in the formation and development of artificial intelligence in the Russian Federation; the formulation of conclusions regarding the institutionalization of the state policy of Russia in relation to the development of artificial intelligence. In the process of research, it is also possible to solve indirect problems.*

The methodology *of scientific research is a combination of general scientific research methods and methods inherent in modern political science. We are talking about the use of methods of analysis and synthesis of information, data interpretation. The method of legal analysis was also used as an additional method for analyzing the current legislation in the field of artificial intelligence.*

Results. *The level of elaboration of issues of information and digital development of the Russian state and Russian society in modern political science has been determined. An assessment of the level of elaboration of the legislative support of the state policy for the development of artificial intelligence in the Russian Federation is given, of the level of institutionalization of the state policy for the development of artificial intelligence in Russia is given.*

Conclusion. *The conducted research provides a basis for an unambiguous conclusion about the initial stage of institutionalization of the state policy for the development of artificial intelligence in Russia.*

Keywords: *public policy; information development; digital development; artificial intelligence; institutionalization; legislative support.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Pikalov B. V. State Policy for the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(4): 160–169. (In Russ.)

Received 01.07.2021 Accepted 31.07.2021 Published 30.08.2021

***

Введение

Информационно-технологическое развития Российской Федерации за последние 30 лет прошло определенные стадии: от формирования единого информационного пространства в стране и информатизации до создания элементов электронного государства, цифровизации экономики и развития технологий искусственного интеллекта. Уже очевидно, что очередные ИТ-трансформации российского государства и общества происходят в среднем в течение пятилетнего срока.

В политической науке данные процессы отражены как период формирования информационной политики государства [1, с. 258–263; 2, с. 35–39; 3, с. 33–42], где в разные периоды развития ее

субъектами в зависимости от значимости, а также политического и общественного статуса выступали средства массовой информации (СМИ) [4, с. 8–15], органы государственной власти и управления (министерства и ведомства) [5, с. 12–16; 6, с. 33–36; 7, с. 3–5; 8, с. 42–47] и, собственно, сами информационно-коммуникационные и цифровые технологии.

Отдельные научные политологические изыскания справедливо посвящались теории и методологии информационной деятельности в политике и государственном управлении, информационной безопасности [9, с. 33–36; 10, с. 62–64; 11, с. 47–57], инновационным, основанным на ИКТ, методам и способам взаимодействия общества, государства и бизнеса [12, с. 45–48; 13, с. 17–22; 14, с. 80–85], а также проблематике развития идей сервисного государства в ИКТ-эпоху [15, с. 16–23; 16, с. 16–23], в том числе развитию электронного правительства, электронной системы предоставления государственных и муниципальных услуг [17, с. 86–88].

Современные политологические исследования информационного развития государства и общества во многом посвящаются цифровой экономике, воздействию цифровых технологий на отрасли хозяйственной деятельности [18, с. 11–17; 19, с. 25–40; 20, с. 7–18] и все больше в этой связи, становятся междисциплинарными – политэкономическими.

Методология

В настоящей статье использованы общенаучные методы анализа и синтеза информации. Проанализированы научные результаты, размещенные в научных статьях исследователей информационного развития государства и общества в политической науке России. Использован метод правового анализа в целях оценки уровня законодательного обеспечения государственной политики развития искусственного интеллекта в Российской Федерации.

Результаты и их обсуждение

Анализ научных публикаций политологической направленности показывает практическое отсутствие научных статей, тем более монографических исследований, посвященных искусственному интеллекту (далее – ИИ). Между тем можно однозначно считать, что именно данная технология способна существенно преобразить не только системы государственного управления, но и значительно повлиять на политические трансформации в современных государствах.

Особенность данного периода информационного развития всех государств мира, готовых к применению и уже использующих данную технологию, состоит в том, что изменения, которые способен произвести во всех сферах человеческой, общественной и государственной жизнедеятельности искусственный интеллект, во многом непредсказуем, недостаточно прогнозируем по состоянию на сегодняшний день, а следовательно, обладает значительными рисками для государства и общества при его внедрении. Именно данное обстоятельство отмечено в принятом в конце 2019 г. государственном документе стратегического характера – Национальной стратегии развития искусственного интеллекта в Российской Федерации до 2030 года (далее – Стратегия)[1].

В свою очередь, следует отметить, что на протяжении всей тридцатилетней истории развития Интернета в мире такого рода значительных и глобальных рисков не было отмечено. В этом состоит главная особенность данной технологии от предшествующих.

[1] О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года: указ Президента РФ от 10 окт. 2019 № 490. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 07.06.2021).

Само открытие Интернета в августе 1991 г. изначально оценивалось исследователями и практиками интернет-внедрения исключительно с положительной стороны. И только лишь спустя 20 лет сам основатель Интернета британский ученый Тим Бернерс-Ли[1] заявил о главном риске и главной проблеме, которые возникли вследствие развития Интернета – невозможность защитить персональные данные. Действительно, несмотря на то, что данный вид общественных отношений получил свое правовое регулирование во многих странах мира, в том числе в 2006 г. и в Российской Федерации, сегодня получен, например, огромный размах противоправных действий мошеннического характера с использованием персональных данных граждан с целью завладения их финансовыми средствами, имуществом, происходит посягательство на честь, достоинство и деловую репутацию, информационный буллинг и, как следствие, нарушаются информационные права граждан.

С уверенностью можно заявлять, что более половины срока информационного развития России как государства, органов государственного управления было посвящено вопросам информатизации – процессам формирования в России единого пространства информационного взаимодействия на основе ИКТ, компьютеризации министерств и ведомств, государственных учреждений, обеспечения профильных министерств и ведомств современным ПО и, что немаловажно, интернетизации домохозяйств, развития мобильных технологий в этом секторе общественно-государственной жизни. Одновременно актуальными стали (особенно с 2000-го г.) для России и российского общества, российских граждан вопросы информационной защищенности, информационной безопасности. В связи со сказанным однозначно можно сделать вывод о том, что государственная политика Российской Федерации развития искусственного интеллекта только-только начинает оформляться. Начало государственной политики развития искусственного интеллекта было положено, безусловно, политической волей и решениями высшего руководства нашей страны, а также принятым документом стратегического планирования – Национальной Стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года.

Отметим, что Стратегия закрепляет определение понятия искусственного интеллекта как «комплекса технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в котором в том числе используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений» (п. 5 «а» Стратегии).

Соответственно, «технологии искусственного интеллекта – технологии, основанные на использовании искусственного интеллекта, включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта» (п. 5 «б» Стратегии).

Немаловажно также отметить, что государство разделяет понятия «сильный» и «слабый» искусственный интеллект. Замена когнитивных способностей человека искусственным интеллектом будет характерна для «сильного» ИИ. Внедрение «слабого» ИИ уже происходит достаточно активно, что немаловажно в коммерческом секторе экономики прежде

[1] World Wide Web Foundation. URL: https://webfoundation.org/ (дата обращения: 07.06.2021).

всего. Так, в частности, это характерно для ведущих мировых маркетплейсов.

Отметим, что для использования ИИ в рамках решения задач государственного управления уже подготовлены необходимые базы данных и разработаны многие информационные системы. Профессиональные сообщества, деятельность которых непосредственно связана сегодня с цифровыми технологиями, на постоянной основе предоставляют оценки и аналитику по объемам информации и аналитических данных, необходимых для полноценного перехода на цифровые технологии, включая ИИ. Во многом это происходит в отраслевом разрезе. В качестве примера можно обратиться к аналитическим данным, представленным Россельхозбанком для сельскохозяйственной отрасли экономики.

По данным Центра развития финансовых технологий РСХБ России, объем данных, необходимый для хранения при переходе всех сельскохозяйственных компаний России на использование технологий искусственного интеллекта, составит более 200 петабайт[1]. Это на порядок выше объема данных в совокупности хранимого телекоммуникационными операторами и финансовыми учреждениями и тысячекратно превышает объем электронного хранилища крупнейшей в Европе библиотеки – Российской государственной библиотеки (162 терабайта, или примерно 3 млн цифровых книг)[2].

Национальная стратегия развития ИИ определяет основные направления, в том числе социального характера, развития и использования технологий искусственного интеллекта. В целом данные направления относятся как к исключительно утилитарным целям общественного, в том числе потребительского, характера, так и к целям эффективного планирования и прогнозирования социально-экономического развития страны и повышения качества разработки и принятия управленческих решений. Буквально, Стратегия под целями и задачами потребительского характера понимает «удовлетворенность потребителей, лояльность и направление им персонализированных предложений и рекомендаций, содержащих существенную информацию» (п. 20 Стратегии).

В социальной сфере выделяется 3 основных направления развития ИИ: медицинское обслуживание (диагностика, профилактика, оптимальные дозировки лекарственных препаратов, сокращение угроз числа пандемий и т. д.), образование (оптимизация профессиональной ориентации, управление талантами, автоматизация оценки качества знаний и анализа информации о результатах обучения) и система предоставления государственных и муниципальных услуг (снижение государственных затрат на их предоставление при одновременном повышении качества их предоставления.

Для того чтобы государственная политика была оформлена институционально, необходимо соответствующее законодательное обеспечение. По состоянию на 2021 г. такое законодательство находится в стадии своей разработки. На данном этапе употребляется термин «экспериментальный правовой режим» в единственном федеральном законе, принятом в отношении использования ИИ в г. Москве (сроком на 5 лет)[3].

[1] Расчет основан на данных о поголовье скота и общем фонде пахотных земель России.

[2] Центр развития финансовых технологий РСХБ оценил объем данных, которые необходимо будет хранить при переходе АПК на технологии искусственного интеллекта. URL: https://www.rshb.ru/news/412887/ (дата обращения: 10.06.2021).

[3] О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона от 24 апреля 2020 г.

Как уже было сказано выше, основным предметом регулирования в законе стал вопрос новых оснований для обработки обезличенных персональных данных без согласия лица, персональные данные которому принадлежат. Таким образом, федеральный закон «тестирует» данную цифровую возможность использования персональных данных в целях повышения эффективности государственного или муниципального управления. Названный правовой режим предполагается к использованию, в частности, в медицинской сфере (состояние здоровья, инвалидность, медицинский диагноз и т. д.). Однако закон не устанавливает субъектов пользования обезличенными персональными данными. Тем не менее, очевидно, что речь идет об органах государственной власти и местного самоуправления.

В связи с тем, что регулирование названного федерального закона в значительной степени связано с использованием персональных данных, можно утверждать, что в состав законодательного обеспечения развития искусственного интеллекта в Российской Федерации «системообразующим» становится федеральный закон о персональных данных 2006 г. [1]

Экспериментальный правовой режим использования искусственного интеллекта в г. Москве уже действует более года (с 1 июля 2020 г.). В условиях одновременно распространившейся пандемической ситуации с COVID-19 появилась возможность его применения в рамках субъекта Российской Федерации, столице нашего государства и одновременно одного из самых больших мегаполисов мира. Использование экспериментального правового режима позволяет ввести необходимый социальный мониторинг, в частности переболевших COVID-19, тем самым предупреждая негативные последствия в целом для населения города при несоблюдении требований профилактического медицинского характера.

Уже сегодня, однако, становится очевидно, что стремление все активнее использовать преимущества ИИ требует снятия возникающих барьеров, каковым сегодня является в том числе нормативно-правовой барьер вследствие его неразработанности. Основная правовая задача, в свою очередь, – обеспечение правовыми средствами доступа к информации. В частности, речь идет о мероприятиях, устанавливающих порядок обезличивания персональных данных в статистических, аналитических, исследовательских и иных целях.

Проблемным остается применение технологий ИИ в политической сфере общества, особенно в период избирательных кампаний. Ни одно из государств мира пока не отработало технологии ИИ в своей политической сфере. Недостаточно пока еще, в целом, политической аналитики. Особенностью применения ИИ в политике станет его применение «снизу вверх» при обработке множества источников данных об избирателях и соответствующей аналитики. Однако важнейшее направление использования ИИ для политической системы – политико-административное. Искусственный интеллект способен взять на себя функции оптимизации и, соответственно, повышения эффективности взаимодействия граждан и бизнеса со служащими государственных учреждений. Это также относится к контрольным и надзорным функциям в системе государственного управления и т.д.

Достижение современными развитыми государствами лидирующих позиций в применении искусственного интеллекта в рамках национальных экономик, общественно-политической сфере, про-

№ 123-ФЗ «О персональных данных». URL: https://rg.ru/2020/04/28/tehnologii-dok.html (дата обращения: 10.06.2021).

[1] О персональных данных: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ. URL: http:// www. consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_ 61801/ (дата обращения: 10.06. 2021).

мышленности, науке рассматривается в качестве заявки на глобальное доминирование. Как отметил Президент России В. В. Путин на одном из совещаний по вопросам развития технологий в области искусственного интеллекта, «это действительно одно из ключевых направлений технологического развития, которые определяют и будут определять будущее всего мира… Если кто-то сможет обеспечить монополию в сфере искусственного интеллекта, …тот станет властелином мира» [21].

Выводы

Таким образом, проведенный анализ демонстрирует начальную стадию формирования государственной политики развития искусственного интеллекта в Российской Федерации. Однако уже определены направления и цели развития искусственного интеллекта и делаются первые шаги в регулировании таких отношений. Нет сомнений в скорой институционализации данного вида государственной политики, цели которой обозначены Стратегией до 2030 года.

Список литературы

1. Крылов А. А. Информационное развитие современной России: от «информатизации» к «цифровизации» // Информационное развитие России: состояние, тенденции и перспективы: сборник научных статей Международной научно-практической конференции. Орел: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, 2018. С. 258–263.

2. Крылов А. А. Политический курс на цифровизацию экономики России как фактор социальных изменений в обществе // Социальная политика и социальное партнерство. 2017. № 11. С. 35–39.

3. Устинович Е. С. Цифровая экономика и новая социальная доктрина // Социальная политика и социальное партнерство. 2017. № 7. С. 33–42.

4. Малик Е. Н. Специфика влияния СМИ на трансформацию политических ценностей и ориентаций российской молодежи // Социальная политика и социальное партнерство. 2020. № 10. С. 8–15.

5. Устинович Е. С. Источники, методы и средства информационной деятельности органов государственной власти Российской Федерации // Информационное право. 2007. № 3 (10). С. 12–16.

6. Устинович Е. С. Информационная деятельность федеральных органов исполнительной власти как специальный объект правового регулирования // Юридический мир. 2009. № 4 (148). С. 33–36.

7. Устинович Е. С. Вопросы методологии информационной деятельности в государственном управлении // Информационное право. 2010. № 3. С. 3–5.

8. Устинович Е. С. О концепции информационной деятельности в государственном управлении // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. № 33 (90). С. 42–47.

9. Королев В. И., Титов В. Б., Шевченко А. В. Показатель безопасности внедрения информационных технологий (к обоснованию устойчивости цифрового суверенитета России) // Информационные войны. 2019. № 1 (49). С. 80–85.

10. Шевченко А. В. Коммуникативный аудит политической сферы // Медиа- и межкультурная коммуникация в европейском контексте: материалы Международной научно-практической конференции. Ставрополь: Северо-Кавказский федер. ун-т, 2014. С. 62–64.

11. Шевченко А. В., Титов В. Б. Механизмы обеспечения становления и устойчивого развития цифровой экономики в процессе реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Стратегическое управление в сфере национальной безопасно-

сти России: обеспечение национальных интересов в условиях интеллектуализации экономики: материалы Шестой Всероссийской научно-практической конференции. М.: Проспект, 2019. С. 47–57.

12. Устинович Е. С. Массовое информирование в системе информационной деятельности федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации // Административное право и процесс. 2010. № 1. С. 3–13.

13. Устинович Е. С. Формирование единого информационного пространства взаимодействия власти, бизнеса и общества // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 45 (180). Спец. вып. С. 17–22.

14. Устинович Е. С. Система взглядов и научных представлений относительно категории «гражданское общество» в российской правовой науке // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 3. С. 45–48.

15. Устинович Е. С., Новикова Т. П. Современные теории государственного управления: основные концепции и их характеристики // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 9. С. 16–23.

16. Устинович Е. С. Подходы к совершенствованию законодательства об информационной деятельности в государственном управлении // Административное право и процесс. 2011. № 4. С. 21–24.

17. Устинович Е. С. Государственные информационные услуги // Государство и право. 2008. № 10. С. 86–88.

18. Устинович Е. С., Железняков С. С. Определение политических критериев мониторинга социально-экономического развития субъектов РФ: постановка проблемы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2015. № 2. С. 11–17.

19. Kuvayeva Yu. V. Digital economy: concepts and Russia's readiness to transition // Journal of the Ural State University of Economics. 2019. Vol. 20, No. 1. P. 25–40.

20. Yudina T. N. Digital segment of the real economy: digital economy in the context of analog economy // St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics. 2019. vol. 12, No. 2. P. 7–18.

21. Совещание по вопросам развития технологий в области искусственного интеллекта. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/60630 (дата обращения: 10.06.2021).

References

1. Krylov A. A. [Information development of modern Russia: from "informatization" to "digitalization"]. Informacionnoe razvitie Rossii: sostoyanie, tendencii i perspektivy. Sbornik nauchnyh statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Information Development of Russia: status, trends and prospects. Collection of scientific articles of the International scientific and Practical Conference]. Orel, Central Russian Institute of Management branch of RANERA Publ., pp. 258–263. (in Russ.)

2. Krylov A. A. Politicheskij kurs na cifrovizaciyu ekonomiki Rossii kak faktor social'nyh izmenenij v obshchestve [The political course on digitalization of the Russian economy as a factor of social changes in society]. *Social'naya politika i social'noe partnerstvo = Social Policy and social Partnership*, 2017, no. 11, pp. 35–39.

3. Ustinovich E. S. Cifrovaya ekonomika i novaya social'naya doktrina [Digital economy and the new social doctrine]. *Social'naya politika i social'noe partnerstvo = Social Policy and Social Partnership*, 2017, no. 7, pp. 33–42.

4. Malik E. N. Specifika vliyaniya SMI na transformaciyu politicheskih cennostej i orientacij rossijskoj molodezhi [The specifics of the media influence on the transformation of political

values and orientations of Russian youth]. *Social'naya politika i social'noe partnerstvo = Social Policy and social Partnership*, 2020, no. 10, pp. 8–15.

5. Ustinovich E. S. Istochniki, metody i sredstva informacionnoj deyatel'nosti organov gosudarstvennoj vlasti Rossijskoj Federacii [Sources, methods and means of information activity of state authorities of the Russian Federation]. *Informacionnoe pravo = Information law*, 2007, no. 3 (10), pp. 12–16.

6. Ustinovich E. S. Informacionnaya deyatel'nost' federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti kak special'nyj ob"ekt pravovogo regulirovaniya [Information activity of federal executive authorities as a special object of legal regulation]. *Yuridicheskij mir = Legal World*, 2009, no. 4 (148), pp. 33–36.

7. Ustinovich E. S. Voprosy metodologii informacionnoj deyatel'nosti v gosudarstvennom upravlenii [Questions of methodology of information activity in public administration]. *Informacionnoe pravo = Information law*, 2010, no. 3, pp. 3–5.

8. Ustinovich E. S. O koncepcii informacionnoj deyatel'nosti v gosudarstvennom upravlenii [About the concept of information activity in public administration]. *Nacional'nye interesy: prioritety i bezopasnost' = National interests: priorities and security*, 2010, no. 33(90), pp. 42–47.

9. Korolev V. I., Titov V. B., Shevchenko A. V. Pokazatel' bezopasnosti vnedreniya informacionnyh tekhnologij (k obosnovaniyu ustojchivosti cifrovogo suvereniteta Rossii) [The indicator of the security of the introduction of information technologies (to substantiate the stability of the digital sovereignty of Russia)]. *Informacionnye vojny = Information wars*, 2019, no. 1 (49), pp. 80–85.

10. Shevchenko A. V. [Communicative audit of the political sphere]. *Media- i mezhkul'turnaya kommunikaciya v evropejskom kontekste. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Media and intercultural communication in the European context. Materials of the International scientific and practical conference]. Stavropol', Nort-Caucasus Federal St. Univ. Publ., 2014, pp. 62–64. (In Russ.)

11. Shevchenko A. V., Titov V. B. [Mechanisms for ensuring the formation and sustainable development of the digital economy in the process of implementing the program "Digital Economy of the Russian Federation"]. *Strategicheskoe upravlenie v sfere nacional'noj bezopasnosti Rossii: obespechenie nacional'nyh interesov v usloviyah intellektualizacii ekonomiki. Materialy Shestoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Strategic management in the field of national security of Russia: ensuring national interests in the conditions of intellectualization of the economy. Materials of the Sixth All-Russian scientific and practical conference]. Moscow, Prospekt Publ., 2019, pp. 47–57. (In Russ.)

12. Ustinovich E. S. Massovoe informirovanie v sisteme informacionnoj deyatel'nosti federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti Rossijskoj Federacii [Mass informing in the system of information activity of federal executive authorities of the Russian Federation]. *Administrativnoe pravo i process = Administrative law and process*, 2010, no. 1, pp. 3–13.

13. Ustinovich E. S. Formirovanie edinogo informacionnogo prostranstva vzaimodejstviya vlasti, biznesa i obshchestva [Formation of a unified information space for interaction between government, business and society]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional economy: theory and practice*, 2010, no. 45 (180), Spec. vyp., pp. 17–22.

14. Ustinovich E. S. Sistema vzglyadov i nauchnyh predstavlenij otnositel'no kategorii "grazhdanskoe obshchestvo" v rossijskoj pravovoj nauke [The system of views and scientific ideas regarding the category "civil society" in Russian legal science]. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom = Civil society in Russia and abroad*, 2013, no. 3, pp. 45–48.

15. Ustinovich E. S., Novikova T. P. Sovremennye teorii gosudarstvennogo upravleniya: osnovnye koncepcii i ih harakteristiki [Modern theories of public administration: basic concepts

and their characteristics]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State power and local self-government*, 2011, no. 9, pp. 16–23.

16. Ustinovich E. S. Podhody k sovershenstvovaniyu zakonodatel'stva ob informacionnoj deyatel'nosti v gosudarstvennom upravlenii [Approaches to improving the legislation on information activities in public administration]. *Administrativnoe pravo i process = Administrative law and process*, 2011, no. 4, pp. 21–24.

17. Ustinovich E. S. Gosudarstvennye informacionnye uslugi [State information services]. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2008, no. 10, pp. 86–88.

18. Ustinovich E. S., Zheleznyakov S. S. Opredelenie politicheskih kriteriev monitoringa social'no-ekonomicheskogo razvitiya sub"ektov RF: postanovka problem [Definition of political criteria for monitoring the socio-economic development of the subjects of the Russian Federation: problem statement]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Managment*, 2015, no. 2, pp. 11–17.

19. Kuvayeva Yu. V. Digital economy: concepts and Russia's readiness to transition. *Journal of the Ural State University of Economics*, 2019, vol. 20, no. 1, pp. 25–40.

20. Yudina T. N. Digital segment of the real economy: digital economy in the context of analog economy. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*, 2019, vol. 12, no. 2, pp. 7–18.

21. Soveshchanie po voprosam razvitiya tekhnologij v oblasti iskusstvennogo intellekta [Meeting on the development of technologies in the field of artificial intelligence]. Available at: http://kremlin.ru/events/president/news/60630. (accessed 10.06.2021)

Информация об авторе / Information about the Author

Пикалов Борис Викторович, кандидат исторических наук, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, г. Орёл, Российская Федерация, e-mail: inform@national.ru

Boris V. Pikalov, Candidate of Historical Sciences, Academy of the Federal Security Service of the Russian Federation, Orel, Russian Federation, e-mail: inform@national.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 327

Религиозный фактор в международных отношениях стран Юго-Восточной Азии

В. М. Кузьмина[1] ✉

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail kuzmina-violetta@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Страны Юго-Восточной Азии на современной мировой арене представляют собой не только источник развивающейся экономики, но и источник конфликтности на территории Азии в связи с трансформацией и политизацией исламского движения и проникновения идей «Исламского государства» в социально незащищенные слои населения, чем активно пользуются политики для достижения своих целей, в том числе внешнеполитического характера.*

Цель *– рассмотреть динамику международного сотрудничества стран Юго-Восточной Азии с учетом религиозного фактора и определить стратегические направления данного взаимодействия.*

Задачи: *охарактеризовать традиционные направления международных отношений стран Юго-Восточной Азии; провести анализ проявлений политизации ислама во внешнеполитическом курсе стран Юго-Восточной Азии; рассмотреть динамику этнополитических конфликтов на территории Юго-Восточной Азии и показать их связь с группировкой «Исламское государство».*

Методология. *Метод сравнительного анализа применялся для сравнения внешней политики стран Юго-Восточной Азии; метод системного анализа позволил исследовать взаимосвязь отдельных социально-духовных и политических факторов с общей тенденцией роста влияния мусульманского фактора на внешнюю политику стран Юго-Восточной Азии.*

Результаты. *В результате анализа внешнеполитических стратегий стран Юго-Восточной Азии было доказано, что Индонезия и Малайзия испытывают сильное влияние мусульманского фактора не только во внутренней, но и внешней политике, что влечет за собой распространение радикального исламизма и терроризма, угрожающего экономическому росту региона и вызывающего тем самым обеспокоенность таких крупных игроков, как США, Китай и Россия.*

Выводы. *Мусульманский фактор с недавнего времени стал определяющим в политике стран Юго-Восточной Азии, особенно Малайзии и Индонезии, провозгласившими себя «лидерами мусульман». На этой политической основе была продолжена работа по острой критике стран США и Запада, однако в своем желании побороться за лидерство в Азиатско-Тихоокеанском регионе страны Юго-Восточной Азии не одиноки, с ними в этой борьбе за лидерство участвуют Пакистан, Иран и Саудовская Аравия.*

Ключевые слова: *Юго-Восточная Азия; Индонезия; Малайзия; региональные конфликты; радикальный исламизм; США; мусульманский фактор.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи*.

Для цитирования: Кузьмина В. М. Религиозный фактор в международных отношениях стран Юго-Восточной Азии // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 170–180.

Поступила в редакцию 22.06.2021 Принята к публикации 27.07.2021 Опубликована 30.08.2021

© Кузьмина В. М., 2021

Religious Factor in International Relations of the Countries of Southeast Asia

Violetta M. Kuzmina [1] ✉

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail kuzmina-violetta@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The countries of Southeast Asia in the modern world arena are not only a source of a developing economy, but also a source of conflict in Asia due to the transformation and politicization of the Islamic movement and the penetration of the ideas of the "Islamic State" into socially unprotected segments of the population, which is actively used by politicians to achieve their goals, including those of a foreign policy nature.*

Purpose. *is to consider the dynamics of international cooperation between the countries of Southeast Asia, taking into account the religious factor and determine the strategic directions of this interaction.*

Objectives: *to characterize the traditional directions of international relations of the countries of Southeast Asia; to analyze the manifestations of the politicization of Islam in the foreign policy of the countries of Southeast Asia; to consider the dynamics of ethnopolitical conflicts in Southeast Asia and to show their connection with the Islamic State group.*

Methodology. *The comparative analysis method was used to compare the foreign policy of the Southeast Asian countries; the method of systems analysis made it possible to investigate the relationship of individual socio-spiritual and political factors with the general tendency of an increase in the influence of the Muslim factor on the foreign policy of the Southeast Asian countries.*

Results. *As a result of the analysis of the foreign policy strategies of the Southeast Asian countries, it was proved that Indonesia and Malaysia are experiencing the strongest influence of the Muslim factor not only in domestic but also foreign policy, which entails the spread of radical Islamism and terrorism, which threatens the economic growth of the region and thus causes concern for such major players like the USA, China and Russia.*

Conclusions. *The Muslim factor has recently become a determining factor in the policy of the Southeast Asian countries, especially in Malaysia and Indonesia, which have made their choice between the United States and Western countries and consistent criticism of the policies of Western countries that is obligatory for the potential "leader of Muslims of the whole world". But the struggle for leadership in the Islamic world is only unfolding with renewed vigor, and Pakistan, Iran and Saudi Arabia have entered this struggle.*

Keywords: *Southeast Asia; Indonesia; Malaysia; regional conflicts; radical Islamism; USA; Muslim factor.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kuzmina V. M. Religious Factor in International Relations of the Countries of Southeast Asia. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(4): 170–180. (In Russ.)

Received 22.06.2021 Accepted 27.07.2021 Published 30.08.2021

***

Введение

Территория Юго-Восточной Азии – это значимая часть для всех мусульман в Азиатско-Тихоокеанском регионе (далее – АТР), поскольку именно здесь проживает значительная часть представителей ислама (из 650 млн чел. 260 млн – это последователи ислама). Преимущественно они проживают на Малайском архипелаге и Малакке, в Индонезии и Малайзии. Также последователи ислама неравномерно расселены по территориям Сингапура, Мьянмы, Филиппин, Таиланда. Процент людей, относящих себя к мусульманам, колеблется от 5 до 14. Менее всего ис-

ламский мир представлен в Камбодже, Тиморе-Лешти, Вьетнаме, Лаосе.

Постоянные конфликты на этнорелигиозной почве, а также перемещение на территорию ЮВА центра движения «Исламское государство» заставляют нас говорить о значимой роли мусульманского фактора во внешней политике стран ЮВА. Попытки радикальных экстремистов переманить на свою сторону большинство мусульман пока еще не увенчались успехом из-за гарантированной стабильности в регионе, которую предоставляют власти, пресекая проявления национализма и экстремизма среди мусульман. Но большинство мусульман, проживающих на территории Индонезии, Малайзии, относятся негативно к религиозному экстремизму, поскольку это нарушает внутреннюю социально-экономическую и политическую стабильность в регионе.

Целью исследования было изучение динамики международного сотрудничества стран Юго-Восточной Азии с учетом религиозного фактора, а также определение стратегических на-правлений данного взаимодействия.

Отечественные исследователи рассматривают во взаимосвязи внешнеполитический курс стран Юго-Восточной Азии и их положение на международной арене (Е. С. Мартынова [1], Н. П. Малетин [2], С. В. Михневич [3], Е. А. Канаев [4], К. А. Ефремова [5]). Как принято в отечественной историографии, любая проблема рассматривается во взаимосвязи между экономическими, политическими и внешнеполитическими направлениями развития страны. Отечественные исследователи дают свою оценку происходящим современным событиями с учетом прошлого исторического опыта развития стран ЮВА.

Для западной и азиатской историографии характерен совершенно иной подход к исследованию международной проблематики.

Китайские исследователи Linhui Yu, Dan Zhao, Haixia Niu, Futao Lu [6], Nam Foo, Hooi Hooi Lean, Ruhul Salim [7] в своих научных работах доказали, что экспортный потенциал Китая в страны «Пояса и пути» значительно вырос после начала инициативы китайского правительства в рамках концепции «Один пояс – один путь», особенно в отношении экспорта продукции в капиталоемких отраслях.

Исламский фактор имеет место быть в исследованиях зарубежных авторов, но чаще всего они его связывают с нарушением прав и свобод граждан стран ЮВА, особенно женщин. Тем не менее есть немногочисленные исследования, в которых доказано, что исламизация региона является хорошей базой для распространения терроризма. Так, исследование Chih Yuan Woon [8] показало, что формирование терроризма на Филиппинах позволило правительству манипулировать страхом, чтобы оправдать свои деструктивные стратегии. Kamaruzaman Yusoff делает вывод, что этническая принадлежность, фанатизм играют значимую роль в реализации внешнеполитического и внутриполитического курса в Малайзии, особенно среди мусульманского правительства, которое поддерживается также мусульманским населением [9]. В начале XXI в. проблема распространения радикального исламизма и терроризма на территории стран ЮВА была актуальна среди исследователей, особенно после событий 11 сентября 2000 г. (K. Armstrong [10], E. Hamid [11], V. Hooker, A. Saikal [12], Muhammad Mumtaz Ali [13], C. Rubenstein [14], S. Sayyid [15], Shahrom Sulaiman [16]).

Методология

Методологической основой исследования являются всесторонний подход к анализу объекта и предмета исследования, рассмотрение изучаемых явлений в динамике с учетом совокупности правовых и исторических научных фактов.

Метод сравнительного анализа применялся для сравнения внешней политики стран ЮВА в разные периоды. Метод системного анализа позволил исследовать взаимосвязь отдельных социально-духовных и политических факторов с общей тенденцией роста влияния мусульманского фактора на внешнюю политику стран ЮВА.

Результаты и их обсуждение

Население Юго-Восточной Азии относится к традиционным обществам, которые сумели сохранить свою культуру в современном мире. Среди всех государств ЮВА именно Индонезия, а вслед за ней и Малайзия, Бруней и ряд других государств Юго-Восточной Азии относятся к той категории государств, в которых мусульманство является преобладающим и оказывающим влияние на внешнюю политику страны. Социальные слои, особенно наименее защищенные, не видят другого пути изменения своей жизни, кроме как обращение к религии, и исламский радикализм не является исключением. Поэтому политическая оппозиция организует и направляет деятельность исламских движений и организаций. В конце XX в. никто всерьез не говорил об исламском факторе в политике стран ЮВА, но уже с начала нового тысячелетия исследователи и политики всерьез об этом заговорили как о решающей силе в выборе внешнеполитической и внутриполитической стратегии отдельных стран.

Несмотря на то, что в странах ЮВА последователей ислама разное количество, тем не менее правительства этих стран, в особенности Индонезии и Малайзии, реагируют на происходящие вокруг них международные события поразному. Вместе с тем это не мешает экспертам мировой политики считать Индонезию и Малайзию оплотом мусульманского мира в Азии. В период правления Сухарто в Индонезии исламский радикализм не получил никаких властных привилегий, и более того, президент страны приложил все усилия, чтобы не нарушать светского характера власти. В свою очередь, в Малайзии премьер-министр Махатхир Мохаммад, чтобы не осложнять отношения с мусульманским большинством, приложил все усилия для контролирования внутри- и внешнеполитической обстановки, и именно такая жесткая позиция премьер-министра позволила не допустить к власти исламских радикалов.

Руководители таких стран, как Сингапур, Таиланд и Филиппины, вообще проводили светский внешне- и внутриполитический курс, однако это вызвало недовольство исламистов, заявивших, что в этих странах мусульмане угнетены и нуждаются в большей реализации своих прав и свобод.

В 1970-80-е гг. главной опасностью правители стран ЮВА видели коммунистическую угрозу, рост влияния коммунистических повстанцев, не замечая рост влияния исламского радикализма. Но с начала XXI в. акценты в осознании реальных угроз для внутриполитической и экономической стабильности в регионе изменились. Начиная с этого времени мусульманский фактор все чаще стал о себе заявлять как реальная сила во внешнеполитическом курсе стран ЮВА.

У правительства Сингапура не сложились отношения с мусульманской диаспорой, куда входят малайцы. Для Сингапура важнее отношения с США, с другими странами, поэтому правительство долгое время не замечало растущего влияния мусульман и радикального исламизма в регионе.

После крушения 30-летнего режима Сухарто в 1998 г. в Индонезии произошла политизация ислама. Последующие президенты Индонезии – Бурхануддин Хабиби и Абдурахман Вахид – были мусульманскими богословами и вся внешняя политика страны в этот период была построена с учетом интересов исламских радикалов. Особое влияние на президен-

тов оказывали представители «Надхатул Улама» – мусульманской организации, отличающейся радикальными взглядами.

Мусульманские организации активно продвигают в правящую элиту своих представителей, чтобы обеспечить себе доступ к контролю над внутри- и внешнеполитической ситуацией в стране и за ее пределами. В Малайзии в 2003 г. премьер-министром стал богослов в третьем поколении, знающий и почитающий Коран, Абдулла Бадави, что повлекло за собой открытую политическую борьбу между ОМНО (Объединенной Малайской национальной организацией) и ПАС (Parti Islam Semalaysia).

В некоторых странах ЮВА, где американский фактор при выборе внешнеполитического курса был определяющим, теперь правительство столкнулось с проблемой возросшего влияния мусульманского фактора. Такая ситуация сложилась в Таиланде. Там стали происходить волнения мусульман и власти для их успокоения, вопреки желаниям США, вывели свой контингент солдат из Ирака. В 2006 г. президент Индонезии Юдхойоно объяснил президенту США Джорджу Бушу в Джакарте, что проблемы надо решать с учетом мусульманского фактора в геополитике. Президент Филиппин Глорию Арройо выразил обеспокоенность за филиппинцев, работающих в странах Ближнего Востока, и также вывел своих солдат из Ирака.

Все эти примеры свидетельствуют о росте влияния мусульманского фактора при выборе внешнеполитического курса страны. Мусульмане Индонезии и Малайзии считают необходимым вмешиваться в процессы, происходящие в странах Ближнего и Среднего Востока, тем самым доказывая мировому сообществу необходимость защиты интересов ислама на мировой арене.

На примере арабо-израильского конфликта можно показать, как «примеряли» на себя роль мирового посредника в мусульманском мире. В Ливан были отправлены подразделения миротворцев ООН из мусульманских представителей Куала-Лумпура, Индонезии, Малайзии и Брунея. К тому же эти страны обязались привлечь для миротворческих целей из своих армий не менее 2 тыс. военнослужащих.

Министр иностранных дел Малайзии Сайед Хамид Албар в самом эпицентре конфликта между Израилем и Ливаном принял решение о поставках оружия движению «Хезболлах» с целью защитить их от израильского вторжения.

«Расцвет» активного вмешательства Индонезии в миротворческие процессы среди стран Ближнего и Среднего Востока приходится на тот период, когда с 1 января 2007 г. Индонезия стала временным членом Совета Безопасности ООН на два года. За это время представители страны в СБ ООН, во-первых, подготовили документ «Заявление председателя Совета Безопасности ООН по Ближнему Востоку, включая Палестину»; во-вто-рых, провели в Джакарте Международный форум парламентариев мусульманских стран. Под эгидой Индонезии регулярно собирались представители 28 государств, преимущественно мусульманских, для обсуждения палестинского вопроса. Министр иностранных дел Индонезии Хасан Вираюда при каждом удобном внешнеполитическом моменте заявлял о готовности страны быть посредником в решении палестинской проблемы, но Саудовская Аравия не желала видеть в своей «зоне влияния» новых посредников и быстро перехватила эту инициативу, поскольку ей реально удалось провести переговоры между главами ХАМАС и ФАТХ в Мекке.

Индонезия как мусульманская страна также предложила свои услуги посредника при решении трудностей в ирано-американских отношениях, но президент Ирана Ахмадинежад отказался рассматривать такой миротворческий порыв со стороны Индонезии.

Такая активность Индонезии не могла остаться незамеченной, и президент Пакистана Первез Мушарраф увидел в лице Индонезии и Малайзии реальный силовой противовес влиянию США на страны Ближнего и Среднего Востока, чтобы убедиться в изменившейся геополитической ситуации Мушарраф, лично посетил эти страны. Итогом таких встреч Юдхойоно и Мушаррафа в Джакарте стало предложение о созыве международной мусульманской конференции.

Президент Юдхойоно написал обращение к лидерам «Нахдатул Улама» и «Мухаммадия», крупнейших в стране мусульманских организаций, имеющих в своих рядах десятки миллионов членов, с просьбой участвовать в данном мероприятии. Мушарраф, Юдхойоно и Бадави (президент Малайзии) совместными усилиями предложили несколько инициатив, которые президент Пакистана задумал изучить и согласовать с Абдуллой, королем Саудовской Аравии.

Сам факт того, что азиатские государства предлагают миротворческие планы для государств Ближнего и Среднего Востока, вызвало недовольство Саудовской Аравии. Организация Исламская конференция (ОИК) на мероприятиях в Джакарте и Куала-Лумпуре ставила вопрос о месте и роли неарабских государств в решении тех проблем, в стороне от которых не могут находиться мусульмане. Но радикальные исламисты остались недовольны декларативным характером деятельности ОИК и премьер-министра Малайзии Абдулла Бадави, который в настоящее время является председателем ОИК.

Мусульманский фактор помимого этого еще присутствует в значительном количестве этнорелигиозных конфликтов, по различным причинам происходящим в: Индонезии, Таиланде, Мьянме. Именно большое количество мусульман представляют собой благодатную почву для развития экстремистских организаций мусульманского толка.

Количество радикальных и экстремистских группировок на территории стран ЮВА на сегодняшний день представляется значительным. Террористические группировки ИГИЛ после их разгрома в Сирии стали перебазироваться в мусульманские государства ЮВА, и именно здесь им оказали наибольшую поддержку исламистские радикалы. Это позволило увеличить численность ИГИЛ благодаря вхождению в них левых экстремистских мусульманских организаций. Не менее 15 организаций дали присягу верности одному из лидеров ИГИЛ Ал-Багдади (Джемаа Исламия (ДИ), Джамаа Аншарут Таухид (ДжАТ), Муджахидин Индонезия Тимур (МИТ)), и на сегодняшний день не менее 19 организаций Индонезии поддерживают в разной степени связи с «Исламским государством». От Малайзии заинтересованность в совместных действиях с ИГИЛ проявили 5 организаций, на Филиппинах – не менее 3-х (Исламский фронт освобождения Моро (ИФОМ), Абу Сайяф, Мауте), в Таиланде – ПУЛО (Patani United Liberation Organization), БРН-К (Barisan Revolusi Nasional Koordinasi), ГМИП (Gerakan Mujahidin Islam Patani – Мусульманское движение моджахедов Патани). Все они в той или иной степени оказались связанными с террористами.

Но такая расстановка сил радикальных исламистов на территории Юго-Восточной Азии представляет серьезную опасность для социально-экономического и политического развития региона. В отличие от мусульманских организаций правительства стран ЮВА с настороженностью отнеслись к перемещению ИГИЛ в регион и активной вербовке людей из религиозных организаций в террористические.

Растущее влияние террористических организаций во всем мире представляет собой опасность для национальной безопасности стран, включающей экономические, социальные, духовные и политические аспекты. В экономическом плане

для террористов интересен Малаккский пролив, море Сулу и Южно-Китайское море, поскольку там проходят основные торговые пути, связывающие данный регион с развитыми странами. Правительства стран ЮВА понимают, что исламские радикалисты совместно с террористами ИГИЛ могут подорвать экономическую и социальную стабильность в регионе, которой так долго добивались руководители стран. Это послужило основой для объединения контртеррористической деятельности стран ЮВА. Джоко Видодо (президент Индонезии) призвал правительства стран ЮВА объединиться для разработки комплексной программы дерадикализации общественных организаций.

Можно выделить следующие направления борьбы с радикальными исламистами:

1) контртеррористические действия, проводимые на регулярной основе;

2) необходимость усиления контроля за мигрантами и другими категориями граждан, въезжающих в страны;

3) контроль за свободой передвижения интернет-материалов;

4) недопущение «обработки» будущих террористов в мечетях под предлогом пропаганды приоритета мусульманства над другими религиями;

5) недопущение распространения идей джихадистов через СМИ;

6) приобщение населения к традиционным ценностям ислама с целью противодействия развития религиозного экстремизма;

7) усиление сотрудничества правительств стран с теми мусульманскими организациями, которые осуждают ИГИЛ;

8) противодействие распространению экстремистских материалов в социальных сетях и др.

Лишь в 2017 г. Индонезия, используя свой авторитет в Юго-Восточной Азии, способствовала договоренности между большинством стран ЮВА, а именно с властями, полицией, внутренними вооруженными силами о необходимости обмена данными обо всех подозрительных лицах и подозрительной деятельности организаций, ограничения подачи информации через Интернет и социальные сети и др.

В случае необходимости президенты Индонезии и Малайзии заверили в возможности предоставления военной силы для подавления терроризма в стране. Сегодня малазийские и филиппинские военные силы регулярно проводят патрули, морские маневры, отрабатывая приемы противодействия экстремистам и террористам в акватории Сулу, а также организовано совместное патрулирование прибрежной акватории в тех местах, где располагаются базы сепаратистов и террористов.

Вьетнам и Сингапур, видя активизацию радикальных псевдомусульманских группировок, стали активизировать сотрудничество друг с другом в сфере стратегических консультаций, в области обмена информацией по методам и приемам борьбы с терроризмом, укрепления сил в военно-морской и авиационной сферах.

В августе 2017 г. в Маниле прошел саммит стран АСЕАН, где вопросы безопасности обсуждались на самом высоком уровне. Все участники подтвердили желание противодействовать распространению терроризма в регионе. Но у государств ЮВА не было опыта конструктивного сотрудничества за предыдущий временной период, к тому же ограничение в финансах, выделенных на противодействие терроризму в регионе, затруднило реализацию достигнутых договоренностей.

В 2021 г. правительства стран вновь вернулись к решению поставленной проблемы, выбрали страну – лидера по ведению контртеррористической деятельности (Малайзия), которая первая из стран ЮВА стала реализовывать программу перевоспитания боевиков.

Анализ внешнеполитических стратегий стран ЮВА дал повод представителям неоклассического реализма (Р. Швеллер)

утверждать, что страны ЮВА относятся к категории примыкающих стран в международных отношениях, а их основная цель – не предотвращение нападения со стороны великой державы, а максимизация полученных выгод от взаимодействия с ведущими мировыми державами [17].

Группа экспертов по изучению стран ЮВА (Дэвид Канг, Энн Мэри Мерфи, Роберт Росс) заявляет, что основная цель условно «слабых» стран – это получение определенных дипломатических, экономических дивидендов от сотрудничества с ведущими мировыми державами, особенно от сотрудничества с Пекином [18]. На этот факт указывают исследователи из азиатских стран, подтверждая, что страны ЮВА стремятся быть в зоне интересов Китая [19].

Термин «легкого» и «тяжелого» хеджирования (heavy hedging и light hedging) [20], введенный для описания стратегий внешнеполитического сотрудничества более слабых игроков на мировой арене, обострил споры между сторонниками этого подхода. Куик [21] считает, что приверженцы «легкого» хеджирования не видят проблем с обеспечением безопасности стран ЮВА, считая, что рост противоречий между ЮВА и США – это гораздо большая проблема, чем национальная безопасность.

Сегодня страны ЮВА, каждая по отдельности, вынуждены самостоятельно «выбивать себе место под солнцем» в мировой политике, а избирательная санкционная политика США в отношении некоторых стран лишний раз доказывает, что у более могущественных игроков на мировой арене есть все средства для манипуляции. В качестве примера исследователи приводят факт реализации санкционной политики США в отношении Камбоджи [22], после того как последняя сделала свой выбор в пользу сотрудничества с Китаем, а не США, приостановив совместные военные учения.

Выводы

Результаты отечественных и зарубежных исследователей показывают, что в условиях нестабильной социально-политической ситуации внутри стран ЮВА, связанной с ростом исламского экстремизма и усилением влияния мусульманского фактора во внешнеполитических стратегиях государств в регионе, основная ставка из всех ключевых игроков на мировой арене делается на Китай. Это закономерно влечет осложнение отношений с США, которые путем манипуляций в виде санкционной политики пытаются вернуть свое влияние в регионе.

В самих странах ЮВА религиозный фактор международных отношений набирает все большую силу, что продемонстрировано на примерах компромиссной политики властей Малайзии, Индонезии и Филиппин с мусульманскими богословами – лидерами оппозиционных и ведущих религиозных организаций.

Сегодня власти стран ЮВА под влиянием религиозного фактора делают ставку на свою роль как миротворца при решении религиозно-политических и территориальных конфликтов в странах Ближнего и Среднего Востока, встречая при этом сильнейший отпор со стороны Саудовской Аравии, рассматривающей данный регион как зону своего влияния.

Конструктивным диалогом можно назвать имеющиеся договоренности между странами ЮВА по противодействию терроризму, распространению радикального исламизма с целью обеспечения национальной безопасности государств.

Для крупных мировых игроков, таких как Россия и КНР, стабильность в регионе ЮВА необходима по причине обеспечения благоприятных торгово-экономических отношений, которые бы не были нарушены террористами или пиратами в зоне морских перевозок.

Для Пекина государства ЮВА – это перспективная территория дальнейшей реализации проектов «Экономический

пояс Шёлкового пути» и «Морской Шёлковый путь» XXI века, в связи с чем КНР безвозмездно вкладывает средства в обеспечение безопасности своих торгово-экономических отношений, поставляя амуницию и оружие армиям стран ЮВА.

Вместе с тем США не выпускают ЮВА из зоны своих интересов, поскольку имеют здесь значительные инвестиционные проекты и капиталовложения, поэтому они также заинтересованы в социально-экономической стабильности данного региона.

Список литературы

1. Мартынова Е. С. Интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе: новые контуры восточноазиатского регионализма // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2012. Т. 7, № 4. С. 254–270.

2. Малетин Н. П. АСЕАН: три десятилетия внешней политики. М.: МГИМО ун-т, 2017. 310 с.

3. Михневич С. В. Конкуренция и сотрудничество в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Вестник международных организаций. 2016. № 1. С. 92–125.

4. Канаев Е. А. Пятидесятилетний юбилей АСЕАН: «истории успеха» и их ресурсы. М.: ИМЭМО РАН. 2017. 39 с.

5. Ефремова К. А. Государства Юго-Восточной Азии в поисках региональной идентичности // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. № 4. С. 39–53.

6. Does the belt and road initiative expand China's export potential to countries along the belt and road? / LinhuiYua, Dan Zhaoa, Haixia Niua, Futao Lu // China Economic Review. 2020. Vol. 60. https://doi.org/10.1016/j.chieco.2020.101419.

7. Nam Fooa, Hooi Hooi, Leanb Ruhul Salima. The impact of China's one belt one road initiative on international trade in the ASEAN region // The North American Journal of Economics and Finance. Vol. 54. 2020. https://doi.org/10.1016/j.najef.2019.101089.

8. Chih Yuan Woon. Undoing violence, unbounding precarity: Beyond the frames of terror in the Philippines // Geoforum. Vol. 42, is. 3. 2011. P. 285–296. https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2011.04.003.

9. Kamaruzaman Y. Islamic Radicalism in Malaysia: an overview // Procedia Social and Behavioral Sciences. 2010. Vol. 5.

10. Armstrong K. The Battle for God: a history of fundamentalism. New York: Ballantine Books, 2000. 474 p.

11. Hamid E. Modern Islamic political thought: the response of the Shiite and Sunni Muslims to the twentieth century. Kuala Lumpur: Islamic Book Trust, 2001.

12. Islamic Perspectives on the New Millennium / V. Hooker, A. Saikal (eds). Singapore: Institute of Southeast Asian Studies; Labrador, 2004. 266 p.

13. Muhammad Mumtaz Ali. Modern Islamic movements: models, problems and Prospects. Kuala Lumpur: A. S. Noordeen, 2000. 305 p.

14. Rubenstein C. The role of Islam in contemporary South East Asian politics. Jerusalem, 2000.

15. Sayyid S. A fundamental fear: eurocentrism and the emergence of Islamism. London: Zed Books Ltd., 2003. 185 p.

16. Shahrom T. M. Sulaiman terorisme global dan pengganas agama: cabaran hidup beragama pada alaf baru. Kuala Lumpur: Utusan Publications, 2002. 196 p.

17. Schweller R. L. Neoclassical realism and state mobilization: expansionist ideology in the age of mass politics // Neoclassical realism, the state, and foreign policy. New York: Cambridge University Press, 2009. P. 227–250.

18. Murphy A. M. Beyond balancing and bandwagoning: Thailand's response to China's rise // Asian Security. 2010. Vol. 6, no. 1. P. 1-27.

19. Chen I. A harmonized Southeast Asia? Explanatory typologies of ASEAN countries' strategies to the rise of China // The Pacific Review. 2013. Vol. 26, No. 3. P. 265–288.

20. Dobkowska J. Hedging China? The meaning of the ASEAN member states' interests in forging policies towards China // Contemporary Asian Studies Series. 2014. P. 237–254.

21. Kuik C. C. The essence of hedging: Malaysia and Singapore's response to a rising China // Contemporary Southeast Asia: a Journal of International and Strategic Affairs. 2008. Vol. 30, No. 2. P. 159–185.

22. Kuik C. C. Smaller states' alignment choices: a comparative study of Malaysia and Singapore's hedging behavior in the face of a rising china. Johns Hopkins University, 2010. 391 p.

References

1. Martynova E. S. Integracionnye processy v Aziatsko-Tihookeanskom regione: novye kontury vostochnoaziatskogo regionalizma [Integration processes in the Asia-Pacific region: new contours of East Asian regionalism]. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika = Bulletin of International Organizations: education, Science, new Economy*, 2012, vol. 7, no 4, pp. 254–270.

2. Maletin N. P. ASEAN: tri desyatiletiya vneshnej politiki [ASEAN: Three decades of foreign policy]. Moscow, MGIMO Univ. Publ., 2017. 310 p.

3. Mihnevich S. V. Konkurenciya i sotrudnichestvo v Aziatsko-Tihookeanskom regione [Competition and cooperation in the Asia-Pacific region]. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij = Bulletin of International Organizations*, 2016, no. 1, pp. 92–125.

4. Kanaev E. A. Pyatidesyatiletnij yubilej ASEAN: "istorii uspekha" i ih resursy [The fiftieth anniversary of ASEAN: "success stories" and their resources]. Moscow, IMEMO RAN Publ., 2017. 39 p.

5. Efremova K. A. Gosudarstva Yugo-Vostochnoj Azii v poiskah regional'noj identichnosti [The States of Southeast Asia in search of regional identity]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya = Southeast Asia: actual problems of development*, 2018, no. 4, pp. 39–53.

6. LinhuiYua, Dan Zhaoa, Haixia Niua, Futao Lu. Does the belt and road initiative expand China's export potential to countries along the belt and road? China Economic Review, 2020, vol. 60. https://doi.org/10.1016/j.chieco.2020.101419.

7. Nam Fooa, Hooi Hooi, Leanb Ruhul Salima. The impact of China's one belt one road initiative on international trade in the ASEAN region. *The North American Journal of Economics and Finance*, 2020, vol. 54. https://doi.org/10.1016/j.najef.2019.101089.

8. Chih Yuan Woon. Undoing violence, unbounding precarity: Beyond the frames of terror in the Philippines. *Geoforum*, 2011, vol. 42, is. 3. pp. 285–296. https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2011.04.003.

9. Kamaruzaman Y. Islamic Radicalism in Malaysia: an overview. *Procedia Social and Behavioral Sciences*, 2010, vol. 5.

10. Armstrong K. The Battle for God: a history of fundamentalism. New York, Ballantine Books, 2000. 474 p.

11. Hamid E. Modern Islamic political thought: the response of the Shiite and Sunni Muslims to the twentieth century. Kuala Lumpur, Islamic Book Trust, 2001.

12. Islamic Perspectives on the New Millennium / V. Hooker, A. Saikal, eds. Singapore, Institute of Southeast Asian Studies; Labrador, 2004. 266 p.

13. Muhammad Mumtaz Ali. Modern Islamic movements: models, problems and Prospects. Kuala Lumpur, A. S. Noordeen, 2000. 305 p.

14. Rubenstein C. The role of Islam in contemporary South East Asian politics. Jerusalem, 2000.

15. Sayyid S. A fundamental fear: eurocentrism and the emergence of Islamism. London, Zed Books Ltd., 2003. 185 p.

16. Shahrom T. M. Sulaiman terorisme global dan pengganas agama: cabaran hidup beragama pada alaf baru. Kuala Lumpur, Utusan Publications, 2002. 196 p.

17. Schweller R. L. Neoclassical realism and state mobilization: expansionist ideology in the age of mass. Neoclassical realism, the state, and foreign policy. New York, Cambridge University Press, 2009, pp. 227–250.

18. Murphy A. M. Beyond balancing and bandwagoning: Thailand's response to China's rise. *Asian Security*, 2010, vol. 6, no. 1, pp. 1-27.

19. Chen I. A harmonized Southeast Asia? Explanatory typologies of ASEAN countries' strategies to the rise of China. *The Pacific Review*, 2013, vol. 26, no. 3, pp. 265–288.

20. Dobkowska J. Hedging China? The Meaning of the ASEAN Member States' Interests in Forging Policies Towards China. *Contemporary Asian Studies Series*, 2014, pp. 237–254.

21. Kuik C. C. The essence of hedging: Malaysia and Singapore's response to a rising China. *Contemporary Southeast Asia: a Journal of International and Strategic Affairs*, 2008, vol. 30, no. 2, pp. 159–185.

22. Kuik C. C. Smaller states' alignment choices: a comparative study of Malaysia and Singapore's hedging behavior in the face of a rising china. Johns Hopkins University, 2010. 391 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и государственного управления, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: kuzmina-violetta@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-1867-7330

Violetta M. Kuzmina, Candidate of Historical Science, Associate Professor, of the Department of International Relations and Public Administration, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: kuzmina-violetta@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-1867-7330

Оригинальная статья / Original article

УДК 94 (321)

Преступления и наказания за нарушение постановлений о выделке питей в акцизной России (1863–1894)

Н. Е. Горюшкина[1] ✉

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: gor046@yandex.ru

Резюме

Актуальность *Преступления в алкогольной сфере наносят значительный ущерб и государственному бюджету, и народной нравственности. В этой связи актуализируется предметное исследование взысканий за нарушение постановлений о питейном сборе в период действия акцизной системы, схожей с нынешней системой взимания налога с алкоголя.*

Цель *статьи – раскрыть сущность преступлений и наказаний за нарушение акцизного законодательства в пореформенной России.*

Задачи – *дать определение преступлению в отношении выделки питей; определить наиболее распространенные виды преступлений и следующие за ними наказания; установить особенности «питейных» взысканий, действовавших в акцизный период.*

Методология *статьи включает в себя принципы историзма, объективности и системности. Помимо того, в теоретический инструментарий были включены историко-генетический, историко-типологический и историко-правовой методы.*

Результаты. *Винокуренное производство в период действия акцизной системы выступало основным поставщиком налогов в государственный бюджет. В этой связи законодатель тщательно прописал возможные виды преступлений и следующих за них наказаний. Преступлением по выделке питей признавалось всякое совершенное в процессе производства алкоголя противозаконное деяние, независимо от того, было ли оно совершено намеренно или по неосторожности. Виды питейных преступлений были разнообразны: устройство заводов лицом, не имевшим на то прав, приготовление напитков в неустановленных местах или в большем (меньшем) количестве, чем определено в разрешительных документах, незаконные действия в отношении винокуренного оборудования или материалов. Дела по нарушению постановлений о питейном сборе, в зависимости от тяжести деяния, подлежали решению административным, судебно-полицейским или судебным порядками. В качестве наказаний применялись денежное взыскание, арест, тюремное заключение, лишение прав на приготовление питей, отнятие всех особенных как лично, так и по состоянию присвоенных прав, ссылка в отдаленные губернии на определенный срок.*

Вывод. *Оговоренные в «Положении о питейном сборе» и усовершенствованные в последующих законодательных актах взыскания были направлены на предотвращение попыток посягнуть на имевший исключительное значение в системе российских финансов питейный сбор.*

Ключевые слова: *пития; акцизная система; Положение о питейном сборе; винокурение; преступление; наказание; штраф; тюремное заключение.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

© Горюшкина Н. Е., 2021

Финансирование: *Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2021 г. «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-2020-0033).*

Для цитирования: Горюшкина Н. Е. Преступления и наказания за нарушение постановлений о выделке питей в акцизной России (1863–1894) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 181–194.

Поступила в редакцию 29.06.2021 Принята к публикации 28.07.2021 Опубликована 30.08.2021

Crimes and Punishments for Violation of the Regulations on the Manufacture of Drinks in Excise Russia (1863–1894)

Natalia E. Goryushkina[1] ✉

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: gor046@yandex.ru

Abstract

The relevance *of crimes in the alcohol sphere causes significant damage to both the state budget and national morality. In this regard, the subject study of penalties for violation of regulations on the drinking collection during the period of the excise system, similar to the current system of collecting alcohol tax, is updated.*

The purpose *of the article is to reveal the essence of crimes and punishments for violation of excise legislation in post-reform Russia.*

The objectives *are to define the crime in relation to the manufacture of drinks; to determine the most common types of crimes and the penalties that follow them; to establish the features of "drinking" penalties that were in effect during the excise period.*

The methodology *of the article includes the principles of historicism, objectivity and consistency. In addition, the theoretical tools included historical-genetic, historical-typological and historical-legal methods.*

Results. *Distillery production during the period of the excise system was the main supplier of taxes to the state budget. In this regard, the legislator carefully prescribed the possible types of crimes and the penalties that follow them. Any illegal act committed during the production of alcohol, regardless of whether it was committed intentionally or through negligence, was recognized as a crime for the manufacture of drinks. The types of drinking crimes were diverse: the establishment of factories by a person who did not have the rights to do so, the preparation of drinks in unidentified places or in a larger (smaller) quantity than defined in the permits, illegal actions against distillery equipment or materials. Cases of violation of the regulations on the drinking collection, depending on the severity of the act, were subject to administrative, judicial-police or judicial procedures. As punishments, monetary penalties were applied, arrest, imprisonment, deprivation of the rights to prepare drinks, taking away all special rights both personally and according to the state of the assigned rights, exile to remote provinces for a certain period.*

Conclusion. *The penalties stipulated in the "Regulations on the Drinking Fee" and improved in subsequent legislative acts were aimed at preventing attempts to encroach on the drinking fee, which was of exceptional importance in the system of Russian finance.*

Keywords: *drinking; excise system; Regulations on the drinking collection; distilling; crime; punishment; fine; imprisonment.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

Funding*: The publication was prepared as part of the implementation of the state task for 2021 "Transformation of private and public law in the conditions of evolving individuals, society and the state" (No. 0851-2020-0033).*

For citation: Goryushkina N. E. Crimes and Punishments for Violation of the Regulations on the Manufacture of Drinks in Excise Russia (1863–1894). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(4): 181–194. (In Russ.)

Received 29.06.2021 Accepted 28.07.2021 Published 30.08.2021

Введение

Модернизация системы управления оборотом алкоголя представляет собой одну из важных государственных задач. Современная алкогольная политика России требует наполнения конкретно-юридическим содержанием, учитывающим реформаторский и управленческий опыт предшествующих исторических эпох. По этой причине особый научный и практический интерес представляют преступления в производстве питей и разработанная в рамках винной реформы 1863 г. система взысканий.

В данной статье раскрывается сущность преступлений в выделке питей и следующих за ними наказаний, анализируется направленность наказаний за нарушение акцизного законодательства.

Методология

В качестве источников выступили нормативно-правовые акты акцизного периода, справочные издания, документы Российского государственного исторического архива и Государственного архива Курской области. Первостепенную роль сыграл анализ «Положения о питейном сборе», высочайше одобренного 4 июля 1861 г.

Методологическим основанием статьи явились принципы историзма, объективности, системности, которые в совокупности позволили учесть конкретно-исторические условия действия акцизной системы, раскрыть сущность преступлений в выделке питей, установить факторы, смягчавшие или ужесточавшие наказание преступника, оценить их с точки зрения жесткости и разнообразия.

Свою эффективность в примененном теоретическом инструментарии показали историко-генетический, историко-типологический, историко-правовой методы, при перекрестном взаимовлиянии которых удалось установить смысл преступлений и наказаний по питейной части, провести их группировку, выявить направленность взысканий, действовавших после винной реформы 1863 г.

Результаты и их обсуждение

Винокуренное производство в пореформенный период выступало основным поставщиком финансов в государственный бюджет. В этой связи верховная власть предусмотрела строгие нормы ответственности за нарушение постановлений о выделке питей [1, с. 3]. Они были перечислены в специальном приложении к «Положению о питейном сборе» [2] и продублированы в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» [3].

Высокая доходность и быстрая оборачиваемость капитала влекла в винокуренное дело немало «меркантильных антрепренеров», искушавшихся на целостность питейного сбора [4, с. 125].

Чтобы защитить казенный интерес, государство признало преступлением всякое злонамеренное, неосторожное, даже случайное, деяние вразрез установленных норм производства питей и их реализации из заводских подвалов.

К числу питейных преступлений было отнесено:

– устройство завода для выделки питей и изделий, на которые распространяется действие «Устава о питейном сборе», лицом, не имевшим на то прав;

– устройство завода для выделки питей и изделий, на которые распространяется действие «Устава о питейном сборе», без заявления о том акцизному надзору;

– приготовление напитков в большем (меньшем) количестве, чем определено в свидетельстве на винокурение;

– производство питей, не отвечающих предъявляемым «Уставом о питейном сборе» требованиям;

– реализация незаконных действий в отношении винокуренного оборудования или материалов;

– производство алкоголя вне заводов.

Указанные преступления и проступки в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» были перечислены в разделе VII, который именовался «О преступлениях против имущества и доходов казны» [3, с. 168–173]. В современном юридическом языке они именуются преступлениями в сфере экономической деятельности.

Правовые нормы, устанавливающие ответственность за нарушение постановлений о выделке питей, отличались казуистичностью. С одной стороны, в приложении к «Положению о питейном сборе» были перечислены конкретные обстоятельства, возможные ситуации, вероятные действия, которые признавались преступными. Надо заметить, что эти многочисленные подробности усложняли пользование нормами права. С другой стороны, установить, в чем состоит противоправность действий, можно было только при обращении к соответствующим статьям.

Законодателя заботило, чтобы винокуренный завод не открыло лицо, не имевшее на то прав. В противном случае учредитель должен был уплатить штраф в размере от 50 до 500 руб.; завод подлежал закрытию и в течение полугода должен быть продан лицу, имевшему право на его содержание. Еще более серьезное наказание ждало лицо, не имевшее прав на выделку питей, но открывшее на свое или чужое имя завод и начавшее производство. В первый раз, сверх уплаты акциза за произведенные пития, с него взыскивалась сумма втрое большая, чем сумма акциза, завод закрывался, а обнаруженные напитки, припасы, материалы, посуда конфисковались и реализовывались в пользу казны. Во второй раз к тому же, что и в первый раз, наказанию прибавлялось заключение в тюрьму на время от 3-х до 6-ти месяцев. В третий раз – заключение в тюрьму сроком от 1 года до 2-х лет и лишение всех прав на выделку питей, о чем публиковалось в местных и столичных ведомостях [2, с. 119].

Взыскание в виде штрафа в 25–300 руб. ждало того, кто имел право на устройство завода для приготовления питей, но открыл его без подачи объявления о выдаче надлежащего свидетельства. Завод до выполнения всех формальностей по устройству и открытию производства запечатывался, а обнаруженная продукция, материалы и посуда конфисковались и реализовывались в пользу казны.

Те же наказания налагались на лицо, которое на законно устроенном заводе использовало посуду, не внесенную в описание, не измеренную установленным порядком или не предъявленную акцизному управлению при осмотре. В том случае, когда не было возможности привести в известность количество незаконно произведенного или утаенного алкоголя, то размер взыскания определялся временем, в продолжение которого незаконная выделка производилась, полагая за выход такое количество продукции, какое могло быть сделано при самом усиленном действии завода, определяя выходы по тем материалам, которые дают самые обильные выходы [2, с. 120].

Наказание в виде штрафа до 1 тыс. руб. вместе с арестом до 3-х месяцев или, по усмотрению суда, одно из этих наказаний угрожало винокуру за производство алкоголя с соответствующего разрешения и с оплатой акцизом, но с такими отступлениями от правил, которые открывали возможность тайного приготовления питей. К таким операциям относились: выделка питей раньше установленного срока, употребление в производстве переделанной посуды, порча контрольного снаряда, (не-) остановка курения вина в положенный момент, несохранение пломб на контрольном снаряде и перегонных аппаратах, добавление неоговоренных в свидетельстве припасов и т.д. [2, с. 120–121]

Это была самая распространенная категория преступлений в винокуренном деле. Но жесткие установления не могли остановить лиц, пожелавших получить незаконный доход. Так, 4 февраля 1883 г. на Боровицком № 67 винокуренном заво-

де Путивльского уезда было обнаружено, что арендатор завода дворянин Марковичев произвел отвод спирта мимо контрольного снаряда и производил присыпку винокуренных припасов. В ходе ревизии ревизора Департамента неокладных сборов Соколова утайка выходов спирта была обнаружена, арендатору предъявлен иск в размере 179 380 руб. Дело передано на рассмотрение судебного следствия Путивльского уезда [5, л. 17].

Преступлением признавалось устройство заводов «в связке» – соединение двух заводов между собой или с заводами, выделывающими из спирта и вина виноградные, фруктовые водки, лак, политуру. Виновник подвергался в этом случае штрафу, равному цене патента на вновь устроенный завод, завод закрывался, а если на нем уже были произведены напитки, то за них полагалось уплатить двойной акциз [2, с. 122].

Штраф в размере от 20 до 100 руб. налагался на заводчика за неведение установленных «Положением о питейном сборе» книг. Во второй раз взыскание увеличивалось до 100–200 руб., в третий – до 200–300 руб., в четвертый – 400 руб., а завод закрывался. На будущее преступник лишался прав на приготовление напитков, подлежащих акцизу, о чем общество уведомляли местные губернские ведомости. Эти санкции были установлены, если «не было сокрытия выходов питей, смотря по обстоятельствам» [2, с. 123].

В фонде Курского губернского акцизного управления сохранилось донесение о том, что 14 марта 1883 г. из Городищенского №6 винокуренного завода Белгородского уезда, арендованного неким Никитиным, был незаконно выпущен спирт. К донесению был приложен протокол дознания, а также предъявленный арендатору гражданский иск на сумму в 113 922 руб. 31 коп. Судя по размеру штрафа, арендатор совершил преступление повторно [6, л. 6–6 об.].

За неисправное ведение заводских книг, включая несвоевременную запись на приход или расход питей, несвоевременную доставку копий винокуренной и подвальной книг в акцизное управление, выпуск неучтенного вина и спирта из заводских подвалов, «когда нет утайки выходов», виновному грозил штраф в 1–20 руб.; за несдачу своевременно питей в подвалы – в 5–50 руб.; за приобретение спиртного из неустановленных или действующих без свидетельств мест – штраф в 15–50 руб. в первый и второй раз, в 50–200 руб. – в третий и четвертый раз, в 200 руб. и закрытие завода – в пятый раз [2, с. 124].

Аренда завода без уведомления акцизного управления запрещалась. Арендодатель в случае нарушения указанного постановления брал на себя ответственность за все установленные законом платежи и нарушения, какие были допущены арендатором на его заводе. Законодатель подчеркивал, что заводчик мог избежать административной или уголовной ответственности только в том случае, если противозаконные действия по выделке питей были учинены без его ведома и участия. Но в случае несостоятельности его работников, уличенных в преступлении, денежные взыскания обращались на самого заводчика, а виновые отправлялись в тюрьму. Служба на заводах, на которые распространялось действие «Положения о питейном сборе», им была запрещена пожизненно, о чем в местных губернских ведомостях публиковалось особо [2, с. 125].

Преследованиям подвергались производители меда, пива и браги «для домашнего обихода» при попытке сбыта или приготовления продукта не в том количестве, не тем способом, не в то время, не в том месте, что было разрешено законом. В первый раз с нарушителя взыскивалось от 5 до 25 руб., во второй – от 25 до 50 руб., в третий – сверх денежного взыскания ему грозил арест от 3-х недель до 3-х месяцев и запрет приготовления любых напитков для домашнего обихода [2, с. 125–126].

Винокурам было запрещено торговать напитками, изготовленными не на своих заводах. За нарушение запрета было предусмотрено наказание в виде денежного штрафа от 10 руб. до 300 руб., во второй раз, сверх денежного взыскания, – арест от 3-х недель до 3-х месяцев и конфискацию найденных у него напитков.

Заводчик не имел права вести из заводских подвалов раздробительную продажу вина. В первый раз его наказывали штрафом в 200 руб., во второй – в 400 руб., в третий – сверх денежного взыскания в 400 руб. он мог быть приговорен к заключению на время от 6-ти месяцев до одного года и лишению прав на выделку питей, о чем публиковалось в губернских ведомостях.

С заводчиков, осуществлявших продажу напитков количествами меньшими, чем установлены для такого рода торговли на рынках, торгах и пристанях, с возов или лодок, взыскивалось 50 руб. [2, с. 126]

Преследованию подвергались производители питей, не допустившие на завод должностных лиц акцизного управления или полиции. Помимо денежных взысканий за скрываемое нарушение, виновный, смотря по обстоятельствам дела, заключался в смирительный дом или тюрьму на время от 3-х месяцев до 1-го года, или арестовывался на срок от 7 дней до 3-х месяцев, или обязывался уплатить в казну штраф в 10–200 руб. [2, с. 126–127]

В том случае, если заводчик или его поверенные наносили лицам акцизного надзора или полиции оскорбление, в дополнение они наказывались в соответствии со ст. 324 и 325 «Уложения о наказаниях».

Если же поимщикам и открывателям на заводе оказывалось сопровождавшееся насильственными действиями сопротивление, то, сверх положенного взыскания, виновные лишались всех лично и по состоянию присвоенных прав и ссылались на жительство в одну их отдаленных губерний, кроме Сибирских, либо отправлялись в рабочий дом на срок от 3-х до 6-ти месяцев.

Подобные случаи тоже были не редкостью. Нарушители закона всеми способами препятствовали прибытию акцизных чиновников или полицейских на завод: чинили задержки в пути, устраняли переправы, устанавливали на заводах смотровые башни, закрывали ворота, выпускали собак и т.д. Один из курьезных случаев описан в книге Э. Ф. Нольде «Питейное дело и акцизная система». Автор повествует, как «акцизный чиновник, приехавший на <…> завод некстати, объявлен был внезапно помешанным, что подтверждали понятые и сельская полиция, им же на завод привезенная. Чиновника связывали и в течение нескольких дней лечили и льдом, и душами, пока приехавший, наконец, уездный врач не удостоверил, что больной поправляется понемногу. В конце концов, чиновник признан был вполне здоровым, но заводовладелец нисколько не пострадал, потому что, несмотря ни на какие усилия, нельзя было доказать невозможность факта временного помешательства» [7, с. 22].

Закон устанавливал строгую ответственность за провоз не оплаченных акцизом питей. Если провоз был произведен «скопищем людей», чем-либо вооруженным, то зачинщики подвергались денежным взысканиям, лишались всех лично и по состоянию присвоенных им прав, ссылались на жительство в одну из отдаленных губерний, кроме Сибирских, с заключением на время от 3-х месяцев до 1-го года. Если же они не изымались от наказаний телесных, им грозила отдача в рабочий дом на время от 6-ти месяцев до 2-х лет. Прочие лица лишались лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, заключались в смирительный дом на время от 1-го года до 3-х лет. При открытии противозаконного привоза питей из-за границы наказание сопрягалось с имеющимися таможенными узаконениями [2, с. 127–128].

В случае раскрытия противозаконного провоза поимщики встречали какое-то соединенное с насилием сопротивление, все лица, признанные в том виновными,

приговаривались к наказаниям, кои были определены за восстание против установленных правительством властей в ст. 296–299 и 301–304 «Уложения о наказаниях».

Примечательно, что закон освобождал от ответственности участников противозаконной выделки, провоза или продажи питей, которые донесли о том начальству и открыли своих соучастников [2, с. 128–129].

Подобные случаи были не редкостью. К примеру, арендатор одного из винокуренных заводов Курской губернии узнал, что надсмотрщик Семенов стоит на очереди в рекруты и предложил ему деньги для найма за себя «охотника», в ответ надсмотрщик не должен был препятствовать прибавлению муки в затор. Надсмотрщик принял деньги от арендатора, узнал подробности задуманного преступления, а потом донес о сделке окружному надзирателю и представил в доказательство полученные от арендатора деньги. Согласно ст. 477 «Устава о питейном сборе» Семенов получил половину штрафной суммы за выявленное злоупотребление [6, л. 6–6 об.].

Непосредственный надзор над исполнением заводчиками правил о порядке производства напитков и выпуска их с заводов осуществляли акцизные управления – губернские и окружные. В видах общественной безопасности наблюдение за деятельностью заводов вели полиция, волостные и сельские начальники. Должностное лицо, обнаружившее нарушение, было обязано принять меры к его пресечению. Действие завода немедленно прекращалось. Возобновление работы разрешалось только после устранения нарушения или в том случае, когда вступившим в законную силу приговором суда или окончательным определением административной власти была отвергнута наличность нарушения, послужившего поводом к прекращению винокурения [8, с. 344–345].

По факту нарушения безотлагательно (не более чем 12 час с момента обнаружения) составлялся протокол, где означались:

– время и место составления;

– кем, когда и где обнаружено нарушение;

– в чем оно состоит;

– имя, отчество, фамилия и, если известно, местожительство обвиняемого;

– понятые, свидетели нарушения, если таковые были;

– сделанные обвиняемым, понятыми или свидетелями замечания или возражения;

– причины замедления, если протокол составлен по истечении 12 часов после обнаружения нарушения.

К протоколу прилагались вещественные доказательства. Те из них, которые по своему объему или другим причинам не могли быть уложены и опечатаны, подробно описывались в протоколе.

Протокол зачитывался и подписывался всеми бывшими при его составлении лицами (за неграмотных подписывались по их словесной просьбе доверенные лица). Если обвиняемый отказывался подписать документ, это обстоятельство заносилось в протокол и удостоверялось подписями 2-х посторонних свидетелей. Составленный указанным образом протокол направлялся в канцелярию губернского акцизного управления [9, с. 74–75].

Первоначальное дознание по нарушению «Устава о питейном сборе» производилось лицами акцизного управления, в случае если следствие проходило по общим правилам уголовного судопроизводства, то земская полиция и судебные следователи требовали присутствия при производстве следственных действий депутата от акцизного управления.

В зависимости от тяжести нарушения делились на три категории:

1) дела, подлежащие решению в административном порядке (должностными лицами акцизного управления);

2) дела, подлежащие рассмотрению судебно-полицейским порядком (в уездных и городских полицейских управлениях);

3) дела, подлежащие решению в судебных местах (участковыми судебными следователями или уголовных палатах Правительственного Сената) [6, л. 165–165 об.].

К первой категории относились дела о нарушениях правил выделки питей на заводах, о несвоевременной сдаче питей с заводов в заводские подвалы, отвод спирта от учета контрольным снарядом, о неисправном ведении заводских книг, о несвоевременном доставлении заводских книг в акцизное управление. Судебно-полицейским порядком рассматривались дела о тайном винокурении, незаконном провозе и торговле питиями. Виновные приговаривались наказанию, начиная от денежного взыскания от 300 руб. до заключения в тюрьму на срок не более 1-го года. Судебно-уголовному рассмотрению подлежали наиболее серьезные нарушения Устава о питейном сборе, когда обвиняемый, сверх денежного взыскания, подвергался конфискации имущества, закрытию завода, тюремному заключению [9, с. 68–70].

Надо признать, что число нарушений в винокурении, ввиду серьезности акцизного надзора, было значительно меньше, чем в виноторговле, пиво- и медоварении, водочном производстве. В Государственном архиве Курской области в фонде акцизного ведомства (фонд 37) хранятся ведомости (дело 132) с количественными показателями зафиксированных нарушений «Устава о питейном сборе» [10, л. 3 об. – 16], на основании которых составлена приведенная ниже таблица.

Таблица. Виды нарушений о выделке питей, зафиксированные Курским акцизным управлением в 1875–1888 гг.

Table. Types of violations on the manufacture of drinks recorded by the Kursk Excise Department in 1875–1888.

Виды нарушений питейного законодательства	1875	1876	1877	1878	1879	1880	1881	1882	1883	1884	1885	1886	1887	1888
Тайное винокурение	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0
Отвод спирта от контрольного снаряда	17	14	7	9	10	5	8	4	2	17	30	12	11	8
Нарушение правил счетоводства и торговли из заводских подвалов	25	11	12	18	18	25	10	14	16	44	27	36	10	30
Прочие нарушения в винокурении	5	28	8	6	19	0	15	2	22	0	4	7	38	12
Всего нарушений по Курскому акцизному управлению	288	382	240	349	603	554	549	490	558	748	842	675	564	503
Процент нарушений о выделке питей к общему числу нарушений	16,3	13,9	11,3	9,5	7,8	5,4	6	4	7,2	8,2	7,2	8,1	10,6	9,9

Анализ сводной ведомости показывает, что нарушения о выделке питей включали в себя следующие категории: 1) тайное винокурение, 2) отвод спирта от контрольного снаряда, 3) нарушения правил счетоводства и торговли из заводских подвалов, 4) другие нарушения. Что входило в категорию «другие нарушения»? Это присыпка материалов к заторам, улучшение качества винокуренных материалов, увеличение количества бражки в ведрах или увеличение ее плотности и пр.

Наиболее распространными в выделке питей оказались нарушения правил счетоводства и торговли произведенным продуктом из заводских подвалов. Их число в Курской губернии колебалось в рассматриваемый период от 44 в 1884 г. (самое большое число дел) до 10 в 1887 г. (самое меньшее число), что соответствовало 72% и 16,7% от общего количества. Отвод спирта от контрольного снаряда и другие «каверзы» в его отношении случались постоянно. Самое малое их число (2) было зафиксировано в 1883 г., самое большое (30) – в 1885 г.

Путивльское дело об учреждении евреями тайного винокуренного завода в уездном городе оказалось единственным выявленным в своем роде преступлением против казны. Закончилось это дело громким разбирательством. Преступники были приговорены к шестимесячному тюремному заключению [11, л. 28 об.]. Но если в Курской губернии, как, кстати, и в других черноземных, столичных, средних промышленных, северных, восточных губерниях, тайное винокурение было редкостью, то в Вятской губернии только за 1888 г. было зафиксировано 38 случаев винокурения на тайно устроенных заводах [11, л. 186 об.]. В Западной Сибири за период 1877–1880 гг. было обнаружено 330 тайных заводов [12, с. 33].

Вместе с тем данные таблицы свидетельствуют, что нарушения в отношении выделки питей составляли незначительную долю от всех преступлений в питейной сфере, включавших нарушения в торговле напитками, пиво- и медоварении, водочном производстве. Так, из 490 нарушений, зафиксированных в 1882 г. в Курской губернии, только 20, или 4%, от общего нарушений постановлений «Устава о питейном сборе», относились к выделке питей. В 1890 г. в Курской губернии было возбуждено 504 дела о нарушении «Устава о питейном сборе»: ни одного случая тайного винокурения, единичный случай утайки спирта от обложения акцизом, 7 зафиксированных нарушений правил пользования контрольным снарядом, 30 нарушений правил торговли из заводских подвалов и 12 нарушений при выделке питей другого рода. Таким образом, число нарушений в винокурении составляло менее 10% от числа питейных нарушений [10, л. 3 об. – 16]. В 1891 г. зафиксировано 552 нарушения «Устава о питейном сборе», где 38 нарушений в выделке питей составили порядка 7% от общего числа нарушений в алкогольной сфере [13, л. 164].

Значительно больший процент преступлений в выделке питей был характерен для первых лет действия акцизной системы. Винокуры в то время находились «в состоянии войны с акцизными чиновниками» и применяли самые изощренные средства для увеличения выходов спирта, начиная от прибавления неучтенных припасов в затор и заканчивая увеличением густоты бражки [14, с. 1].

В основе акцизной системы лежал акциз, взыскиваемый с градуса алкоголя (1/100 ведра безводного спирта), в соответствии с размером посуды, временем производства и родам продуктов, употребляемых в затор. По этой причине каждый произведенный градус подлежал строгому учету со стороны государства [15, с. 46].

Законом 8 июля 1868 г. сначала в виде эксперимента на отдельных винокурнях были установлены контрольные снаряды Штумпе [16]. Количество произведенного продукта на экспериментальных заводах превышало прежде фиксируемые цифры. Опыт был признан успешным, потому Закон 3 мая 1871 г. потребовал повсеместной установки снарядов Штумпе [17]. С 1873 г. снаряды Штумпе стали менять на более совершенные снаряды Сименса и К°. За установку контрольных снарядов заводчику полагались льготы [18].

В 1875 г. в Курской губернии преступления по выделке питей составили 16% от всех питейных преступлений. Численность «аппаратов Сименса» на местных винокурнях в то время была невелика. По мере их распространения подобных преступлений становилось меньше. Либеральный экономист И. А. Войнович по этому поводу замечал: «Успевшие проникнуться питейным спиритизмом заводчики <…> вспоминают с таким же сожалением о прежних акцизных порядках, с каким откупщики в свое время печально грустили об их незабвенном откупе. Довольно того, что контрольный снаряд оказался таким рожном против обычных обманов и утаек, что <…> заводчики никак не могут с ним помириться и употребляют все возможные средства к порче его». Его нагревали, прокалывали иглой, засаривали, обливали горячей бардой, чтобы «причинить искусственную остановку и тем, чтобы хоть на время избавиться от его невыносимого учета» [4, с. 90–91].

В 1880–1890-е гг. увеличилось число преступлений в ректификационной сфере. Заводчики стремились очистить больше вина, чем было указано в отчетах, чтобы реализовать неучтенный очищенный продукт по высокой цене [19, с. 73–74].

Надо признать, что лиц, задумавших преступить закон, ни виноизмеряющий снаряд, ни угрозы суровых наказаний не останавливали. Искушение к нарушению «Устава о питейном сборе» было велико, поскольку на винокуренных заводах производился продукт, продажная стоимость которого силою правительственных установлений была выше в 10–12 раз против его действительной стоимости. Градус алкоголя, стоивший заводчику около 1 коп., поднимался в продаже до 12 коп., а если он был качественно очищен от сивухи, то и до 50 коп. Если учесть тот факт, что продукт этот мог быть легко скрыт и всегда во всякое время и во всяком месте находил себе покупателя, то ожидать совершенного прекращения злоупотреблений на винокуренных заводах не приходилось [20, л. 2].

Винокуренное производство в период действия акцизной системы выступало основным поставщиком налогов в государственный бюджет [21, с. 737]. Но полного контроля над выделкой питей достичь не удалось. О степени криминальной пораженности винокуренной отрасли свидетельствовали громкие «винокуренные процессы». Так, в 1870-х гг. широкую огласку получили Калишское дело, когда со сложением акциза с винокуренного завода за границу вместо спирта была отправлена налитая в бочки вода; Московское дело, когда из винокуренных подвалов в два приема было выпущено безакцизного вина на сотни тысяч руб.; Виленское дело, где двум заводам за систематические «переделки» был предъявлен иск в 150 тыс. руб. [4, с. 11]

Ввиду невозможности устранить из акцизной системы все дурное и осуществить все хорошее, организация контроля над винокурением стала объектом жесткой критики противников акциза [22; 23; 24].

В июле 1894 г. Россия «свернула» на путь казенной винной монополии, отказавшись от избранной три десятилетия назад акцизной системы [25]. Примеча-

тельно, что новая винная реформа не коснулась системы контроля над винокуренным производством, не поменяла степень назаказаний за нарушения в процессе выделки питей.

Выводы

Сказанное позволяет заключить, что установленные в «Положении о питейном сборе» и усовершенствованные в последующих законодательных актах «питейные» взыскания, начиная от небольшого денежного штрафа и кончая продолжительным тюремным заключением, были направлены на предупреждение попыток посягнуть на налог, имевший исключительное значение в системе российских финансов. Винокуренное производство подвергалось серьезному контролю, а потому нарушения в выделке питей были не столь частыми, но полностью пресечь их не удавалось, поскольку на винокуренных заводах производился продукт, продажная стоимость которого значительно превышала его действительную стоимость.

Список литературы

1. Труды Комиссии, высочайше учрежденной для составления проекта положения об акцизе с питей: в 2 ч. СПб.: В Тип. Безобразова и К°, 1861. Ч. 1. 637 с.; Ч. 2. 623 с.

2. Положение о питейном сборе, высочайше утвержденное 4 июля 1861 года, с присовокуплением высочайше утвержденных 20 марта 1862 года правил о взысканиях за нарушение постановлений о питейном сборе и судопроизводстве по сим делам. М.: Тип. Ал. Семена, 1862. 160 с.

3. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных и Устав о наказаниях, мировыми судьями налагаемых. М.: Тип. В. Готье, 1872. 451, 113 с.

4. Войнович И. А. Питейный вопрос: исследование в экономическом и финансовом отношении. СПб.: Тип. М. Эттингера, 1876. 164 с.

5. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. 37. Оп. 1. Д. 219.

6. ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 29.

7. Нольде Э. Ф. Питейное дело и акцизная система. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. 40 с.

8. Цветков П. П. Сборник законов и распоряжений правительства. Неофиц. изд. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1895. 2859 с.

9. Быков Н. П. Сборник статей закона и правительственных распоряжений, касающихся наблюдения полиции за исполнением правил питейной торговли. Калуга: Тип. Губ. правл., 1876. 96 с.

10. ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 132.

11. ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 287.

12. Лебедев В. А. Питейное дело. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1898. 106 с.

13. ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 259.

14. Березин П. В. На службе злому делу (Хроника из жизни на винокуренных заводах). М.: Тип.-лит. тов-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1900. 156 с.

15. Горюшкина Н. Е. Винокуренное производство в великороссийских губерниях в пореформенный период (1863–1894 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5-4 (11). С. 45–49.

16. О введении в некоторых губерниях в наступающем периоде винокурения контрольных виноизмеряющих снарядов // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 43, ч. 2. № 46103

17. О повсеместном введении контрольных виноизмеряющих снарядов, уменьшении количества освобождаемого от акциза перекура, замене стеклянного спиртометра Траллеса металлическим и учреждении Поверочной Экспедиции для акцизных снарядов // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 46, ч. 1. № 49554.

18. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 574. Оп. 7. Д. 654. Л. 83.

19. Горюшкина Н. Е., Постников Н. А. Борьба за безопасность и качество алкогольной продукции в России: исторический аспект // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Техника и технологии. 2018. Т. 8, № 4 (29). С. 72–78.

20. ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 292.

21. Modernization potential capacity of great reforms of Alexander II: alcohol reform of 1863 / N. E. Goryushkina, O. V. Brezhnev, E. G. Khrushchev, E. A. Rodionova, J. V. Sorokina, O. Y. Voronkova // International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering. 2019. Vol. 8, No. 12. P. 737–742.

22. Гумилевский Н. Сущность и цели питейной реформы в России. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1897. 67 с.

23. Смолич М. Н. Вред и польза вина и питейная реформа. СПб.: Тип. Петерб. тов-ва печ. и изд. дела «Труд», 1902. 103 с.

24. Шипов А. П. Наше земство и наша винно-акцизная система. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1870. 191 с.

25. Положение о казенной продаже питей // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 3. Т. 14, №10766.

References

1. Trudy Komissii, vysochajshe uchrezhdennoj dlya sostavleniya proekta polozheniya ob akcize s pitej [Proceedings of the Commission most highly established for drafting the regulations on the excise tax on drinking]. St. Petersburg, V Tip. Bezobrazova i K°, 1861, pt. 1. 637 p.; pt. 2. 623 p.

2. Polozhenie o pitejnom sbore, vysochajshe utverzhdennoe 4 iyulya 1861 goda, s prisovokupleniem vysochajshe utverzhdennyh 20 marta 1862 goda pravil o vzyskaniyah za narushenie postanovlenij o pitejnom sbore i sudoproizvodstve po sim delam [The Regulations on the drinking collection, most highly approved on July 4, 1861, with the addition of the rules on penalties for violation of resolutions on the drinking collection and legal proceedings in these cases, most highly approved on March 20, 1862]. Moscow, Tip. Al. Semena, 1862. 160 p.

3. Ulozhenie o nakazaniyah ugolovnyh i ispravitel'nyh i Ustav o nakazaniyah, mirovymi sud'yami nalagaemyh [The Code of Criminal and Correctional Punishments and the Statute on Punishments imposed by Lay Judges]. Moscow, Tip. V. Got'e Publ., 1872. 451, 113 p.

4. Vojnovich I. A. Pitejnyj vopros: issledovanie v ekonomicheskom i finansovom otnoshenii [The drinking question: a study in economic and financial terms]. St. Petersburg, Tip. M. Ettingera, 1876. 164 p.

5. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [State Archive of the Kursk Region], f. 37, op. 1, d. 219.

6. GAKO, f. 37, op. 1, d. 29.

7. Nol'de E. F. Pitejnoe delo i akciznaya Sistema [Drinking business and excise system]. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasyulevicha, 1882. 40 p.

8. Cvetkov P. P. Sbornik zakonov i rasporyazhenij pravitel'stva [Collection of laws and government orders]. Neofic. izd. St. Petersburg, Tip. P. P. Sojkina, 1895. 2859 p.

9. Bykov N. P. Sbornik statej zakona i pravitel'stvennyh rasporyazhenij, kasayushchihsya nablyudeniya policii za ispolneniem pravil pitejnoj torgovli [Collection of articles of the law and government orders concerning police surveillance of the implementation of the rules of the drinking trade]. Kaluga, Tip. Gub. pravl. Publ., 1876. 96 p.

10. GAKO, f. 37, op. 1, d. 132.

11. GAKO, f. 37, op. 1, d. 287.

12. Lebedev V. A. Pitejnoe delo [Drinking business]. St. Petersburg, Tip. Pravitel'stvuyushchego Senata Publ., 1898. 106 p.

13. GAKO, f. 37, op. 1, d. 259.

14. Berezin P. V. Na sluzhbe zlomu delu (Hronika iz zhizni na vinokurennyh zavodah) [In the service of an evil cause (Chronicle of life in distilleries)]. Moscow, Tip.-lit. tov-va I. N. Kushnerev i K° Publ., 1900. 156 p.

15. Goryushkina N. E. Vinokurennoe proizvodstvo v velikorossijskih guberniyah v poreformennyj period (1863-1894 gg.) [Distillery production in the Great Russian provinces in the post-reform period (1863-1894)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*, 2011, no. 5–4 (11), pp. 45–49.

16. O vvedenii v nekotoryh guberniyah v nastupayushchem periode vinokureniya kontrol'nyh vinoizmeryayushchih snaryadov [On the introduction of controlled wine-measuring shells in some provinces in the coming period of distilling]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii = Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2*, vol. 43, pt. 2, no. 46103.

17. O povsemestnom vvedenii kontrol'nyh vinoizmeryayushchih snaryadov, umen'shenii kolichestva osvobozhdaemogo ot akciza perekura, zamene steklyannogo spirtometra Trallesa metallicheskim i uchrezhdenii Poverochnoj Ekspedicii dlya akciznyh snaryadov [On the widespread introduction of control wine-measuring shells, reducing the number of smoke breaks exempt from excise duty, replacing the glass alcohol meter with a metal one and establishing a Verification Expedition for excise shells]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii = The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2*, vol. 46, pt. 1, no. 49554.

18. RRGIA (Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv) [Russian State Historical Archive], f. 574, op. 7, d. 654, l. 83.

19. Goryushkina N. E., Postnikov N. A. Bor'ba za bezopasnost' i kachestvo alkogol'noj produkcii v Rossii: istoricheskij aspect [The struggle for the safety and quality of alcoholic beverages in Russia: a historical aspect]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Tekhnika i tekhnologii = Proceedings of the Southwest StateUniversity. Series: Engineering and Technologies*, 2018, vol. 8, no. 4 (29), pp. 72–78.

20. GAKO, f. 37, op. 1, d. 292.

21. Goryushkina N. E., Brezhnev O. V., Khrushchev E. G., Rodionova E. A., Sorokina J. V., Voronkova O. Y. Modernization potential capacity of great reforms OF Alexander II: alcohol reform of 1863. *International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering*, 2019, vol. 8, no 12, pp. 737–742.

22. Gumilevskij N. Sushchnost' i celi pitejnoj reformy v Rossii [The essence and goals of the drinking reform in Russia]. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasyulevicha, 1897. 67 p.

23. Smolich M. N. Vred i pol'za vina i pitejnaya reforma [Harm and benefit of wine and drinking reform]. St. Petersburg, Tip. Peterb. tov-va pech. i izd. dela "Trud", 1902. 103 p.

24. Shipov A. P. Nashe zemstvo i nasha vinno-akciznaya Sistema [Our Zemstvo and our wine-excise system]. St. Petersburg, Tip. A. M. Kotomina, 1870. 191 p.

25. Polozhenie o kazennoj prodazhe pitej [Regulations on the state sale of drinks]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii = Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 3*, vol. 14, no. 10766.

Информация об авторе / Information about the Author

Горюшкина Наталья Евгеньевна, доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: gor046@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-4643-0108

Natalia E. Goryushkina, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History and Social and Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: gor046@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-4643-0108

Оригинальная статья / Original article

УДК 316.334.3"1904/1905":94

Призрение семейств нижних чинов запаса и ратников государственного ополчения, призванных по мобилизации в Русско-японскую войну 1904–1905 годов

А. И. Чубаров[1] ✉

[1]ОБУК «Курский областной краеведческий музей»
ул. Луначарского 6, Курск 30500, Российская Федерация

✉ e-mail: chubar1991@mail.ru

Резюме

Актуальность. *В настоящее время внимание исследователей социальной политики Российской империи в основном привлекают денежные выплаты солдаткам во время Первой мировой войны. Данная статья призвана изучить и обобщить накопленный опыт призрения семейств нижних чинов запаса и ратников государственного ополчения, призванных по мобилизации во время Русско-японской войны 1904–1905 годов.*

Целью исследования *является рассмотрение деятельности местных властей и обществ, к которым были приписаны мобилизованные.*

Задача *– изучение реализации «Временных правил о призрении семейств чинов запаса и ратников государственного ополчения, призванных в военное время на службу» от 25 июня 1877 год: порядок назначения, размер пособия, специфика регионального применения.*

Методология. *Методологической основой исследования являются общенаучные (анализ, синтез, обобщение) и специальные исторические методы (системный и сравнительно-исторический метод).*

Результаты. *Впервые положение о призрении солдатских семей было прописано в воинском уставе, утвержденном 1 января 1874 год. Однако размер, формы и методы призрения были законодательно закреплены только во «Временных правилах…» от 25 июня 1877 года. Их реализация уже во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов вызвала нарекания со стороны земских и городских властей. Однако какого-либо радикального изменения действующего закона не последовало, поскольку правительство посчитало накопленный опыт реализации закона недостаточным, из-за незначительного числа мобилизованных. Однако призрение солдатских семей на основании «Временных правил…» во время Русско-японской войны 1904–1905 годов привело к массе жалоб со стороны солдаток, нижних чинов и местных властей.*

Выводы. *Призрение семейств нижних чинов запаса и ратников государственного ополчения на основе «Временных правил…» от 25 июня 1877 года доказало их несостоятельность даже в условиях частичных мобилизаций, что привело к последующей разработке нового закона о призрении солдатских семей.*

Ключевые слова: *Русско-японская война; социальная политика; земство; призрение солдатских семей.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Финансирование: *Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00494 (а).*

Для цитирования: Чубаров А. И. Призрение семейств нижних чинов запаса и ратников государственного ополчения, призванных по мобилизации в Русско-японскую войну 1904–1905 годов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 195–205.

Поступила в редакцию 22.06.2021 Принята к публикации 28.07.2021 Опубликована 30.08.2021

© Чубаров А. И., 2021

Acknowledgment of Families of Lower Ranks of the Reserve and Warriors of the State Militia, Called up for Mobilization in the Russo-Japanese War of 1904-1905

Aleksei I. Chubarov[1] ✉

[1]Regional Budgetary Institution of Culture "Kursk Regional Museum of local history ang geography"
6 Lunacharsky str., Kursk 305000, Russian Federation

✉ e-mail: chubar1991@mail.ru

Abstract

Relevance. *At present, the attention of researchers of the social policy of the Russian Empire is mainly attracted by cash payments to soldiers during the First World War. This article is intended to study and summarize the accumulated experience of charity for the families of the lower ranks of the reserve and warriors of the state militia, called up for mobilization during the Russo-Japanese War of 1904-1905.*

Purpose. *Is an examination of the activities of local authorities and societies to which the mobilized were assigned.*

Objective. *Study of the implementation of the "Provisional rules on the care of families of reserve ranks and warriors of the state militia, called up in wartime to serve" dated June 25, 1877: the procedure for appointment, the amount of the allowance, the specifics of regional application.*

Metodology*. The methodological basis of the research is general scientific (analysis, synthesis, generalization) and special historical methods (systemic and comparative historical method).*

Results. *For the first time, the provision on the charity of soldiers' families was spelled out in the military charter approved on January 1, 1874. However, the size, forms and methods of charity were legislatively enshrined only in the "Provisional Regulations ..." of June 25, 1877. Their implementation was already during the Russian-Turkish wars of 1877-1878 provoked criticism from the zemstvo and city authorities. However, there was no radical change in the current law, since the government considered the accumulated experience in implementing the law insufficient, due to the small number of mobilized people. However, the charity of soldiers' families on the basis of the "Provisional Rules ..." during the Russo-Japanese War of 1904-1905. led to a mass of complaints from soldiers, lower ranks and local authorities.*

Conclusion. *The approval of the families of the lower ranks of the reserve and the warriors of the state militia on the basis of the "Provisional Rules ..." of June 25, 1877 proved their failure even in conditions of partial mobilizations, which led to the subsequent development of a new law on the care of soldiers' families.*

Keyword: *The Russo-Japanese War; social policy; zemstvo; charity of soldiers' families.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

Funding: *The research was performed with financial support RFBR, within a research project No. 19-09-00494 (a).*

For citation: Chubarov A. I. Acknowledgment of Families of Lower Ranks of the Reserve and Warriors of the State Militia, Called up for Mobilization in the Russo-Japanese War of 1904-1905. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(4): 195–205. (In Russ.)

Received 22.06.2021 Accepted 28.07.2021 Published 30.08.2021

***

Введение

Ликвидировав рекрутскую повинность, правительство Александра II перешло к призывной системе комплектования армии. Данный способ пополнения вооруженных сил Российской империи в случае начала боевых действий лишал семьи солдат кормильца и источника средств к существованию. Особым видом призрения в законодательстве Россий-

ской империи являлось призрение семейств нижних чинов запаса и ратников государственного ополчения, мобилизуемых в случае государственной надобности. Впервые государство гарантировало обеспечение семей мобилизованных нижних чинов и ратников государственного ополчения в Уставе «О всеобщей воинской повинности», принятом в январе 1874 г. Устав указывал, что нуждающиеся члены семьи солдата смогут получить помощь от земства и тех сословных обществ (городских, сельских), к которым они приписаны. Размер этой помощи, критерии ее получение, источник финансирования не указывался. Эти вопросы должен был разрешить специальный закон. К началу Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. принять его не успели. 25 июня 1877 г. правительством были утверждены «Временные правила о призрении семейств нижних чинов запаса и ратников государственного ополчения, призванных в военное время на службу». Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. обеспечение семей мобилизованных солдат и ополченцев осуществлялось на основании данного закона: попечение семей воинов, распространявшееся на материально необеспеченные семейства, возлагалось на местные средства.

Методология

Исследование основано на принципах историзма и научной объективности. Данный подход позволяет объективно проанализировать первичные и опубликованные источники с использованием системного и сравнительно-исторического методов.

Результаты и их обсуждение

Первостепенным правом на призрение пользовались жены и дети солдат и ратников. Их обеспечение являлось для земства обязательной повинностью. Оно заключалось в выдаче каждому нуждающемуся определенного количества продуктов питания (муки, крупы и соли) или выплате денег для их покупки. В неземских губерниях призрение осуществлялось за счет земского сбора.

Поскольку местная власть не всегда могла оперативно выявить семейства мобилизованных нижних чинов и ратников государственного ополчения. Заявления о необходимости в пособии помимо земских и городских управ принимались волостными старшинами и в полицейских участках. Волостные старшины и полицейские регистрировали обращения в особых книгах. Затем они вместе со справками об имущественном и семейном положении, необходимыми метрическими выписками передавались местным властям. На рассмотрение заявления законом отводился недельный срок.

Остальные родственники по боковой (братья и сестры) и восходящей (дедушки и бабушки, родители) линиям могли рассчитывать на помощь сельских, городских и сословных обществ, только в том случае, если призванный их материально обеспечивал. Помимо этого, общество, к которому был приписан мобилизованный, должно было бесплатно предоставить его жене помещение с отоплением в месте их постоянного проживания. Однако на практике, например, сельские общества до такой степени были обременены всевозможными повинностями, как денежными, так и натуральными, что оказались не способны оказывать необходимую помощь нуждающимся лицам. Зачастую земство брало на себя эту обязанность. Так произошло в Воронежской губернии [1, с. 9].

Дополнительно указывалось, что, помимо указанных законом мероприятий, местные власти, исходя из собственных средств и возможностей, могут принимать дополнительные меры обеспечения семейств воинов и семей ополченцев, призванных по мобилизации.

Помимо земств и обществ, к которым были приписаны мобилизованные, помощь их семействам на основании общих законов могли оказать городские

думы и самые разнообразные благотворительные общества, действовавшие в Российской империи в рассматриваемый период. Более того, начавшаяся война дала толчок к появлению нового вида общественных организаций, специализировавшихся в том числе и на оказании помощи солдаткам. Однако помощь от них была разрозненной, фрагментарной и ограниченной из-за «жертвовательной» активности населения местности, в которой они действовали.

Данные правила лишь обеспечивали нуждающихся самым необходимым – минимальным набором продуктов, необходимых для пропитания, и крышей над головой. О поддержании домохозяйства в надлежащем порядке и сохранении имущества речи не шло, хотя от нижних чинов Курской и Орловской губерний поступали прошения о пособиях для поддержания крестьянских хозяйств, пришедших в упадок из-за мобилизации «кормильцев» [2, с. 1031–1032; 3, с. 159; 4, с. 50].

В отличие от других законов о призрении «Временные правила…» основывались на совершенно иных принципах обеспечения нуждающихся. Помощь различным категориям родственников мобилизованных нижних чинов и ратников ополчения в полном объеме зависела исключительно от возможностей земских властей и сословных обществ. При этом обеспечение семей солдат и ополченцев продуктами (так называемые «кормовые пайки») носило обязательный характер, поскольку эта обязанность составляла местную повинность. Вторым свойством, присущим рассматриваемому закону, является двойственность в отбытии повинностей предусмотренных им. Если обеспечение жен и детей призванных по мобилизации продовольствием или деньгами, вмененное в обязанности земских органов власти или учреждений, их заменяющих четко прописано в законе и исполнялось в соответствии с «Временными правилами…», то предоставление бесплатных квартир и обеспечение продовольствием остальных родственников, отнесенное к обязанностям обществ, к которым были приписаны призванные по мобилизации, как правило, выполнялось в крайне редких случаях.

Временные правила до Русско-японской войны не имели широкого практического применения, поскольку количество нижних чинов и ратников ополчения, мобилизованных из запаса во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., было невелико, а накопленного аналитического материала было недостаточно [5, с. 80], поскольку накануне войны с Турцией в войска из 44 губерний было призвано чуть больше 224 000 запасных нижних чинов и ратников ополчения [6, с. 338–339]. Позднее, в 1877 г., проводились дополнительные мобилизации, однако число запасных и ополченцев, призванных по ним в войска, было невелико. Опыт реализации закона от 25 июня 1877 г. в войну с Японией 1904–1905 гг., когда было призвано в армии почти 1 200 000 человек, для исследования данной проблемы более благоприятен. Примечательно, что по первым частичным мобилизациям в войсках оказались запасные старших сроков службы в возрасте 39–43 лет [7, с. 218–219]. В некоторых частях действующей армии они составляли 20% от общего числа военнослужащих [8, с. 11].

Уже вскоре после первых проведенных мобилизаций стало ясно, что земский сбор слишком мал для покрытия издержек, вызванных призрением семейств нижних чинов, призывавшихся в ряды действующей армии. Первоначально обязанность призрения семейств запасных нижних чинов и ратников ополчения в земских губерниях возложена на уездные земства. Однако эта ноша оказалась слишком обременительной для них.

При таком положении вещей и земства, и административные органы неземских губерний были вынуждены обращаться за финансовой помощью прави-

тельства. Благодаря напряженной деятельности местных учреждений и центральных ведомств по особому упрощенному порядку данные ходатайства были удовлетворены – просители получили денежные средства, необходимые им для выплат «кормовых пайков» практически без задержек.

Курское земство еще в июне 1904 г. признало призрение семейств мобилизованных общегубернской повинностью [9, с. 73–74]. Однако выделенных на пособия 100 000 руб. оказалось недостаточно: ежемесячно на эти цели требовалось примерно 50 000 руб. В 1904 г. Государственное казначейство предоставило курскому земству кредит в 348 600 руб. [10, с. 167]. В 1905 г. к заимствованиям из казны пришлось прибегать в марте, июле, октябре, ноябре и декабре. Общая сумма кредитов в 1905 г. превысила 733 000 руб. [11, л. 10, 24, 30, 33, 38].

Воронежское земство, признав дело призрения общегубернской повинностью, дважды поднимало перед правительством вопрос о принятии на средства государства повинности по призрению семейств запасных нижних чинов, призванных на действительную военную службу. После того как первое ходатайство было отклонено без объяснения причин, земцы подготовили второе. Согласно тексту документа губернское земское собрание считало, что повинность призрения семейств запасных, вызываемая общегосударственной нуждой, является государственным делом, следовательно, и расходы, вызываемые ею должны производиться за счет государственной казны [12, с. 35–36].

В этом отношении нельзя не согласиться с воронежскими земцами. Расходы по призрению семей мобилизованных для защиты страны солдат и ополченцев являются прямым последствием войны и должны производиться из общего источника, из которого берутся средства для покрытия издержек военного времени, т. е. из Государственного казначейства. Помимо теоретических выводов к данному решению приводят и практические соображения – явная непосильность данных расходов для местных администраций и крайняя неравномерность в отбытии этой повинности между разными губерниями Российской империи. Для подтверждения этого тезиса обратимся к статистике. Так, за время войны с Японией некоторые губернии Европейской России (Уфимская, Самарская, Пензенская и др.) поставили из запаса 1,4% к общему числу народонаселения этих губерний, в то время как, например, Гродненская губерния – лишь 0,2%. Средний же процент призванных по Европейской России (без царства Польского и Кавказского региона) составил 0,9%. В местностях, расположенных в непосредственной близости от театра боевых действий, помимо мобилизации запасных нижних чинов, было созвано государственное ополчение, поэтому процент мобилизованных от общего числа населения оказался еще выше. В Томской губернии он составил 2,3%, в Тобольской – 2,2%, в Приамурском генерал-губернаторстве – 2,1% [13, с. 76].

Отдельно стоит отметить, что проведенные правительством в 1904–1905 гг. частичные мобилизации затрагивали не все уезды в рамках одной губернии. Так, в Курской губернии первые мобилизации были проведены в 8 уездах из 15, последующие – в 10 из 15. В соседней Орловской губернии за время войны мобилизации были проведены в 8 уездах из 12 [14, с. 120].

Из тех местностей, в которых во время Японской войны были произведены призывы запасных нижних чинов и ратников ополчения, лишь 7 неземских губерний (Астраханская, Виленская, Ковенская, Курляндская, Лифляндская, Оренбургская и Эстляндская) и 3 земские (Владимирская, Вологодская и Симбирская) не воспользовались ссудами из казны [15, л. 92 об.].

Общий размер затрат на обеспечение семей солдат и ополченцев за 32 месяца с 1 февраля 1904 г. по 1 октября 1906 г. со-

ставил 68 860 859 руб. При этом львиная доля этих средств была израсходована на губернии, находящиеся в Европейской части Российской империи – 57 848 645. «Азиатские» губернии на нужды семейств мобилизованных потратили 8 973 540, Кавказский регион – 38 674. Примерно 1/5 всех средств (12 702 048 руб.) потрачено из местных источников, остальные 54 158 811 руб. – казенные средства [13, с. 75]. Чтобы покрыть расходы на призрение солдатских семей, местные власти были вынуждены прибегать к беспроцентным ссудам. После окончания войны деньги необходимо было вернуть в Государственное казначейство. Царским указом, принятом в 1912 г., с губерний списывалась эта обязанность. Правительство сложило с местных властей обязанность по выплатам в общей сложности более 46 518 650 руб. Возвращению в казну подлежали только те средства, которые были потрачены на аренду жилья для солдаток и выплаты пособий семействам мобилизованных земских служащих. Они должны были осуществляться исключительно за счет губернских земств.

Воспользовались пособиями в 59 губерниях Российской империи 877 023 семьи, примерно 73,16% из числа мобилизованных нижних чинов и ратников ополчения. Общее число лиц, получивших пособие, составило 2 442 652 человека. Средний состав семьи – 2,76. Средний размер пособия на 1 призреваемое лицо в Центрально-Черноземном регионе колебался от 1,5 руб. в месяц в Воронежской и Курской губерниях до 1,75 руб. – в Тамбовской губернии [16, с. 210]. Во Владимирской губернии выплаты по уездам разнились от 1,8 до 2 руб. [17, с. 187–188].

При этом процент семейств, получающих помощь в различных местностях, был неодинаков. Например, в Лифляндской губернии он составлял 30%, в Воронежской – 47,9%, а в Курской достигал 93% [13, с. 75]. Всего в Курской губернии мобилизовано 28 505 военнообязанных, получали пособие 23 131 семей или 70 750 человек [15, л. 97 об.]. Самый высокий показатель выплат солдатским семьям от общего числа мобилизованных отмечен в Харьковской губернии – 97%.

Первоначально на местах власти не смогли в кратчайшие сроки составить списки мобилизованных и провести имущественное обследование их семей. Так, в Бобровском уезде Воронежской губернии после июньской мобилизации 1904 г. только 17 семей получили пособие, в июле призревалось уже 983 семьи. Аналогичная картина просматривается в Землянском уезде Воронежской губернии 11 и 289 соответственно [1, с. 4 об.].

Сосредоточение дела призрения практически в одних земствах и административных учреждениях неземских губерний на практике привело к значительным затруднениям, вызванных значительным количеством прямых обязанностей у служащих земских управ и распорядительных комитетов. При таком положении вещей сложная и ответственная часть назначения продовольственной выплаты – определение имущественной состоятельности или несостоятельности – перелагалось на волостные правления как учреждения, наиболее знакомые с жизнью населения. Однако волостные правления, опять же из-за загруженности делами, передавали сбор сведений об имущественном положении заявителей сельским властям. Их деятельность отличалась двумя крайностями – или признанием всех без исключения семейств нуждающимися, что противоречило действующему законодательству, или же отказ в ходатайстве о назначении пособия без достаточных на то оснований [13, с. 76]. В последнем случае недовольные заявители заваливали местные и центральные административные учреждения жалобами и прошениями. Заметим, что само определение «на глаз» имущественного состояния семьи мобилизованного

вызывало определенные затруднения у местных властей и зачастую приводило к «неоднобразию определения» в разных местностях [18, с. 637–638].

Основания для отказа в пособии могли быть разные. Трех крестьянок Тимского уезда Курской губернии лишили пособия из-за того, что каждая из них имела от 1 до 2 десятин земли в общедолевой собственности [19, л. 1–2].

Ситуацию усугубляло то, что ходатайства о пособии рассматривались местными властями с опозданием, а денежные средства семьям мобилизованных выдавались с задержкой [20, с. 183].

На местах земские управы и учреждения, ведающие делом призрения в неземских местностях, как правило, требовали от солдаток, обремененных детьми, и других родственников нижних чинов и ополченцев для получения полагающихся им выплат приезжать в уездные города. Зачастую расходы на проезд ввиду отдаленности места жительства от уездного города покрывались из получаемого для продовольственной надобности пособия. Позже, по настоянию МВД, выплаты стали производить на местах через волостные (гминные) правления [15, л. 35].

Министерство внутренних дел, основываясь на поступающих к ним жалобах, сделало вывод о том, что многие распорядительные комитеты, земские и городские власти в буквальном смысле трактовали некоторые пункты «Временных правил…». В частности, выплаты полагающихся пособий семействам нижних чинов прекращались сразу же при возвращении главы семейств на родину даже в краткосрочный отпуск. Часто семья солдата или ратника ополчения, неспособного к дальнейшему отбыванию действительной службы из-за инвалидности, лишалась помощи от местных властей [15, л. 53], хотя, согласно закону, выплаты должны продолжаться до назначения пенсии.

Для того чтобы изменить сложившееся положение, одинаково обременительное и для нуждающихся, и для органов, ведавших призрением, а также для лучшего изучения вопросов об имущественном и семейном состоянии солдаток требовалось создание специального органа на местах, в который вошли бы местные жители, пользовавшиеся авторитетом среди населения. Такие попечительства необходимо было создавать на разных уровнях, начиная с волостного и заканчивая губернским. Наибольшая работа ложилась на плечи волостных попечительств. Его представители должны были разработать, исходя из специфики местных условий, критерии состоятельности, необходимые для имущественного обследования солдаток, просящих о пособии. Помимо этого, на попечительства ложится обязанность по наблюдению за правильной и своевременной раздачей ответственным лицам денежных средств для выплат пособий нуждающимся и поиск дополнительных финансов, необходимых для предоставления солдаткам бесплатного жилья и иных, не указанных в законе, вспомоществлений нуждающимся семействам мобилизованных нижних чинов и ратников ополчения. Во время Русско-японской войны такие попечительства были созданы только в земской Полтавской губернии и неземской – Тобольской. Особняком стояла Томская губерния, где распределением пособий солдатским семьям занималось губернское управление [21, с. 664].

В Полтавской губернии волостные попечительства, помимо возложенных на них «Временными правилами…» обязанностей, самостоятельно организовывали сбор пожертвований и их распределение между наиболее нуждающимися семьями. Волостные попечительства, образованные в Тобольской губернии, главным образом занимались распределением среди беднейших семейств нижних чинов и ратников ополчения пожертвований, по-

ступающих именно на эти цели. Деятельность волостных попечительств в обоих случаях курировалась и объединялась с деятельностью губернского попечительства и его уездных отделениях [16, с. 76–77]. Как правило, в волостные попечительства входила сельская интеллигенция: местные землевладельцы, священники, учителя, медицинские работники и т. д.

Война с Японией указала и на юридический пробел «Временных правил…» от 25 июня 1877 г.: солдаты, отбыв установленный срок службы, задерживались в войсках, но в запас они не переводились. Их семьи не получали право на призрение.

После подписания Портсмудского мирного договора местные власти, отвечавшие за призрение солдаток, не дожидаясь демобилизации армии, стали самовольно сворачивать выплаты солдатским семьям. Данный шаг вызвал волну возмущения. Правительству пришлось напомнить региональным чиновникам о действующем законодательстве. Указ о приведении войсковых подразделений на мирное положение не был подписан Николаем II в течение года после заключения мира с Японией. Выплаты семействам нижних чинов и ратников ополчения, не вернувшимся домой, продолжились и в 1906 г. Однако в августе 1906 г. местные власти, ссылаясь на «Временные правила…», заявили о прекращении обеспечения солдаток с 1 октября 1906 г. Последние выплаты были произведены в августе за 3 месяца вперед.

Выводы

Опыт призрения семей нижних чинов запаса и ратников государственного ополчения, накопленный за период Русско-японской войны 1904–1905 гг., показал несовершенство «Временных правил…», утвержденных еще во времена войны с Турцией 1877–1878 гг. В первую очередь расходы, связанные выплатами денежного пособия семействам мобилизованных, ложились тяжелым бременем на бюджеты земств и администраций неземских регионов. Местные власти решали данную проблему по-своему. В одной местности размер пособия был ниже, чем цены на продукты, указанные в законе. Деньги, пусть немного, но выплачивались большинству из нуждающихся. Где-то, наоборот, выплаты в полном объеме получали только родственники солдат и ополченцев, призванных в первые частичные мобилизации, а остальным – отказывали в назначении пособия под различными предлогами. И тот, и другой подход вызывал массу нареканий и жалоб, которые доходили до действующей армии. Лишь значительные государственные субсидии позволили снять остроту кризиса. Во-вторых, общества, за которыми были закреплены мобилизованные, фактически самоустранились от обязанностей, возложенных на них «Временными правилами…». В результате царское правительство пересмотрело действующее законодательство, утвердив 25 июня 1912 г. закон о государственном призрении семей мобилизованных нижних чинов и ратников государственного ополчения.

Список литературы

1. Журналы Воронежского губернского земского собрания очередной сессии 12–15 января 1905 г. и Чрезвычайной 3–16 марта 1905 г. Воронеж: Типолитогр. тов-ва «Н. Кравцов и К^0», 1905. XLVII, 111, 812, XVII с.

2. Свод постановлений губернского земства за 10 лет (с 1903 по 1913 гг. включительно) / под ред. Н. И. Маноцкова. Курск: Тип. губ. земства, 1915. VII, 1094 с.

3. Журналы заседаний XLI очередного Курского губернского земского собрания 1906 г. Курск: Тип. губ. земства, 1906. 16, V, 1306 с.

4. Гаврилюк И. В. Крестьянское движение в Орловской губернии в период Первой российской революции: дис. канд. … ист. наук. Орел, 2013. 475 с.

5. Павлова И. П. Складывание системы государственной социальной помощи семьям солдат в России в конце XIX – начале XX вв. // Военные традиции России: история, психология, культура. СПб., 2000. С. 80–83.

6. Зайончковский П. А. Военные реформы 1860–1870-х годов в России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952. 375 с.

7. Куропаткин А. Н. Записки о Русско-японской войне. М.: Вече, 2015. 480.

8. Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М.: Наука, 1986. 242 с.

9. Журнал заседания экстренного Курского губернского земского собрания 24 июня 1904 г. Курск: Тип. губ. земства, 1904. 164 с.

10. Журнал заседания экстренного Курского губернского земского собрания 10–11 июня 1905 г. Курск: Тип. губ. земства, 1905. 250 с.

11. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. 54. Оп. 1. Д. 1279.

12. Журналы Воронежского губернского земского собрания чрезвычайной сессии 1–3 июля 1905 г. Воронеж: Типолитогр. тов-ва «Н. Кравцов и К^0», 1905. VIII, 22, 40, IV с.

13. Кукуранов П. С. Призрение семейств нижних чинов запаса и ратников государственного ополчения, призванных в Русско-японскую войну на действительную службу // Первый Всероссийский съезд деятелей по общественному и частному призрению. СПб.: тип. И. В. Леонтьева, 1910. С. 73–79.

14. Чубаров А. И. Призрение в Российской империи семейств солдат, мобилизованных во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Война в человеческом измерении: идеология, психология, повседневность, историческая память: материалы Международной научной конференции. СПб.: Алетейя, 2021. С. 119–126.

15. Центральный государственный исторический архив. Ф. 259. Оп. 1. Д. 1188.

16. Щербинин П. П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов: Юлис, 2004. 508 с.

17. Белова Е. Е. Культурно-исторический смысл общественного призрения русских военнослужащих последней четверти XIX – начала XX вв. (по материалам губерний Центральной промышленной области): дис. … канд. ист. наук. Ярославль, 2014. 264 с.

18. К-ов П. Временные правила 25 июня 1877 г. и закон от 25 июня 1912 г. по призрению семей запасных и ратников ополчения // Призрение и благотворительность в России. 1914. № 6–7. С. 635–643.

19. ГАКО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 133.

20. Ростов Н. Д., Ширшов М. А. Призыв ратников Государственного ополчения в Сибирском военном округе в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. № 2. С. 177–185.

21. Катцина Т. А. Организация социальной поддержки населения Сибири в годы Русско-японской войны (1904–1905 гг.) // Былые годы. 2015. № 3 (37). С. 663–669.

References

1. Zhurnaly Voronezhskogo gubernskogo zemskogo sobraniya ocherednoj sessii 12–15 yanvarya 1905 g. i Chrezvychajnoj 3–16 marta 1905 g. [Journals of the Voronezh Provincial Zemstvo Assembly of the regular session of January 12-15, 1905 and the Extraordinary session

of March 3-16, 1905]. Voronezh, Tipolitogr. tov-va "N. Krav-cov i K0", 1905. XLVII, 111, 812, XVII p.

2. Svod postanovlenij gubernskogo zemstva za 10 let (s 1903 po 1913 gg. vklyuchitel'no) [A set of resolutions of the provincial Zemstvo for 10 years (from 1903 to 1913 inclusive)]; ed. by N. I. Manockova. Kursk, Tip. gub. zemstva, 1915. VII, 1094 p.

3. Zhurnaly zasedanij XLI ocherednogo Kurskogo gubernskogo zemskogo sobraniya 1906 g. [The logs of the meetings of the XLI regular Kursk provincial Zemsky Assembly of 1906]. Kursk, Tip. gub. zemstva, 1906. 16, V, 1306 p.

4. Gavrilyuk I. V. Krest'yanskoe dvizhenie v Orlovskoj gubernii v period Pervoj rossijskoj revolyucii. Diss. kand. ist. nauk [The peasant movement in the Orel province during the First Russian Revolution. Cand. hist. sci. diss.]. Orel, 2013. 475 p.

5. Pavlova I. P. Skladyvanie sistemy gosudarstvennoj social'noj pomoshchi sem'yam soldat v Rossii v konce XIX – nachale XX vv. [The formation of the system of state social assistance to soldiers ' families in Russia in the late XIX-early XX centuries]. Voennye tradicii Rossii: istoriya, psihologiya, kul'tura [Military traditions of Russia: history, psychology, culture]. St. Petersburg, 2000, pp. 80–83.

6. Zajonchkovskij P. A. Voennye reformy 1860–1870-h godov v Rossii [Military reforms of the 1860s and 1870s in Russia]. Moscow, Mosk. Univ. Publ., 1952. 375 p.

7. Kuropatkin A. N. Zapiski o Russko-yaponskoj vojne [Notes on the Russian-Japanese War]. Moscow, Veche Publ., 2015. 480 p.

8. Beskrovnyj L. G. Armiya i flot Rossii v nachale XX v. Ocherki voenno-ekonomicheskogo potenciala [The Army and Navy of Russia in the early twentieth century. Essays on the military-economic potential]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 242 p.

9. Zhurnal zasedaniya ekstrennogo Kurskogo gubernskogo zemskogo sobraniya 24 iyunya 1904 g. [Journal of the meeting of the emergency Kursk Provincial Zemsky Assembly on June 24, 1904.]. Kursk, Tip. gub. zemstva, 1904. 164 p.

10. Zhurnal zasedaniya ekstrennogo Kurskogo gubernskogo zemskogo sobraniya 10–11 iyunya 1905 g. [Journal of the meeting of the emergency Kursk Provincial Zemsky Assembly on June 10-11, 1905]. Kursk, Tip. gub. zemstva, 1905. 250 p.

11. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [State Archive of the Kursk Region], f. 54, op. 1, d. 1279.

12. Zhurnaly Voronezhskogo gubernskogo zemskogo sobraniya chrezvychajnoj sessii 1–3 iyulya 1905 g. [Journals of the Voronezh Provincial Zemsky Assembly of the extraordinary session of July 1-3, 1905.]. Voronezh, Tipolitogr. tov-va "N. Kravcov i K0", 1905. VIII, 22, 40, IV p.

13. Kukuranov P. S. Prizrenie semejstv nizhnih chinov zapasa i ratnikov gosudarstvennogo opolcheniya, prizvannyh v Russko-yaponskuyu vojnu na dejstvitel'nuyu sluzhbu [Prizrenie of families of the lower ranks of the reserve and soldiers of the state militia, called up for active service in the Russian-Japanese War]. Pervyj Vserossijskij s"ezd deyatelej po obshchestvennomu i chastnomu prizreniyu [The First All-Russian Congress of Public and Private Charity Workers]. St. Petersburg, Tip. I. V. Leont'eva, 1910, pp. 73–79.

14. Chubarov A. I. [The prizrenie in the Russian Empire of the families of soldiers mobilized during the Russo-Japanese war of 1904–1905]. *Vojna v chelovecheskom izmerenii: ideologiya, psihologiya, povsednevnost', istoricheskaya pamyat'. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [War in the human dimension: ideology, psychology, everyday life, historical memory. Materials of the International Scientific Conference]. St. Petersburg, Aletejya Publ., 2021, pp. 119–126. (In Russ.)

15. Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Central State Historical Archive], f. 259, op. 1. d. 1188.

16. Shcherbinin P. P. Voennyj faktor v povsednevnoj zhizni russkoj zhenshchiny v XVIII – nachale XX v. [The military factor in the everyday life of a Russian woman in the XVIII – early XX century]. Tambov, Yulis Publ., 2004. 508 p.

17. Belova E. E. Kul'turno-istoricheskij smysl obshchestvennogo prizreniya russkih voennosluzhashchih poslednej chetverti XIX – nachala XX vv. (po materialam gubernij Central'noj promyshlennoj oblasti). Diss. kand. ist. nauk [The cultural and historical meaning of the public charity of Russian servicemen of the last quarter of the XIX-early XX centuries. (based on the materials of the provinces of the Central Industrial region). Cand. hist. sci. diss.]. Yaroslavl', 2014. 264 p.

18. K-ov P. Vremennye pravila 25 iyunya 1877 g. i zakon ot 25 iyunya 1912 g. po prizreniyu semej zapasnyh i ratnikov opolcheniya [K-ov P. Temporary rules of June 25, 1877 and the law of June 25, 1912 on the protection of families of reserve and militia soldiers]. *Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii = Charity and charity in Russia,* 1914, no. 6–7, pp. 635–643.

19. GAKO, f. 141, op. 1, d. 133.

20. Rostov N. D., Shirshov M. A. Prizyv ratnikov Gosudarstvennogo opolcheniya v Sibirskom voennom okruge v gody Russko-yaponskoj vojny 1904–1905 gg. [The call of the warriors of the State Militia in the Siberian military district during the Russian-Japanese war of 1904-1905]. *Izvestiya Labora-torii drevnih tekhnologij = News of the Laboratory of Ancient Technologies*, 2018, no. 2, pp. 177–185.

21. Katcina T. A. Organizaciya social'noj podderzhki naseleniya Sibiri v gody Russko-yaponskoj vojny (1904–1905 gg.) [Organization of social support for the population of Siberia during the Russian-Japanese War (1904-1905)]. *Bylye gody = Bygone years*, 2015, no. 3 (37), pp. 663–669.

Информация об авторе / Information about the Author

Чубаров Алексей Игоревич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, ОБУК «Курский областной краеведческий музей», г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: chubar1991@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-7828-2306

Aleksei I. Chubarov, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department, Regional Budgetary Institution of Culture "Kursk Regional Museum of local History ang Geography", Kursk, Russian Federation,
e-mail: chubar1991@mail.ru,
ORCID 0000-0002-7828-2306

Оригинальная статья / Original article

УДК 796.6(470.323)«19/20»

Зарождение велоспорта в городе Курске конца XIX – начала XX века

О. М. Цуканова[1], Г. Г. Карпова[1] ✉

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: karpova.gelika@yandex.ru

Резюме

Актуальность *нашего научного исследования обусловлена неизменной популярностью велосипедного спорта не только в России, но и в мире в целом. Свидетельством тому являются ежегодные чемпионаты мира, проводимые под руководством Международного союза велосипедистов (UCI), а также Олимпийские игры, где велогонки привлекают большое количество болельщиков и почитателей этого вида спорта в течение уже более ста лет. Интерес представляет история зарождения этого вида спорта не только в столичных городах, но и в провинции, так как немало именитых спортсменов являются выходцами из малых городов России.*

Целью *научного поиска является исследование исторических фактов, связанных с зарождением велосипедного спорта в Курске конца XIX – начала XX века.*

Задача *исследования заключается в изучении и анализе архивных и иных материалов, посвящённых организации и зарождению первых спортивных обществ любителей велосипедного спорта, которые заложили основы для его становления и развития в Курской губернии в конце XIX – начале XX века.*

Методология*. Методологическая основа научного исследования базируется на принципах историзма и объективности. В статье использованы историко-генетический и историко-сравнительный методы.*

Результаты. *Зарождение велоспорта в губернском городе Курске конца XIX – начала XX века шло нелёгким путём. Первым организатором циклодрома (велодрома), где обучали желающих катанию на двухколёсном велосипеде за определённую плату, было частное лицо. Несмотря на приложенные усилия по привитию интереса публики к велосипедному спорту это начинание потерпело крах. Следующая попытка продвижения и развития велоспорта связана с «Курским обществом велосипедистов-любителей», которое имело официальный статус, получило всестороннюю поддержку со стороны городских властей и купечества, проводило соревнования местного и междугороднего уровней. Однако конфликт с городской думой привёл к провалу и этого предприятия.*

Выводы. *Зарождение велоспорта в Курской губернии конца XIX – начала XX века шло нелёгким путём взлётов и падений. Однако в том, что из состязаний, проводимых велосипедистами-любителями, вышли первые чемпионы города, уже заключалась победа велоспорта Курского края. Эти небольшие победы позволили в дальнейшем воспитать на курской земле велосипедистов, будущих чемпионов мира и Олимпийских игр.*

Ключевые слова: *велосипед; велоспорт; циклодром; состязания велосипедистов.*

Конфликт интересов: *Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи*.

Для цитирования: Цуканова О. М., Карпова Г. Г. Зарождение велоспорта в городе Курске конца XIX – начала XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 206–215.

Поступила в редакцию 09.06.2021 Принята к публикации 16.07.2021 Опубликована 30.08.2021

© Цуканова О. М., Карпова Г. Г., 2021

The birth of Cycling in the City of Kursk in the Late Nineteenth early Twentieth Century

Olga M. Tsukanova[1], Galina G. Karpova[1] ✉

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: karpova.gelika@yandex.ru

Abstract

The relevance *of our scientific research is due to the continued popularity of cycling not only in Russia, but also in the world as a whole. This is evidenced by the annual World Championships held under the leadership of the International Cycling Union (UCI), as well as the Olympic Games, where cycling has attracted a large number of fans and admirers of this sport for more than a hundred years. The history of the origin of this sport is interesting not only in the capital cities, but also in the provinces, as many famous athletes come from small towns in Russia.*

The purpose *of the scientific search is to study historical facts related to the formation and development of cycling in the Kursk province of the late nineteenth century – early twentieth century.*

The objectives *of the research is to study and analyze archival historical and other materials devoted to the organization of the first sports societies of cycling enthusiasts, which laid the foundations for its formation and development in the Kursk province in the late XIX – early XX century.*

Methodology*. The methodological basis of scientific research is based on the principles of historicism and objectivity. The article uses historical-genetic and historical-comparative methods.*

Results. *The formation and development of cycling in the Kursk province of the late nineteenth century-early twentieth century was not easy. The first organizer of the cyclodrome (velodrome), where people were taught to ride a two-wheeled bicycle for a fee, was a private person. Despite the efforts made to instill public interest in cycling, this initiative failed. The next attempt to promote and develop cycling is connected with the "Kursk Society of Amateur Cyclists", which had an official status, received full support from the city authorities and merchants, and held competitions at local and intercity levels. However, the conflict with the city duma led to the failure of this enterprise.*

Conclusions. *The birth of cycling in the city of Kursk province of the late nineteenth century-early twentieth century was not an easy path of ups and downs. However, the fact that the first champions of the city came out of the competitions held by amateur cyclists was already the victory of cycling in the Kursk Region. These small victories made it possible to further educate cyclists, future world and Olympic champions, on the Kursk land.*

Keywords*: bicycle; cycling; cyclodrome; competitions of cyclists.*

Conflict of interest: *The Authors declares the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Tsukanova O. M., Karpova G. G. The birth of Cycling in the City of Kursk in the Late Nineteenth early Twentieth Century. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(4): 206–215. (In Russ.)

Received 09.06.2021 Accepted 16.07.2021 Published 30.08.2021

***

Введение

Исследование зарождения велоспорта актуально и интересно не только узкому кругу учёных, изучающих историю спортивной деятельности различных клубов, кружков и обществ в столице и регионах России, но и любителям этого вида спорта, который не теряет свою мировую популярность в течение более чем ста двадцати лет. Сегодня широко известны такие мировые ежегодные состязания велосипедистов, как Чемпионат мира по шоссейным гонкам, проводимый под эгидой Международного союза вело-

сипедистов (UCI): «Тур де Франс» (с 1903 г.), «Ла Примавера» (с 1907 г.), «Джиро д'Италия» (с 1909 г.), «Вуэльта Каталонии» (с 1911 г.), «Тур Фландрии» (с 1913 г.) и др.

Велосипедные гонки являются одним из ярких состязаний на каждых Олимпийских играх. В 1912 г. русские велосипедисты впервые приняли участие в Олимпийских играх, проводившихся в Стокгольме. Позже, уже в советское время, курские спортсмены становились победителями чемпионатов мира и Олимпийских игр. Так наш земляк Е. П. Клевцов в составе сборной СССР получил бронзовую медаль в командной шоссейной гонке велосипедистов на 100 км на XVII летних Олимпийских играх 1960 г. в Риме. Самого яркого успеха добился велосипедист-курянин Валерий Андреевич Чаплыгин, «золотой» чемпион Олимпийских игр в Монреале (1976 г.), многократный чемпион мира и победитель чемпионатов СССР [1].

Весьма актуально, на наш взгляд, узнать, с чего начинался велоспорт в Курском крае конца XIX – начала XX в., какие трудности приходилось преодолевать и какие проблемы решать нашим землякам – «первопроходцам» этого вида спорта, чтобы достичь впоследствии международного признания.

Методология

Учитывая поставленную в исследовании задачу – изучить исторические материалы об организации первых спортивных обществ любителей велосипедного спорта, которые заложили основы для его зарождения и становления в Курске в конце XIX – начале XX века, авторы научной статьи опирались на принципы историзма и объективности, позволяющие рассмотреть предмет научного поиска в динамике и защитить научную истину от субъективных ошибок. В ходе исследования были применены следующие научные методы: историко-генетический и историко-сравнительный, которые дали возможность проследить последовательность происходящих процессов в их развитии, сопоставить и обобщить конкретные общественно-исторические события.

Результаты и их обсуждение

В конце XIX в. велосипедный спорт в Курском крае приобрёл большую популярность и назывался он в ту пору «циклизмом» [2].

Увлечение велосипедом жителей города Курска получило своё развитие благодаря организаторским способностям и энергичной деятельности любителя спорта и здорового образа жизни А. П. Белофостова, который служил в курском реальном училище в должности помощника классного наставника старших классов. Им был присмотрен заброшенный участок земли для своего катка по ул. Чистой, Фроловской и Золотой. А. П. Белофостов обратился в Курскую городскую управу с заявлением об аренде этого заброшенного места. Городские власти согласились предоставить Белофостову данную территорию для организации катка. Каток с успехом функционировал зимой, а в летнее время года на его площадке желающие могли обучаться и кататься на велосипедах.

Весной 1890 г. А. П. Белофостов приступил к оборудованию циклодрома, арендовав территорию на семь лет. В июне 1890 г. работы по сооружению велодрома были завершены и его открыли для занятий.

В 1890 г. газета «Курский листок» писала: «Не так давно в Курске г. Белофостовым открыт велодром. К сожалению, наша публика смотрит на велосипедную езду как на забаву, а между тем велосипедная езда представляет один из самых практических способов передвижения…» [3].

Интересно, что на циклодроме Белофостовых в течение двух недель ездить на велосипеде научилось 14 человек. Газета «Курские губернские ведомости» сообщала: «За недорогую плату г. Белофостов выучивает ездить на двухколесном велосипеде (бисайкль) и отпускает велосипеды напрокат. Говорят, что за последнее время в Курске насчитывается до 40 велосипедистов… Теперь уже не редкость встретить на улице велосипедиста, направляющегося за город или возвращающегося оттуда» [4].

Уже 16 сентября 1890 г., как сообщали «Курские губернские ведомости», на городском ипподроме состоялся первый праздник велосипедистов. В программу этого праздника вошло состязание между двумя велосипедистами для получения приза. Во время праздника играл оркестр Козловского полка. Хорошая погода привлекла на ипподром много публики, которой за известную плату были предложены места, откуда зрители и наблюдали поездку велосипедистов и состязания. Было 20 велосипедистов, которые катались поодиночке, парами т. д. Приз *серебряные часы* получил некто Г. Давыдов. В числе катающихся было несколько дам. Праздник закончился фейерверком» [5].

Таким образом, Г. Давыдова можно считать первым чемпионом города Курска по велоспорту. Программа праздника состояла из велогонок, так называемой «быстрой езды» на дистанции 1 верста, 5 верст, «тихой езды» на дистанции 100 сажень, где это расстояние нужно было проехать за четыре минуты, велоезды с четырьмя препятствиями и состязаний женщин.

По сведениям газеты «Курский листок», 15 сентября 1891 г. на Курском циклодроме Белофостовых состоялись состязания велосипедистов-любителей: 1 приз, серебряный жетон за быструю езду, дистанция 5 кругов или 1 верста. Норма 2 ½ мин. Состязались шесть велосипедистов: Стоян прошел дистанцию за 2 мин 9 сек, Якобсон и Рымаренко – за 2 мин 11 сек, Дирсен – за 2 мин 12 сек, Гинзбург – за 2 мин 14 сек, Никифоров – за 2 мин 25 сек. Победителем стал Стоян.

2 приз – серебряный жетон за тихую езду, дистанция 100 сажень, норма 5 минут – не достался никому из участников. Соревновались Пушкарев, Стоян, Рымаренко, Якобсон, Белофостова, но никто из участников не выполнил нормы.

3 приз – первого курского велосипедиста в 1891 г., золотой жетон, дистанция 5 верст, норма 15 минут. Состязались пять человек. Дирсен прошёл дистанцию за 11 мин 20 сек, показатели Рымаренко и Якобсона оказались одинаковыми – 12 мин 3 сек, Стоян преодолел дистанцию за 12 мин 1 сек, Гинсбург – за 9 мин 6 сек. Приз был завоеван Гинсбургом.

4 приз для дам – золотой браслет, дистанция 1 верста. Норма 3 мин 15 сек. Состязались три человека. Результаты Яковлевой – 2 мин 52 сек, Рудневой – 3 мин 32 сек, Веры Белофостовой – 2 мин 25 сек. Она и получила золотой браслет. Велосипедисты ехали на велосипедах английской фабрики «Рудж» [6].

Таким образом, в этом состязании велосипедистов города Курска приняло участие семеро мужчин и три женщины, всего десять человек. Звание первой чемпионки Курска по велосипеду среди женщин в 1891 г. получила Вера Белофостова. Соревнования приобрели популярность и стали проводиться регулярно. Появились и болельщики. Было проведено первенство города Курска по велоспорту. Результаты оказались невысокими, но это говорит лишь о недостаточных тренировках курских велосипедистов. Кроме того, длина круга составляла всего 100 саженей, а не общепринятые 166.

Главное заключалось в том, что вокруг А. П. Белофостова сконцентрировалась группа энтузиастов: мужчины – Н. Гинсбург, Стоян, Н. Рымаренко, Федоровский, Якобсон, Ефремов, Дирсен, Кобылянский, Новосильцев, Пушкарев; юноши – Б. Рымаренко, В. Бородаевский, Орлов, Цыбулинский, И. Дубровинский, Зикеев (12 лет) и девушки – В. Белофостова, Яковлева, Руднева. Выдающимися спортсменами они не стали, но некоторые из них заняли достойное место в истории России и города Курска [1; 7]. Это революционер Иннокентий Дубровинский (его имя носит одна из улиц города Курска), поэт Валериан Бородаевский [8], предприниматель-промышленник Новосильцев, дети знаменитого курского фотографа Рымаренко.

В 1892 г. в Москве и Петербурге стали выходить первые русские спортивные журналы: «Велосипедист и речной яхт-клуб» (Москва) и «Велосипед» (С.-Петербург). А. П. Белофостов давал в оба журнала ряд хроникальных заметок о курском спорте и, таким образом, его следует считать первым курским спортивным корреспондентом как столичных спортивных журналов, так и местной прессы.

Вот одна из корреспонденций А. П. Белофостова: «В июне 1890 года я устроил циклодром в центре города и купил 3 велосипеда для женщин обучаться. В первый сезон публика как-то странно смотрела на это полезное занятие. Так… представитель одного из учебных заведений нашего города запретил учителям своим посещать циклодром как место неприличное, и какого было его изумление, когда в настоящем году он прочел в местной газете, что езда на велосипеде будет введена в программу средних учебных заведений» [9].

В номере № 2 от 25 января 1892 г. журнала «Велосипедист и речной яхт-клуб» мы находим следующие ответы редакции журнала А. П. Белофостову: «…Ваше письмо нас несказанно обрадовало; видно, что Вы истинный любитель спорта. Нам чрезвычайно будет приятно считать Вас своим сотрудником. Журнал будем Вам высылать» [10].

Кроме упражнений на циклодроме, велосипедисты предпринимали экскурсии в окрестности Курска, иногда проезжали при этом большие расстояния. Так, например, несколько велосипедистов совершили поездку в Фатеж по Московскому шоссе, г. Борзенков – на велосипеде в Дьяконово (25 верст от Курска) и обратно.

В течение 1892 и 1893 гг. платный летний циклодром и зимний каток еще существовали и были открыты для учащейся молодежи курских средних учебных заведений. Курский краевед Ю. А. Бугров в своей монографии «История спорта Курского края» отмечал, что «…к летнему сезону 1892 года число любителей велоспорта значительно возросло, только участников езды на циклодроме достигло 30 человек». Все они должны были платить хозяину циклодрома большие взносы [11, с. 39]. Однако ученикам гимназий и средних учебных заведений распоряжением Министерства просвещения воспрещалось принимать участие в публичных спортивных состязаниях с выдачей призов, поэтому Белофостов теперь и не проводил соревнований. Поддержки от властей не было, и он отказался от аренды у города места для циклодрома. Городской управой оно в 1894 г. было сдано А. Н. Фатееву под лесной и дровяной склад. И лишь в начале XX в. эта территория была определена под строительство Мариинской женской гимназии.

Развитие велосипедного спорта в Курском крае имело несколько взлетов и падений [12; 13].

Не только А. П. Белофостов радел за развитие интереса к велосипеду. Идея со-

здания в Курске спортивного общества велосипедистов вызрела весной 1892 г. «Лица, сочувствующие учреждению в Курске «Общества велосипедистов-любителей» приглашаются пожаловать 24 апреля месяца в 9 часов утра в помещение Общественного клуба для обсуждения проекта Устава общества и подписания прошения на имя господина Начальника губернии» [14]. Собрание состоялось. Устав был утвержден. Заявление на имя начальника губернии с просьбой утвердить устав подписали коллежский асессор Николай Аполлонович фон Агте, дантист Марк Давидович Каплан, воронежский цеховой Григорий Васильевич Гаврилов, почетный потомственный гражданин Курска Павел Александрович Дирсен, американский гражданин Петр Иванович Якобсон и др. [8] Губернатор граф Алексей Дмитриевич Милютин был позднее принят Почетным членом «Курского общества велосипедистов – любителей» (КОВЛ) [15].

27 апреля 1892 г. общество велосипедистов приступило к работе. Был принят устав «Курского общества велосипедистов-любителей» и составлено письмо на имя губернатора с просьбой о разрешении деятельности общества. В мае 1892 г. «Курское общество велосипедистов-любителей» сняло в аренду сад городской усадьбы князя Юсупова (на улице Московской), где и был устроен циклодром с кругом в 85 саженей (сажень = = 2,13 м). 11 июля 1892 г. общество развернуло свою деятельность. Председателем избрали господина К. П. Горохова.

Поначалу общество состояло из тридцати двух весьма состоятельных человек, которые платили членский взнос в размере десяти рублей, а приобретение велосипеда обходилось в 200–240 рублей. Наиболее популярными в Курске были велосипеды таких марок, как «Дукс», «Кайзер», «Энфильд», «Гумбер», «Флит» [11]. Московская фирма Каплана занималась их поставкой. Первыми обладателями велосипедов стали семьи богатых губернских чиновников и других состоятельных граждан Курска. Позже появились и более дешёвые модели, которые оказались доступными менее состоятельным любителям езды на велосипеде. В мастерской известного курского механика и изобретателя А. Г. Уфимцева оказывали помощь в ремонте велосипедов.

Весной, летом и осенью дорожки ипподрома были заполнены гимназистами, чиновниками городской управы, почтенными дамами, которые катались на велосипедах. Особенно популярна была скоростная модель «Реллей» [15; 16].

В газете «Губернские ведомости» появилась заметка, в которой сообщалось об открытии нового общества любителей велосипедного спорта, которое организовывало соревнования на велодроме и на шоссе. Первая гонка сезона Курск – Обоянь – Курск прошла осенью 1892 г. Как способные велосипедисты зарекомендовали себя куряне Гинсбург, Ефремов, Федоровский, Стоян, Медведев. Однако в 1893 г. гонки не проводились из-за упущений в руководстве общества [11].

Положение улучшилось, когда руководителем «Курского общества велосипедистов-любителей» стал А. А. Аншельсон, быстро наладивший работу комитета. 17 июля и 14 сентября 1894 г. на курском ипподроме, располагавшемся на окраине города (в районе теперешнего завода «Маяк»), состоялись первые междугородние соревнования велосипедистов, в которых участвовали спортсмены из Киева, Харькова, Орла и Белгорода. Проведено было девять заездов. Большой интерес у горожан вызвали состязания тройки лошадей с велогонщиком на беговой дорожке. Велосипедист шёл вровень с орловским скакуном.

7 декабря 1894 г. комитет «Курского общества велосипедистов-любителей», городская управа и комиссия городской

думы составили проект договора о передаче в распоряжение общества бесплатно, сроком на 10 лет, площади «Бородино поле» под устройство велодрома и сада при нем [11].

Возглавивший в этот период комитет управляющий отделением Дворянского банка Александр Николаевич Алферов и активные члены общества начали обустройство выделенной городской властью земли. Вице-председатель общества, губернский землемер Н. Д. Шишкин занимался планировками площади и сада; чертежи для постройки сооружений велодрома разрабатывал начальник военно-инженерной дистанции, инженер-полковник Н. А. Ракинт; трек строился по проекту инженера путей сообщения управления Московско-Киевско-Воронежской железной дороги Н. А. Колосова. Деньги на постройку собрали из членских взносов, курские купцы предоставили в кредит необходимые строительные материалы [11].

К маю 1895 г. строительство трека было закончено. Он имел круг в 1/3 версты (166,66 саженей), при радиусе закругления 13,27 саженей, ширину 2-3 сажени, подъем наружного края до 0,70 сажени. 14 мая 1895 г. состоялось его открытие, а на следующий день – большие соревнования с участием москвичей и харьковчан. Гонку на две версты выиграл харьковчанин Савич. В гонке на три версты первым стал курянин Егор Усов.

19 мая 1895 г. состоялись следующие соревнования с участием велосипедистов Центральной России и Украины [17]. Особо показательной являлась дистанция в десять верст (верста = 1,02 км). Победителем стал авиатор-одессит С. Уточкин, преодолевший ее за 18 мин 50 сек. Вторым завершил заезд С. Савич, харьковский студент, который проиграл победителю 12 сек. В соревнованиях отличился и курский велосипедист Виктор Белинский, которому было вручено свидетельство «первого ездока курского общества велосипедистов-любителей» [18].

Наиболее ярко деятельность «Курского общества велосипедистов-любителей» проявилась в 1897 г., когда было проведено 56 заездов. В них отличились курские велосипедисты А. И. Хлебников и В. С. Бугаев. Курские гонщики в это же время стали активно участвовать в соревнованиях по велоспорту в других городах России [19].

В 1898 г. «Курское общество велосипедистов-любителей» из-за конфликта с городской думой вынуждено было прекратить свою деятельность. Лучший курский велогонщик А. И. Хлебников переехал в Харьков, другие велосипедисты перешли в Вольно-пожарное общество № 217. И. Ф. Новиков и А. П. Орлов выступали в соревнованиях, проводимых в других городах. Сильнейшие велосипедисты из-за материальных затруднений вынуждены были перейти в артисты цирка [20]. Вскоре трек курского велодрома окончательно был заброшен. В 1900 г. из материалов деревянных построек велодрома (по предложению попечителя Александровского дома призрения бедных П. П. Сапунова) был построен барак для нищих. Город Курск лишился своего велодрома.

Выводы

На основании проведённого анализа архивных и иных материалов сделаем следующие выводы.

1. Первым организатором и популяризатором велосипедного спорта в Курской губернии конца XIX – начала XX в. по праву можно считать А. П. Белофостова, который арендовал участок земли под постройку летнего циклодрома в 1890 г., где обучались езде на двухколёсном велосипеде все желающие, включая женщин. Однако обучение являлось достаточно дорогим удовольствием, т. к. циклодром был платным, а велосипеды

стоили немалых денег. Просуществовал циклодром до 1893 г. В 1894 г. был сдан А. Н. Фатееву под лесной и дровяной склад.

2. В 1892 г. было организовано «Курское общество велосипедистов-любителей» (КОВЛ). Устав общества был официально поддержан на высоком уровне и утверждён. Членами КОВЛ были весьма состоятельные люди. Губернатора графа А. Д. Милютина позднее приняли Почетным членом «Курского общества велосипедистов-любителей». Общество арендовало сад городской усадьбы князя Юсупова, где и был построен первый велодром. В конце 1894 г. при поддержке городской управы и комиссии городской думы был выработан проект договора о передаче в распоряжение общества бесплатно, сроком на 10 лет, площади «Бородино поле» под устройство велодрома и сада при нем. К маю 1895 г. было завершено строительство велотрека, деньги на постройку которого поступали из членских взносов, материально помогли и курские купцы. КОВЛ регулярно проводило губернские и междугородние состязания велосипедистов. В результате определились первые куряне – победители в велоспорте: Гинсбург, Ефремов, Федоровский, Стоян и Медведев. Однако после конфликта с городской думой в 1900 г. «Курское общество велосипедистов-любителей» перестало существовать. И из материалов деревянных построек велодрома был построен барак для нищих.

Список литературы

1. Деметер Г. С. Очерки истории отечественной физической культуры и олимпийского движения. М.: Советский спорт, 2005. 324 с.

2. Пономарёв Н. И. Возникновение и первоначальное развитие физического воспитания. М.: Физическая культура и спорт. 1970. 341 с.

3. Курский листок. 1890. № 39.

4. Курские губернские ведомости. 1890. № 56.

5. Курские губернские ведомости. 1890. № 69.

6. Курский листок. 1891. № 92.

7. Раков В. В. Курская губерния периода Гражданской войны // История и современность Курского края / под общ. ред. Б. Н. Корочева. Курск: Курский обл. ИПКИПРО, 1998. 220 с.

8. Бугров Ю. А. К уединенному долу: жизнь и творчество поэта Валериана Бородаевского. Курск: Курск. гос. ун-т, 2006. 97 с.: ил.

9. Велосипед. СПб., 1892. № 9.

10. Велосипедист и речной яхт-клуб. 1892. № 2.

11. Бугров Ю. А. История спорта Курского края. Кн. 1. Курск, 2015. 202 с.

12. Курск: Краеведческий словарь-справочник / Курское обл. краевед. общество, Гос. архив Курской области; гл. ред. Ю. А. Бугров. Курск: ЮМЭКС, 1997. 495 с.; ил. (Курская энциклопедия).

13. Цуканова О. М., Карпова Г. Г. Физкультурно-спортивное движение в Курском крае (1917–1941 гг.): монография. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2017. 320 с.

14. Бугров Ю. А. Литературные хроники Курского края. Курск: Изд. дом «Славянка», 2001. 408 с.

15. История физической культуры / под ред. Ф. И. Самоукова. М.: Физическая культура и спорт, 1956. 207 с.

16. Голощапов Б. Р. История физической культуры и спорта. 5-е изд., испр. и доп. М.: Академия, 2008. 312 с.

17. Столбов В. В. История физической культуры. М.: Физкультура и спорт, 1983. 288 с.

18. Курский листок. 1895. № 31.

19. Воробьев В. Г. Богатыри земли Курской. Курск: Изд. центр «ЮМЭКС», 1997. 104 с.

20. Цуканова О. М., Карпова Г. Г. Развитие физкультурно-спортивного движения в Курской губернии в дореволюционной период // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, № 2(23). С. 147–157.

References

1. Demeter G. S. Ocherki istorii otechestvennoj fizicheskoj kul'tury i olimpijskogo dvizheniya [Essays on the history of Russian physical culture and the Olympic movement]. Moscow, Sovetskij sport Publ., 2005. 324 p.

2. Ponomaryov N. I. Vozniknovenie i pervonachal'noe razvitie fizicheskogo vospitaniya [The origin and initial development of physical education]. Moscow, Fizicheskaya kul'tura i sport Publ., 1970. 341 p.

3. *Kurskij listok = Kursk leaf*, 1890, no. 39.

4. *Kurskie gubernskie vedomosti = Kursk provincial Vedomosti*, 1890, no. 56.

5. *Kurskie gubernskie vedomosti = Kursk provincial Vedomosti*, 1890, no. 69.

6. *Kurskij listok = Kursk leaf*, 1891, no. 92.

7. Rakov V. V. Kurskaya guberniya perioda Grazhdanskoj vojny [Kursk province during the Civil War]. Istoriya i sovremennost' Kurskogo kraya [History and modernity of the Kursk Region]; ed. by B. N. Korocheva Kursk, Kurskij obl. IPKIPRO, 1998. 220 p.

8. Bugrov Yu. A. K uedinennomu dolu: zhizn' i tvorchestvo poeta Valeriana Borodaevskogo [To the secluded Valley: the life and work of the poet Valerian Borodaevsky]. Kursk, Kursk. St. Univ. Publ., 2006. 97 p.

9. *Velosiped = Bicycle*. St. Petersburg, 1892, no. 9.

10. *Velosipedist i rechnoj yaht-klub = Cyclist and River Yacht Club*, 1892, no. 2.

11. Bugrov Yu. A. Istoriya sporta Kurskogo kraya [History of sports of the Kursk Region]. Kn. 1. Kursk, 2015, 202 p.

12. Kursk: Kraevedcheskij slovar'-spravochnik [Kursk: Local history dictionary-reference book]; ed. by Yu. A. Bugrov. Kursk, YUMEKS Publ., 1997. 495 p.

13. Cukanova O. M., Karpova G. G. Fizkul'turno-sportivnoe dvizhenie v Kurskom krae (1917–1941 gg.) [Physical culture and sports movement in the Kursk Region (1917–1941)]. Kursk: ZAO "Universitetskaya kniga", 2017. 320 p.

14. Bugrov Yu. A. Literaturnye hroniki Kurskogo kraya [Literary chronicles of the Kursk Region]. Kursk, Izd. dom "Slavyanka", 2001. 408 p.

15. Istoriya fizicheskoj kul'tury [History of physical culture]; ed. by F. I. Samoukov. Moscow, Fizicheskaya kul'tura i sport Publ., 1956. 207 p.

16. Goloshchapov B. R. Istoriya fizicheskoj kul'tury i sporta [History of physical culture and sports]. 5th ed. Moscow, Akademiya Publ., 2008. 312 p.

17. Stolbov V. V. Istoriya fizicheskoj kul'tury [History of physical culture]. Moscow, Fizkul'tura i sport Publ., 1983. 288 p.

18. *Kurskij listok = Kursk leaf*, 1895, no. 31.

19. Vorob'ev V. G. Bogatyri zemli Kurskoj [Heroes of the Kursk land]. Kursk, Izd. centr "YUMEKS", 1997. 104 p.

20. Cukanova O. M., Karpova G. G. Razvitie fizkul'turno-sportivnogo dvizheniya v Kurskoj gubernii v dorevolyucionnoj period. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2017, vol. 7, no. 2 (23), pp. 147–157.

Информация об авторах / Information about the Authors

Цуканова Ольга Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры физического воспитания, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: cukanov_oleg@inbox.ru

Карпова Галина Гельевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры физического воспитания, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: karpova.gelika@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8957-9551

Olga M. Tsukanova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Physical Education, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: cukanov_oleg@inbox.ru

Galina G. Karpova, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Physical Education, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: karpova.gelika@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-8957-9551

Оригинальная статья / Original article

УДК 93/94 (571.53)

Организация художественных мероприятий Восточно-Сибирским отделом Императорского Русского географического общества во второй половине XIX – начале XX века

В. В. Ткачев[1] ✉

[1] Иркутский государственный университет
ул. К. Маркса 1, г. Иркутск 664003, Российская Федерация

✉ e-mail: vitaliy.tkachev.96@mail.ru

Резюме

Актуальность *статьи заключается в том, что проводится анализ архивных документов, которые раскрывают выставочную деятельность Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества во второй половине XIX – начале XX века. Данные материалы ранее не публиковались и не анализировались в отечественных исследованиях. Работа подтверждает то, что научная организация создавала благоприятные условия для знакомства горожан с предметами искусства. Исследование позволяет раскрыть содержательную сторону художественных событий в городах Байкальской Сибири.*

Цель *работы заключается в том, чтобы рассмотреть историю организации художественных мероприятий ВСОИРГО во второй половине XIX – начале XX века.*

Задачами *данной работы являются: на основе документов Государственного архива Иркутской области провести анализ статей и заметок в городских газетах, афиш, объявлений о деятельности ВСОИРГО; выделить трудности и особенности в процессе организации художественных мероприятий.*

Методология. *Статья опирается на принципы историзма, системности и научной объективности. Используется историко-генетический и проблемно-хронологический методы.*

Результаты. *В исследовании по материалам Государственного архива Иркутской области представлена история организации художественных мероприятий ВСОИРГО в городах Байкальской Сибири второй половины XIX – начала XX века. Отмечено то, что научная организация проводила художественные выставки, которые знакомили жителей с работами сибирских и иностранных мастеров.*

Выводы. *В результате исследования было доказано то, что деятельность ВСОИРГО влияла на развитие художественного пространства Байкальской Сибири, на процесс приобщения жителей к предметам искусства во второй половине XIX – начале XX века. Анализ исторических источников показал особенности и трудности в организации мероприятий, представил жизнь и деятельность сибирских и иностранных художников, художественные направления. В статье проведён анализ содержательной стороны не исследуемых ранее исторических источников, что даёт возможность рассмотреть выставочную деятельность научной организации с разных сторон.*

Ключевые слова: *история Сибири; Байкальская Сибирь; городская культура; городское общество; художественная жизнь.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Финансирование: *Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Иркутского государственного университета для молодых ученых № 091-21-322 «Художественная жизнь в городах Байкальской Сибири второй половины XIX – начала XX вв.: история и особенности развития».*

Для цитирования: Ткачев В. В. Организация художественных мероприятий Восточно-Сибирским отделом Императорского Русского географического общества во второй половине XIX – начале XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 216–227.

Поступила в редакцию 29.06.2021 Принята к публикации 28.07.2021 Опубликована 30.08.2021

© Ткачев В. В., 2021

Organization of Artistic Events by the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society in the Second Half of the 19th - early 20th Centuries

Vitaliy V. Tkachev[1] ✉

[1]Irkutsk State University
1 K. Marx str., Irkutsk 664003, Russian Federation

✉ e-mail:vitaliy.tkachev.96@mail.ru

Abstract

The relevance *of the article lies in the fact that the analysis of archival documents that reveal the exhibition activities of the East Siberian Imperial Russian Geographical Society in the second half of the XIX - early XX centuries. These materials have not been previously published or analyzed in domestic studies. The work confirms that the scientific organization created favorable conditions for acquaintance of the townspeople with the objects of art. The study allows to reveal the meaningful side of artistic events in the cities of Baikal Siberia.*

The purpose *of the work is to consider the history of organizing art events of the VSOIRGO in the second half of the 19th - early 20th centuries.*

The objectives *of this work are: on the basis of documents from the State Archives of the Irkutsk region to analyze articles and notes in city newspapers, posters, announcements about the activities of VSOIRGO; highlight the difficulties and features in the process of organizing art events.*

Methodology. *The article is based on the principles of historicism, consistency and scientific objectivity. Historical-genetic and problem-chronological methods are used.*

Results. *The study based on the materials of the State Archives of the Irkutsk Region presents the history of organizing art events of the VSOIRGO in the cities of Baikal Siberia in the second half of the 19th - early 20th centuries. It was noted that the scientific organization held art exhibitions that introduced residents to the works of Siberian and foreign masters.*

Conclusions. *As a result of the study, it was proved that the activities of VSOIRGO influenced the development of the artistic space of Baikal Siberia, the process of familiarizing residents with art objects in the second half of the 19th - early 20th centuries. Analysis of historical sources showed the peculiarities and difficulties in organizing events, presented the life and work of Siberian and foreign artists, artistic trends. The article analyzes the content of previously unexplored historical sources, which makes it possible to consider the exhibition activities of a scientific organization from different angles.*

Keywords: *history of Siberia; Baikal Siberia; urban culture; urban society; artistic life.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

Funding: *The research was supported by Irkutsk State University, project N 091-21-322 «Artistic life in the cities of Baikal Siberia in the second half of the XIX - early XX centuries: history and features of development».*

For citation: Tkachev V. V. Organization of Artistic Events by the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society in the Second Half of the 19th - early 20th Centuries. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(4): 216–227. (In Russ.)

Received 29.06.2021 Accepted 28.07.2021 Published 30.08.2021

***

Введение

В последнее время исследователи обращают своё внимание на вопросы, связанные с историческим наследием научных, творческих и других общественных организаций Байкальской Сибири второй половины XIX – начала XX в. Данные объединения являлись

центрами сосредоточения интеллектуального, культурного развития городского общества.

Большое значение в формировании художественного пространства Байкальской Сибири, организации художественных мероприятий имела деятельность Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (далее – ВСОИРГО). В настоящем году исполняется 170 лет со дня основания Иркутского областного отделения Русского географического общества, что требует переосмысления в изучении результатов его работы с современных исторических позиций. Научное объединение проводило выставки, просветительские лекции, экспедиции по изучению региона с участием известных сибирских и иностранных художников. Организация создавала благоприятные условия для развития творческого пространства.

Историю организации художественных мероприятий ВСОИРГО стоит рассматривать отдельно, т. к. данное объединение одно из первых открывало доступные площадки, где городское общество знакомилось с художественными полотнами сибирских и западных мастеров.

Методология

Исследование основано на принципе историзма, что даёт возможность объективно определить особенности в организации художественных мероприятий Байкальской Сибири второй половины XIX – начала XX в. Использование системного подхода позволяет провести анализ обширного круга источников фондов научной организации ВСОИРГО и искусствоведа В. В. Фалинского, входящие в состав Государственного архива Иркутской области. Историко-генетический метод направлен на раскрытие исторических сюжетов, связанных с подготовкой и проведением мероприятия. Проблемно-хронологический метод даёт возможность проследить деятельность ВСОИРГО с разных сторон и определить взаимосвязь исторических событий с развитием художественного пространства региона.

В данной работе используются материалы фонда ВСОИРГО (Ф. 293) и В. В. Фалинского (Ф. Р-3518) и, входящие в состав Государственного архива Иркутской области. В фондах сохранились учредительные и сопроводительные документы научной организации, афиши, объявления, статьи, заметки по разным художественным мероприятиям, которые проводились в городах Байкальской Сибири.

Историю развития художественного пространства Байкальской Сибири второй половины XIX – начала XX в., научную и выставочную деятельность ВСОИРГО рассматривали многие историки в своих статьях и монографиях [1]. Так о проведении художественных выставок в музее ВСОИРГО, деятельности иностранных художников в Сибири можно познакомиться в научных трудах А. Д. Фатьянова, Б. С. Шостаковича, Ю. П. Лыхина и других исследователей [2; 3; 4; 5; 6; 7]. Особенно стоит выделить работы А. Д. Фатьянова, которые были посвящены анализу широкого круга источников: писем, переписки, официальных документов творческих организаций и т.д. В книгах «Судьба сокровищ» (1967 г.) и «Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии» (1995 г.) рассматривается подробная история появления картин иностранных художников в Иркутском областном художественном музее В. П. Сукачева, творчество Станислава Евгеньевича Вронского и Юзефа Беркмана и многих других. Также искусствовед рассматривал деятельность отдельных мастеров в ВСОИРГО [8; 9; 10].

Польское движение в Сибири, Российской империи изучали и продолжают изучать многие иркутские историки. Так Б. С. Шостакович определил влияние польских мастеров на формирование художественного пространства Байкальской Сибири. Иркутский историк изучал

центральные и местные архивы. Многие источники были опубликованы и проанализированы, однако не все живописные полотна исследованы в полной степени. Остаются неопределёнными датировка и авторство картин, рисунков, история их создания [11; 12].

Деятельность ВСОИРГО изучал в своих статьях и монографиях Ю. П. Лыхин [13; 14]. Он собрал уникальный материал о жизни и творчестве сибирских и иностранных мастеров и организации художественных выставок в Иркутске в начале XX в. Отдельно истории ВСОИРГО посвящена монография иркутских исследователей, в которой фрагментарно представлены сюжеты, связанные с развитием художественного пространства Байкальского региона [15]. Стоит также отметить то, что частично рассматривались художественные мероприятия и деятельность творческих организаций настоящим автором в прошлых номерах настоящего журнала [16].

Таким образом, многие сибирские исследователи изучали историю ВСОИРГО во второй половине XIX – начале XX в. Однако выставочная деятельность и участие известных сибирских и иностранных мастеров не были представлены в полной степени в статьях и монографиях. Результат данных исследований можно определить как составление общей летописи событий, а не создание полноценных работ. Фрагментарность рассмотрения событий можно объяснить тем, что по многим мероприятиям отсутствует необходимый объём источников, что усложняет исследования. Данная работа раскрывает особенности проведения художественных мероприятий ВСОИРГО во второй половине XIX – начале XX в., что не было представлено в предыдущих исследованиях.

Результаты и их обсуждение

ВСОИРГО организовывало следующие художественные мероприятия во второй половине XIX – начале XX в.: сельскохозяйственная выставка в Иркутске в 1868 г., антропологическая выставка в Москве в 1879 г., всемирная выставка в Париже в 1898 г., Нижегородская всероссийская выставка в 1896 г., выставка костюмов бурят в 1903 г. и т. д. [17; 18] Некоторые события стоит рассмотреть отдельно, т. к. сохранилось достаточно много исторических источников, которые показывают их с разных сторон.

Проводя анализ архивных документов, которые характеризуют мероприятия, можно определить следующие особенности в их организации: сложности в составлении планов и смет, разработка концепций по развитию актуальных научных тем, работа с информационными материалами и донесение до жителей необходимой информации.

К организации выставок подходили, используя специальные методы и приёмы. Так при подготовке второй охотничьей выставки Общества сибирских охотников от 31 января 1910 г. в залах музея ВСОИРГО был создан организационный комитет и разработаны план, концепция развития и программа. Согласно этому было прописано, что, кроме специальных спортивных охотничьих экспонатов, на выставке могли быть представлены всевозможные экспонаты торговли и промышленности, имеющие хотя бы отдалённое отношение к какому-либо виду спорта. От охотничьих и других спортивных обществ, от казённых оружейных заводов, от мастеров-кустарей и от частных лиц все экспонаты принимались на выставку бесплатно. В отдельные отделы были включены: птицеловство, рыболовство, охотничья литература, акклиматизация, фотографический и художественный. В последнем показывались фотографические аппараты и все к ним принадлежности, фотографические снимки, группы, охотничьи сцены, местности охот, изображения собак, лошадей, зверей, гравюры, картины и другие предметы искусства.

Правление Общества Сибирских охотников, согласно постановлению общего собрания от 27 июня 1906 г., устраивало в Иркутске в первых числах сентября месяца 1910 г. вторую охотничью выставку с указанными в программе отделами. Организация обратилась с официальным письмом в ВСОИРГО о том, что необходимо поддержать данный проект: «Имея намерение устройства в сентябре будущего 1910 года вторую фотографическую выставку в более обширном размере, с целью иллюстрировать природу, тип и быт населения всей Сибири и соседних с ней стран, имеем честь просить распорядительный комитет возбудить об этом перед администрацией соответствующие ходатайство, или со стороны комитета по устройству такой выставки не встретится препятствий» [19]. Таким образом, по замечаниям экспертов выставка прошла успешно, т. к. чётко была составлена программа, оформлены и дополнены новыми экспонатами залы музея.

Также одной из особенностей является привлечение к участию в выставках известных иностранных мастеров. В фонде В. В. Фалинского Государственного архива Иркутской области сохранились записи о пребывании польских художников в Байкальской Сибири во второй половине XIX в. Известно то, что Станислав Евгеньевич Вронский[1] и Юзеф Беркман[2] открыли в 1870-е гг. в Иркутске художественную студию. Данное событие зафиксировал в своих записях старший редактор издательства «Художник РСФСР» в Ленинграде Б. Сурис, когда велась переписка с А. Д. Фатьяновым: «Юзеф Беркман поселяется в 1870 г. в Иркутске, где совместно с Станиславом Вронским основывает художественную мастерскую, пользовавшуюся большой популярностью у местных жителей. В 1877 г. перебрался в Нижний Новгород».

Известно, что С. Е. Вронский принял участие в «первой публичной» сельскохозяйственной и мануфактурно-ремесленной выставке в Иркутске в 1868 г., где представил живописное полотно «Вид Дарасунских минеральных вод». Также участвовал в научных экспедициях ВСОИРГО, где запечатлел многие населённые пункты Байкальской Сибири. Сохранились работы Станислава Евгеньевича: «Река Иркут» (1888), «Переправа через Утулик» (1890), «Дорога по реке Ингоде» (1882) и т. д. [20]

Известны несколько картин Юзефа Беркмана, которые раскрывают историю сибирского региона второй половины XIX – начала XX в. Можно привести такие живописные полотна, как «По Московскому тракту» (1877), «Тройка» (1877), «Всадник с двумя лошадьми» (1877), «Въезд в Иркутск великого князя Алексея Александровича», «Выезд его величества из Иркутска», «Четвёрка» (1914), «Почта ссыльных поляков на Ангаре» (1915), «Могила Серошевского». Они создают особый образ сибирского региона, населённых пунктов, сооружений, которые располагались по Московскому тракту.

В начале XX в. польские мастера участвовали в художественных выставках, которые посещало большое количество людей. Интерес общественности к творчеству можно объяснить тем, что иностранные художники показывали через методы и приёмы свой уникальный взгляд на особенности Байкальского региона, создавали его образ в искусстве. Повседневный уклад жизни многих людей обретал значимость в рамках развития единой русской культуры, где возможно было выделить и сибирские особенности. Стоит также отметить, что работы отражали действительную жизнь в

[1] Станислав Евгеньевич Вронский (1840–1898) – известный польский художник, живописец, график. Принял активное участие в польском освободительном восстании 1863–1864 гг., был арестован и осуждён на каторжные работы в Сибири.

[2] Юзеф Беркман (1838–1919) – польский художник, живописец. С 1870 по 1877 г. мастер находился на поселении в г. Иркутске.

населённых пунктах по Московскому тракту, что даёт возможность отнести данные сюжеты к исторической живописи и изобразительным источникам.

Свидетельства об организации выставок, где демонстрировались живописные полотна иностранных художников, сохранились в региональной периодической печати. В 1900 г. газета «Восточное обозрение» сообщала: «В зале Общественного собрания по Амурской улице состоялась художественная выставка имеющихся в Иркутске произведений искусства. Выставка была организована по инициативе А. П. Богословского и других членов кружка любителей живописи, образовавшегося при Обществе любителей музыки и литературы осенью 1899 г. Были показаны произведения русских и европейских мастеров: И. К. Айвазовского, М. М. Антокольского, А. Г. Варнека, А. И. Корзухина, К. Е. Маковского, С. Тончи, Л. Хофелиха, Р. Шульце, работавших в Восточной Сибири в 1870–1880-х гг. польских ссыльных С. Вронского и Ю. Беркмана, лейтенанта Ф. М. Белкина и др. Кроме того, в выставке участвовали своими работами местные художники и любители: Н. И. Верхотуров, М. И. Зязин, А. И. Кузнецов, В. Г. и И. Г. Шешуновы. Выставка вызвала большой резонанс в городе и охотно посещалась публикой. Только за первые три дня на ней побывало более 550 человек. К выставке был издан каталог» [21, л. 3].

В газете «Сибирь» в 1915 г. писали: «В 1-м Общественном собрании состоялась благотворительная художественная выставка "в пользу Иркутского Комитета по оказанию помощи семьям запасных нижних чинов и ратников ополчения, призванных на военную службу". Выставка состояла из двух отделов. 1-й отдел (119 экспонатов) был собран из картин и "лучших копий" русских и иностранных художников, являвшихся собственностью иркутян: И. Ф. Астраханцева, В. Н. Булатова, И. С. Бургардта, К. К. Грюнберга, А. С. Добротворского, Н. П. Еракова, Л. С. Зисмана, И. Ф. Исцеленнова, Е. С. Кашкаровой, Е. Н. Кузнецовой, Н. П. Курбатова, А. Л. Левентона, М. М. Лоскутова, О. К. Мейсселя, А. Н. Переломова, С. М. Полетика, Н. И. Преображенского, Г. И. Русанова, И. С. Харченко, Б. Г. Эренбурга и др. 2-й отдел (90 экспонатов) – из произведений, выставленных на продажу. В том и особенно другом отделах было много картин местных и сибирских художников: Л. П. Базановой, Ю. Беркмана, И. С. Бургардта, В. Д. Вучичевича-Сибирского, Г. И. Гуркина, Н. И. Исцеленнова, К. Н. Каля, И. Г. Козлова, Н. В. Лодейщикова, В. И. Лукина, А. Ф. Лытнева, А. В. Овчинникова, С. М. Полетика, К. И. Померанцева, З. А. Рокачевского, А. А. Сахарова, Б. Д. Травина, Н. М. Чистякова, В. Г. и И. Г. Шешуновых» [22, л. 4].

Также стоит отметить, что ВСОИРГО проводило художественные мероприятия с участием других известных западных и сибирских мастеров. Свидетельства об участии отдельных представителей живописных школ сохранились в фондах Государственного архива Иркутской области. Так источники сообщают нам о том, что с первого дня Рождества в 1908–1909 гг. в залах музея ВСОИРГО проходила выставка картин художника В. Д. Вучичевича. Городскому обществу Байкальской Сибири было представлено 70 работ – «почти исключительно видов сибирской природы». Для горожан выставка была актуальной и интересной. Она получила большие положительные отзывы, за две недели её посетило более 1200 человек. 25 картин было куплено. Оставшиеся непроданными работы В. Д. Вучичевич намеревался выставить в Пасхальные дни в г. Красноярске [23, л. 9].

По инициативе местных художников-любителей на Пасхальной и Фоминой неделях в 1909 г. в музее ВСОИРГО работала первая из ставших в последую-

щие годы традиционными художественная выставка. От отдела Географического общества устройством выставки занимался Р. С. Пророков. Известно, что в выставке участвовали А. П. Артюшков, И. О. Боложинский, Брусенин, Д. И. Гнездич, В. А. Гончаревский, И. Г. Козлов, Н. В. Лодейщиков, Н. И. Лыткин, А. Оберучев, В. С. и Р. С. Пророковы, А. И. Тимофеев, В. Г. и И. Г. Шешуновы. Выставлялось более 200 работ.

В 1909–1910 гг. в залах музея ВСОИРГО работала посмертная выставка томского художника П. М. Кошарова (1824–1902). Картины, общим числом свыше 300, были предложены для выставки сыном покойного, штабс-капитаном 2-го Сибирского Читинского пехотного полка М. П. Кошаровым. Среди экспонировавшихся произведений было много работ, написанных художником в 1857 г. во время экспедиции по Тянь-Шаню, состоявшейся под руководством П. П. Семёнова (впоследствии – Тян-Шанского, вицепредседателя ВСОИРГО). После окончания выставки ряд картин были подарены музею.

В 1910 г. по примеру прошлого года в музее ВСОИРГО была организована 2-я «художественная выставка картин» местных художников, устроителем которой вновь был Р. С. Пророков. Выставлялось более 250 картин, этюдов и художественных изделий. В выставке участвовали И. Л. Аремботовский, Б. А. Барбот де Марни, Н. Н. Витковский, А. И. Вологдин, М. А. Волошанович, В. Н. Знаменский, Ф. М. Карев, И. Г. Козлов, М. Г. Король, Ф. С. Мячкова, И. З. Нерер, И. Г. Панневиц, Г. И. Пирхавко, К. И. Померанцев, М. Н. Синицын, П. И. Соколов, Л. И. Тимофеев, В. В. Титов, Н. К. Тихомиров, П. П. Хороших. Кроме того, было показано несколько картин жившего в Иркутске в 1870–1880-х гг. польского ссыльного С. Вронского. Выставку посетило 640 человек, продано 35 работ.

В 1911 г. состоялась 3-я художественная выставка картин сибирских художников-любителей, устроенная ВСОИРГО. В мероприятии приняли участие такие мастера, как И. Г. Шешунов, И. З. Нерер, П. П. Хороших, А. Сибиряк, Ф. М. Карев, И. Г. Козлов, И. Ф. Гергейст, К. И. Померанцев, Л. И. Тимофеев, И. Л. Аремботовский, Ф. С. Мячкова, И. П. Козьмин, Н. М. Чистяков, И. Н. Яцимирский, Н. И. Лыткин, М. Н. Дубинский. В залах была представлена живопись, масляные этюды, акварельные эскизы, вышивка и выжигание [24, л. 12].

В 1912 г. в музее ВСОИРГО была организована 4-я художественная выставка, устраивавшаяся Р. С. Пророковым. На выставке было собрано более 420 экспонатов 37 авторов. Участниками выставки были М. Антохин, С. Арих, братья М., М. и Н. Басурмановы, Бутузов, А. Васильев, А. И. Вологдин, И. Ф. Гергейст, И. Герман, С. Госберг, М. И. Дубинский, Р. Ю. Зонненбург, Ф. М. Карев, баронесса фон Кене, И. Г. Козлов, Куц, М. Левкович, Н. Новгородов, К. И. Померанцев, И. М. Портнягин, П. Рябчиков, А. Селиванов, А. Сибиряк (А. И. Борисов), П. И. Соколов, Л. И. Тимофеев, Г. Черных, Н. М. Чистяков, П. И. Шабалин, С. В. Щербаков, И. Н. Яцимирский и др. Кроме картин и этюдов, а также многочисленных копий, на выставке обширно были представлены фотография (фотоэтюды Портнягина и Зонненбурга) и декоративно-прикладное искусство в виде работ по выжиганию, выпиливанию, женскому рукоделию и т. д. Новшеством выставки был отдел «живопись новых направлений», иронично охарактеризованный «потугами доморощенных модернистов». Талантливым представителем этого направления признавался К. И. Померанцев. Из художников «старой» (реалистической) школы лучшими назывались Щербаков и Козлов. На выставке побывало 1055 человек, чистого дохода в пользу ВСОИРГО выручено 300 рублей [25, л. 5].

В 1913 г. в музее ВСОИРГО работала 5-я художественная выставка, распо-

рядителем которой был Р. С. Пророков. На выставке экспонировались самые разнообразные «произведения искусства местных художников и любителей»: от оригинальных картин и этюдов до многочисленных копий с открыток и «рисунков 8-летнего Миши Б.», а также фотографии, выжигание по дереву, вышивка, изделия из бархата и металла, тиснение по коже, искусственные цветы и т. п. Демонстрировалось около 400 работ не менее 40 авторов, в том числе А. П. Артюшкова, М. Н. Бабановской, М. Басурманова, И. С. Бургардта, воспитанниц Сиропитательного дома Е. Медведниковой, В. Д. Вучичевича, А. Елисеева, И. С. (И. В. Спасского), Н. Каля (К. Н. Каля), баронессы фон Кене, И. Г. Козлова, Н. В. Лодейщикова, М. (Н. В. Махотиной), А. В. Овчинникова, К. И. Померанцева, Превизани, И. Н. Сальникова, А. А. Сахарова, А. Сибиряка (А. И. Борисова), С. С. Скорнякова, Б., В. и С. Стройковых, И. Черкашиной, Н. М. Чистякова, П. И. Шабалина, Э. Г. (Э. О. Грунстрем), Г. Р. Энне и др. На выставке распространялись бюллетени, в которых зрители могли выразить свое мнение о лучших произведениях. Подавляющее число голосов получили картины И. Г. Козлова. Несмотря на то, что выставку посетило свыше 1500 человек, а чистого сбора от входной платы, продажи каталогов и процентов от проданных экспонатов получено около 500 рублей (больше, чем когда-либо ранее), общий уровень выставки признавался «крайне низким» [26, л. 20].

Также исторические источники сообщают нам о том, что возникали и трудности в организации отдельных мероприятий: не хватало помещений, денежных средств и т. д. Всё это влияло на принятие определённых решений. Так сохранились записи об отказе и о разрешении в проведении мероприятий. В качестве примера можно привести заявление от члена отдела ВСОИРГО Руфима Самойловича Пророкова от 11 марта 1904 г.: «Несколько художников любителей обратились ко мне с просьбой возбудить ходатайство о разрешении им выставить в помещении музея на пасхальные недели масляные и акварельные картины для обозрения публики, считали, чтобы входная плата на выставку шла в пользу отдела, а необходимые расходы по устройству её (отдела) принять на свой счёт. Находя искание должны стороны желательного устройства этой выставки имею честь внести этот вопрос на рассмотрение Распорядительного комитета». Также о разрешении на организацию художественной выставки отражено в письме ВСОИРГО от Владимира Дмитриевича Вучичевича-Сибир-ского: «Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского Географического общества имеет честь почтительнее просить Ваше Высокопревосходительство разрешить устройство выставки картин художника Владимира Вучичевича-Сибирского в здании музея, от 25 декабря с. г. по 7 января 1915 г., сбор с посетителей которой, за исключением ста рублей, назначаемых на приспособление зала, печатание афиш и пр., назначено г-м Вучичевичем, в равном долями, в пользу отдела и местного общества изучения Сибири» [27, д. 602, л. 2].

Отказ в проведении мероприятия отражен в ответе председателя правления на обращение Григория Николаевича Потанина под номером 231: «Глубокоуважаемый Григорий Николаевич! К величайшему сожалению Распорядительный Комитет отдела не может уступить залы музея под выставку гр. Г. И. Гуркина или томских художников (Базанова, Рокачевского, Лукина и Ткаченко), потому что в течение пасхальной и долиной недели в зале музея устраивается выставка картин сибирских художников» [28, л. 4].

Таким образом, деятельность ВСОИРГО была направлена на формирование художественного пространства Байкальской Сибири второй половины XIX – начала XX в. Научная организация про-

водила художественные мероприятия: выставки, лекции и экскурсии. Музей ВСОИРГО пополнялся новыми живописными полотнами, эскизами, рисунками, скульптурами и другими предметами искусства.

Выводы

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX вв. городское общество Байкальской Сибири посещало выставки, которые организовывало ВСОИРГО. Научное объединение создавало благоприятные условия для знакомства жителей с произведениями искусства. Появлялись открытые общедоступные для всех площадки. Культурный обмен между городами усиливался, т. к. проводились передвижные выставки-продажи местных и западных мастеров. Для художников появляется возможность реализовать свои творческие способности, знакомиться с художественными направлениями, коллекциями редких предметов искусства.

Также в исследовании были отмечены особенности в организации художественных мероприятий ВСОИРГО: составление планов и смет, разработка концепций по развитию актуальных научных тем, работа с информационными материалами и донесение до жителей необходимой информации. Объединение приглашало к участию в событиях и иностранных художников. Польские мастера в Байкальской Сибири создавали живописные полотна, которые раскрывали историю региона во второй половине XIX – начале XX в.

Исследование показало то, что выставки, где были представлены работы иностранных мастеров, собирали положительные отзывы. Число посещений на такие мероприятия увеличивалось, т. к. создавались благоприятные условия для развития художественного пространства и проведения выставок. Жизнь и творчество Станислава Евгеньевича Вронского и Юзефа Беркмана остаются не изученными в полной степени, т. к. для реконструкции событий прошлого необходимо найти больше источников, которых на настоящий момент недостаточно. Привлечение к исследованию личных архивов родственников польских художников поможет раскрыть данную тему с разных сторон.

Список литературы

1. Шахеров В. П. Социально-демографические характеристики городского населения Иркутской губернии // Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX – начала XX века: монография. Иркутск: Оттиск, 2019. С. 132–181.

2. Муратов П. Д. Художественная жизнь Сибири 1920-х годов. Л.: Художник РСФСР, 1974. С. 14−16.

3. Чирков В. Ф. Изобразительное искусство Сибири XVII – начала XXI вв.: словарь-указатель: в 2-х т. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2014. С. 81−82.

4. Кошман Л. В. Город и городская жизнь XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2008. С. 348−349.

5. Ларева Т. Г. История изобразительного искусства Прибайкалья XX – начала XXI века. Иркутск: ПринтЛайн, 2015. С. 21−26.

6. Токарев В. П. Изобразительное искусство Сибири XIX в. Новосибирск: Наука: Сиб. изд. фирма, 1973. С. 8−10.

7. Токарев В. П. Художники Сибири XIX в. Новосибирск: Наука: Сиб. изд. фирма, 1993. С. 4−6.

8. Фатьянов А. Д. Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1995. С. 19−20.

9. Фатьянов А. Д. Судьба сокровищ. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1967. С. 12−13.

10. Фатьянов А. Д. Владимир Сукачев. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1990. С. 51−54.

11. Шостакович Б. С. К 140-летию Кругобайкальского восстания польских политссыльных: современные итоги и проблемы его изучения и увековечения // Актуальные вопросы истории ссылки участников Январского польского восстания 1863–1864 гг.: материалы Международной научной конференции. Иркутск: ООО «Мегапринт», 2008. С. 100−119.

12. Шостакович Б. С. Политические ссыльные поляки и декабристы в Сибири // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 1973. Вып. 1. С. 243−295.

13. Лыхин Ю. П. Художественная жизнь Иркутска (первая четверть XX века). Иркутск: АЭМ «Тальцы», 2002. С. 35−38.

14. Лыхин Ю. П., Крючкова Т. А. Иконописцы, мастера и художники Иркутска (XVII век – 1917 год): библ. словарь. Иркутск: АЭМ «Тальцы», 2000. С. 122−126.

15. Дамешек Л. М. Музей ВСОРГО: история формирования коллекции и выставочная деятельность (1851–1931 гг.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. С. 20−22 с.

16. Ткачев В. В. Приобщение жителей Иркутской губернии к искусству Обществом распространения народного образования и народных развлечений (1900–1908) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 2. С. 175–182.

17. Паликова Т. В. Формирование музейного пространства городов Забайкалья рубежа XIX–XX веков // Проблемы социально-экономического развития Сибири. Братск, 2020. № 1. С. 148–154.

18. Паликова Т. В. Развитие культуры городов Забайкальской области (вторая половина XIX – начало XX в.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2008. С. 16–18.

19. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1993. С. 112−114.

20. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1994. С. 12−15.

21. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф. Р-3518. Оп. 1.

22. ГАКО. Ф. Р-3518. Оп. 1. Д. 2.

23. ГАКО. Ф. Р-3518. Оп. 1. Д. 4.

24. ГАКО. Ф. Р-3518. Оп. 1. Д. 9.

25. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 281.

26. ГАКО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 282.

27. ГАКО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 602.

28. ГАКО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 603.

References

1. Shaherov V. P. Social'no-demograficheskie harakteristiki gorodskogo naseleniya Irkutskoj gubernii [Socio-demographic characteristics of the urban population of the Irkutsk province]. Gosudarstvennaya vlast' i obshchestvo: na materialah gorodov Irkutskoj gubernii XIX – nachala XX veka [State power and society: on the materials of the cities of the Irkutsk province of the XIX – early XX centuries]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2019, pp. 132–181.

2. Muratov P. D. Hudozhestvennaya zhizn' Sibiri 1920-h godov [The artistic life of Siberia in the 1920s]. Leningrad, Hudozhnik RSFSR, 1974, pp. 14−16.

3. Chirkov V. F. Izobrazitel'noe iskusstvo Sibiri XVII – nachala XXI vv. [Fine art of Siberia of the XVII – beginning of the XXI centuries: dictionary-index]. Tobol'sk, Obshchestvennyj blagotvoritel'nyj fond "Vozrozhdenie Tobol'ska", 2014, pp. 81−82.

4. Koshman L. V. Gorod i gorodskaya zhizn' XIX stoletiya: social'nye i kul'turnye aspekty [The city and urban life of the XIX century: social and cultural aspects]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008, pp. 348−349.

5. Lareva T. G. Istoriya izobrazitel'nogo iskusstva Pribajkal'ya XX – nachala XXI veka [The history of fine art of the Baikal region of the XX – beginning of the XXI century]. Irkutsk, Print-Lajn, 2015, pp. 21−26.

6. Tokarev V. P. Izobrazitel'noe iskusstvo Sibiri XIX v. [Fine art of Siberia of the XIX century]. Novosibirsk, Nauka Publ., Sib. izd. Firma, 1973, pp. 8−10.

7. Tokarev V. P. Hudozhniki Sibiri XIX v. [Artists of Siberia of the XIX century]. Novosibirsk, Nauka Publ., Sib. izd. firma, 1993, pp. 4−6.

8. Fat'yanov A. D. Hudozhniki, vystavki, kollekcionery Irkutskoj gubernii [Artists, exhibitions, collectors of the Irkutsk province]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe kn. izd-vo, 1995, pp. 19−20.

9. Fat'yanov A. D. Sud'ba sokrovishch [The fate of treasures]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe kn. izd-vo, 1967, pp. 12−13.

10. Fat'yanov A. D. Vladimir Sukachev [Vladimir Sukachev]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe kn. izd-vo, 1990, pp. 51−54.

11. Shostakovich B. S. [To the 140th anniversary of the Circum-Baikal Uprising of Polish Political Messengers: modern results and problems of its study and perpetuation]. *Aktual'nye voprosy istorii ssylki uchastnikov Yanvarskogo pol'skogo vosstaniya 1863–1864 gg. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Topical issues of the history of the exile of the participants of the January Polish Uprising of 1863–1864. Materials of the International Scientific Conference]. Irkutsk, OOO "Megaprint", 2008, pp. 100−119. (in Russ.)

12. Shostakovich B. S. Politicheskie ssyl'nye polyaki i dekabristy v Sibiri [Political exiled Poles and Decembrists in Siberia]. Ssyl'nye revolyucionery v Sibiri (XIX v. – fevral' 1917 g.) [Exiled revolutionaries in Siberia (XIX century-February 1917)]. Irkutsk, Irkutsk St. Univ. Publ., 1973, is. 1, pp. 243−295.

13. Lyhin Yu. P. Hudozhestvennaya zhizn' Irkutska (pervaya chetvert' XX veka) [The artistic life of Irkutsk (the first quarter of the XX century)]. Irkutsk, AEM "Tal'cy", 2002, pp. 35−38.

14. Lyhin Yu. P., Kryuchkova T. A. Ikonopiscy, mastera i hudozhniki Irkutska (XVII vek – 1917 god) [Icon painters, masters and artists of Irkutsk (XVII century – 1917)]. Irkutsk, AEM "Tal'cy", 2000, pp. 122−126.

15. Dameshek L. M. Muzej VSORGO: istoriya formirovaniya kollekcii i vystavochnaya deyatel'nost' (1851–1931 gg.) [VSORGO Museum: the history of the collection formation and exhibition activity (1851–1931)]. Irkutsk, Irkutsk St. Univ. Publ., 2013, pp. 20−22.

16. Tkachev V. V. Priobshchenie zhitelej Irkutskoj gubernii k iskusstvu Obshchestvom rasprostraneniya narodnogo obrazovaniya i narodnyh razvlechenij (1900–1908) [Introduction of residents of the Irkutsk province to art by the Society for the Dissemination of Public Education and Folk Entertainment (1900-1908)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2021, vol. 11, no. 2, pp. 175–182.

17. Palikova T. V. Formirovanie muzejnogo prostranstva gorodov Zabajkal'ya rubezha XIX–XX vekov [Formation of the museum space of the cities of Transbaikalia of the turn of the

XIX–XX centuries]. Problemy social'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri [Problems of socio-economic development of Siberia]. Bratsk, 2020, no. 1, pp. 148–154.

18. Palikova T.V. Razvitie kul'tury gorodov Zabajkal'skoj oblasti (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Development of the culture of the cities of the Trans-Baikal region (the second half of the XIX – the beginning of the XX century)]. Ulan-Ude, Buryat. St. Univ. Publ., 2008, pp. 16–18.

19. Romanov N. S. Letopis' goroda Irkutska za 1881–1901 gg. [The chronicle of the city of Irkutsk for 1881–1901]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe kn. izd-vo, 1993, pp. 112−114.

20. Romanov N. S. Letopis' goroda Irkutska za 1902–1924 gg. [The chronicle of the city of Irkutsk for 1902–1924]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe kn. izd-vo, 1994, pp. 12−15.

21. GAIO (Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti) [State Archive of the Irkutsk Region], f. R-3518, op. 1.

22. GAKO, f. R-3518, op. 1, d. 2.

23. GAKO, f. R-3518, op. 1, d. 4.

24. GAKO, f. R-3518, op. 1, d. 9.

25. GAKO, f. 293, op. 1, d. 281.

26. GAKO, f. 293, op. 1, d. 282.

27. GAKO, f. 293, op. 1, d. 602.

28. GAKO, f. 293, op. 1, d. 603.

Информация об авторе / Information about the Author

Ткачев Виталий Викторович, аспирант кафедры истории России, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация
e-mail: vitaliy.tkachev@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1057-3270

V. Vitaliy Tkachev, Post-Graduate Student of the Department of Russian History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation,
e-mail: vitaliy.tkachev@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1057-3270

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47)

О некоторых проблемах реализации мяса торговыми предприятиями во второй половине 1960-х – начале 1980-х годов (по материалам Курской области)

В. Э. Емельянов[1] ✉

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: vaizer17@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *В современной исторической науке еще недостаточно исследованным аспектом остается опыт организации советской торговли, являвшейся важным показателем уровня социально-экономического развития государства. Особый интерес в этой связи представляет региональная специфика реализации продовольственных товаров, обеспечивавших удовлетворение первичных потребностей населения в пище. В 1965–1985 годах в СССР активное развитие получили различные отрасли пищевой промышленности, что свидетельствовало о растущем спросе среди населения на продукты питания. Анализ положительных результатов и недочеты в работе торговых предприятий рассматриваемого периода может стать подспорьем для более качественного развития торговли в современной России. В свою очередь, проблема реализации такого ценного вида товаров, как мясо, будет являться ярким примером в данном вопросе.*

Цель *работы заключается в обобщении исторического опыта реализации мяса в торговых предприятиях Курской области.*

Задача *исследования – проанализировать деятельность государственных структур, направленную на решение проблемы продажи мяса населению Курской области.*

Методология. *Статья основана на принципах историзма системности, научной объективности. Также используются такие методы, как: логический и исторической ретроспективы. Все это предполагает объективный анализ изученных архивных документов и опубликованных источников с применением проблемно-хронологического метода.*

Результаты. *Разработка данной проблемы способствует системному изучению развития торгового обслуживания населения в 1965–1985 годы в российской провинции. Анализ проблемы позволяет расширить представление о торговле мясом как одним из товаров повышенного спроса. В результате исследования появляется возможность применения в дальнейшем исторического опыта и недопущения уже изученных ошибок для наиболее качественного реформирования торговли в современной России.*

Выводы. *Исследованный опыт организации реализации мяса в рассматриваемом регионе указывает на множество недостатков в функционировании продовольственной торговли. При новых масштабных идеях реформирования экономики в 1965–1985 годы не удалось качественно обеспечить население востребованным товаром.*

Ключевые слова: *торговля; Курская область; мясо; продажа; покупатель.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи*.

Для цитирования: Емельянов В. Э. О некоторых проблемах реализации мяса торговыми предприятиями во второй половине 1960-х – начале 1980-х годов (по материалам Курской области) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 228–236.

Поступила в редакцию 25.06.2021 Принята к публикации 28.07.2021 Опубликована 30.08.2021

© Емельянов В. Э., 2021

On Some Problems of Selling Meat by Trading Enterprises in the Second Half of the 1960s – early 1980s. (Based on Materials from the Kursk Region)

Vasily E. Emelyanov[1] ✉

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: vaizer17@yandex.ru

Abstract

Relevance. *In modern historical science, the experience of organizing Soviet trade, which was an important indicator of the level of socio-economic development of the state, remains an insufficiently studied aspect. Of particular interest in this regard is the regional specificity of the sale of food products, which ensured the satisfaction of the primary needs of the population for food. In 1965-1985. In the USSR, various branches of the food industry were actively developed, which indicated a growing demand among the population for food. An analysis of the positive results and shortcomings in the work of trade enterprises of the period under review can be of help for a better development of trade in modern Russia. In turn, the problem of selling such a valuable type of goods as meat will be a vivid example in this matter.*

The purpose *the work consists in generalizing the historical experience of selling meat in commercial enterprises of the Kursk region.*

The objective *research – analyze the activities of government agencies aimed at solving the problem of selling meat to the population of the Kursk region.*

Methodology*. The article is based on the principles of historicism, consistency, scientific objectivity. Also used methods such as: logical and historical retrospective. All this presupposes an objective analysis of the studied archival documents and published sources using the problem-chronological method.*

Results. *The development of this problem contributes to the systematic study of the development of trade services for the population in 1965-1985. in the Russian province. The analysis of the problem makes it possible to expand the understanding of the meat trade as one of the goods in high demand. As a result of the study, it becomes possible to use the historical experience in the future and avoid the mistakes already studied for the most qualitative reform of trade in modern Russia.*

Conclusions. *The studied experience of organizing the sale of meat in the region under consideration indicates many shortcomings in the functioning of the food trade. With new large-scale ideas for reforming the economy in 1965-1985. failed to provide the population with high-quality goods in demand.*

Keyword: *trade; Kursk region; meat; sale; customer.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Emelyanov V. E. On Some Problems of Selling Meat by Trading Enterprises in the Second Half of the 1960s – early 1980s. (Based on Materials from the Kursk Region). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(4): 228–236. (In Russ.)

Received 25.06.2021 Accepted 28.07.2021 Published 30.08.2021

***

Введение

Феномен «советской цивилизации» на протяжении многих десятилетий существования СССР и постсоветского пространства остается предметом исследования специалистов различных областей знаний, а также получает противо-

речивые оценки в мемуарах современников. История советской повседневности привлекает внимание многих авторов в связи с возможностью сопоставления опыта недавнего прошлого с современной действительностью.

Одним из перспективных направлений изучения исторической повседневности является осмысление процесса организации удовлетворения первичных потребностей граждан. О дефиците продовольственных товаров на прилавках советских магазинов писали многие отечественные и зарубежные историки. Торговле таким традиционным продуктом питания, как мясо, внимания уделялось гораздо меньше. О проблемах со снабжением мясной продукцией писали в основном после отставки с руководящих постов представители советско-партийной номенклатуры. Например, бывший член Политбюро ЦК КПСС и первый секретарь ЦК компартии Украины П. Е. Шелест описывал сложность ситуации с обеспечением мясом граждан на Донбассе ввиду нехватки фондов. Описывалось, что из республиканских фондов большое количество продуктов животноводства отправлялось даже за границу, а рабочий класс СССР получал минимум [1]. Бывший второй секретарь Пензенского обкома партии Г. В. Мясников, согласно дневниковым записям 1960-х гг., был крайне озадачен негативно сложившейся ситуацией с реализацией мяса в области [2]. Бывший заместитель заведующего международным отделом ЦК КПСС А. С. Черняев был удивлён тому, что в Перми, крупном военно-промышленном городе в середине 1970-х гг. мясо давали по талонам, да еще и один раз в неделю [3]. В воспоминаниях известного публициста Ю. Д. Черниченко «Время ужина» [4] отмечалось, что производство основных видов мясных и молочных продуктов не могло обеспечить растущие потребности населения страны, указывалось на неэффективность введенной системы талонов на мясо в праздничные дни. В работе эмигрировавших из СССР М. Я. Геллера и А. М. Некрича «Утопия у власти» [5] высказывалось негодование из-за отсутствия должного внимания и игнорирования проблемы продажи мяса и мясной продукции. Журналист и литературный критик И. А. Дедков отмечал, что в 1978 г. в Москву приезжали люди и создавали огромные очереди за мясом и колбасой [6]. Критические высказывания и замечания состояния потребительского рынка в СССР отмечались и в более поздних работах таких авторов, как: М. Завельский [7], Е. К. Лигачев [8], И. В. Нит [9], В. С. Павлов [10], С. А. Бартенев [11], В. С. Лельчук[12].

Методология

Статья основана на принципах историзма, системности, научной объективности. При подготовке публикации автором были использованы методы исторической ретроспективы и логический. Все это предполагает объективный анализ изученных архивных документов и опубликованных источников с применением проблемно-хронологического метода.

Результаты и их обсуждение

Исходя из данных, приведенных в статистическом ежегоднике «Народное хозяйство СССР», следует отметить, что в рассматриваемый период происходило постоянное увеличение производства мяса в стране. Начиная с 1965 г. по 1980 г. производство мясной продукции увеличилось с 10 млн тонн до 15 млн тонн. Главный прирост приходился на 1965–1975 гг., когда он увеличился в 1,5 раза. С 1975 г. и по 1985 г. прирост производства мяса был незначителен. Например, в

1980 г. выработали 15,1 млн тонн, а в 1982 г. – всего 15,2 млн тонн [13, с. 53].

Характеризуя ситуацию в Курской области, следует отметить постоянный рост потребления мяса и мясных продуктов. На протяжении всего рассматриваемого нами периода потребление данного вида продукта на душу населения регулярно увеличивалось. Если в 1960 г. на одного человека в год приходилось 37 кг потребляемого мяса, то к 1985 г. эта цифра составила 65 кг [14, с. 70]. Приводимая статистика включает в себя не только все виды торговли охлажденным мясом и полуфабрикатами, но и приобретение готового вида продукции через систему столовых, кафе и ресторанов. Соответственно, львиная доля потребления мясных продуктов будет приходиться не на государственную и кооперативную торговлю, а на столовые при промышленных предприятиях.

Исходя из приведенных статистических данных, может сложиться впечатление, что реализация мяса и мясной продукции в Курской области осуществлялась вполне эффективно. Но оперирование скупыми цифрами официальной статистики, как правило, не позволяет выявить наличия реальных проблем, существовавших в организации торговли мясопродуктами.

При более детальном изучении вопроса продажи мяса населению, основанном на анализе делопроизводственной документации торговых организаций и контролирующих их деятельность структур, становятся очевидными несколько основных проблем, существование которых лишает оснований только с положительной стороны рассматривать обозначенную тематику. В их числе следует отметить малоэффективную работу директоров и заведующих магазинами по организации торговли мясной продукцией, а также серьезный дисбаланс областного фонда мясопродуктов и реализацию его в некачественном состоянии промышленными предприятиями для организации бесперебойной торговли.

В первую очередь отметим некачественную организацию реализации мясной продукции со стороны руководящего звена торговых организаций и управленческих структур, приводившую к негативным последствиям. Так, уже в 1966 г., несмотря на наличие достаточных лимитов мяса и субпродуктов 1 и 2 категории, наблюдалось неквалифицированное распределение продукции по торговым точкам. Большая часть мясопродуктов выделялась магазинам, расположенным в центральной части городов. В то же время мясная продукция не поставлялась в должных объемах торговым точкам, находившимся на окраинах городов области, в жилых микрорайонах промышленных предприятий г. Курска и на колхозные рынки [15, л. 48].

Органами власти предпринимались попытки стабилизировать ситуацию с обеспечением торговых организаций мясной продукцией. Например, вводилось дополнительное задание по увеличению числа торговых предприятий, обеспечиваемых мясом и субпродуктами 1 и 2 категории [15, л. 49]. Утверждались увеличенные планы поставки субпродуктов с повышенным ежедневным заданием по продаже субпродуктов 2 категории [15, л. 83]. В целях упорядочения торгового обслуживания населения, проживающего на окраинах городов и в рабочих поселках, утверждались мероприятия по более качественному обеспечению данных территорий мясом [16, л. 357].

Но кардинально изменить положение с обеспечением торговых организаций мясными продуктами не удалось, т. к. за исполнение заданий несли ответствен-

ность сами работники торговли. Руководители организаций государственной торговли и потребительской кооперации не контролировали должным образом состояние реализации вводимых планов и заданий, по-прежнему халатно относились к организации торговли мясом и мясной продукцией.

Проверкой, произведенной областным управлением торговли осенью 1966 г., было установлено, что из 15 проверенных магазинов г. Курска в четырех не имелось в продаже говядины, в двух – свинины, в одном – мясо в продаже вообще отсутствовало. Отмечались частые случаи перебоя в торговле мясом [15, л. 198].

Имели место случаи, когда директора и заведующие магазинами проявляли либерализм к работникам прилавка, нарушившим правила торговли, это сказывалось на реализации мясной продукции. Не применялись штрафные санкции к лицам, которые допускали случаи некачественной организации выкладки и показа товара. Осенью 1967 г. в ряде предприятий государственной торговли было установлено отсутствие мяса на прилавках магазинов, его не было даже заявлено в ассортименте товаров. Данные случаи имели место в магазинах: Горпищеторга, Гастрономторга, ОРСа НОД-9 [17, л. 132].

Из-за неграмотной политики руководства торговых предприятий имели место факты образования очередей для приобретения мяса. В мае 1972 г. на Северном рынке г. Курска в предвыходные и выходные дни создавались большие очереди покупателей в бюро торговых услуг. Люди простаивали по несколько часов, чтобы приобрести необходимый продукт. Происходило это по причине того, что было выделено недостаточное количество продавцов и разрубщиков. Работники прилавка просто не успевали получать мясо от колхозников, обрабатывать его и продавать населению [18, л. 317]. При этом руководители торговых предприятий прекрасно знали о загруженности рынков в выходные дни, тем не менее не принимали должных мер по устранению этого недостатка.

Многие директора и заведующие магазинами халатно относились к работе по приему новых кадров на материально-ответственные должности. Крайне мало внимания уделялось профилактической работе с персоналом, не была организована на должном уровне воспитательная работа среди молодых специалистов. В свою очередь, это приводило к фактам продажи мяса и мясной продукции из-под прилавка. Продавец не просто негативно влиял на фактическое снижение продаж такого важного вида продукта питания, как мясо, но и благодаря данному виду махинации «бил по кошельку» населения.

Комитетом народного контроля Ленинского района г. Курска зимой 1977 г. было установлено, что из 23 проверенных предприятий в 8 имелись нарушения. Отмечались факты отпуска мясопродуктов сверх установленных норм в одни руки, а также продажи колбасы из-под прилавка по завышенной цене. Проверкой, проведенной госторгинспекцией весной 1977 г. в объединении «Продтовары», были вскрыты факты нарушений в 38 магазинах, из них в 11 – нарушения порядка торговли продуктами животноводства [19, л. 156].

Второй не менее важной проблемой, приводившей к перебою в торговле мясной продукцией, являлся дефицит Курского областного фонда мяса. Несмотря на увеличение количества потребляемого мяса на душу населения в год, отмечались факты, при которых мясокомбинаты области не могли поставить необходимо-

го количества мясных продуктов на прилавки магазинов.

Из-за серьезных недостатков в организации производственной деятельности Курский мясокомбинат в мае 1967 г. недопоставил в города области 43 тонны колбасных изделий и 19,9 тонн мяса [20, л. 298].

В 1969 г. фонды мясопродуктов на снабжение Курской области были установлены в количестве 9200 тонн, оставаясь на уровне 1968 г. при фактическом росте государственных закупок мяса на 6,7%. Удельный вес фондов данного продукта на местное снабжение в общих продуктовых ресурсах области составил всего лишь 16,2%. Это происходило в условиях, когда расход мясопродуктов в среднем по РСФСР на душу населения в 1966 г. составлял 45,9 килограммов в год, а в Курской области – всего лишь 34,3 килограмма. В 1969 г. потребление мяса на душу населения в Курской области уменьшилось в два раза, составив 21 килограмм [21, л. 150].

После того, как Советом Министров РСФСР был заслушан отчет Курского облисполкома о выполнении планов производства и отгрузки мясопродуктов в 1 квартале 1970 г., 12 марта 1970 г. было принято Постановление №149 «О неудовлетворительном выполнении Курским облисполкомом плана поставок мясопродуктов в общесоюзный и республиканский (РСФСР) фонды…»[1]. Документом отмечались факты непринятия мер по исправлению допущенных ошибок, что усугубило ситуацию с продажей данного вида товара.

За 2 месяца 1970 г. предприятия мясной промышленности Курской области не поставили 3,4 тыс. тонны мяса вследствие того, что на переработку не было получено 6,6 тыс. тонн скота. И это происходило в условиях выполнения утвержденных плановых показателей закупки скота и птицы в регионе. Фактический откорм в хозяйствах Главскотпрома возрос за это время с 9,7 тыс. тонн до 16,3 тыс. тонн [22, л. 41].

Идентичная ситуация имела место на мясоптицекомбинатах Курской области. За 1969 г. увеличилась поставка и реализация мяса по фондам на местное снабжение. Но удельный вес реализации охлажденного мяса на местное снабжение в целом по тресту составил всего лишь 41% [23, л. 58].

К тому же хладокомбинат не торопился отгружать мясопродукты в 1 квартале 1970 г. При месячном плане вывоза 5500 тонн поставка составила только 484 тонны [22, л. 9].

Все больше стало отмечаться случаев срыва годовых заданий по выработке охлажденного мяса предприятиями перерабатывающей промышленности Курской области. При плановой выработке 70% продукции фактически они смогли обеспечить выполнение плана только на 43% [24, л. 87]. Очевидно, что данная цифра была гораздо меньше, чем заявленная в задании. Это приводило к перебоям в торговле мясной продукцией. Значительно меньше стало поставляться говядины, даже для обеспечения детских и лечебных учреждений, не говоря уже о розничной торговле. В мая 1971 г. при ежедневной норме потребления 4 тонны в эти организации вообще не завозился данный продукт [25, л. 65].

[1] Постановление Совета Министров РСФСР от 12 марта 1970 г. №149 «О неудовлетворительном выполнении Курским облисполкомом плана поставок мясопродуктов в общесоюзный и республиканский (РСФСР) фонды в 1 квартале 1970 года» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/ (дата обращения: 25.06.2021).

К концу 1971 г. фонды мяса, выделенные на местное снабжение с учетом отчислений от перевыполнения плана, составили 15 тыс. тонн. Удельный вес этого фонда составил всего лишь 12,4% от всех продуктовых ресурсов области. Фактически, торговля данным товаром осуществлялась только в г. Курске и г. Железногорске, но и там с большими перебоями [26, л. 180].

В соответствии с приказом Министерства торговли РСФСР от 24 февраля 1972 г. № 64 «Об увеличении реализации свинины в торговле и использовании на промышленную переработку»[1], при общем росте рыночной реализации свинины в целом на 77% по стране, в ряде областей, краев и автономных республик, несмотря на достигнутый рост продажи мяса, фактическая реализация свинины не увеличивалась, а даже уменьшалась [27, л. 45].

В дальнейшем дефицит фондов мяса приводил к простою мясокомбинатов Курской области. Фактически, с полной загрузкой работали Курский и Дмитриевский мясокомбинаты, которые обслуживали в большей степени г. Курск и г. Железногорск. Остальные предприятия, в связи с ограниченностью фондов, были загружены частично [28, л. 9].

Несмотря на принятое Постановление Совета Министров РСФСР от 30 сентября 1983 г. № 450 «О некоторых мерах по улучшению торговли, выполнению планов розничного товарооборота, увеличению производства и повышению качества товаров народного потребления в РСФСР»[2], фактически медленно осуществлялась перестройка производства товаров народного потребления в соответствии с изменяющимся спросом населения. Допускались большие отставания в предприятиях пищевой промышленности. Таким образом, в Курской области мясной промышленностью была сорвана поставка мяса и мясных продуктов на 4,1 млн рублей [29, л. 36].

Вывод

Рассмотренный опыт реализации мяса и мясной продукции в Курской области указывает на множество явных недостатков. Во-первых, некачественно проводимая работа руководящего звена торговых предприятий приводила к перебоям в торговле и отсутствию мяса на прилавках магазинов. Во-вторых, эта нехватка выделенных фондов данного вида товара и халатная работа по производству и поставке со стороны мясокомбинатов региона. Предпринимаемые меры Министерством торговли РСФСР были малоэффективны, не позволяли радикально повлиять на ситуацию в лучшую сторону. Не удалось обеспечить бесперебойную торговлю таким необходимым видом продукта питания, как мясо. Ну а регулярный срыв государственных заданий негативно сказывался на экономической составляющей не только региона, но и страны в целом.

[1] Приказ Министерства торговли РСФСР от 24 февраля 1972 г. № 64 «Об увеличении реализации свинины в торговле и использовании на промышленную переработку» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/ (дата обращения: 25.06.2021).

[2] Постановление Совета Министров РСФСР от 30 сентября 1983 г. № 450 «О некоторых мерах по улучшению торговли, выполнению планов розничного товарооборота, увеличению производства и повышению качества товаров народного потребления в РСФСР» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/ (дата обращения: 25.06.2021).

Список литературы

1. Шелест П. Е. Да не судимы будете: Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М.: Ed. Q : Квинтэссенция, 1994. 612 с.

2. Мясников Г. В. Страницы из дневника (1964–1992). М.: Институт национальных проблем образования, 2008. 774 с.

3. Черняев А. С. Совместный исход. Дневники двух эпох. 1972–1991 годы. М.: РОССПЕН, 2008. 1047 с.

4. Черниченко Ю. Д. Время ужина: прерванная исповедь. Феодосия; М.: Коктебель, 2009. 237 с.

5. Геллер М. Я., Некрич А. М. Утопия у власти. 1922-1997. М.: МИК, 2000. 855 с.

6. Дедков И. А. Дневник. 1953–1994. М.: Прогресс-Плеяда, 2005. 789 с.

7. Завельский М. Теневая экономика: враг, друг...? // Через тернии: пролог. Что дальше? М.: Прогресс, 1990. 790 с.

8. Лигачев Е. К. Кто предал СССР? М.: Эксмо: Алгоритм, 2009. 285 с.

9. Нит И. В. Что же с нами происходит? // Московский листок. 1990. Декабрь.

10. Павлов В. С. Упущен ли шанс?: финансовый ключ к рынку. М.: Терра, 1995. 316 с.

11. Бартенев С. А. Экономическая история. М.: Экономист, 2004. 390 с.

12. Лельчук В. С. «СССР в 70-е годы». М.: Прогресс, 2005. 405 с.

13. Народное хозяйство СССР 1922–1982: юбилейный статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1982. 623 с.

14. Народное хозяйство Курской области за 70 лет: статистический сборник. Курск, 1987. 139 с.

15. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 1058.

16. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 799.

17. ГАКО. Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 1060.

18. ГАКО. Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 1600.

19. ГАКО. Ф. Р-207. Оп. 3. Д. 461.

20. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 823.

21. ГАКО. Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 1456.

22. ГАКО. Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 1466.

23. ГАКО. Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 1469.

24. ГАКО. Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 1760.

25. ГАКО. Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 1761.

26. ГАКО. Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 1763.

27. ГАКО. Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 1777.

28. ГАКО. Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 1780.

29. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 3370.

References

1. Shelest P. E. Da ne sudimy budete: Dnevnikovye zapisi, vospominaniya chlena Politbyuro CK KPSS [May you not be judged: Diary entries, memoirs of a member of the Politburo of the Central Committee of the CPSU]. Moscow, Ed. Q Publ., Kvintessenciya Publ., 1994. 612 p.

2. Myasnikov G. V. Stranicy iz dnevnika (1964–1992) [Pages from the diary (1964–1992)]. Moscow, Institut nacional'nyh problem obrazovaniya Publ., 2008. 774 p.

3. Chernyaev A. S. Sovmestnyj iskhod. Dnevniki dvuh epoh. 1972–1991 gody [A joint outcome. Diaries of two eras. 1972–1991]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 1047 p.

4. Chernichenko, Yu. D. Vremya uzhina: prervannaya ispoved' [Dinner time: Interrupted confession]. Feodosiya, Moscow, Koktebel' Publ., 2009. 237 p.

5. Geller M. Ya., Nekrich A. M. Utopiya u vlasti [Utopia in power]. 1922–1997. Moscow, MIK Publ., 2000. 855 p.

6. Dedkov I. A. Dnevnik [Diary]. 1953–1994. Moscow, Progress-Pleyada Publ., 2005. 789 p.

7. Zavel'skij M. Tenevaya ekonomika: vrag, drug...? [The shadow economy: enemy, friend...?]. Cherez ternii: prolog. Chto dal'she? [Through the thorns: prologue. What's next?]. Moscow, Progress Publ., 1990. 790 p.

8. Ligachev E. K. Kto predal SSSR? [Who betrayed the USSR?]. Moscow, Eksmo Publ., Algoritm Publ., 2009. 285 p.

9. Nit I. V. Chto zhe s nami proiskhodit? [What is happening to us?]. *Moskovskij listok* = *Moscow Leaflet*, 1990, Decamber.

10. Pavlov V. S. Upushchen li shans?: finansovyj klyuch k rynku [Is the chance missed?: the financial key to the market]. Moscow, Terra Publ., 1995. 316 p.

11. Bartenev S. A. Ekonomicheskaya istoriya [Economic history]. Moscow, Ekonomist Publ., 2004. 390 p.

12. Lel'chuk V. S. "SSSR v 70-e gody" ["The USSR in the 70s"]. Moscow, Progress Publ., 2005. 405 p.

13. Narodnoe hozyajstvo SSSR 1922–1982. Yubilejnyj statisticheskij ezhegodnik [National Economy of the USSR 1922-1982. Jubilee statistical yearbook]. Moscow, Finansy i statistika Publ., 1982. 623 p.

14. Narodnoe hozyajstvo Kurskoj oblasti za 70 let. Statisticheskij sbornik [The national economy of the Kursk region for 70 years. Statistical collection]. Kursk, 1987. 139 p.

15. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [State Archive of the Kursk Region], f. R-207, op. 1, d. 1058.

16. GAKO, f. R-770, op. 8, d. 799.

17. GAKO, f. R-207, op. 1, d. 1060.

18. GAKO, f. R-207, op. 1, d. 1600.

19. GAKO, f. R-207, op. 3, d. 461.

20. GAKO, f. R-770, op. 8, d. 823.

21. GAKO, f. R-207, op. 1, d. 1456.

22. GAKO, f. R-207, op. 1, d. 1466.

23. GAKO, f. R-207, op. 1, d. 1469.

24. GAKO, f. R-207, op. 1, d. 1760.

25. GAKO, f. R-207, op. 1, d. 1761.

26. GAKO, f. R-207, op. 1, d. 1763.

27. GAKO, f. R-207, op. 1, d. 1777.

28. GAKO, f. R-207, op. 1, d. 1780.

29. GAKO, f. R-3322, op. 44, d. 3370.

Информация об авторе / Information about the Author

Емельянов Василий Эдуардович, аспирант, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: vaizer17@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-0572-3289

Vasiliy E. Emeliyanov, Post-Graduate Student, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: vaizer17@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-0572-3289

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47).084.9

Троллейбусная сеть областного центра РСФСР во второй половине XX века (на примере города Курска)

В. В. Коровин[1], Д. М. Носов[1]✉

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: metiskursk1980@gmail.com

Резюме

Актуальность. *Совершенствование системы городского пассажирского транспорта – одно из важнейших направлений развития современных городских агломераций. От качества внутренних городских транспортных артерий зависит уровень мобильности их жителей, а следовательно, и уровень деловой и экономической активности. При этом на современном этапе важны не только мобильность и скорость, но и экологичность. В этом отношении троллейбус – транспорт будущего. Однако это утверждение требует уточнений. Так, в Курске основы троллейбусной сети разрабатывались и закладывались еще в конце 1960-х годов. За более чем полвека город серьезно изменился, а троллейбусы продолжают активно функционировать. Поэтому для решения имеющихся в настоящее время проблем в развитии данного вида городского пассажирского транспорта необходимо учитывать условия, в которых он создавался, что и определяет актуальность настоящей работы.*

Цель *– раскрыть историю создания и основные этапы развития троллейбусного сообщения в городе Курске в конце 1960-х – начале 1980-х годов.*

Задачи: *на основе изучения комплекса исторических источников показать проблемы, с которыми столкнулись городские власти при строительстве первой троллейбусной линии, а также показать основные этапы развития данного вида пассажирского транспорта в городе Курске в 1970-е – первой половине 1980-х годов.*

Методология. *При написании работы авторы опирались на основополагающие методы исторической науки (принципы историзма и объективности), а также на ряд конкретно-исторических и общенаучных методов (аналитический, сравнительно-исторический и пр.).*

Результаты. *В настоящее время в региональной историографии отсутствуют какие-либо обобщающие научные работы по истории курского троллейбуса. Данная работа раскрывает основные этапы становления и первых лет работы данного вида городского транспорта.*

Вывод. *Создание курского троллейбуса проходило в условиях отсутствия должной согласованности между различными организациями и конторами, осуществлявшими подготовку его запуска. Во многом это определило будущие проблемы данного вида общественного транспорта в городе, а также медленные темпы его дальнейшего развития, в том числе и в настоящее время.*

Ключевые слова: *Курск; троллейбус; троллейбусная сеть; электротранспорт; пассажиропоток; общественный транспорт.*

Конфликт интересов: *Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Финансирование*: Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2021 г. «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-2020-0033).*

Для цитирования: Коровин В. В., Носов Д. М. Троллейбусная сеть областного центра РСФСР во второй половине XX века (на примере города Курска) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 237–246.

Поступила в редакцию 28.06.2021 Принята к публикации 27.07.2021 Опубликована 30.08.2021

© Коровин В. В., Носов Д. М. 2021

Trolleybus Network of the Regional Center of the RSFSR in the Second Half of the Twentieth Century (on the Example of the City of Kursk)

Vladimir V. Korovin[1], Dmitry M. Nosov[1]✉

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: metiskursk1980@gmail.com

Abstract

Relevance. *Improving the system of urban passenger transport is one of the most important directions in the development of modern urban agglomerations. The level of mobility of their residents, and, consequently, the level of business and economic activity, depends on the quality of internal urban transport arteries. At the same time, at the present stage, not only mobility and speed are important, but also environmental friendliness. In this respect, the trolleybus is the transport of the future. However, this statement requires clarification. So, in Kursk, the foundations of the trolleybus network were developed and laid back in the late 1960s. For more than half a century, the city has seriously changed, and trolleybuses continue to function actively. Therefore, in order to solve the current problems in the development of this type of urban passenger transport, it is necessary to take into account the conditions in which it was created, which determines the relevance of this work.*

The purpose. *To reveal the history of creation and the main stages of development of the trolleybus service in the city of Kursk in the late 1960s – early 1980s.*

Objectives: *based on the study of a complex of historical sources, show the problems faced by the city authorities during the construction of the first trolleybus line, as well as show the main stages in the development of this type of passenger transport in the city of Kursk in the 1970s – the first half of the 1980s.*

Methodology. *When writing the work, the author relied on the fundamental methods of historical science (the principles of historicism and objectivity), as well as on a number of specific historical and general scientific methods (analytical, comparative historical, etc.).*

Results. *Currently, local historiography lacks any generalizing scientific works on the history of the Kursk trolleybus. This work reveals the main stages of the formation and the first years of operation of this type of urban transport.*

Conclusion. *The creation of the Kursk trolleybus took place in the absence of proper coordination between the various organizations and offices that were preparing for its launch. This largely determined the future problems of this type of public transport in the city, as well as the slow pace of its further development, including at the present time.*

Keywords: *Kursk; trolleybus; trolleybus network; electric transport; passenger traffic; public transport.*

Conflict of interest: *The Authors declares the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

Funding*: The publication was prepared as part of the implementation of the state task for 2021 "Transformation of private and public law in the conditions of evolving individuals, society and the state" (No. 0851-2020-0033).*

For citation: Korovin V. V., Nosov D. M. Trolleybus Network of the Regional Center of the RSFSR in the Second Half of the Twentieth Century (on the Example of the City of Kursk). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(4): 237–246. (In Russ.)

Received 28.06.2021 Accepted 27.07.2021 Published 30.07.2021

***

Введение

В Советском Союзе 1950–60-е гг. характеризуются быстрыми темпами урбанизации [1; 2]. За счет опережающего роста промышленности, требующей все больших трудовых ресурсов, значитель-

ная часть населения СССР переезжает жить в города, что требует создания необходимой инфраструктуры, в том числе и транспортной [3; 4]. Подобные процессы были характерны и для курского региона и его областного центра [5, с. 175–183].

Проблема совершенствования логистики внутригородского пассажирского транспорта является одной из ключевых в создании комфортной городской среды. Для советских городов она была важнейшей, особенно в свете их промышленно ориентированного развития. Помимо этого, серьезной проблемой являлась экология советских городов, страдавших от выбросов предприятий. До 1950-х гг. в городах преимущественно развивались два вида городского транспорта: автобусный и трамвайный. При этом расширение сети автобусного транспорта не решало экологической проблемы, а только ухудшало ее, а строительство новых трамвайных маршрутов было весьма ресурсно- и капиталозатратным мероприятием. Поэтому к концу 1950-х гг. акцент делается на создание сетей троллейбусного сообщения в крупных промышленных и областных центрах нашей страны [6, с. 64–69; 7, с. 7–26].

К середине 1960-х гг. проблема расширения сети внутригородского пассажирского транспорта остро стала и для города Курска. Имеющееся автобусное и трамвайное сообщения уже не справлялись со все возрастающими пассажиропотоками.

Методология

Комплекс научных методов и принципов, использованных нами при написании настоящей работы, позволил решить все поставленные перед исследованием задачи. Помимо использования традиционных методологических принципов (объективность и принцип историзма) нами активно привлекался как общенаучный (аналитический метод, индуктивно-дедуктивный), так и специально-исторический инструментарий (сравнительно-исторический метод).

Результаты и их обсуждение

Историческое решение о начале строительства троллейбусных линий в городе Курске было принято исполнительным комитетом Курского городского Совета депутатов трудящихся 20 мая 1966 г. В решении № 277 указывалось, что протяженность первой очереди троллейбусных линий должна была составить 10,5 км и предполагалось расположить их на следующих улицах города: ул. К. Маркса, Ленина, Верхняя Набережная (в настоящее время Сонина)[8, с. 154], Колхозная (в настоящее время Александра Невского [8, с. 41–42]), Дзержинского, Перекальского, Интернациональной, а также на площади Привокзальной и площади Перекальского. Будущее троллейбусное депо должно было расположиться в районе сельхозинститута и рассчитано на 50 машин с последующим расширением до 100 [9, л. 326].

Уже в сентябре 1967 г. на этапе проектирования произошли серьезные уточнения в проекте. Во-первых, было решено сразу строить депо на 100 троллейбусов и было определено точное его место на ул. Кавказской. Во-вторых, были изменены маршруты прокладывания троллейбусных линий: было решено отказаться от строительства линии в район железнодорожного вокзала, но линия продлевалась по ул. Кавказской, далее она должна была проходить по ул. К. Маркса, Радищева, Урицкого, выходить на Красную площадь, далее по ул. Верхней Набережной и Колхозной выйти к ул. Красной Армии, после чего закольцевать квартал, ограниченный также ул. Энгельса, Дзержинского, Бочарова. При этом общая длина линий уменьшалась до 9,0 км. В-третьих, была запланирована капитальная реконструкция асфальтового полотна по всему маршруту пролегания троллейбусных линий [10, л. 223].

Готовый проект и сметы к нему были утверждены только через два года 28 июля 1969 г. На строительство было выделено 1 165,16 тыс. руб. Работами было поручено заниматься объединению «Курскстрой», которые должны были быть завершены и сданы в эксплуатацию к 7 ноября 1970 г. [11, л. 318]. Однако к назначенной дате работы так и не были выполнены. Более того, в последующие годы темпы строительства были настолько низкими, что 12 ноября 1971 г. исполнительный комитет Курского городского Совета депутатов трудящихся издает решение за № 525 «О неудовлетворительном ходе строительства и мерах по обеспечению пуска троллейбуса в городе Курске во втором квартале 1972 года», в котором указывалось, что трест «Курскпромстрой», занимавшийся основными строительными работами, полностью провалил работы: из выделенных на строительство средств были освоены только 48,0%. При этом план возведения депо был выполнен только на 67,0%, тяговых подстанций – на 19,0 %, а контактных сетей – на 24,0% [12, л. 140]. Однако даже при таких низких темпах строительства за 1971 г. удалось закончить работы по монтажу тяговой подстанции № 8 и установке 109 железобетонных опор [13, л. 33]. Параллельно также неудовлетворительно шли работы по реконструкции улиц, по которым должны были пролегать новые троллейбусные маршруты, подготовке кадров и пр. [13, л. 35] Курский горисполком неоднократно отмечал эти недостатки в работе и пытался всеми силами воздействовать на организации, осуществлявшие эти работы.

Так, на его заседание 14 февраля 1972 г. были приглашены практически все руководители организаций и трестов, задействованных в подготовке к пуску троллейбусной линии, а именно: управляющий трестом «Курскпромстрой» Л. Н. Абрамов, директор института «Курскгражданпроект» Д. И. Гаркуша, начальник монтажного управления треста «Юговостокэлектромонтаж» А. Л. Фридкин, начальник трамвайного управления И. В. Юганов, начальник горэлектросетей И. С. Печенев и др. [12, л. 146] На заседании все вышеназванные руководители были подвергнуты жесткой критике за срыв планов работы, и было принято решение окончательно завершить строительные и подготовительные работы во втором полугодии 1972 г. Острее всего стоял вопрос освоения выделяемых бюджетных средств. Заместитель председателя горисполкома П. А. Захаров отмечал, что за январь 1972 г. было освоено только 55,0 тыс. руб., а всего на работы на этот год выделялось свыше 800,0 тыс. рублей [13, л. 17–21]. Однако на этот раз работы были выполнены вовремя.

18 августа 1972 г. состоялось официальное открытие первого троллейбусного маршрута города Курска «СХИ – Красная площадь» длиной около пяти километров. На открытии присутствовали председатель горисполкома В. В. Тюренков, который «тепло поздравил строителей треста “Курскпромстрой” и коллектив трамвайно-троллейбусного управления с досрочным выполнением социалистических обязательств в честь 50-летия образования СССР» [14]. Первым водителем курского троллейбуса стала В. Н. Небутова, до этого 18 лет проработавшая водителем трамвая в городе и прошедшая курсы переподготовки в Воронеже. Регулярное движение троллейбусов (изначально курсировали троллейбусы ЗиУ-5) в городе началось с 21 августа 1972 г.

В отличие от трамвайного сообщения города, которое было одним из самых старых в стране, курский троллейбус, наоборот, является одним из самых молодых. К началу 1960-х гг. троллейбусное движение было организовано в Москве (1933 г.), Ленинграде (1936 г.), Ростове-на-Дону (1936 г.) [15, с. 37], Самаре (1942 г.) [16, с. 512], Пензе (1948 г.) [17, с. 111], Омске (1955 г.), Новосибирске (1957 г.). В Кемерово троллейбусные

линии заработали в 1970 г. [18, с. 21], во Владивостоке – с 1965 г. [19, с. 177]

Сразу же после открытия первого маршрута началась работа по запуску новых маршрутов и расширению имеющейся сети, т. к. троллейбус стал одним из наиболее востребованных видов транспорта, особенно в центре города (в связи с его запуском движение трамваев по ул. Ленина было прекращено [20, с. 171]). Уже в мае 1973 г. был утвержден план расширения линий. Вновь был поставлен вопрос о прокладке контактных сетей по ул. Ленина; по ул. К. Маркса планировалось протянуть линию до трепельного комбината с поворотным кольцом у проходной полиграфического комбината; в центре города планировалось продолжить линию от Красной площади по ул. Верхней Набережной и Колхозной до площади Добролюбова, где также должны были сделать поворотное кольцо. Работы планировалось завершить уже к 1 августа того же года [21, л. 347]. Однако на деле работы были снова затянуты. Основная причина серьезного торможения работ заключалась в несогласованности действий различных служб и несвоевременности выполнения ими работ. Так, по вине трамвайно-троллейбусного управления не было вовремя приобретено необходимое оборудование для пуска тяговой подстанции; управление «Курскэнерго» затянуло с прокладкой новой теплотрассы, а РСУ «Облкоммунэнерго» не обеспечило своевременный перенос электроосвещения и необходимых коммуникаций [22, л. 218].

Воронежский историк В. А. Перцев указывает, что замедленные темпы развития троллейбусного транспорта в городах Центрального Черноземья можно объяснить проблемами «с организацией постоянной подачи электроэнергии на силовые линии, а также отсутствием высокой территориальной мобильности» [23, с. 61; 24, с 145].

Следует отметить, что данная проблема (несогласованности действий) являлась основной и при строительстве первой очереди трамвайных линий, и при последующем расширении сети. Именно она серьезно тормозила развитие троллейбусного сообщения в городе. Но при этом контактная сеть постоянно расширялась.

С сентября 1974 г. в Курске приступили к строительству третьей очереди троллейбусных линий, которые должны были закольцевать квартал, окруженный ул. Красной Армии, Энгельса, Дзержинского и Бочарова (как и предполагалось еще в первом плане), а также проложить сеть по ул. Раздельной (в настоящее время ул. Малых [8, с. 108]) и Полевой с кольцом у школы № 12 [25, л. 170]. Участок от площади Добролюбова до школы № 12 длиной в 2,8 км был принят в эксплуатацию уже 31 декабря 1974 г. [26, л. 153–156].

В целом в годы IX пятилетки (1971–1975 гг.), как мы можем видеть, происходило непрерывное развитие хозяйственно-технической базы троллейбусной сети города. За этот период для обслуживания нового для Курска вида пассажирского транспорта были построены и введены в эксплуатацию депо на 100 троллейбусов, четыре тяговые подстанции, более 30 км троллейбусных линий, а на улицах, по которым проходили маршруты троллейбусов, был проведен капитальный ремонт асфальтового полотна. Все это позволило организовать три маршрута (№ 1 «Курский трепельный комбинат – Кинотеатр “Октябрь”»; № 2 «ул. Бочарова – СХИ»; № 3 «ул. Бочарова – ул. Раздельная»), на которые ежедневно выходили 30 троллейбусов (при общем парке в 31 машину) [27, л. 81–82]. Вместе с тем несовершенство дорожного хозяйства областного центра приводило к росту аварийности, в том числе с участием городского электрического транспорта. Городская дорожная сеть уже в первой половине 1970-х гг. стала с трудом справляться с возрастающими транспортными потоками [28, л. 16–18].

Однако при растущей материально-технической базе большой проблемой были большие простои парка: так, в 1977 г. при наличии 31-го троллейбуса они должны были ежедневно выполнять в среднем 972 рейса, однако на практике среднедневной показатель за вышеуказанный год составил только 560 рейсов, или 57,0% от плана. Главной причиной такого положения являлось ненадлежащее техническое обслуживание и некачественный ремонт подвижного состава [27, л. 94–95].

Следует отметить, что в годы X (1976–1980 гг.) и XI (1981–1985 гг.) пятилеток темпы развития трамвайной сети несколько замедлились. Отчасти это связано с нерентабельностью, хоть и при этом большой популярностью этого вида транспорта среди жителей города большинства троллейбусных маршрутов. Так, только за 1979 г. и первый квартал 1980 г. горэлектротранспортом было перевезено свыше 100 млн пассажиров, заработав при этом 3,3 млн руб., из которых около 35,0% приходилось на троллейбусы [29, л. 131]. При этом за данный период была открыта только одна новая линия: от Южного автовокзала до Льговского поворота, соединив тем самым центр города и Промышленный район.

К концу XI пятилетки троллейбусы в целом выполняли планы по перевозке пассажиров на 102,8% (перевезено 126,24 млн пассажиров) и по доходам – на 102,5% [30, л. 60, 78]. Как мы можем видеть, за эти годы произошел значительный рост спроса на троллейбусные перевозки, и данный вид транспорта стал одним из наиболее значимых для города Курска.

Выводы

Создание троллейбусного движения в городе Курске в начале 1970-х гг. стало закономерным этапом урбанизационных процессов, происходивших в этот период времени. Как крупному промышленному центру городу необходимо было иметь развитую транспортную сеть, позволявшую в короткие сроки ежедневно перемещать значительные массы людей. Поэтому, как и во многих других городах, в Курске в конце 1960-х гг. были начаты работы по строительству троллейбусных линий. Стоит отметить, что создание троллейбусных линий влекло за собой серьезные изменения в работе коммуникаций города, а на их строительстве были задействованы десятки различных организаций. К сожалению, властям города не удалось наладить слаженное взаимодействие между ними, что в итоге привело, во-первых, к срыву ввода в эксплуатацию первой очереди троллейбуса (запуск планировался на 7 ноября 1970 г., но в итоге это удалось сделать только 18 августа 1972 г.), а во-вторых, к последующим постоянным срывам сроков строительства линий и замедленным темпам развития этого вида транспорта в городе. На наш взгляд, данные проблемы в меньшей степени характерны для города Курска, нежели вышеназванные, т. к. они не нашли отражения в изученном нами массиве исторических источников.

Тем не менее уже в первые годы своего существования троллейбус стал одним из важнейших видов пассажирского транспорта Курска, гармонично вписавшись в местную городскую среду.

Список литературы

1. Сенявский А. С. Экономические основы российского урбанизационного процесса: теоретический анализ (структурные и институциональные аспекты) // Вопросы теоретической экономики. 2019. № 1. С. 133–146.

2. Сенявский А. С. Урбанизационный процесс в СССР в экономическом измерении: структурные и институциональные аспекты // Вопросы теоретической экономики. 2019. № 2. С. 147–161.

3. Матвеева В. Р. История городского пассажирского транспорта в Башкирии советского периода в современной историографии // Перспективы науки. 2014. № 8 (59). С. 60–65.

4. Матвеева В. Р. Возможные пути применения мир-системного подхода при изучении пассажирского транспорта Башкирии советского периода // Глобальный научный потенциал. 2014. № 8 (4). С. 58–63.

5. Аргунов О. Н. Трудовые ресурсы сельского хозяйства и урбанизационные процессы в СССР в 1946–1953 годах (на материалах Курской области) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10, № 3. С. 175–183.

6. Игнатов А. В., Басков В. Н. К вопросу об актуальности развития городского наземного электрического транспорта // Вестник Донецкой академии автомобильного транспорта. 2018. № 1. С. 64–69.

7. Блинкин М. Я., Воробьев А. Н. Городское движение и планировка городов // Городские исследования и практики. 2018. Т. 3. № 2. С. 7–26. https://doi.org/10.17323/usp3220187-26.

8. Административно-территориальное деление и улицы города Курска: справ. изд. / ред. кол.: В. Л. Богданов (гл. ред.) [и др.]. Курск: ИП Афанасьева Е.А., 2018. 202 с.

9. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 799.

10. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 824.

11. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 898.

12. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 980.

13. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 1016.

14. Курская правда. 1972. 19 авг.

15. Волков М. В., Колбасникова М. А. История зарождения и развития пассажирского транспорта в России // Вестник транспорта. 2012. № 8. С. 32–39.

16. Горшенин А. В. Развитие пассажирского электротранспорта городов Среднего Поволжья в первые послевоенные годы (1945–1950 гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2016. Т. 37, № 3. С. 506–525.

17. Горшенин А. В. Из истории становления троллейбусного сообщения в Пензе // Самарский научный вестник. 2016. № 1 (14). С. 109–114.

18. Кокорина Л. Б. Становление и развитие городского пассажирского транспорта в Кемеровской области в 1945–1985 гг. // Вестник Новгородского государственного университета. 2008. № 49. С. 21–23.

19. Широкорад О. А., Федорущенко И. Е. Троллейбусное сообщение г. Владивосток // Международная научно-практическая конференция «Архитектура, строительство, транспорт» (К 85-летию ФГБОУ ВПО «СибАДИ»): сб. науч. тр. № 8 кафедры «Организация перевозок и управление на транспорте». Омск: ООО «Полиграфический центр КАН», 2015. С. 176–178.

20. Носов Д. М. Развитие трамвайной сети в областных центрах РСФСР в 1965–1985 гг. (на примере города Курска) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 2. С. 166–174.

21. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 1053.

22. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 1055.

23. Перцев В. А. Развитие городского транспорта в Центральном Черноземье в 1970–1980-е годы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2011. № 11. С. 54–61.

24. Перцев В. А. Последствия массовой урбанизации Центрального Черноземья в 1970–1980-е годы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2010. № 2. С. 141–145.

25. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 1107.

26. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 1111.

27. ГАОПИКО (Государственный архив общественно-политической истории Курской области). Ф. П-1. Оп. 71. Д. 92.

28. ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 16. Д. 35.

29. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 1387.

30. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 1625.

References

1. Senyavskij A. S. Ekonomicheskie osnovy rossijskogo urbanizacionnogo processa: teoreticheskij analiz (strukturnye i institucional'nye aspekty) [Economic foundations of the Russian urbanization process: theoretical analysis (structural and institutional aspects)]. *Voprosy teoreticheskoj ekonomiki = Questions of theoretical economics,* 2019, no. 1, pp. 133–146.

2. Senyavskij A. S. Urbanizacionnyj process v SSSR v ekonomicheskom izmerenii: strukturnye i institucional'nye aspekty [The urbanization process in the USSR in the economic dimension: structural and institutional aspects]. *Voprosy teoreticheskoj ekonomiki = Questions of theoretical economics*, 2019, no. 2, pp. 147–161.

3. Matveeva V.R. Istoriya gorodskogo passazhirskogo transporta v Bashkirii sovetskogo perioda v sovremennoj istoriografii [The history of urban passenger transport in Bashkiria of the Soviet period in modern historiography]. *Perspektivy nauki = Prospects of science*, 2014, no. 8 (59), pp. 60–65.

4. Matveeva V. R. Vozmozhnye puti primeneniya mir-sistemnogo podhoda pri izuchenii passazhirskogo transporta Bashkirii sovetskogo perioda [Possible ways of applying the mir-system approach in the study of passenger transport in Bashkiria of the Soviet period]. *Global'nyj nauchnyj potencial = Global Scientific Potential*, 2014, no. 8 (4), pp. 58–63.

5. Argunov O. N. Trudovye resursy sel'skogo hozyajstva i urbanizacionnye processy v SSSR v 1946–1953 godah (na materialah Kurskoj oblasti) [Labor resources of agriculture and urbanization processes in the USSR in 1946–1953 (based on materials from the Kursk region)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: Hystory and Law,* 2020, vol. 10, no. 3, pp. 175–183.

6. Ignatov A. V., Baskov V. N. K voprosu ob aktual'nosti razvitiya gorodskogo nazemnogo elektricheskogo transporta [To the question of the relevance of the development of urban land electric transport]. *Vestnik Doneckoj akademii avtomobil'nogo transporta = Bulletin of the Donetsk Academy of Automobile Transport,* 2018, no. 1, pp. 64–69.

7. Blinkin M. Ya., Vorob'ev A. N. Gorodskoe dvizhenie i planirovka gorodov [Urban traffic and city planning]. *Gorodskie issledovaniya i praktiki = Urban Studies and Practices,* 2018, vol. 3, no. 2, pp. 7–26. https://doi.org/10.17323/usp3220187-26.

8. Administrativno-territorial'noe delenie i ulicy goroda Kurska [Administrative-territorial division and streets of the city of Kursk]; ed. by V. L. Bogdanov, eds. Kursk, IP Afanas'eva E. A., 2018. 202 p.

9. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [State Archive of the Kursk Region], f. R-770, op. 8.

10. GAKO, f. R-770, op. 8, d. 824.

11. GAKO, f. R-770, op. 8, d. 898.

12. GAKO, f. R-770, op. 8, d. 980.

13. GAKO, f. R-770, op. 8, d. 1016.

14. *Kurskaya pravda = Kurskaya Pravda*, 1972, August 19.

15. Volkov M. V., Kolbasnikova M. A. Istoriya zarozhdeniya i razvitiya passazhirskogo transporta v Rossii [The history of the origin and development of passenger transport in Russia]. *Vestnik transporta = Transport Herald,* 2012, no. 8, pp. 32–39.

16. Gorshenin A. V. Razvitie passazhirskogo elektrotransporta gorodov Srednego Povolzh'ya v pervye poslevoennye gody (1945–1950 gg.) [The development of passenger electric transport in the cities of the Middle Volga region in the first post-war years (1945–1950)]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki = Questions of the history of natural science and technology*, 2016, vol. 37, no. 3, pp. 506–525.

17. Gorshenin A. V. Iz istorii stanovleniya trollejbusnogo soobshcheniya v Penze [From the history of the formation of the trolleybus service in Penza]. *Samarskij nauchnyj vestnik = Samara Scientific Bulletin,* 2016, no. 1 (14), pp. 109–114.

18. Kokorina L. B. Stanovlenie i razvitie gorodskogo passazhirskogo transporta v Kemerovskoj oblasti v 1945–1985 gg. [Formation and development of urban passenger transport in the Kemerovo region in 1945–1985]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Novgorod State University,* 2008, no. 49, pp. 21–23.

19. Shirokorad O. A., Fedorushchenko I. E. Trollejbusnoe soobshchenie g. Vladivostok [Trolleybus service in Vladivostok]. Omsk, OOO "Poligraficheskij centr KAN", 2015, pp. 176–178.

20. Nosov D. M. Razvitie tramvajnoj seti v oblastnyh centrah RSFSR v 1965–1985 gg. (na primere goroda Kurska) [The development of the tram network in the regional centers of the RSFSR in 1965–1985. (on the example of the city of Kursk)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: Hystory and Law,* 2021, vol. 11, no. 2, pp. 166–174.

21. GAKO, f. R-770, op. 8, d. 1053.

22. GAKO, f. R-770, op. 8, d. 1055.

23. Percev V. A. Razvitie gorodskogo transporta v Central'nom Chernozem'e v 1970–1980-e gody [The development of urban transport in the Central Black Earth Region in the 1970s – 1980s]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sociologiya = Voronezh State University Bulletin. Series: History. Political science. Sociology,* 2011, no. 11, pp. 54–61.

24. Percev V. A. Posledstviya massovoj urbanizacii Central'nogo Chernozem'ya v 1970–1980-e gody [Consequences of mass urbanization of the Central Chernozem Region in the 1970s and 1980s]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politolo-*

giya. Sociologiya = Voronezh State University Bulletin. Series: History. Political science. Sociology, 2010, no. 2, pp. 141–145.

25. GAKO, f. R-770, op. 8, d. 1107.

26. GAKO, f. R-770, op. 8, d. 1111.

27. GAOPIKO (Gosudarstvennyj arhiv obshchestvenno-politicheskoj istorii Kurskoj oblasti) [State Archive of the Socio-Political History of the Kursk Region], f. P-1, op. 71.

18. GAOPIKO, f. P-2878, op. 16, d. 35.

29. GAKO, f. R-770, op. 8, d. 1387.

30. GAKO, f. R-770, op. 8, d. 1625.

Информация об авторах / Information about the Authors

Коровин Владимир Викторович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: vlavikor@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-8353-526X

Носов Дмитрий Михайлович, аспирант кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: metiskursk1980@gmail.com

Vladimir V. Korovin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation e-mail: vlavikor@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-8353-526X

Dmitry M. Nosov, Post-Graduate Student, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: metiskursk1980@gmail.com

Оригинальная статья / Original article

УДК 94 (321)

Трезвенное движение в России накануне винной реформы 1863 года

Н. Е. Горюшкина[1] ✉, А. А. Колупаев[1]

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: gor046@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Трезвенное движение – уникальная форма протеста народных масс против откупного произвола. Исследование его имеет давние традиции. Однако ряд аспектов изучен явно недостаточно. Безусловную злободневность и значимость для понимания существа процесса обновления России в период правления Александра II имеет научный анализ народного единства и стойкости в противодействии откупному произволу.*

Цель *статьи – раскрыть истинные причины народного единства и стойкости в отказе пить откупное вино в 1858–1859 годы.*

Задачи. *Сформулированная цель была конкретизирована в следующих задачах: раскрыть основания для возникновения трезвенного движения в России; продемонстрировать размах народного протеста; объяснить реакцию правительства на отказ от покупки откупного вина; объяснить существо народного протеста.*

Методология. *Статья написана с помощью контекстно-исторического метода, предоставившего возможность вписать трезвенное движение в контекст общественных процессов середины XIX века., историко-генетического, раскрывающего суть народных обетов, историко-сравнительного метода, нацеливающего на поиск идентичных общественных конфликтов.*

Результаты. *Авторы указывают, что ожидаемая много лет отмена винных откупов в 1858 году не состоялась, объявлены очередные откупные торги. Откупщики использовали последнее откупное четырехлетие для умножения собственных доходов, цена алкоголя выросла. Подорожание спиртного народ воспринял как личное оскорбление. Европейскую часть страны охватило трезвенное движение, выразившееся в пассивном и открытом противодействии откупщикам. Протестная активность грозила казне недобором. Правительство предприняло меры по сдерживанию народного протеста, вплоть до введения военных команд в охваченные питейными бунтами губернии.*

Вывод *заключается в том, что трезвенное движение явилось зримым подтверждением конфликта между откупщиками и народом. Народ проявил единство и стойкость в противодействии откупщикам, восприняв удорожание спиртного как личное оскорбление. Желая снять социальный конфликт, верховная власть заменила откупа акцизом.*

Ключевые слова: *алкоголь; винная реформа; трезвенное движение; откупная система; акцизная система; питейное заведение; обет; погром.*

Конфликт интересов: *Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Финансирование*: Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2021 г. «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-2020-0033).*

Для цитирования: Горюшкина Н. Е., Колупаев А. А. Трезвенное движение в России накануне винной реформы 1863 года // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 247–257.

Поступила в редакцию 01.07.2021 Принята к публикации 30.07.2021 Опубликована 30.08.2021

© Горюшкина Н. Е., Колупаев А. А., 2021

Sober Movement in Russia on the Eve of the Wine Reform of 1863

Natalia E. Goryushkina[1] ✉,Andrej A. Kolupaev[1]

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: gor046@yandex.ru

Abstract

The relevance. *The sober movement is a unique form of protest of the masses against the arbitrariness of the ransom. Its research has a long tradition. However, a number of aspects are insufficiently studied. Unconditional topicality and significance for understanding the essence of the process of Russia's renewal during the reign of Alexander II. has a scientific analysis of national unity and resilience in countering the arbitrariness of the ransom.*

The purpose *the article is to reveal the true reasons for the national unity and staunchness in the refusal to drink ransom wine in 1858-1859.*

The objectives. *The formulated goal was concretized in the following tasks: to reveal the reasons for the emergence of a sober movement in Russia; demonstrate the scope of the popular protest; explain the government's reaction to the refusal to buy the buy-out wine; explain the essence of popular protest.*

Methodology. *The article was written using the contextual-historical method, which provided an opportunity to fit a sober movement into the context of social processes of the mid-19th century, the historical-genetic method, revealing the essence of folk vows, the historical-comparative method aimed at finding identical social conflicts.*

Results. *The authors point out that the abolition of the wine lease, which was expected for many years, did not take place in 1858, and the next lease sale was announced. The tax-farmers used the last four-year ransom to increase their own income, the price of alcohol rose. The rise in the price of alcohol was perceived by the people as a personal insult. The European part of the country was swept by a sober movement, expressed in passive and open opposition to the tax farmers. Protest activity threatened the treasury with shortfalls. The government took measures to curb the popular protest, right up to the introduction of military commands into the provinces engulfed in drinking riots.*

Conclusions. *The sober movement was a visible confirmation of the conflict between the tax farmers and the people. The people showed unity and steadfastness in opposing the tax farmers, taking the rise in the price of alcohol as a personal insult. Wanting to remove the social conflict, the supreme power replaced the buyout with excise tax.*

Keywords: *alcohol; wine reform; sober movement; ransom system; excise system; drinking establishment; vow; pogrom.*

Conflict of interest: *The Authors declares the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

Financing*: The publication was prepared as part of the implementation of the state task for 2021 "Transformation of private and public law in the conditions of evolving individuals, society and the state" (No. 0851-2020-0033).*

For citation: Goryushkina N. E.,Kolupaev A. A. Sober Movement in Russia on the Eve of the Wine Reform of 1863. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(4): 247–257. (In Russ.)

Received 01.07.2021 Accepted 30.07.2021 Published 30.08.2021

***

Введение

Винная реформа 1863 г. открыла новую, акцизную, страницу в питейной истории России. Одним из факторов, ускорившим процесс обновления системы взимания налога с питей, стало трезвенное движение 1858–1859 гг.

Изучение трезвенного движения имеет относительно давнюю историографическую традицию. Первый его анализ был произведен И. Г. Прыжовым в книге

«История кабаков в России в связи с историей русского народа», которая обрела свет в 1868 г. По мнению автора, народ отказался от откупного вина «без всяких уговоров, без всякой стачки, без всякого постороннего вмешательства», возмутившись резким подорожанием «любимого» продукта [1, с. 290]. Революционные демократы (Н. А. Добролюбов [2], А. И. Герцен [3]) связывали массовый отказ от покупки спиртного с ростом народного самосознания. Более поздние работы имперского периода (А. Б. Петрищев [4], В. А. Лебедев [5]), претендовавшие на научное осмысление трезвенного движения, называли его ответной реакцией на откупной произвол. Советские исследователи (Г. Лурье [6], А. Ф. Дергачев [7], В. А. Федоров [8]) рассматривали трезвенное движение как подтверждение сложившейся в России накануне отмены крепостного права «революционной ситуации». Современные авторы (А. И. Маюров [9], А. В. Сергеев [10], Н. Е. Горюшкина [11]) обращали внимание на невероятную стойкость народных масс в противодействии откупщикам и высокую степень самоорганизации при образовании обществ трезвости по всей России.

В то же время обстоятельства, «вынудившие» откупщиков пойти на резкое удорожание алкоголя, а также механизмы включения в трезвенничество, жесткость правительственной реакции на протест остаются до сих пор среди малоисследованных тем. В данной статье сделана попытка восполнить имеющийся пробел и, кроме поднятых выше вопросов, выяснить причины беспрецедентной стойкости народа в отказе пить хлебное вино.

Методология

Источники, использованные для исследования, отличились требуемым разнообразием. В первую очередь были изучены документы Российского государственного исторического архива и Государственного архива Российской Федерации по теме – донесения из разных губерний России, рапорты, секретные протоколы. Наряду с официальными бумагами, сохранившимися в архивных фондах, авторы привлекли к работе статистические материалы, карты, источники личного происхождения, а также научные работы о трезвенном движении имперского, советского и постсоветского периодов.

Методология исследования обусловливалась состоянием изученности темы. Авторы следовали принципам историзма, объективности и системности. Первый – диктовал необходимость анализа трезвенного движения как острого социального конфликта, свойственного откупной эпохе. Второй – требовал подойти к трезвенному движению как к весьма сложному и противоречивому явлению, требующему непредвзятой, справедливой оценки. В соответствии с третьим – трезвенное движение рассматривалось как итог сложной системы взаимоотношений частных и публичных прав.

Наряду с указанными принципами использовались: контекстно-исторический метод, предоставивший возможность вписать трезвенное движение в контекст сложных общественных процессов середины XIX в., историко-генетический метод, раскрывающий суть народных обетов, историко-сравнительный метод, нацеливающий на поиск идентичных общественных конфликтов.

Результаты и их обсуждение

О необходимости отмены откупной системы в России говорили беспрестанно, на самых разных уровнях. Но какой-либо позитивной программы, устраивавшей и правительство, и общество, разработано не было. Немалую популярность в общественных и правительственных кругах снискала себе действовавшая на Западе акцизная система взимания питейного сбора, но ее принципы и условия оставались весьма туманными. Потому 16 июля 1858 г., несмотря на непрерывно циркулирующие слухи о грядущих пере-

менах, Правительствующий сенат организовал откупные торги на следующее четырехлетие (1859–1862 гг.) [12].

Радости откупщиков не было предела, открывалась возможность ещё какое-то время наполнять собственный карман «пьяными деньгами». То ли в благодарность за сохранение питейного режима, то ли для убеждения правительства в выгодах откупной операции «коронные поверенные» подняли ставки до небес. Казне было обещано 127 769 488 руб., что составляло 46% «обыкновенных доходов» и на 29 887 677 руб. превышало сумму, полученную с откупов в предшествующий период [13, с. 91].

Столь благоприятные в финансовом отношении результаты торгов давали Министерству финансов надежду на возможность справиться с тяжелым финансовым кризисом, постигшим страну после неудачной Крымской войны. Но на счет чистоты откупных денег иллюзий ни у кого не было, потому, когда министр финансов А. М. Княжевич с оптимизмом докладывал царю об успешных откупных торгах, Александр II только и произнес: «Грустно мне этому радоваться» [14, с. 426].

Одарив правительство обещаниями, откупщики не могли не позаботиться о собственных выгодах. «Конечно, – писал о тех торгах профессор Санкт-Петербургского университета В. А. Лебедев, – они [откупщики. – *Авт.*] зарвались и, чтобы не остаться в убытке, стали произвольно возвышать цены на вино и делать разные ухищрения для „выборки капитала из народа“» [5, с. 20].

Условия «Положения об акцизно-откупном комиссионерстве» были составлены так, что провоцировали откупщиков-комиссионеров к «изворотам, хитростям и бессовестностям» [15]. Откупщик был обязан приобрести у казны алкоголь по цене в 2,5 руб. за ведро, а продать из собственных магазинов полугарное вино по 3 руб., пенное – по 3 руб. 30 коп., трехпробное – по 4 руб. серебром [16].

Небольшая разница между закупочной и продажной стоимостью вина должна была покрыть расходы откупщиков на содержание приказчиков, поверенных, сидельцев, оплату транспорта с казенного склада, покупку стеклянной посуды и т.д. При таких условиях всякому откупщику грозило банкротство. Не разориться или, что предпочтительнее, остаться с прибытком позволяла продажа так называемых «элитных водок». Цена «элиты», по «Положению», определялась откупщиком самостоятельно, весь полученный с нее доход он клал в свой карман.

Ввиду таких обстоятельств в январе 1858 г. с витрин питейных магазинов начисто исчез трехрублевый перегар. Покупателям сообщалось, что полугарное вино распродано, и предлагалось приобрести «улучшенное вино» по 3,5–5 руб. при покупке крупными мерами, по 6–9 ½ руб. – в розницу. «До какой цены может дойти водка? – спрашивали у откупщика. – Да до цены шампанского, – отвечал он, потирая руки», – описывал происходящее И. Г. Прыжов [1, с. 287–288].

На поверку «элита» представляла собой низкокачественную водку, до пределов разбавленную водой [17].

Народный гнев не имел границ и дошел до Министерства финансов. Глава финансового ведомства не остался безучастным к нарастающему ропоту потребителей и сделал откупщикам внушение о необходимости производить отпуск вина согласно откупным условиям, цене и крепости. Но, надо признать, заметных перемен не последовало, откупщики по-прежнему торговали некачественным и дорогим вином. И тут случилось невиданное – отчасти по собственной инициативе, отчасти под влиянием духовенства народ отказался покупать дурного качества вино по завышенной цене и организовался в общества трезвости.

Отправной точкой трезвенного движения можно считать август 1858 г., ко-

гда «крестьяне Ковенской губернии дали клятвенное обещание в своих церквах (сами от себя) не пить более водки» [18, с. 1].

В сентябре – ноябре вести об образовании обществ трезвости пришли из Саратовской и Тульской губерний, в декабре – из Виленской и Гродненской губерний. В январе 1859 г. отказались от водки крестьяне Калужской, Рязанской, Тульской, Владимирской, Тамбовской губерний. В марте – апреле трезвенное движение охватило Московскую и Орловскую, в мае – Витебскую, Костромскую, Новгородскую, Смоленскую губернии. В июне – августе общества трезвости были созданы в Петербургской, Вятской, Ярославской, Тверской, Нижегородской, Самарской, Саратовской, Казанской, Сибирской, Оренбургской, а также Харьковской, Екатеринославской, Воронежской, Курской губерниях [19].

Народ «сговаривался» не пить вина во время церковных служб, на городских собраниях, на сельских сходах. Обет был словесным или письменным, с крестоцелованием или без него. Одни общества договаривались не пить «до срока» (до осени, до весны, до Рождества, до Пасхи), другие – отказывались пить только откупное вино, а на свадьбы, крестины, поминки покупать «лиссабонское» или пиво. Третьи – бросили посещать кабаки без зароков (так было в Киеве и Нижнем Новгороде). Четвертые – зарекались не пить во время храмовых праздников. Так, в селе Стаканово Щигровского уезда Курской губернии мировой сход крестьян постановил не пить вина в престольные дни [21 мая, 23 июня, 26 августа – дни почитания Владимирской иконы Божией Матери. – *Авт.*], возлияния же заменить молебном и посильным пожертвованием в пользу церкви [2, с. 276–277].

Какие-то общества трезвенников имели названия (например, «Не брать вино»), но большинство обходилось без него [20, л. 64 об.]

В некоторых местностях за нарушение общественного договора назначались денежные взыскания (за первый раз – 3 руб., за второй раз – 5 руб., за третий раз – 10 руб.) и телесные наказания. Известно, что крестьяне села Хотуши Каширского уезда Тульской губернии не ограничили штраф малыми суммами, а пригрозили нарушителям «договора о трезвости» штрафом в 25 руб. за ведро, а безденежным – телесными наказаниями. В селе Лукники Шавельского уезда Ковенской губернии крестьяне наказали одного из ослушников тем, что приклеили ему на спину вывеску «пьяница» и с барабаном провели по селу. Кого-то наказывали розгами [2, с. 274, 278].

«Пьянствующих» и «опохмеляющихся» были призваны удержать от стакана выставленные у питейных домов караулы [21].

Священнослужители в основе своей поддерживали народную решимость: читали проповеди о наказаниях, которые ждут пьяницу после смерти, напоминали о Божьей каре пьяницам во время исповеди, заканчивали службу псалмом «Благодарение за трезвость», сами показывали пример трезвого образа жизни.

Не скрывала своего восхищения ширившимся трезвенным движением демократическая общественность, видя в нем пробуждающееся стремление народа к сознательной и культурной жизни. «Борьба народа с откупом – вот факт, который на этот раз может служить нам доказательством жизненности народных масс в России, – восхищенно писал Н. А. Добролюбов. – Сотни тысяч народа в каких-нибудь пять-шесть месяцев, без всяких предварительных обсуждений и прокламаций, в разных концах обширного царства отказались от водки» [2, с. 283, 315].

Народ чувствовал себя оскорбленным. Рост стоимости алкоголя он воспринял не как обычное откупное плутовство, а как лично принесенную каждому обиду. Расходы на водку были неотъемлемой частью крестьянских бюджетов.

Водка была незаменима – ее потребляли на свадьбах и похоронах, чтобы скрепить сделку, поправить здоровье, согреться. Увеличение цены на спиртное, по меткому замечанию австралийского историка Д. Крисчна, имело для россиянина такие же «серьезные последствия, как если бы были увеличены основные налоги или оброк» [22, с. 134].

Откупщики пребывали в ужасе и предприняли самые разнообразные способы, чтобы свернуть народный протест, – «спускали» цену вина до 3 руб., устраивали бесплатную раздачу шкаликов, организовывали у кабаков концерты и представления, подкупом склоняли на свою сторону сельских начальников, платили за крестьян недоимки по налогам. А еще отправляли жалобы местному и столичному начальству, грозя казне недобором [23, с. 247].

Министр финансов в состоянии, близком к панике, всеми средствами пытался остановить трезвенное движение. 19 января 1859 г. он выпустил секретный циркуляр, требующий не допускать «стеснения продажи откупщиками водки по вольным ценам», чтобы не допустить потерь казенного дохода. 7 февраля 1859 г. А. М. Княжевич добился издания совместного с министром внутренних дел С. С. Ланским и министром государственных имуществ М. Н. Муравьевым постановления. В нем говорилось: «Приговоры городских и сельских обществ о воздержании уничтожить и впредь городских собраний и сельских сходней для сей цели не допускать» [20, л. 11 об. – 12].

Раздельно министерствами государственных имуществ и внутренних дел были изданы циркуляры от 19 марта и от 22 марта 1859 г. соответственно. Оба циркуляра представляли собой образцы казуистики и крючкотворства. Смысл сказанного был «крепко» сокрыт в глубине официальных оборотов и фраз. Если министерство финансов никаких интересов, кроме интересов фиска, не признавало, эти два министерства находили пьянство явлением нежелательным и признавали, что трезвенное движение само по себе заслуживает поощрения, если действия его участников не выходят за установленные законом пределы. В циркуляре Ланского было обращено внимание, что по уставу о благоустройстве в казенных селениях сельские сходы наделены были правом принимать исправительные меры только по отношению к горьким пьяницам, а не ко всем желающим зайти в питейный дом. Составление же приговоров о запрещении вообще пить водку, тем более установление за нарушение подобных запрещений каких-либо наказаний, хотя и по общему решению членов схода, признавалось противозаконным. Циркуляр Муравьева, ссылаясь на запрет помещичьим крестьянам, вообще собирать какие-либо сходы и «постановлять какие бы то ни было приговоры», запрещал подобного рода действия и грозил нарушителям запрета суровыми санкциями [24, с. 49–50].

Многие в России были убеждены, что правительственные распоряжения «куплены откупщиками». Угрозы наказания за трезвость и воздержание изобличали несостоятельность власти, подрывали веру народа в доброго и справедливого царя. Находившийся в это время в Лондоне А. И. Герцен был глубоко возмущен борьбой правительства с трезвостью, а по поводу циркуляров писал следующее: «Тема одна, только варьяции Ланского мольные, а Муравьева дурные. Оба циркуляра говорят о пользе воздержания от сивухи, о праве крестьян не нарезываться, и на этом основании оба мешают им брать свои домашние меры надзора за исполнением обета не пить» [25, с. 126–127].

«О свойстве этих циркуляров можно судить, – писал калужский губернатор В. А. Арцимович, – по впечатлению, которое они произвели при своем появлении. Им радуются откупщики, полицейские взяточники, которым открывается теперь возможность брать с крестьян за

то, что они не пьют, а с откупа за то, чтобы крестьяне пили; да еще корыстолюбивые и невежественные помещики, из коих первым неудобно, а вторым представляется страшно иметь дело с разумным, нравственным и трезвым крестьянином. Напротив, честные люди негодуют сильно и глубоко на безнравственность этих распоряжений, смеются над их мудростью» [24, с. 51].

Министр финансов, между тем, и не думал останавливаться в противодействии трезвости. Он даже вступил в конфликт с церковью, отправив в марте 1859 г. обер-прокурору Святейшего синода А. П. Толстому депешу следующего содержания: «Совершенное запрещение горячего вина посредством сильнодействующих на умы простого народа религиозных угроз и клятвенных обещаний не должно быть допускаемо, как противное не только общему понятию о пользе умеренного употребления вина, но и тем постановлениям, на основании которых правительство отдало питейные сборы в откупное содержание» [26].

Трезвенное движение поставило священнослужителей перед трудным выбором. Как пастыри они были обязаны поддержать народную решимость воздержания от употребления вина, но как сановники от церкви они не могли игнорировать аргументы Министерства финансов. Несмотря на явные колебания, в июле 1859 г. Святейший синод благословил приходское духовенство «на неослабное и деятельное попечение о возбуждении в своих прихожанах любви к воздержанию и искоренении пристрастия к хмельным напиткам» [4, с. 32].

Трезвенное движение тем временем радикализировалось. На фоне непрекращающейся борьбы финансового ведомства с обществами трезвости начались погромы питейных заведений.

В течение 3-х недель начиная с 20 мая 1859 г. в городе Наровчате Пензенской губернии и близлежащих уездах было разбито и разграблено 50 кабаков. В селе Васильевском Вятской губернии крестьяне, собравшись толпой в 1 тыс. человек, разгромили кабаки и избили прибывших на место беспорядков полицейских. В городе Спасске Тамбовской губернии и 15 прилегающих к нему селениях бунтовщики разорили все питейные заведения [24, с. 52].

Массовыми погромами отметились 12 губерний, включая, помимо названных выше, Саратовскую, Самарскую, Симбирскую, Новгородскую, Московскую, Оренбургскую, Казанскую, Владимирскую, Смоленскую губернии. Буйства происходили большей частью при сборищах крестьян на ярмарки и базары. Огромные ватаги из крестьян, городских низов, отставных солдат громили кабаки, разливали вино, избивали служителей откупов, оскорбляли представителей местной власти. В 1858 г. Министерство внутренних дел зафиксировало 13 случаев погрома питейных домов, а в 1859 г. их число выросло до 636 [27, с. 736].

В охваченные погромами губернии правительство выдвинуло военные команды. В Пензенскую губернию для принятия мер к прекращению беспорядков был отправлен генерал-адъютант Н. М. Яфимович, в Тамбовскую – генерал-адъютант Н. М. Толстой, в Самарскую – генерал-лейтенант Н. Ф. Ладыженский.

Большинство образованного общества весьма критично отнеслось к правительственным шагам по усмирению народного сопротивления. «Бедное войско, бедные офицеры, мало было им защищать трон и алтарь, помещичьи розги и чиновничий разбой – пришлось теперь защищать кабак с его штофной и распивочной продажей. Уже не дадут ли им потом ведерные кавалерии через плечо, полуштофные крестики в петлицу, а нижним чинам медали с изображением голубя, сходящего на откупоренный штоф, и с надписью: *"Spiritus sanctus – spirit vini",* – без устали возмущался Герцен [25, с. 145].

Зачинщики погромов были арестованы, наказаны шпицрутенами и сосланы в Сибирь. Народу запретили не пить вино [28, с. 40].

Подавление трезвенного движения вызвало беспредельное народное разочарование. Царь, который по многовековой российской традиции почитался как заступник народа, выставил себя поборником неуважения к народным чаяниям, сторонником распространения в народе порочных наклонностей. Победа над трезвенниками стала торжеством действующей системы, но не торжеством порядка и справедливости.

Выводы

Народный протест, выразившийся в отказе приобретать дорогое и некачественное откупное вино, распространился по всей Европейской России. Он стал зримой демонстрацией конфликта между откупщиками и народом.

Народ счел рост цен на алкоголь, характерный для последних лет действия откупной системы, не рядовой уловкой «коронных поверенных», а личным оскорблением, попыткой влезть в его собственный карман.

Важную роль играло то обстоятельство, что хлебное вино для народа являлось, по существу, единственным «лакомством» и носило почти сакральный смысл. Его потребляли в дни радости и скорби, им лечились, грелись, с ним утверждались сделки, укреплялись союзы, начинались новые дела и подводились итоги. Выражением этой неподдельной любви являлись народные пословицы: «Вино на радость нам дано», «Не пить – значит не жить», «Человека хлеб живит, а вино крепит».

Именно по этим причинам, думается, народ проявил стойкость и единство в противодействии откупному порядку. Протестная активность народа грозила казне недобором. Правительство пошло на беспрецедентные меры по ее свертыванию, вплоть до введения войсковых команд в бунтующие губернии. Но усмирение питейных бунтов негативно отразилось на восприятии народом царя как заступника и ревнителя народных интересов. Не желая более провоцировать народ, верховная власть вплотную занялась поиском достойной замены откупной системе.

Список литературы

1. Прыжов И. Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. СПб.; М.: Тип. М. О. Вольф, 1868. 320 с.

2. Добролюбов Н. А. Народное дело. Распространение обществ трезвости // Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Гослитиздат, 1952. Т. 2. С. 279-315.

3. Герцен А. И. Финансовые меры a la Ванька Каин // Колокол. 1859. 1 ноября. С. 454–455.

4. Петрищев А. Б. Из истории кабаков в России. СПб.: Русская Скоропечатня, 1906. 38 с.

5. Лебедев В. А. Питейное дело. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1898. 106 с.

6. Лурье Г. Питейные бунты 1859 года и П. П. Линьков-Кочкин // Звенья: сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной жизни XIX в. М.-Л.: Academia, 1934. Кн. 3–4. С. 855–876.

7. Дергачев А. Ф. Крестьянское движение в Пензенской губернии накануне реформы 1861 года (1840–1861 гг.). Пенза: Пенз. кн. изд-во, 1958. 140 с.

8. Федоров В. А. Крестьянское трезвенное движение 1858–1860 гг. // Революционная ситуация 1859−1860 гг.: сборник трудов. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 107–125.

9. Маюров А. И. 150-летие начала организованного трезвеннического движения в России // Здоровье и образование в XIX веке. 2008. № 1. С. 96–107.

10. Сергеев А. В. «Трезвенное движение» 1858–1860-х годов как нетипичная форма социального протеста // История государства и права. 2018. № 12. С. 66–70.

11. Горюшкина Н. Е. Почему дали «вольную» питиям? К вопросу о подготовке винной реформы 1861 г. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2011. № 140. С. 20–26.

12. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 722. Оп. 1. Д. 464. Л. 395.

13. Блиох И. С. Финансы России XIX столетия. История − статистика: в 4 т. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1882. Т. 3. 232 с.

14. Судейкин В. Т. Александр Максимович Княжевич // Русская старина. Г. 24. 1892. Т. 76. С. 398–432.

15. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 1750. Л. 4 об.

16. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 574. Оп. 1. Д. 1. Л. 92–92 об.

17. ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Д. 1346. Л. 4 об.

18. Шипов С. О трезвости в России. СПб.: Тип. С. Бекенева, 1859. 44 с.

19. РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 196. Л. 8, 10, 37, 85, 94–94 об., 132, 211, 224, 252–252 об.

20. ГАРФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 83.

21. ГАРФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 85.

22. Крисчн Д. Забытая реформа: отмена винных откупов // Великие реформы в России. 1856–1874: сборник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. С. 126–139.

23. Решетников Ф. М. Глумовы. Где лучше? М.: [Б/и], 1958. 645 с.

24. Корнилов А. А. Крестьянская реформа в Калужской губернии при В. А. Арцимовиче. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1904. 276 с.

25. Герцен А. Н. Статьи из Колокола и другие произведения 1859-1860 годов // Собрание сочинений. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. Т. 14. 700 с.

26. РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 196. Л. 64–64 об., 252–252 об.

27. Крестьянское движение в России в 1857 – мае 1861 гг.: сборник документов. М.: Соцэкгиз, 1963. 882 с.

28. Кадер С. А. Винная регалия и монопольная система. Витебск: Губ. тип.-лит., 1897. 94 с.

References

1. Pryzhov I. G. Istoriya kabakov v Rossii v svyazi s istoriej russkogo naroda [The history of pubs in Russia in connection with the history of the Russian people]. St. Petersburg; Moscow, Tip. M. O. Vol'f, 1868. 320 p.

2. Dobrolyubov N. A. Narodnoe delo. Rasprostranenie obshchestv trezvosti [People's business. The spread of temperance societies]. Sobranie sochinenij [Collected works]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1952, vol. 2, pp. 279–315.

3. Gercen A. I. Finansovye mery a la Van'ka Kain [Financial measures and la Roly Kain]. *Kolokol* = *Kolokol*, 1859, November1, pp. 454–455.

4. Petrishchev A. B. Iz istorii kabakov v Rossii [From the history of pubs in Russia]. St. Petersburg, Russkaya Skoropechatnya, 1906. 38 p.

5. Lebedev V. A. Pitejnoe delo [Drinking business]. St. Petersburg, Tip. Pravitel'stvuyushchego Senata Publ., 1898. 106 p.

6. Lur'e G. Pitejnye bunty 1859 goda i P.P. Lin'kov-Kochkin [The drinking riots of 1859 and P. P. Linkov-Kochkin]. Zven'ya. Sbornik materialov i dokumentov po istorii literatury, iskusstva i obshchestvennoj zhizni XIX v. [Links. Collection of materials and documents on the history of literature, art and public life of the XIX century]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1934, books 3–4, pp. 855–876.

7. Dergachev A. F. Krest'yanskoe dvizhenie v Penzenskoj gubernii nakanune reformy 1861 goda (1840–1861 gg.) [The peasant movement in the Penza province on the eve of the reform of 1861 (1840–1861)]. Penza, Penz. kn. izd-vo, 1958. 140 p.

8. Fedorov V. A. Krest'yanskoe trezvennoe dvizhenie 1858–1860 gg. [The peasant sober movement of 1858-1860]. Revolyucionnaya situaciya 1859−1860 gg. Sbornik trudov [The revolutionary situation of 1859-1860. Collection of works]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1962, pp. 107–125.

9. Mayurov A. I. 150-letie nachala organizovannogo trezvennicheskogo dvizheniya v Rossii [150th anniversary of the beginning of the organized teetotal movement in Russia]. *Zdorov'e i obrazovanie v XIX veke = Health and education in the XIX century*, 2008, no. 1, pp. 96–107.

10. Sergeev A. V. "Trezvennoe dvizhenie" 1858–1860-h godov kak netipichnaya forma social'nogo protesta [The "Sober Movement" of the 1858-1860s as an atypical form of social protest]. *Istoriya gosudarstva i prava = History of the State and law*, 2018, no. 12, pp. 66–70.

11. Goryushkina N. E. Pochemu dali "vol'nuyu" pitiyam? K voprosu o podgotovke vinnoj reformy 1861 g. [Why were they given "free" drinks? On the question of preparing the wine reform of 1861]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena = Izvestiya of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University*, 2011, no. 140, pp. 20–26.

12. GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii) [State Archive of the Russian Federation], f. 722, op. 1, d. 464, l. 395.

13. Blioh I. S. Finansy Rossii XIX stoletiya. Istoriya – statistika [Finance of Russia of the XIX century. History-statistics]. St. Petersburg, Tip. tov-va "Obshchestvennaya pol'za", 1882, vol. 3. 232 p.

14. Sudejkin V. T. Aleksandr Maksimovich Knyazhevich [Alexander Maksimovich Knyazhevich]. *Russkaya starina = Russian antiquity*. G. 24, 1892, vol. 76, pp. 398–432.

15. GARF, f. 109, op. 3, d. 1750, l. 4 ob.

16. RGIA (Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv) [Russian State Historical Archive], f. 574, op. 1, d. 1.

17. GARF, f. 828, op. 1, d. 1346.

18. Shipov S. O trezvosti v Rossii [About sobriety in Russia]. St. Petersburg, Tip. S. Bekeneva Publ., 1859. 44 p.

19. RGIA, f. 571, op. 8, d. 196, l. 8, 10, 37, 85, 94–94 ob., 132, 211, 224, 252–252 ob.

20. GARF, f. 815, op. 1, d. 83.

21. GARF, f. 815, op. 1, d. 85.

22. Krischn D. Zabytaya reforma: otmena vinnyh otkupov [The forgotten reform: the abolition of wine purchases]. Velikie reformy v Rossii. 1856–1874. Sbornik [Great reforms in Russia. 1856-1874. Collection]. Moscow, Moscow Univ. Publ., 1992, pp. 126–139.

23. Reshetnikov F. M. Glumovy. Gde luchshe? [The Glumovs. Where is it better?]. Moscow, 1958. 645 p.

24. Kornilov A. A. Krest'yanskaya reforma v Kaluzhskoj gubernii pri V. A. Arcimoviche [Peasant reform in the Kaluga Province under V. A. Artsimovich]. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasyulevicha, 1904. 276 p.

25. Gercen A. N. Stat'i iz Kolokola i drugie proizvedeniya 1859–1860 godov [Articles from the Bell and other works of 1859–1860]. Sobranie Sochinenij [Collected Works]. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1958, vol. 14, 700 p.

26. RGIA, f. 571, op. 8, d. 196, l. 64–64 ob., 252–252 ob.

27. Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v 1857 – mae 1861 gg. Sbornik dokumentov [The peasant movement in Russia in 1857-May 1861. Collection of documents]. Moscow, Socekgiz Publ., 1963. 882 p.

28. Kader S. A. Vinnaya regaliya i monopol'naya Sistema [Wine regalia and monopoly system]. Vitebsk, Gub. tip.-lit., 1897. 94 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Горюшкина Наталья Евгеньевна, доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: gor046@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-4643-0108

Колупаев Андрей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: kolupaev79@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-9438-3430

Natalia E. Goryushkina, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History and Social and Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: gor046@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-4643-0108

Andrej A. Kolupaev, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Socioal and Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: kolupaev79@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-9438-3430

К сведению авторов

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;
- разрешение на опубликование в открытой печати статьи от учреждения, в котором выполнена работа.
- сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);
- лицензионный договор.

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. **Публикация бесплатная.**

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов), места работы (полностью), почтового адреса места работы, электронного адреса (телефона), название (полужирный), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, список литературы. Авторы, название, аннотация и ключевые слова, список литературы приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200-250 слов), отражающая краткое содержание статьи. Аннотация должна быть рубрицирована (актуальность, цель, задачи, методология, результаты, выводы). Текст статьи должен иметь следующую структуру: введение, методология, результаты и их обсуждение, выводы (рекомендации).

Например:

> УДК 004.9:519.8
>
> **Построение модели прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия**
>
> **А.Л. Иванов**[1] ✉
>
> [1]Юго-Западный государственный университет
> ул. 50 лет Октября 94, Курск 305040, Российская Федерация
>
> ✉ e-mail: ivanov@gmail.com
>
> **Актуальность**. В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность.
> ...
>
> **Ключевые слова:** агентное моделирование; градообразующее предприятие; событие.

В конце статьи приводятся сведения об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество полностью, ученое звание, ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

12. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 20). Пристатейные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

13. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: **https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/**